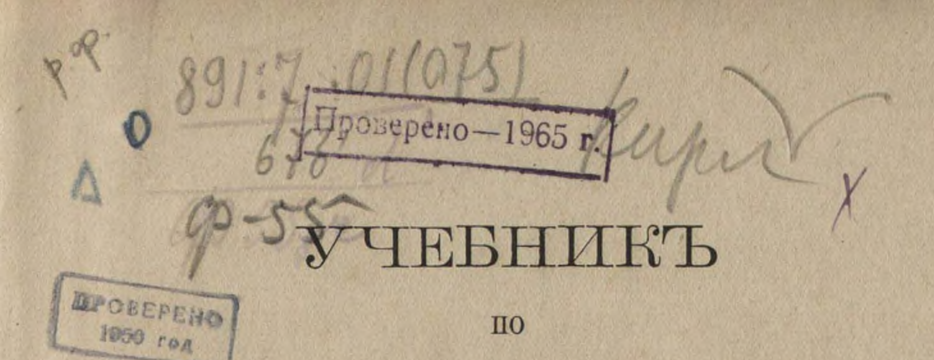

УЧЕБНИКЪ

ПО

СЛОВЕСНОСТИ.

УЧЕБНИКЪ
по
СЛОВЕСНОСТИ.

I. СТИЛИСТИКА. — II. ТЕОРІЯ ПРОЗЫ. — III. ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ.

Андрея Филонова.

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія одобренъ, въ шестомъ изданіи, въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сѵнодѣ—для духовныхъ семинарій и епархіальныхъ женскихъ училищъ.

Изданіе седьмое, исправленное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза". Большая Подъяческая, 39.
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

Стихосложеніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Теорія Прозы.

ГЛАВА I.

О сочиненіяхъ повѣствовательныхъ.

ГЛАВА II.

О сочиненіяхъ Ораторскихъ.

ГЛАВА III.

О сочиненіяхъ Философическихъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Теорія Поэзіи.

ГЛАВА I.

Эпическая Поэзія.

ГЛАВА II.

Лирическая Поэзія.

ГЛАВА III.

Драматическая Поэзія.

Предисловіе къ первому изданію.

По нашему убѣжденію, преподаваніе Словесности должно быть *систематическое*. И теорія Словесности и ея исторія только тогда принесутъ существенную пользу литературному образованію обучающагося юношества, когда онѣ будутъ изложены въ строгомъ научномъ порядкѣ. Чтеніе однихъ образцовъ, какъ показалъ намъ многолѣтній опытъ, не приводитъ къ желаемымъ послѣдствіямъ: въ умахъ нашихъ слушателей остаются замѣтные и непоправимые пробѣлы. Теоретическое изученіе Словесности, изложенное въ системѣ, съ указаніемъ на главныхъ представителей того или другаго вида произведеній словесныхъ и съ историческими необходимыми объясненіями, — изученіе, подкрѣпленное осмысленнымъ чтеніемъ лучшихъ образцовъ (и класснымъ и домашнимъ), составляетъ ту завѣтную цѣль, которую должны имѣть въ виду всѣ преподаватели этого *глубоко-образовательнаго* предмета.

1-го Сентября 1877 г.

Предисловіе къ **седьмому** изданію.

Въ настоящемъ изданіи, *седьмомъ* [1]), сдѣланы нѣкоторыя дополненія и исправленія: теоретическія, литературныя, стилистическія и библіографическія.

Въ разъясненіе *теоретическихъ* положеній предложены дополненія въ §§-ахъ: 3-мъ (въ опредѣленіи поэзіи), 9-мъ (о неологизмахъ и варваризмахъ), 15-мъ (о способахъ сравненія въ народной рѣчи), 60-мъ (объ ораторѣ), 79-мъ (объ эстетикѣ), 85-мъ (о былинахъ), 98-мъ (о поэмѣ), 127-мъ (о трагедіи).

Литературныя дополненія и исправленія читатели увидятъ въ §§-ахъ: 8-мъ (мнѣніе *Пушкина* о *Кирѣевскомъ*, допустившемъ изысканное выраженіе), 15-мъ (отрывокъ изъ *Цицерона* въ новомъ переводѣ, новые примѣры изъ *Жуковскаго* и *Фета*), 16-мъ (о лаконизмахъ), 21-мъ (новый примѣръ изъ Цицерона), 36-мъ (новые примѣры амфибрахія и анапеста изъ *Пушкина*), 39-мъ (выписка изъ разсужденія *Тредіаковскаго* о тоническомъ стихосложеніи), 41-мъ (усовершенствованіе своего слога *Тургеневымъ*), 45-мъ (указаны новые примѣры описаній у нашихъ писателей), 50-мъ (новый примѣръ изъ «Фрегата Паллады»), 54-мъ (мнѣніе *Гердера* объ исторіографіи), 55-мъ (о *Поливіи*), 74-мъ (о важности философскихъ произведеній классической литературы), 77-мъ (о значеніи *В. Гумбольдта*, какъ критика), 80-мъ (мнѣніе *Винкельмана*, *Жуковскаго* и *Буслаева* объ искусствѣ), 83-мъ (мнѣніе *Платона* о сказкахъ), 84-мъ (заключительное замѣчаніе о былинахъ), 96-мъ (Калевала), 104-мъ (значеніе романа *Бичеръ-Стоу*), 111-мъ (первый разъ напечатано стихотвореніе *А. Н. Майкова* «Карамзинъ»), 114-мъ (первый разъ напечатаны стихи *А. Н. Майкова* о сатирѣ), 121-мъ (о сонетахъ *В. Гумбольдта*).

Стилистическія исправленія произведены во многихъ мѣстахъ нашего изложенія,—въ параграфахъ: 47-мъ, 50-мъ, 51-мъ, 56-мъ, 63-мъ, 70-мъ, 88-мъ, 89-мъ, 90-мъ, 99-мъ, 101-мъ и 129-мъ исправленъ слогъ, 46-мъ устраненъ ненужный варваризмъ, 94-мъ исправленъ порядокъ словъ, 97-мъ то же (прежде было напечатано такъ: «покореніе царемъ Іоанномъ IV *Казани*»,—исправлено такъ: «покореніе *Казани* царемъ Іоанномъ IV»), 114-мъ исправленъ порядокъ словъ, въ § 111-мъ исправленъ текстъ въ одѣ *Ломоносова* по новому изданію его сочиненій Академіею Наукъ,—(и вездѣ имѣлось въ виду это изданіе, когда приводились выписки изъ произведеній Ломоносова въ «Учебникѣ» нашемъ),—въ

---

[1]) Первое изданіе «Учебника по Словесности» вышло въ 1877 году, второе—въ 1879 году, третье—въ 1881 году, четвертое—въ 1883 году (печатано съ 3-го изданія), пятое—въ 1887 году (печатано съ 3-го изданія), шестое—въ 1890 году.

§ 115-мъ исправлено изложеніе о сатирикахъ, въ §§-ахъ 9-мъ, 32-мъ, 48-мъ сокращено изложеніе, въ §§-ахъ 76-мъ, 92-мъ, 100-мъ, 113-мъ уясненъ текстъ и пр.

Библіографическія дополненія и исправленія помѣщены въ слѣдующихъ параграфахъ: 1-мъ (о теоріи Словесности), 5-мъ (о стилистикѣ), 10-мъ (о благозвучіи), 12-мъ (объ эпитетѣ), 13-мъ (о тропахъ), 14-мъ (примѣры на виды троповъ), 19-мъ (о періодахъ), 24—30-мъ (примѣры по новому изданію сочиненій Ломоносова), 36-мъ (о метрическомъ стихосложеніи), 46-мъ (о Лѣтописи), 48-мъ (о біографіяхъ), 51-мъ (о путешествіяхъ), 54-мъ (о Моммзенѣ), 57-мъ (объ историкахъ), 62-мъ (о рѣчахъ *С. М. Соловьева* и *Н. В. Муравьева*, о риторикѣ *Аристотеля* въ переводѣ г-жи *Платоновой*), 72-мъ (о новыхъ философическихъ сочиненіяхъ), 77-мъ (объ Аристотелѣ и *Плетневѣ*), 80-мъ (объ искусствѣ), 81-мъ (о стилистикѣ *Бэна*, поэтикѣ *А. Н. Веселовскаго*), 86-мъ (объ *Эзопѣ*), 89-мъ (объ идилліяхъ), 95-мъ (переводчики *Гомера*), 100-мъ (о юморѣ), 104-мъ (о романѣ), 109-мъ (о пѣснѣ,—прибавлено объ изданіи проф. *А. И. Соболевскаго*, о статьѣ профес. *Ѳ. Е. Корша* о пѣсенныхъ удареніяхъ и статьѣ академика *А. Н. Веселовскаго* «психологическій параллелизмъ»), 110-мъ (указаны новые переводы эпиникій *Пиндара*), 112-мъ (объ элегіи), 115-мъ (о сатирахъ), 118-мъ (прибавлено о сборникахъ эпиграммъ), 124-мъ (о происхожденіи драмы), 130-мъ (о комедіи), 131-мъ (о комедіи *Грибоѣдова* «Горе отъ Ума»), 133-мъ (о драмѣ),—мелочныя дополненія библіографич. свойства читатели найдутъ и во многихъ другихъ параграфахъ, напр.: въ 37-мъ, 40-мъ, 49-мъ, 55-мъ, 73-мъ, 91-мъ. Нѣкоторые библіографическіе указатели, поименованные выше, вновь переработаны, напр. въ §§-ахъ: 1-мъ (о теоріи Словесности), 104-мъ (о романѣ), 108-мъ (о пѣснѣ).—Расширяя библіографическіе указатели, мы имѣли въ виду одну цѣль—привлечь юношество къ чтенію серьёзныхъ статей и изслѣдованій по предмету Словесности и такимъ образомъ дать матеріалъ для разработки *темъ*, предлагаемыхъ преподавателями Словесности.

Внѣшній видъ «Учебника» мы старались улучшить и напечатали крупнымъ шрифтомъ разные отрывки изъ произведеній писателей и нѣкоторыя отдѣльныя ихъ сочиненія, напр.: «Тяга» *И. С. Тургенева* (§ 9-й, стр. 19), отрывки изъ былинъ (§ 12-й, стр. 29), оды *Горація* (§ 14-й, стр. 37), «Пророкъ» *А. С. Пушкина* (§ 14-й, стр. 38), «Памятникъ Петру Великому» *В. А. Жуковскаго* (§ 15-й, стр. 44), «Карамзинъ» *А. Н. Майкова* (§ 111-й, стр. 281) и пр.

УЧЕБНИКЪ
ПО
СЛОВЕСНОСТИ.

---

§ 1. *Понятіе о Словесности.*—Слово «Словесность» имѣетъ разныя значенія: во-первыхъ, Словесностію называется собраніе памятниковъ слова, которые выражаютъ духовную жизнь народа и образованность его; во-вторыхъ, Словесность есть наука, объясняющая законы и формы произведеній слова. Въ болѣе обширномъ значеніи подъ Словесностью понимается все, созданное словомъ человѣческимъ, будетъ ли оно устно выражено (напр. сказки, пѣсни, пословицы), будетъ ли оно письменно или печатно высказано,—Литературою (отъ Латинскаго слова «litera» — буква) называется совокупность произведеній слова, *письменныхъ или печатныхъ*.

Библіогр.—Разъясненіемъ понятія о Славесности занимались многіе наши писатели.—Опредѣленіе слова «Литература» по *Анастасевичу* (1815 г., одинъ изъ самыхъ начитанныхъ нашихъ библіографовъ), см. у *М. И. Сухомлинова* «Труды по исторіи Русской литературы». Журн. Мин. Нар. Просв 1871, ч. 156, отдѣл. наукъ.—Умозрительныя и опытныя основанія Словесности. *А. Глаголева.* Спб. 1834, ч. IV, стр. 31—37.—Исторія Поэзіи. Чтенія *С. Шевырева.* М. 1835, т. 1., чтеніе первое.—Чтенія о Словесности. *И. Давыдова.* М. 1837, изд. 2-е, курсъ первый, стр. XIII—XXX.—Опытъ исторіи Русской литературы. *А. Никитенко.* Спб. 1845. Книга первая. Введеніе.—Сочиненія *П. Плетнева.* Спб. 1885, т. I, стр. 427, писано 1838 г.,—т. II, стр. 150, писано 1845 г. по поводу «Опыта» Никитенко.—Сочиненія *В. Бѣлинскаго.* М. 1860, ч. девятая, стр. 370—391 (писано 1845 г. по поводу «Опыта» Никитенко).—Изслѣдованіе о Риторикѣ. *К. Зеленецкаго.* Одесса. 1846.—Курсъ теоріи Словесности. *М. Б. Чистякова.* Спб. 1847. —Понятіе о Словесности. *И. И. Давыдова.* Извѣстія 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1852, т. I., стр. 397—403.—Мысли объ истинномъ значеніи и содержаніи Риторики. *К. Фойгта.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, мартъ.—Замѣчанія на «Мысли объ истинномъ значеніи и содержаніи Риторики» К. Фойгта. Статья *В. Я. Стоюнина.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, іюль. — Исторія Русской Словесности, древней и новой. *А. Д. Галахова.* Спб. 1863, §§ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й (въ изданіи 1880 г. эти параграфы выпущены).—Опытъ историческаго обозрѣнія Русской Словесности. *Ореста*

Ѳ. Миллера. Спб. 1863, ч. I., введеніе. — Всеобщая Исторія литературы. *І. Шерра.* Перев. *А. Пыпина.* Спб. 1863, введеніе.—Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній. *В. Классовскаго.* Спб. 1876, стр. 452—455.— О методѣ и задачахъ исторіи литературы. *А. Н. Веселовскаго.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1870, ч. 152.—Нѣсколько словъ о литературѣ и ея задачахъ. *Н. Карѣева.* Воронежъ 1883.—Развитіе исторіи литературы, какъ науки, ея методы и задачи. *Л. Колмачевскаго.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, май.—Обзоръ Русскихъ учебниковъ по Словесности (рукописныхъ съ XI в., а печатныхъ съ Ломоносова) можно найти въ статьяхъ *А. Филонова*: «Русскіе учебники по теоріи прозаическихъ сочиненій». Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 4-й,—1860, №№ 3-й, 4-й, и 5-й,—1861, №№ 2-й и 3-й.

§ 2. *Теорія и исторія Словесности.*—Словесность можетъ быть изучаема двоякимъ образомъ: *теоретически и исторически.* Изучать Словесность теоретически значитъ разсматривать наиболѣе совершенныя произведенія слова разныхъ временъ и народовъ, съ цѣлію опредѣлить законы и формы того или другаго рода произведеній слова. Беремъ мы напр. лучшія басни Русскихъ писателей: *Хемницера, Дмитріева* и *Крылова,* лучшія басни Греческаго баснописца *Эзопа* (VI в. до Р. Хр.), Латинскаго писателя *Федра* (жилъ при императорѣ Августѣ),—лучшія басни Нѣмецкихъ писателей: *Геллерта* и *Лессинга* (XVIII в.), Французскаго писателя *Лафонтена* (XVII в.),—сравниваемъ ихъ между собою и опредѣляемъ главныя свойства басни, или ея теорію. Теоріею Словесности называется систематическое изложеніе законовъ и формъ произведеній слова.

Исторически изучать Словесность значитъ разсматривать произведенія слова въ *хронологическомъ* порядкѣ, т. е. по времени появленія ихъ въ свѣтъ, съ цѣлью опредѣлить успѣхи образованности народа. Исторія Словесности есть изложеніе постепеннаго развитія словеснаго искусства у извѣстнаго народа въ связи съ его просвѣщеніемъ.

§ 3. *Составныя части теоріи Словесности.*—Изучая какое-нибудь искусство, мы прежде всего должны знать матеріалы, изъ которыхъ состоятъ его произведенія; чтобы изучить (напр.) живопись, надо узнать краски, ихъ свойства, смѣшеніе, законы свѣта и тѣни и законы перспективы; потомъ мы должны изучить различные роды живописи, напр. пейзажной, портретной, исторической и т. д. Такъ и въ теоріи Словесности прежде всего надо обратить вниманіе на матеріалъ произведеній слова, т. е. языкъ, различныя свойства совершенства (или изящества) рѣчи, а потомъ уже разсматривать различные роды и виды словесныхъ произведеній.—Роды и виды словесныхъ произведеній, при всемъ ихъ разнообразіи, имѣютъ главнымъ образомъ двѣ цѣли: изобразить міръ *дѣйствительный* и изобразить міръ *возможный* на основаніи дѣйствительнаго,—поэтому всѣ словесныя произведенія раздѣляются на два обширныхъ разряда: произведенія прозаическія и произведенія поэтическія. Такимъ образомъ теорія Словесности состоитъ изъ *трехъ* частей: теоріи *слога,* теоріи *прозы* и теоріи *поэзіи.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТИЛИСТИКА.

§ 4. Слово „Стилистика“ происходитъ отъ Греческаго имени существительнаго „στύλος“ (Латинское stylus и stilus), трость, палочка для письма. Въ древности стилемъ называлась металлическая палочка, съ одного конца острая, съ другаго тупая. Древніе писали на доскахъ, натертыхъ воскомъ [1]); острымъ концомъ палочки писали, а тупымъ стирали то, что не хорошо написано; поэтому у древнихъ существовало изреченіе: „saepe vertere stylum“ (чаще перевертывай стиль). Такимъ образомъ „Стилистика“, какъ видно изъ происхожденія слова, есть ученіе о слогѣ,— указывающее на главныя свойства хорошей рѣчи.

ГЛАВА I.

Главныя свойства рѣчи.

§ 5. Слово имѣетъ въ себѣ три стороны: слово есть *выраженіе мысли* (сторона внутренняя, логическая); слово есть *звукъ,* или рядъ звуковъ (сторона внѣшняя); слово есть *образъ* предмета (сторона художественная). Со стороны внутренней требуется, чтобы слово было полнѣйшимъ выраженіемъ мысли писателя,—а чтобы слово вполнѣ выражало мысль, для этого нужна рѣчь *правильная,* рѣчь *ясная,* рѣчь *точная,* рѣчь *чистая.*— Со стороны внѣшней, т. е. со стороны звуковъ, изъ которыхъ состоитъ слово, рѣчь должна отличаться легкостью для выговора и быть пріятною для слуха. Эти внѣшнія свойства рѣчи называются ея *благозвучіемъ.*— Наконецъ есть еще одна сторона въ словѣ—*образная,* рисующая намъ предметъ наглядным образомъ: эта сторона называется художественною. (О стилистикѣ. Сочиненія *В. Бѣлинскаго.* М. 1860, ч. восьмая,

[1]) О письмѣ у древнихъ. Пропилеи. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый *П. Леонтьевымъ.* М. 1858, изд. 2-е, книга III, отд. II, стр. 133.

стр. 55.—Мысли *А. Д. Галахова* о стилистикѣ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, ч. CXX, стр. 645 и д.).

Объ указанныхъ свойствахъ рѣчи мы будемъ теперь говорить.

§ 6. *Правильность рѣчи.*—Правильность рѣчи состоитъ въ соблюденіи грамматическихъ правилъ, указанныхъ этимологіею и синтаксисомъ языка. Правильность требуетъ наблюденія законовъ языка въ отношеніи къ отдѣльнымъ словамъ и въ отношеніи къ соединенію ихъ предложеніями и періодами. Ошибки противъ отдѣльныхъ словъ называются ошибками этимологическими; ошибки противъ сочиненія словъ — противъ законовъ синтаксиса называются—„солецизмами“ [1]). Объ ошибкахъ перваго рода мы не станемъ говорить, такъ какъ начинающій заниматься Словесностью не долженъ дѣлать этимологическихъ ошибокъ. Этимологія (ἐτυμολογία; ἔτυμος—истинный, вѣрный, и λόγος—слово, ученіе), по смыслу слова, есть ученіе объ основномъ устройствѣ языка, о коренныхъ его началахъ. Не знать этихъ началъ, или же быть не твердымъ въ нихъ, значитъ на всегда заградить себѣ путь къ изученію Словесности.—Ошибки втораго рода, называемыя солецизмами, встрѣчаются у самыхъ опытныхъ писателей. Поэтому мы приведемъ примѣры подобныхъ ошибокъ: „взявъ въ руки перо, *у меня* ноги подкосились; еслибы вы рѣшились *бы* ѣхать; подъѣзжая къ селу, церковь виднѣлась; *одинъ* или *два* пробныхъ уроковъ; я не могу входить въ подробности *за* и *противъ* этого выбора“. Такого рода ошибки можно встрѣтить у мастеровъ словеснаго искусства; у начинающихъ же писателей онѣ попадаются всего чаще. Дабы избѣжать ихъ, надо писателю твердо помнить, что Грамматика должна быть для него *краеугольнымъ* камнемъ при занятіяхъ Словесностью. *М. В. Ломоносовъ,* творецъ первой Русской Грамматики, говоритъ: „Тупа Ораторія, косноязычна Поезія, неосновательна Философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики“. (Россійская Грамматика. 1755 г. Посвященіе). Высокую важность Грамматики для дальнѣйшаго усовершенствованія своего въ наукахъ единодушно признавали всѣ развитые люди. Императрица *Екатерина II*, одна изъ просвѣтительницъ Россіи и передовыхъ дѣятелей Европы XVIII вѣка, глубоко сожалѣла о томъ, что она, какъ прирожденная нѣмка, не могла хорошо усвоить себѣ Русскую орѳографію. (Записки *Грибовскаго*. Рус. Архивъ 1899, № 1, стр. 16). *Н. В. Гоголя,* самаго популярнаго, послѣ *И. А. Крылова,* писателя, упрекали въ невѣдѣніи Грамматики, и его высокія произведенія по одной этой причинѣ часто подвергались сильнымъ нападеніямъ.

§ 7. *Ясность* составляетъ существенное свойство рѣчи для всѣхъ ро-

---

[1]) Лат. «soloecismus», Греч. «σολοιχίσμός». Названіе заимствовано отъ Аѳинскихъ колоній, которыя были переселены Солономъ въ *Солесъ* (Soloe, Σόλοι), городъ въ Киликіи, въ Малой Азіи. Переселенцы, смѣшавшись съ туземцами, испортили свою родную рѣчь.

довъ сочиненій. Она состоитъ въ томъ, что мы легко и безъ всякаго умственнаго напряженія понимаемъ читаемое, или сказанное. „Первымъ достоинствомъ (рѣчи)", говоритъ Римскій писатель *Квинтиліанъ* (I в. по Р. Х.), пусть будетъ *ясность.* (Nobis prima sit virtus, *perspicuitas.*— Institutiones Oratoriae. LVIII). По мнѣнію Квинтиліана, „рѣчь должна быть понятна даже и невнимательнымъ слушателямъ, и такъ дѣйствовать на умъ слушателя, какъ свѣтъ солнечный дѣйствуетъ на зрѣніе, безъ всякаго напряженія съ нашей стороны; должно стараться не только о томъ, чтобъ всякій могъ понимать, но чтобъ нельзя было не понимать". (Oratio debet negligenter quoque audientibus esse aperta, ut in animum audientis, sicut sol in oculos, etiamsi in eum non intendatur, occurrat; quare non solum ut intelligere possit, sed ne omnino possit non intelligere, curandum. Inst. Orator. LVIII).—Исчислимъ наиболѣе важные случаи, мѣшающіе ясности рѣчи:

1. Когда слова бываютъ такъ разставлены, что не вдругъ можно догадаться, куда ихъ надо отнести въ рѣчи, напр.:

„Путникъ слышитъ только... ревъ *источника,* образованнаго *снѣгомъ, который* стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ". *К. Н. Батюшковъ.* (Описаніе Финляндіи). Здѣсь не ясно, къ чему относится мѣстоименіе „который".

2. Мѣшаютъ ясности рѣчи слова *техническія,* оставленныя безъ объясненія. Въ Русскомъ переводѣ сочиненія Англ. писателя *Байрона* „Донъ-Жуанъ" читаемъ: „Волна ударивъ въ бортъ, разбила *старнъпостъ,* расшатала *ахтеръ-штевенъ.* Пора было подумать о *помпахъ,* такъ какъ въ *трюмъ* было на четыре фута воды... *Гротъ* и *бизань* мачты были срублены. *Фокъ*-мачта и *бушпритъ* были срублены". (Соч. Лорда Байрона, изд. Н. Гербеля, перев. *А. Соколовскаго.* Спб. 1874, т. II, стр. 43—44). Большинство читателей не пойметъ всѣхъ этихъ техническихъ названій.

3. Вредятъ ясности рѣчи неестественныя уподобленія, т. е. когда предметы духовные уподобляются духовнымъ или чувственные предметы уподобляются сверхчувственнымъ. *А. Марлинскій* пишетъ: „чувство есть мысль, переправленная въ горнилѣ сердца".—У *В. А. Жуковскаго:* „Небеса, какъ благодать, слетали".

4. Ясности рѣчи мѣшаетъ сочетаніе словъ, не различающихся окончаніями, напр.: притѣсне*ніе* производитъ отчаян*іе;* стака*нъ* повалилъ графи*нъ;* груз*ъ* потопилъ кораб*ль;* ма*ть* любитъ до*чь.*

У *М. Ю. Лермонтова:*

„Издалека́
Лишь дунове*нье* вѣтерка
Ропта*нье* листьевъ приносило".

У *Немировича-Данченки:* „Громадный *обозъ* бѣгущихъ Мусульманъ конвоировалъ одинъ жалкій *таборъ*". (Годъ Войны. Спб. 1878, т. 2, стр. 185).

Поправлять подобныя ошибки противъ ясности рѣчи легко: слѣдуетъ только измѣнить падежъ, а глаголъ поставить въ другомъ залогѣ, напр.: стаканъ поваленъ графи*номъ*, корабль потопленъ гру*зомъ* и пр.

5. Ясность рѣчи нарушается употребленіемъ длинныхъ періодовъ. *М. В. Ломоносовъ* часто непонятенъ бываетъ для насъ по причинѣ длинныхъ періодовъ, которыми изобилуетъ его изложеніе, напр.: „Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присудствіи всего Царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства, и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію Его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы, и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой салдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый Учитель и Просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда съ начала на малыхъ водахъ Московскихъ, потомъ на большей ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ Величество Своея Особы, между простыми работниками въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался". (Слово похвальное Государю Императору Петру Великому. Сочин. Ломоносова, изд. Академіи Наукъ. Спб. 1898, т. VI-й, стр. 377).

6. Ясности вредитъ излишняя краткость. *Горацій* пишетъ: „краткимъ быть хочу, выражаюсь темно" (brevis esse laboro, obscurus fio. De arte poëtica. Переводъ *М. Дмитріева*. М. 1853, стр. 39.—Въ переводѣ *А. Фета:* „Стараюсь быть краткимъ, дѣлаюсь темнымъ". К. Горацій Флаккъ. М. 1883, стр. 453). *Квинтиліанъ* говоритъ: „иные, любя краткость, отнимаютъ у рѣчи слова, самыя необходимыя". (Instit. Orat. Part. II, lib. VIII). У насъ многіе писатели позволяютъ себѣ выражаться кратко, не думая о томъ, что читатель не ясно разумѣетъ ихъ мысль. Примѣръ приводимъ изъ *Н. М. Карамзина:* „сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга,—*денница* и *луна спасенія,*—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра". (Исторія Госуд. Рос. т. I, гл. VII). *Денницу* спасенія еще понять можно, но „луна спасенія"— непонятный оборотъ рѣчи. Это выраженіе Карамзина можетъ служить примѣромъ излишней краткости въ ущербъ ясности. У преп. *Нестора* читаемъ: „Си (Ольга) бысть предътекущия крестьянстѣй земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше *аки луна* въ нощи". Изъ этого подлиннаго мѣста видно, что Ольга у Нестора не „луна спасенія", а сіяетъ какъ „луна ночью", и соотвѣтствуетъ Вла-

диміру, который называется солнцемъ. (О преподаваніи Отечественнаго языка. *Ѳ. И. Буслаева.* М. 1867. Изд. 2-е, стр. 237—238). У *Г. Р. Державина*: „Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой, рукой метала сѣмена". (Изобр. Фелицы). Смыслъ этихъ темныхъ строкъ такой: чтобы она, имѣя грудь, сіяющую, какъ солнце, и покрытую зеленою тканью, рукой метала сѣмена. (Ред. *Я. К. Грота.* Т. I, стр. 209).— „Искусство зритъ заслугу". (На взятіе Измаила). Противъ этого стиха *В. В. Капнистъ* написалъ: „не понимаю". (Сочиненія Державина, ред. *Грота*, т. I, стр. 251).

Библіогр.—О правильности и ясности рѣчи. *Н. И. Греча.* Чтенія о Русскомъ Языкѣ. Спб. 1840, ч. 2, стр. 344—365 и др.—Основательно изложенъ этотъ предметъ *Я. Амфитеатровымъ*: Чтенія о Церковной Словесности, или Гомилетика. Кіевъ 1846, ч. I, стр. 164—166.— *М. И. Николича.* Неправильности въ выраженіяхъ, допускаемыя въ современной печати. Филологич. Записки, изд. въ Воронежѣ 1877, вып. I и др.

А главное, что требуется для ясности рѣчи,—это *пониманіе* предмета, о которомъ пишемъ, или говоримъ. Понимающій дѣло всегда ясно излагаетъ свои мысли, хотя бы говорилъ о предметахъ, самыхъ отвлеченныхъ.

§ 8. *Точность* рѣчи состоитъ въ пріисканіи такихъ словъ и оборотовъ, которые выражаютъ нашу мысль со всѣхъ ея сторонъ. Выражаться точно значитъ говорить именно *то, что* думаешь о предметѣ,— называть въ немъ *ту* именно сторону, которую слѣдуетъ представить,— *тотъ* оттѣнокъ мысли, съ какимъ она существуетъ въ нашемъ умѣ. Тогда наша рѣчь будетъ точна, когда слова и выраженія, высказанныя нами, не могутъ быть замѣнены никакими другими словами и выраженіями, безъ нарушенія смысла всей рѣчи.

Дабы рѣчь наша была точна, надо соблюдать слѣдующее:

1. Вникать въ значеніе каждаго слова и въ оттѣнки его значенія. Противъ этого закона иногда погрѣшаютъ лучшіе писатели, напр. у *Лермонтова* есть такой оборотъ:

„То былъ пустыни *вѣчный гость*—
Могучій барсъ". („Мцыри").

Здѣсь неточное выраженіе заключается въ словахъ „вѣчный гость", такъ какъ гость не можетъ быть вѣчнымъ: точнѣе надо было выразиться такъ: житель или обитатель вѣчный.

2. Слѣдуетъ избѣгать всякаго слова и выраженія, которое не придаетъ рѣчи ничего новаго. У *Державина* встрѣчаются недосмотры въ этомъ отношеніи:

„На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна:
Въ *серебряной* своей *порфирѣ*". („Видѣніе Мурзы").

„Серебряная порфира“ на золотой лунѣ совершенно излишнія слова.

„Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
Сквозь туманъ и *мракъ ужасный*
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ“. („Потопленіе“).

Здѣсь что-нибудь лишнее: или „мѣсяцъ красный“, или „ужасный мракъ“. Ошибка произошла отъ невнимательности къ предмету.

3. Надо уклоняться отъ изысканныхъ выраженій,—иначе читателю придется угадывать мысль, которую мы скрыли въ туманѣ вычурныхъ словъ. Наши писатели, особенно *А. Марлинскій*, *Н. Языковъ*, и *В. Бенедиктовъ*—часто грѣшили противъ естественности языка. У *Марлинскаго* въ языкѣ являются кувшины, *вздергивающіе* носъ,—ужи, преклоняющіе *колѣни*,—голуби и утки съ *зубами*,—кровожадные *мухоморы*. (Повѣсть „Красное покрывало“ и статья *А. Галахова*. Современникъ. 1850, № VI, стр. 45). У *Бенедиктова*: молнія *скачетъ*, облака *лопаютъ*, земля мчится въ *пляскѣ* круговой въ *парѣ* съ вѣрною луной, горы имѣютъ *лбы*. Въ примѣръ неестественности языка приведемъ отрывокъ изъ его стихотворенія „Тостъ“:

„И взлелѣяны любовью
Ихъ питомцы, ихъ сыны,
Сей страны, что съ горизонта
Вскинувъ глыбою крутой
Отъ полярныхъ льдовъ до Понта
Мостъ Риѳея золотой,
Да кипятъ душой и кровью
Въ честь родимой стороны,—
Какъ слезу любви изъ ока,
Какъ холодный потъ съ чела,
Изъ Тверской земли широко
Волгу въ Каспій пролила“.

А. С. Пушкинъ писалъ: „Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ (писатель и другъ Пушкина), употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда *душегрѣйкою* новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было *просто*: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи?“ („Записки А. С. Пушкина“ въ собр. его сочиненій).

Подобные обороты рѣчи съ давнихъ поръ служили предметомъ осужденія со стороны мыслящихъ людей. *Горацій* говоритъ: „быть высокимъ (хочу я)—впадаю въ надутость... Этотъ, любя чудеса, представляетъ въ лѣсу намъ дельфина, вепря въ волнахъ (delphinum silvis appingit, fluctibus aprum. De arte poëtica. Рус. перев. *М. Дмитріева*, стр. 39). „Ты работалъ амфору, а сработалась кружка! Знай же, художникъ, что нужны во всемъ *простота* и единство“ (тамъ же).— Писателямъ начинающимъ особенно трудно бываетъ вырабатывать простоту рѣчи. Но надо стремиться къ ней.

4. Точности рѣчи весьма много помогаетъ умѣнье пользоваться синонимами. *Синонимами* (Греч. прилагательное: συνώνυμα—συνώνυμος, соименный, отъ σὺν—съ, вмѣстѣ, ὄνομα—имя) называются слова *подобнозначащія*. Свойство этого рода словъ таково, что они, будучи сходны между собою въ общемъ понятіи, отличаются одно отъ другаго какимъ-нибудь оттѣнкомъ. Сюда собственно относятся реченія, имѣющія хотя различныя значенія, однако сходныя между собою и одно къ другому близкія. Они означаютъ одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же свойство или дѣйствіе предмета, но съ разныхъ ихъ сторонъ, въ различныхъ ихъ оттѣнкахъ. Опредѣляя точный смыслъ каждаго синонима, мы достигаемъ точности въ уразумѣніи понятія, напримѣръ: „прекрасный“ и „прелестный“. „Прекрасный“ есть превосходная степень отъ прилагательнаго „красный“ (хорошій), а „прелестный“ происходитъ отъ глагола „прельстить“. „Трудъ“ и „работа“: слово „трудъ“ въ старину, кромѣ нынѣшняго значенія, употреблялось въ смыслѣ болѣзни, страданія, бѣдствія; слово же „работа“ означало не только дѣло, но и рабство.—„Учтивость“ и „вѣжливость“. Учтивость—отъ глагола „чтить“—есть внутреннее стремленіе находить въ другомъ какія-нибудь достоинства, вѣжливость—отъ глагола „вѣдать“—обнаруживаетъ знаніе приличій, принятыхъ въ обществѣ.—„Счастіе“ и „благополучіе“. „Счастіе“—отъ словъ „со“ и „часть“—есть то, къ чему люди большею частію стремятся, въ чемъ хотятъ имѣть „часть“: богатство, почести. „Благополучіе—„благополучать“—тихая, безмятежная жизнь, душевный покой, сердечныя радости. Счастіе иногда приходитъ къ человѣку неожиданно, благополучіе достигается: оно есть слѣдствіе нашей честной и благоразумной жизни. Счастіе скоро приходитъ и скоро исчезаетъ, благополучіе прочно.—„Благоденствіе“ и „благосостояніе“—слова сходныя въ общемъ значеніи, но значительно разнятся въ частности. „Благосостояніе“: обильная жатва, богатая промышленность, общее довольство составляютъ благосостояніе народа. Благосостояніе показываетъ физическія блага народа или страны. „Благоденствіе“—„благой день“—показываетъ духовныя блага народа, цвѣтущее состояніе нравственныхъ, духовныхъ силъ. Благодѣтельные законы, мудрое правленіе, народное просвѣщеніе водворяютъ благоденствіе въ государствѣ.—„Дарованіе“ и „способность“—слова синонимическія. „Дарованіе“—отъ слова „даръ“—показываетъ врожденную силу духа, которая проявляется или въ наукѣ, или въ искусствѣ, или дѣятельной жизни. „Способность“—отъ слова „способъ“—есть умѣнье заниматься дѣломъ, пріобрѣтенное образованіемъ или опытностію. Бываютъ люди даровитые, но ни къ чему неспособные, и наоборотъ есть люди, очень способные, но безъ особеннаго дарованія. Истиннаго совершенства надо ожидать отъ человѣка тогда, когда дарованія въ немъ соединяются со способностями, съ трудомъ и прилежаніемъ.—„Истина“ и „правда“.

Различіе между ними легко понять по словопроизводству. „Истина“— отъ слова „истый“, т. е. „тотъ же самый“—означаетъ совершенное сходство нашей мысли съ предметомъ мыслимымъ [1]). „Правда“ происходитъ отъ слова „правый“, т. е. справедливый и означаетъ справедливость. Это слово выражаетъ понятіе нравственное. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною съ добрыми дѣлами.

Синонимами означаются еще дѣйствія, напримѣръ: „смотрѣть“, „видѣть“, „глядѣть“, „глазѣть“. „Смотрѣть“ значитъ устремлять органъ зрѣнія на предметъ, „видѣть“ значитъ смотрѣть на предметъ со вниманіемъ: иные смотрятъ, но не видятъ. „Глядѣть“ значитъ смотрѣть на что-нибудь продолжительное время: мы молнію видимъ, но не глядимъ на нее. Смотрѣть и не видѣть зовется особымъ словомъ „глазѣть“. Глазѣть значитъ смотрѣть на что-нибудь безъ всякаго вниманія.—„Журить“ и „бранить“. Общая этимъ словамъ идея есть невыгодное мнѣніе о комъ-либо. Но журятъ только въ глаза, притомъ съ добрымъ намѣреніемъ, бранятъ и въ глаза и за глаза; журятъ съ цѣлію вразумленія, бранятъ въ дурномъ расположеніи духа и въ гнѣвѣ.—„Внушать“ и „вразумлять“; внушаютъ и хорошее и дурное, вразумляютъ только въ добромъ.—„Возвратиться“ и „воротиться“; „возвращаются“, когда совершили предпринятый путь и достигли желаемой цѣли; „ворочаются“, не достигши до мѣста, куда собрались было ѣхать, или идти.

Синонимами означаются свойства предмета. „Умный“, „смышленый“, „разсудительный“, „разумный“, „благоразумный“, „мудрый“. „Умный“—отъ „умъ“ (емлю) значитъ одаренный способностію воспринимать впечатлѣнія и познавать. Умный, если пріобрѣтетъ о предметахъ ясныя представленія, называется „смышленымъ“, кто пра́вильно соединяетъ общее съ частнымъ, тотъ называется „разсудительнымъ“, выводитъ вѣрныя заключенія—„разумнымъ“. Названіе умнаго и смышленаго придается нѣкоторымъ животнымъ (собакѣ, обезьянѣ, слону), но раздѣлять и соединять общее и частное можетъ только человѣкъ, существо разсудительное и „разумное“. „Благоразумный“ не только ясно понимаетъ, но всегда имѣетъ извѣстную цѣль для своихъ дѣйствій и выбираетъ лучшія средства для ея достиженія. „Мудрый“ знаетъ высшее назначеніе человѣка. Выгоды общественной жизни могутъ быть знакомы болѣе умному и смышленому, нежели мудрому: но гдѣ требуется безкорыстіе, самопожертвованіе, тамъ являетъ свою силу мудрый.— „Благодарный“ и „признательный“ различаются между собою по самому словопроизводству, какъ чувство и знаніе. „Благодарный“ сочувствуетъ оказанному добру, „признательный“ сознаетъ то, что другіе для него дѣлаютъ; благодарный живо чувствуетъ благодѣянія, но не

---

[1]) О преподаваніи Отеч. языка. *Ѳ. И. Буслаева.* М. 1867. Изд. 2, стр. 324.

всегда можетъ оказать взаимныя услуги; признательный желаетъ внѣшнимъ образомъ выразить посильное возмездіе; благодарность, какъ внутреннее чувство, заставляетъ насъ любить благодѣтеля своего, признательность нерѣдко ограничивается только воспоминаніемъ, признаніемъ оказаннаго благодѣянія. Признательный возвращаетъ, что получилъ; благодарный возвращаетъ полученное съ излишкомъ и всегда думаетъ, что онъ всегда въ долгу передъ своимъ благодѣтелемъ.

Всѣ приведенные примѣры показываютъ, что мы должны обращать особенное вниманіе на значеніе слова и оттѣнки извѣстнаго значенія. Лучшее средство для опредѣленія значенія синонимовъ—обращаться къ разсмотрѣнію *состава* слова; въ сомнительныхъ случаяхъ народное употребленіе и писатели должны служить руководителями при объясненіи смысла синонимовъ.

Библіогр.—О словарѣ Русскихъ синонимъ. Рядъ статей *И. И. Давыдова*. Извѣстія II Отдѣл. Императорской Акад. Наукъ, т. V, стр. 289—305, 337—350,—т. VII, стр. 1—16,—т. VIII, стр. 13—40. Здѣсь указано и на труды другихъ писателей о синонимахъ: *Фонъ-Визина*, *Шишкова*, *Княжевича*, *Саларева*, *Калайдовича*, *Галича* и пр.—О синонимахъ у *Ѳ. И. Буслаева*: Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка. М. 1863. Изд. 2-е, стр. 277.—*Его же*: О преподаваніи Отечественнаго языка. М. 1867, изд. 2-е, стр. 310—313, 321—27, 447 и др. *Его же*: Историческіе Очерки Рус. Народной Словесности. М. 1861, т. I, стр. 164 (о народныхъ синонимахъ).

Омонимы.—Отъ синонимовъ надо отличать *омонимы* (Греч. слово: ὁμώνυμος, соименный, отъ ὁμῶς—равно, подобно, и ὄνομα—имя). Омонимами называются одинаковыя названія для совершенно разныхъ предметовъ, напр.: *глава* на церкви, *глава* въ книгѣ, *глава* въ семействѣ, *глава* въ государствѣ. Здѣсь одно и то же слово служитъ названіемъ для различныхъ предметовъ. Таковы еще слѣд. слова: *коса* (часть волосъ, орудіе для кошенія, песчаная отмель), *носъ* (часть лица, клювъ, передняя часть судна, берегъ, вдавшійся въ воду, рыльце посудины, кончикъ сапога; въ переносномъ значеніи—что-нибудь непріятное).

Примѣчаніе.—Уже древніе классическіе писатели обращали вниманіе на слова подобнозначащія. *Цицеронъ* пишетъ: «Хотя и кажется, что слова почти одну и ту же силу имѣютъ, но какъ вещи различны, то и названія вещей различествуютъ». (Quamquam enim vocabula prope idem valere videbantur, tamen quia res differebant, nomina rerum distare voluerunt. Topic. VIII—34). *Квинтиліанъ* говоритъ: «мы употребляемъ для одного и того же предмета различныя названія, но, по глубокомъ изслѣдованіи, убѣждаемся, что каждое имѣетъ особенное значеніе». (Inst. Orat. VI, II).—Изъ Европейскихъ ученыхъ разборомъ синонимовъ занимались: *Жирардъ*, *Дидеротъ*, *Даламбертъ*, *Гельвецій*, *Джонсонъ*, *Гизо* и другіе.

§ 9. *Чистота* рѣчи состоитъ въ употребленіи словъ и выраженій, получившихъ права гражданства въ живомъ языкѣ и въ языкѣ писателей, признанныхъ образцовыми. Чистота рѣчи нарушается *не-*

умѣстнымъ употребленіемъ въ ней архаизмовъ, неологизмовъ, варваризмовъ, провинціализмовъ и народныхъ словъ.

1. *Архаизмъ,*—слово Греческое, происходитъ отъ „ἀρχαϊσμός“— устарѣлый оборотъ рѣчи (ἀρχή—начало). Архаизмами называются древнія слова и формы, вышедшія изъ употребленія въ современномъ живомъ языкѣ. У многихъ нашихъ писателей встрѣчаются архаизмы. У *Ломоносова:* избавивъ отъ „насильныхъ“ рукъ, сердца „жалѣньемъ“ закипѣли, „вліянный“ (отъ вліять), „чудъ“ (вм. чудесъ), „борющись“ (вм. борясь), орлы на „тое“ (на то) не взираютъ, „жаль“ (вм. жалость), изъ „лывъ“ (лѣсъ) густыхъ выходитъ волкъ („На взятіе Хотина“). У *Державина:* чувствы, стихіевъ споры, коричными власами, сидящу, объемлющу, дающу, предсѣдала, облокоченну, надзрѣнія твоихъ очесъ, войски, самодержавство („Изображеніе Фелицы“),—препятства, спокойство, смиренство, запоны („На Коварство“),—низвержась, стерть, прей (род. п. отъ „пря“), пхнулъ, мужа нѣка тѣнь сѣдая („На взятіе Измаила“).—У *Карамзина:* неудобность, несомнительно, выспреніе успѣхи разума, изящность. („Исторія Государства Россійскаго“. Спб. 1818, изд. 2-е, т. 1, стр. 247 и т. V, стр. 409—412).

Употребленіе подобныхъ словъ и формъ въ рѣчи вредитъ ея чистотѣ; но умѣстное употребленіе словъ и оборотовъ Церковно-Славянскихъ и Древне-Русскихъ составляетъ красоту рѣчи. Такъ въ „Исторіи“ *Н. М. Карамзина* встрѣчаемъ множество старинныхъ словъ: творили надъ умершимъ „тризну“, хозяинъ объявитъ подъ „крестомъ“, Мстиславъ „черменъ“ лицемъ и „дебелъ“ тѣломъ, „ротникъ“ (отъ „рота“—клятва, присяга), „изводъ“ (очная ставка), „добылъ Кіева и Переяславля головою“, ты ударилъ „пятою“ Новгородъ, „увѣтливъ“ съ боярами, день скорби и „туги“, „златоперсистый“ голубь, „сладкоглаголивая ластовица“, получилъ „разметныя“ (въ знакъ объявленія войны) грамоты, говорю съ нимъ предъ тобою съ „очи на очи“ и пр. Въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ *С. М. Соловьева* находимъ тоже много старинныхъ словъ и выраженій: на рати былъ храбръ, огородилъ острожками южную границу Россіи, князья отправляются на полюдье (объѣздъ княземъ земель), нѣкоторыхъ примучивалъ, пойдемъ съ нами въ дань, потянемъ по своемъ князѣ, съ вечера исполчилъ дружину, войска ступались (сходились) и сѣкли мечами, закупень (наемный человѣкъ) становился ему обельнымъ (полнымъ) холопомъ (Исторія Россіи, изд. 3-е, стр. 232—257).—У *А. С. Пушкина*, въ „Борисѣ Годуновѣ“: Да правлю я во славѣ свой народъ,—Царю едину зримый, явился мужъ,—зане святый владыка предъ Царемъ во храминѣ тогда не находился.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что древнія слова и Церковно-Слав. выраженія не нарушаютъ чистоты рѣчи, если употреблены кстати, у мѣста, т. е. или для сохраненія памяти о духѣ вѣка, изобра-

жаемаго писателемъ, или для ознакомленія съ рѣчію древняго общества.

Библіогр.—О преподаваніи Отечественнаго языка Ѳ. И. *Буслаева*. М. 1867, изд. 2-е, стр. 308, 362 и т. д.

2. *Неологизмами* (Греч. слова: νέος—новый и λόγος—слово) называются слова, составленныя вновь. Всякій живой народъ, развиваясь и совершенствуясь въ духовномъ отношеніи (просвѣщеніи своемъ), пріобрѣтаетъ новыя познанія и понятія, а въ языкѣ своемъ не имѣетъ словъ для выраженія ихъ; слѣдовательно потребность въ новыхъ словахъ—потребность необходимая. Всегда будетъ нужда въ изобрѣтеніи новыхъ словъ отъ корней роднаго языка, или въ заимствованіи ихъ (словъ) у другихъ народовъ. Весьма хорошо дѣлаютъ писатели, когда для новыхъ понятій, явившихся въ народѣ, придумываютъ слова изъ корней отечественнаго языка. Дѣйствительно, многіе писатели образовали новыя слова весьма удачно. Такъ кн. *А. Д. Кантемиръ* ввелъ слово „начало" въ смыслѣ элемента,—„средоточіе" вм. центръ, слово „идея" онъ замѣнилъ словомъ „понятіе"; *Ломоносовъ* ввелъ новое слово сѣверное „сіяніе", составляющее переводъ Нѣмецкаго Nordschein. (Сочин. Ломоносова. Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1898, т. IX, стр. 334). *Державинъ* пробовалъ составлять новыя слова, напр.: горорытство (отъ „гора" и „рыть"), т. е. рудокопство, „тихогромъ" (т. е. фортепьяно).—*Карамзинъ* придумалъ не мало неологизмовъ, напр.: намосты (тротуары), усовершенствовать, общеполезный, человѣчный, развитіе, трогательно, промышленность, переворотъ [1]).—*Н. И. Гречъ* изобрѣлъ удачное слово: „пароходъ"; *Пушкинъ* придумалъ хорошее слово „временщикъ", „разочарованіе". (Сочин. *В. Бѣлинскаго*. 1860, ч. IV, стран. 309). *М. А. Максимовичъ* придумалъ слова: „особь" вм. индивидуумъ, недѣлимое, „распуколка", „подвѣнечникъ". Въ замѣчательномъ сочиненіи *А. Печерскаго* „Въ Лѣсахъ" встрѣчается удачное слово „соковая пора", т. е. когда деревья бываютъ въ соку (весною и лѣтомъ). Недавно вошли въ литературу два новыя слова: отчизновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе.—Открытіе желѣзныхъ дорогъ на Руси внесло въ народъ новое слово „чугунка", открытіе движенія по желѣзно-*коннымъ* дорогамъ—слово „конка". Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости породило слово „воля", съ особеннымъ значеніемъ; новые суды были причиною появленія въ народѣ слова „мировой" съ новымъ значеніемъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что неологизмы, удачно составленные, служатъ дальнѣйшему развитію языка.

Но есть неологизмы, составленные неудачно, напр.: „братица"

---

[1]) См. ниже, § 49.

вмѣсто „тостъ" [1]), „яйность" вм. „субъективность", „наянливость" вм. назойливость (когда надоѣдаютъ просьбами), „встрѣчникъ" вм. оппонентъ (въ спорѣ), „отлынь" (уклоненіе отъ дѣла изъ-за лѣности) вм. „лѣность", „зовный" падежъ (вм. „звательный"), „винильникъ" (вм. „винительный". *Романъ Брандтъ* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, іюль, стр. 181),—а также и слѣд. неологизмы: „тварный" міръ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, декабрь, стр. 455), „можновладство" (магнатская аристократія. Журн. Мин. Нар. Просв. 1895, іюнь, стр. 20), „*нѣкогдашній*" (*А. А. Кочубинскій* въ статьѣ о Супрасльской рукописи, XI-го в.,—Извѣстія Отдѣл. Русскаго языка и Словесности Академіи Наукъ 1897, т. II-го кн. IV, стр. 1144).

Библіогр.—О неологизмахъ. Сочиненія *Г. Державина*, ред. Я. Грота, 2-е акад. изд., безъ рисунковъ, т. 1, стр. 226, т. 2-й, стр. 414.—Собраніе Соч. и Переводовъ. *А. Шишкова*. Спб. 1818, ч. II, стр. 26, 27, 150.—Карамзинъ въ исторіи Русск. литературнаго языка. *Я. Грота*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, апрѣль.—Труды Кіевской Дух. Академіи 1873, февраль, статья преосв. Порфирія: «Исторія Аѳона».—Рус. Архивъ 1874, № 12, стр. 1060.

3. *Варваризмами* (Греч. слово βάρβαρος—чужой, иноземный) называются слова иностранныя, встрѣчающіяся въ родномъ языкѣ. Слова иноземныя должны быть вносимы въ рѣчь писателя, если въ отечественномъ языкѣ нѣтъ слова, вполнѣ выражающаго извѣстное понятіе, существующее въ жизни. Къ сожалѣнію, современные писатели не слѣдуютъ указанному нами правилу. Въ языкѣ ихъ находится множество варваризмовъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ, напр.: скандализировать, регламентація, солидарность, дебаты, инціатива, поиронизировать, антинаціональность, спекулятивный взглядъ, генерація, группировать, профанація, регрессивное движеніе, норма, принципъ, интимный, солидный, шансъ, эра цивилизованнаго эгоизма, арена, проскрипція, спекеръ, фразеръ, конгрегація, реагировало, акцентуація, банальность воспоминанія, бифуркація. (Большая часть этихъ словъ извлечена изъ одной статьи Отеч. Зап. 1869, № XI, стр. 137 и д.). Въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ" 1859 г. (т. VIII, стр. 77 и д.) помѣщено письмо, гдѣ указано множество иноземныхъ словъ, искажающихъ современную рѣчь нашихъ періодическихъ изданій; напр.: аффектація, раса, фрагменты, регуляризующій, эмансипація, рубрика, нимбъ, эрудиція, тенденція, пассивный, террoръ, политическая комбинація и пр. Языкъ ученыхъ сочиненій въ особенности труденъ для пониманія. Въ книгѣ проф. *Потебни* „Изъ Записокъ по Русской Грамматикѣ" (Воронежъ. 1874 г.) читаемъ слѣдующія слова: фиктивность субстанціи, суб-

[1]) *Карамзинъ* предлагалъ говорить «пить «*здоровья*» вм. «тосты». Письма Рус. Путешественника. Сочин. Н. М. Карамзина. Изд. А. Смирдина. 1848, т. 2, стр. 685. А еще раньше Карамзина *Кантемиръ* писалъ: приходятъ изъ его рукъ съ *здоровьями* кубки (сат. III, ст. 241. Изд. И. Глазунова. Спб. 1873).

стантивность подлежащаго, неопредѣленность субстанціи есть свойство прилагательнаго, первообразное безсуффиксное причастіе, аккузативность нарѣчія, субстантировать прилагательное и пр.

Многія изъ этихъ словъ могутъ быть замѣнены коренными Русскими, напр.: вмѣсто „дебаты" можно говорить „споры", вмѣсто „инидіатива"—вчинаніе, починъ, вм. „регрессивное" движеніе—обратное, попятное движеніе, вм. „фрагменты"—отрывки, „эмансипація"—освобожденіе, „норма"—образецъ, „эрудиція"—ученость, „пассивный"—страдательный, вм. „аборигены"—первобытные жители, „абрисъ"—очеркъ, очертаніе, „идіотъ"—слабоумный, „симпатизирую"—сочувствую, „ансамбль"—стройное цѣлое, „реставрація"—возобновленіе, „экспрессія"—выразительность, „концепція"—творческая мысль, вм. „рискованный"—сомнительный, вм. „руины"—развалины.

Примѣчаніе.—Если въ сочиненіи встрѣчаются обороты Французскіе, то они называются *галлицизмами* (Галлы—Французы), напр.: принеси книгу, *чтобы* читать; я *получилъ урожай* вм. у меня былъ урожай, *ложный* шагъ, вм. неловкость, промахъ, ошибка; эта должность есть *родъ власти* вм. своего рода власть. Нѣмецкіе обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ сочиненіи писателя, называются *германизмами*, напр.. онъ хорошо *выглядитъ*, мнѣ кажется *какъ* будто (als ob) вм. кажется будто,—радоваться *на* семейную жизнь, я *держу* это за правило, онъ былъ *весь огонь*, весь терпѣніе, весь ухо и пр.

Н. М. Карамзинъ, самъ введшій много иноземныхъ словъ, даетъ прекрасный примѣръ уваженія къ народному языку, стараясь въ своемъ великомъ произведеніи („Исторіи Государства Россійскаго") объяснять, при каждомъ удобномъ случаѣ, иностранное слово своимъ, напр.: полиція или *исправа*, феодальный или *помѣстный*. (Ист. Госуд. Россійск., изд. 2-е, т. V, гл. IV, стр. 367—368). Карамзинъ, желая быть болѣе понятнымъ читателю, часто объясняетъ даже древнія Русскія слова; напр.: не заплатилъ ли я ему *выхода*, или царской пошлины,—собравшись на *Вѣче*, или совѣтъ,—угощалъ въ *Гридницѣ*, или прихожей дворца,—людей именитыхъ, или *нарочитыхъ*,—выдаетъ его на *потокъ*, или въ руки Государю,—съ вора *клѣтнаго*, или домашняго. (Исторія Госуд. Рос., изд. 2-е, т. 1, стр. 225, 227,—т. 2, стр. 48, 49, 52).

Извѣстный знатокъ Русскаго народнаго языка, *В. И. Даль*, во всю свою литературную дѣятельность отстаивалъ народность Русской рѣчи. Въ статьѣ „Полтора слова о Русскомъ языкѣ" онъ пишетъ: „Гдѣ намъ учиться по-Русски? Источникъ одинъ—языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя Славянскія нарѣчія. Русскія выраженія и Русскій складъ языка остались только въ народѣ; въ образованномъ обществѣ и на письмѣ языкъ нашъ измололся уже до безцвѣтной рѣчи". (Москвитянинъ, изд. *М. П. Погодина*. 1842 г., № 2). Въ замѣчательномъ своемъ трудѣ „Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка" 1863—1865 гг. онъ убѣди-

тельно доказалъ, какъ богатъ, силенъ и выразителенъ Русскій живой языкъ.

Примѣч.—Петръ Великій въ своихъ указахъ иногда объяснялъ иноземныя слова Русскими: такъ въ «ратификаціи» вѣчнаго мира, учиненной 9 сентября 1721 г. въ Нейштатѣ, всѣ иностранныя слова разъяснены: *ленъ*—уѣздъ, *сепаратный артикулъ*—особливая статья, *трактовать*—договариваться, *вассалы*—знатные подданные, *амнистія*—забвеніе, *ратификація*—подтвержденіе договора, которое чинится за подписаніемъ самихъ Государей, *остъ*—востокъ, *зюйдъ*—югъ, *трактатъ*—договоръ и пр. (Указы Государя Императора Петра Великаго, состоявшіеся по 28 число Генваря 1725 году. Спб. 1780, стр. 351—367). Академія Наукъ постоянно заботилась о чистотѣ Русскаго языка. Въ одномъ изъ собраній Академіи, княгиня *Дашкова* (XVIII в.) объявила, что «Государынѣ, покровительницѣ Россійской Академіи (Императрицѣ Екатеринѣ II) благоугодно, чтобы въ сочиняемомъ Академіею Словарѣ избѣгать всевозможнымъ образомъ словъ чужеземныхъ, а *наипаче реченій*, замѣняя оныя словами или древними, или вновь составленными». (Исторія Россійской Академіи, *М. И. Сухомлинова*. Спб. 1888, вып. восьмой, стр. 129—въ «Сборникѣ» Отдѣленія Русскаго языка и Словесности. Спб. 1888, т. сорокъ третій). Рос. Академія въ засѣданіяхъ 17 сентября 1804 г. и 23 марта 1805 г. положила замѣнить иностранныя слова Русскими: *авторитетъ*—превосходство, преимущество, *авторъ*—сочинитель, творецъ, *адресоваться* — относиться, *администрація* — управленіе, *азартъ*—запальчивость, задоръ, *акордъ*—1) договоръ, 2) въ музыкѣ созвучность, *акциденція*—доходъ, прибытокъ, *аккредитованный*—довѣренный, *акцизна*—мытня или мытница, *аліансъ*—союзъ. (Сѣверный Вѣстникъ, 1804, № 7, IV, стр. 99 и 1805, май, стр. 228). *Н. И. Новиковъ* (XVIII в.) и другіе писатели того времени замѣняли иноземныя слова Русскими, напр.: Россійскія *письмена* вм. «литература», мѣсяцесловъ вм. «календарь», рукописанія вм. «манускрипты», человѣконенавидецъ вм. «мизантропъ», книгохранительница вм. «библіотека». Ученыя С.-Петербургскія Вѣдомости 1777 г., стр. 22, 53, 81, 94, 122). За чистоту Рус. рѣчи ратовалъ въ свое время *А. С. Шишковъ* (см. его «Разсужденіе 1803 г. о старомъ и новомъ слогѣ» въ собраніи сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Спб. 1824, ч. *II*); его дѣло продолжали многіе ревнители роднаго нашего языка, напр.: *М. П. Погодинъ* (профессоръ Моск. Унив. и историкъ), *Покровскій*, одинъ изъ скромныхъ писателей—критиковъ 50-хъ годовъ. Въ засѣданіи «Общества Любителей Рос. Словесности», 7-го и 29 октября 1860 года Погодинъ изложилъ свои мысли о необходимости слѣдить за искаженіями языка во всякаго рода оффиціальныхъ актахъ, публичныхъ сообщеніяхъ, принимать мѣры къ искорененію подобныхъ погрѣшностей (Журн. Мин. Нар. Пр. 1860, февраль, новости и смѣсь, стр. 90—92). Покровскій неоднократно составлялъ памятные листки варваризмовъ и предлагалъ опыты замѣны иностранныхъ словъ Русскими, напр.: *оріентироваться*—опознаться, *arrière pensée*—преднамѣренная цѣль (потаенная), *кулинарное* искусство—поваренное, *экзальтированный*—восторженный, *фантазеръ*—мечтатель, *аплодировать*—рукоплескать (Москвитянинъ 1854, т. 1, смѣсь, стр. 37 и д.). Въ 1876 г. эту борьбу за нашъ отечественный языкъ вновь поднялъ *И. Мейеръ* въ статьѣ «Замѣтки о чужихъ словахъ въ Рус. языкѣ» (Филогич. Записки, издающ. въ Воронежѣ, 1876, вып. V). Она и понынѣ ведется. (См. «Русскій Начальный Учитель за 1895, № 6—7, стр. 352,—Сборникъ Отдѣленія Рус. языка и Словесности Академіи Наукъ 1890, т. 51, стр. 1 и д., Ж. М. Н. Просв. 1899, № 1, статья *Ѳ. А. Витберга* о ревнителяхъ русскаго языка). Въ недавнее время само Правительство показало писателямъ примѣръ заботливости о чистотѣ Русской рѣчи: оно замѣ-

нило иноземное слово «ипотечный» Русскимъ—*вотчинный*,—«и примѣнить этотъ терминъ (говорилось въ оффиціальномъ предложеніи) къ самому уставу («ипотечному»), къ книгамъ, которыя должны быть заводимы на недвижимыя имѣнія (*вотчинныя* книги), къ записямъ, подлежащимъ внесенію въ эти книги (*вотчинныя* записи), къ вещнымъ правамъ (*вотчинныя* права), къ установленіямъ, на которыя будетъ возложено заведеніе означенныхъ книгъ (*вотчинныя* установленія) и пр. (Правительственный Вѣстникъ 1887, № 100).—Не смотря на то, современная печать продолжаетъ наводнять Русскую рѣчь иноземными словами, часто безъ всякой въ томъ нужды, напр.: «Въ залахъ штаба было необыкновенно красивое и *импозантное* зрѣлище». (*А. Молчановъ*. Новое Время 1888, № 4317)». «Всѣ эти разсказы хороши тѣмъ, что въ нихъ много трезвой правды, при полномъ отсутствіи съ одной стороны, излишней *сентиментальности*, съ другой—*утрировки* и *шаржа*, съ третьей—*банальности*». (*А. Скабичевскій*. Новости 1889, № 5, «Литерат. Хроника»). «Человѣкъ *прогрессируетъ*. *П. Гнѣдичъ*. (Русскій Вѣстн. 1894, декаб., стр. 206),—не могу согласиться съ «*детерминированіемъ*» роскошная. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, май, стр. 284),—«*октроируетъ*». *А. Веселовскій*. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ, стр. 29),—«*трафаретное* словоразмѣщеніе». (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, май, стр. 29),—«представленія загробнаго существованія лишь *потенцируютъ* интересы создавшей ихъ среды». *А. Веселовскій*. (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1890, т. сорокъ шестой, стр. 298, въ статьѣ: «Разысканія въ области Русскаго Духовнаго стиха»),—«сегодня, 3-го марта (1893 г.), началъ *функціонировать* [1]) новый Отдѣлъ департамента Мин. Нар. Просв. по завѣдыванію техническими и промышленными школами». (Новости 1893, № 62),—«какая *прюдансъ!* замѣтилъ онъ». (Романъ *П. П. Гнѣдича*: «Китайскія Тѣни». Ч. II, гл. XXVII, стр. 134),—«ты мигомъ отрѣшишься отъ всѣхъ этихъ *сверхъабониментностей* отживающей *морали*». (Повѣсть *г. Ясинскаго*: «Звѣзды»),—«нѣтъ въ умѣ дѣтей никакихъ *апперцепирующихъ* началъ». *І. Мандельштамъ* (въ статьѣ: «Недочеты въ преподаваніи Русскаго языка». Рус. Школа (журналъ) 1890, № XI, стр. 95) и пр.

4. Словами *провинціальными* (Лат. слово *provincia*—область), или областными, именуются такія, которыя существуютъ въ одной извѣстной мѣстности (области), а для другихъ непонятны, напр.: въ Нарымскомъ краѣ (сѣверной части Томской губерніи, называвшемся прежде Тогурскимъ), существуютъ у мѣстныхъ рыболововъ слѣд. названія ловушекъ на рыбу: „рѣжевки", „самоловы", „переметы", „ямы", „затоны" „чердаки", „атарины". Всѣ эти названія рыбныхъ ловушекъ въ тамошнемъ краю понятны семилѣтнему ребенку, а намъ непонятны.—Областныя слова позволительно вносить въ нашу рѣчь по многимъ причинамъ: 1) областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя слова, напр.: *безалаберный* объясняется мѣстнымъ словомъ „алаберъ" (Тверск. губ.)—порядокъ; *оскомина* объясняется областнымъ словомъ „скомить"—имѣть боль въ какой-либо части тѣла; *рычагъ* по областному произношенію „ручагъ" отъ слова „рука"; сгорѣть до *тла*, т. е. до поверхности земли, до основанія: „тло" въ областномъ языкѣ значитъ „дно".—2) Посредствомъ областныхъ словъ объясняются имена собственныя,

[1]) Почему бы не сказать: «дѣйствовать?» *Изд.*

напр. *Ильмень*, т. е. озеро, поросшее камышемъ (Донск. обл.); *Соловки*, т. е. бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра; *Дунай* имѣетъ нарицательное значеніе всякой рѣки: за рѣками, за *Дунаями*.—3) Областными словами поясняются старинные памятники языка, напр.: *навье* (Орлов. г.)—мертвецъ, *туга*—тоска, *буесть*—отвага; прозваніе перваго Московскаго князя *Калита* употребляется до сихъ поръ какъ нарицательное имя въ разныхъ губерніяхъ; древнѣйшее названіе погребальнаго обряда—*страва*—доселѣ живетъ въ областномъ языкѣ, въ формѣ—„строва"—кушанье (Курск. г.),—*обельной* (Томск.)—круглый,—*взводень* (Симбирск. и Архангел.)—теченіе отъ прибылой воды,—*баня* (Бѣлор.)—верхъ: у преп. *Нестора* «банное» строеніе.—4) Областныя слова представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа. Подобныя слова должны быть съ осторожностью употребляемы, такъ какъ они вполнѣ понятны только въ извѣстной мѣстности. Писатель, внесшій ихъ въ свою рѣчь, обязанъ объяснить ихъ, сдѣлать общепонятными, какъ и поступили замѣчательные наши сочинители: *П. И. Мельниковъ (Печерскій), С. В. Максимовъ, И. А. Гончаровъ, И. С. Тургеневъ* и другіе. Печерскій въ сочиненіи своемъ „Въ Лѣсахъ" употребилъ много мѣстныхъ словъ, напр.: *обножъ*—добыча, которую пчела собираетъ за одинъ вылетъ, *гребтѣло*—безпокойно ему было, *кучился*—усердно просилъ, *талька* — мотокъ нитокъ въ 4800 аршинъ пряжи, *новина*—кусокъ холста въ 30 аршинъ, *изорочили*—испортили колдовствомъ, *помста*—мщеніе, *урокъ*—порча (ч. III, стр. 137, 140, 143, 160, 244);—всѣ эти слова объяснены писателемъ, а нѣкоторыя весьма поэтически раскрыты, напр. *чаруса* [1]). *С. В. Максимовъ* въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи „Годъ на Сѣверѣ" представилъ множество областныхъ словъ, употребляемыхъ на сѣверѣ Россіи, напр.: салма, шняки, голомянь, палтусина, взводень, сувой, ингодь, корга, нерпа, выволочный, чабаръ, вода распалась, сорока на головѣ (нарядъ), баженикъ-дурачекъ, липты, пимы, тȏборы, тȏпаки, мȃлица, совикъ, важенки (Христом. *А. Филонова*. Спб. 1896. Ч. IV, изд. 4-е, стр. 298—318). Всѣ эти слова писателемъ объяснены, или легко понимаются, по смыслу рѣчи. У *Гончарова* въ сочиненіи „Фрегатъ Паллада" введены провинціальныя слова, но всѣ съ объясненіемъ, напр. „даха", т. е. козья шкура рѣшительно защищаетъ отъ всякаго мороза,—бѣжать вязко или, по здѣшнему, „убродно", шарфъ „закуржевѣетъ" т. е. примерзнетъ къ лицу,—„нȃледи", т. е. проступающая сквозь ледъ вода,—любуешься то буграми, то „тȏросомъ", т. е. буграми льда,—лѣто „годявое", да только коротко. (Полное собр. сочиненій И. А. Гончарова. Спб. 1884, т. седьмой, гл. IX „До Иркутска", стр. 526, 527, 530 и др.).—Въ произведеніи *Тургенева* „Записки Охотника" опять находимъ множество

---

[1]) Учитель читаетъ этотъ отрывокъ. Въ Лѣсахъ, ч. I, стр. 261—2.

областныхъ словъ и выраженій, отнюдь не нарушающихъ чистоты рѣчи, потому что писатель ничего не оставляетъ необъясненнымъ, напр.: *орлы*— скупщики тряпья („Хорь и Калинычъ"), *награда*—выпивка, утки *срывались* (поднимались) съ пруда („Льговъ"), *ссѣчки*—срубленное мѣсто въ лѣсу, *поршокъ*—молодой перепелъ, *мелочи* —низкіе кусты („Касьянъ съ Красивой Мечи"), *бирюкъ*—одинокій человѣкъ, угрюмый, полѣсовщикъ („Бирюкъ"). У Тургенева есть цѣлый разсказъ (двороваго человѣка), въ которомъ разъяснены разныя мѣстныя названія соловьинаго пѣнія, напр.: *пульканье, клыканье, дробь, раскатъ, пленканье, лѣшева дудка, кукушкинъ перелетъ, гусачекъ, юлиная стукотня, починъ*. (О соловьяхъ, письмо *С. Т. Аксакова* 1853 г. Соч. Тургенева. Изд. 1883, т. I, стр. 190).

Для показанія выразительности и богатства содержанія областныхъ словъ приведемъ отрывокъ изъ „Записокъ Охотника", объясняющій охотничье слово „тяга":

„Вечеромъ мы съ охотникомъ Ермолаемъ отправились на „тягу"... Но, можетъ быть, не всѣ мои читатели знаютъ, что̀ такое тяга. Слушайте же, господа.

„За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отыскиваете себѣ мѣсто, гдѣ-нибудь подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ. Четверть часа прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда... вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ, вѣтокъ къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ... Вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается; слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ, не всѣ вдругъ—по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все темнѣй, да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ нами звонкій голосокъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга, соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданьемъ, и вдругъ — но одни охотники поймутъ меня — вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода карканье и ши-

пѣнье, слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ,—и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы на встрѣчу вашему выстрѣлу.— Вотъ что значитъ „стоять на тягѣ“. („Записки Охотника“. Ермолай и Мельничиха).

Изъ предложенныхъ примѣровъ видно, что провинціальныя (областныя) слова очень выразительны, богаты содержаніемъ, могутъ быть вносимы въ рѣчь писателя [1],—но тогда только не мѣшаютъ чистотѣ языка, когда сдѣланы сочинителемъ доступными пониманію читателя.

Библіогр.—О говорѣ Нарымскаго края. Спб. Вѣд. 1875, № 67.—Словари областныхъ нарѣчій. *Я. К. Грота.* Извѣстія 2-го Отдѣл. Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1858, т. VII, стр. 85 и д.—Областныя видоизмѣненія Русской народности *Ѳ. И. Буслаева.* Историч. Очерки Рус. Народной Словесности и Искусства. Спб. 1861, т. I, стр. 151—209.—Въ 1852 г. Академія Наукъ издала «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря», гдѣ собрано до 18,011 областныхъ словъ. Въ 1858 г. вышло «Дополненіе» къ этому «Опыту», заключающее въ себѣ нѣсколько тысячъ словъ провинціальныхъ.—О провинціализмахъ въ языкѣ прекрасныя замѣтки *В. Я. Стоюнина* въ Музыкал. и Театрал. Вѣстникѣ 1856, № 33, стр. 595 и д.—Указъ Царя Алексѣя Михайловича о провинціальномъ языкѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ Рос. Имперіи, т. I, стр. 1000.—Словарь живаго Великорусскаго языка. *В. И. Даля* (1863 г.) содержитъ въ себѣ великое обиліе областныхъ словъ.

5. *Народными* словами называются тѣ, которыя употребляются народомъ по всему пространству Россіи, или почти по всему. *А. С. Пушкинъ* придавалъ большое значеніе изслѣдованію разговорнаго языка простаго народа. „Разговорный языкъ простаго народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“. (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Я. Исакова. Спб. 1859, т. IV, стр. 70, „Записки“ А. С. Пушкина). Князь *П. А. Вяземскій*, замѣчательный поэтъ, сатирикъ и критикъ, свидѣтельствуетъ, что *Фонъ-Визинъ* „сторожилъ природу“, т. е. подслушивалъ разговоръ простыхъ людей, и слово „зацѣпы“, находящееся въ комедіи „Недоросль“ (дѣйствіе 2, явл. IV), подмѣтилъ во время уличной перебранки двухъ женщинъ (Фонъ-Визинъ. Соч. Кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1848, стр. 215).

Слова народныя достойны полнаго вниманія со стороны писателя, потому что они очень выразительны, мѣтки и картинны. Слово для простолюдина не есть только знакъ, выражающій то или другое понятіе, но оно и живописуетъ самыя характеристическія черты предмета, напр.:

---

[1]) Провинціальныя слова встрѣчнются у *Г. Р. Державина*, *Пушкина* и другихъ. У Державина: «въ царствахъ *инишихъ*» (Царь Дѣвица); у Пушкина: *плавня* (осеннее рыболовство), *гулебщики* (охотники), *малолѣтокъ* (Исторія Пугачевскаго бунта).

„зыбунъ“—слабый грунтъ земли на болотѣ, „пробѣжь“ — проточная вода, „леи“—проливные дожди (отъ слова „лить“), „сѣногной“ —мелкій, но продолжительный дождь, „одранъ“ —тощая лошадь, „нюхъ“ —носъ, „зѣвало“, или „ѣдало“—ротъ, „грабильки“—руки. Тутъ находимъ прямое указаніе на корень слова.

О выразительности и точности народной рѣчи можно судить по тѣмъ мѣткимъ словамъ, которыми народъ означаетъ каждый переходъ сѣвернаго сіянія. Явленіе, называемое сѣвернымъ сіяніемъ, состоитъ изъ многихъ измѣненій, или переходовъ. Каждое такое измѣненіе народъ подмѣтилъ. Настоящее Русское слово для названія „сѣвернаго сіянія есть *пазори*. Начало пазорей, когда на сѣверной сторонѣ неба начинаетъ какъ бы разливаться блѣдный бѣлый свѣтъ, подобный млечному пути, зовется въ народѣ *отбѣлью* или *бѣлью*. Слѣдующее затѣмъ измѣненіе (переходъ), когда отбѣль, сначала принимая розовый оттѣнокъ, потомъ постепенно багровѣетъ, называется зорями (*зори, здринки*). Послѣ зорей, начинаютъ обыкновенно раскидываться по небу млечныя полосы. Это называютъ *лучами*. Если явленіе продолжается, *лучи* багровѣютъ и постепенно превращаются въ яркіе, красные и другихъ цвѣтовъ радуги, *столбы*. Эти столбы краснѣютъ болѣе и болѣе, что называется *багрецы наливаются*. Столбы сходятся и расходятся—объ этомъ въ народѣ говорится *столбы играютъ*. Когда сильно играющіе столбы сопровождаются перекатнымъ трескомъ и какъ бы громомъ,—это называется *сполохами*. Если во время сѣвернаго сіянія зори и столбы мерцаютъ, то есть дѣлаются то свѣтлѣй, то блѣднѣй, тогда говорится: „зори или столбы дышатъ“. (Въ Лѣсахъ. *А. Печерскаго*, ч. 1, стр. 284.—Годъ на Сѣверѣ. *С. Максимова*. Спб. 1864, ч. II, стр. 396—397).

Въ народномъ языкѣ весьма замѣчателенъ особенный оборотъ рѣчи, называемый *тавтологіей*. Тавтологія (отъ Греч. слова: ταυτολογία, ταυτὸ—одно и то же, и λόγος—слово), или тождесловіе придаетъ рѣчи большую силу и одушевленіе. Она состоитъ въ повтореніи одного и того же слова, или совокупленіи двухъ и трехъ подобнозначащихъ, напр.: *святой святынь* приложиться, *старина стародавняя, шутку шутить, золотомъ золотилъ*, въ полонъ полонилъ, табуномъ табунился,—*колыбель-люльку* дѣлали, океанъ-море, при пути-дороженькѣ, служилъ вѣрою и правдою, про то не знаешь—не вѣдаешь, жилъ былъ богатый гость, журилъ бранилъ и пр. Тавтологическія [1]) выраженія встрѣчаются въ лѣтописи преп. *Нестора*: «дань даютъ», да не «ущитятся щиты» своими, да въспятятъ (возвратятъ) и (его) опять.—Въ народной же рѣчи встрѣчаются еще параллелизмы. *Параллелизмы*—раздѣленіе рѣчи на два члена, соотвѣтствующихъ другъ

[1]) Отъ тавтологіи надо отличать *плеоназмъ* — πλεονασμός, т. е. употребленіе лишнихъ словъ безъ всякой въ томъ нужды, напр., ученіе долго продолжалось (вм. было продолжительно); онъ возвращается назадъ (вм. онъ возвращается), иностранныя земли (вм. чужія земли), юный отрокъ и пр. Впрочемъ бываютъ случаи, когда плеоназмъ придаетъ рѣчи особую силу, напр.: я видѣлъ это *моими глазами*, я слышалъ *моими ушами*.

другу по содержанію и формѣ, напр.: не дорога камочка—узоръ хитеръ; нагому ходить—не стыдитися; солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ Русской земли; изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣградѣ людей не выбити,—упала звѣзда поднебесная, потухла въ соборѣ свѣча мѣстная, не стало царевича у насъ на Москвѣ.— Библіогр. О преподаваніи Отечеств. языка. *Ѳ. И. Буслаева*. М. 1867, изд. 2-е, стр. 341. *Его* же: Историческіе Очерки Рус. Народной Словесности. Спб. 1861, т. I, стр. 120, 133.

Русскіе писатели должны вносить въ свою рѣчь народныя слова, потому что они сообщаютъ ей свѣжесть, красоту, силу и выразительность. Особенно умѣстно обращаться къ народнымъ реченіямъ, когда писатель хочетъ воспроизвести извѣстную мѣстность или данное время въ надлежащемъ цвѣтѣ, или иначе,—если онъ желаетъ соблюсти колоритъ мѣста и времени. Образцовые писатели никогда не пренебрегаютъ народнымъ языкомъ: напротивъ, они часто прибѣгаютъ къ его святилищу,—оттого рѣчь ихъ выходитъ особенно разительна и совершенна, напр. у *Крылова* и *Пушкина*. Первый въ своихъ басняхъ говоритъ почти всегда народнымъ языкомъ, что̀ и составляетъ главное ихъ достоинство. Второй весьма часто употребляетъ народныя слова и выраженія, напр.: въ „Капитанской Дочкѣ“, „Утопленникѣ“, „Русалкѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“ и другихъ сочиненіяхъ. Особенно много народныхъ выраженій въ одной сценѣ изъ „Бориса Годунова“—Корчма на Литовской границѣ, напр.: „что гудокъ, что гусли,—спасибо, родная!—вольному воля,—скоморохъ попу не товарищъ,—вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день,—иду во-свояси“.—Пушкинъ составлялъ пѣсни въ народномъ духѣ: ихъ очень много въ сочиненіи его (драматическомъ) „Русалка“. Приведемъ одну.

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали—
Въ огородъ заѣхали.
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили.
Тыну поклонилися,
Bеpeѣ молилися:

Верея-ль, верeюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся;
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

Когда писатель вводитъ въ свою рѣчь народные обороты и слова, онъ долженъ слѣдовать правиламъ истиннаго вкуса: „истинный вкусъ, говоритъ *Пушкинъ*, состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ *соразмѣрности* и *сообразности*“. (Соч. *А. С. Пушкина*, изд. Исакова, 1859 г., т. IV, стр. 31). Писатель обязанъ соображать, пригодны ли въ извѣстномъ случаѣ тѣ или другія народныя выраженія, нельзя ли безъ нихъ обойтись, придаютъ ли они рѣчи особенную силу и красоту. Далѣе писатель долженъ соразмѣрять, т. е. смотрѣть, не вредятъ ли извѣстныя народныя выраженія ясности

всего сочиненія, понятны ли они большинству читателей. Многіе писатели не слѣдуютъ высказанному совѣту великаго учителя Русскаго языка, Пушкина. Они выдаютъ цѣлыя сочиненія, исключительно написанныя простонароднымъ, не для всякаго понятнымъ, языкомъ. Къ числу такихъ писателей относятся: *Успенскіе*, *Слѣпцовъ*, *Левитовъ*, *Селивановъ*, *Рѣшетниковъ*, *Златовратскій*, *Нефедовъ* и другіе.

Примѣчаніе. Для образца учитель можетъ прочитать отрывокъ изъ разсказа *Гл. Успенскаго*: «Нравы Растеряевой улицы», или *Н. Успенскаго*: «Ночь подъ свѣтлый день».—На искаженіе народной рѣчи нѣкоторыми современными писателями критика указывала неоднократно. Отеч. Зап. 1866, № 3, стр. 102—108,—Вѣст. Евр. 1872, № 1, стр. 412,—Новости (газета) 1891, № 52.

§ 10. *Благозвучіе рѣчи.*—Правильность, ясность, точность и чистота составляютъ *внутреннія* качества рѣчи (*логическую* ея сторону), потому что показываютъ отношеніе слова къ мысли,—что и сказано было выше (§ 5-й). —Но рѣчь имѣетъ и внѣшнія качества, такъ какъ слово есть звукъ, или сочетаніе звуковъ. Сочетаніе въ рѣчи звуковъ, которые легко произносятся и пріятны для слуха, называется *благозвучіемъ* рѣчи. Дѣлая наблюденія надъ внѣшнею стороною рѣчи, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя слова произносятся легче другихъ, напр. слово „вода“ произносится легче, чѣмъ „зіяющій“, или „грущу“. Сочетаніе звуковъ, легкихъ для выговора и пріятныхъ для слуха, называется *евфоніею* (отъ Греч. словъ: εὖ — благо, хорошо, φωνή — голосъ, звукъ), т. е. собственно благозвучіемъ; сочетаніе въ рѣчи цѣлыхъ словъ и предложеній, легкихъ для выговора и пріятныхъ для слуха, носитъ названіе *евриѳміи* (отъ Греч словъ: εὖ — благо, хорошо, ῥυθμός—ритмъ, теченіе). Древніе писатели весьма усердно обработывали внѣшнюю сторону своей рѣчи. т. е. евфонію и евриѳмію. *Димитрій Фалерейскій* (IV—III в. до. Р. Хр.) написалъ сочиненіе о выраженіи „Περί ερμηνείας“, — *Діонисій Галикарнасскій* (I в. до Р. Хр.) — о словостроеніи, „Περί συνθεσέως όνομάτων“. И тотъ, и другой подробно разбираютъ условія благозвучія и плавности (теченія) рѣчи. Въ нашихъ новѣйшихъ языкахъ потеряна количественность гласныхъ, т. е. ихъ долгота и краткость; потому наша рѣчь не можетъ дорости до благозвучія и плавности древней рѣчи, до ощутительной ея музыкальности. Не смотря на то, нѣкоторые наши образцовые писатели показали, что и родную рѣчь можно довести до извѣстной степени благозвучія. *Карамзинъ* во всей „Исторіи Государства Россійскаго“ соблюдаетъ музыкальность рѣчи; онъ вездѣ въ этомъ громадномъ трудѣ любитъ употреблять такъ называемыя дактилическія (§ 36) окончанія, напр.: Исторія Государства Россійскаго, посольства иноземныя, цари Азіатскіе, металлы драгоцѣнные.

Пушкинъ цѣлыя стихотворенія писалъ на подобіе музыкальныхъ піесъ, напр.:

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Поэтъ *Н. Ѳ. Щербина* (1821—1869 г.) находилъ необыкновенно-музыкальными слѣд. стихи *Лермонтова*:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль. („Демонъ").

Благозвучіе рѣчи составляетъ непремѣнный ея законъ. Благозвучіе соблюдается всѣми нами и на письмѣ, и въ разговорѣ [1]). По требованію благозвучія мы, во-первыхъ, *измѣняемъ* окончаніе нѣкоторыхъ словъ, напр. говоримъ и пишемъ: ко кресту вмѣсто „къ кресту", в*о* святыхъ вм. „в*ъ* святыхъ", из*о* дня в*ъ* день вм. „из*ъ* дня в*ь* день", из*о* всей силы вм. „из*ъ* всей силы", об*о* мнѣ вм. „об*ъ* мнѣ", под*о* мной вм. под*ъ* мной", с*о* стола, с*о* стѣны, с*о* скамьи вм. „с*ъ* стола, с*ъ* стѣны, с*ъ* скамьи".

Во-вторыхъ, по требованію благозвучія, *вставляемъ* букву *н* передъ гласными, напр.: о *н*ёмъ вмѣсто „о ёмъ", при *н*ей вм. „при ей", под-*н*-имать (отъ словъ „подъ" и „имати" — брать), по-*н*-ять вм. поять (брать). Иногда вставляемъ гласную для легкости выговора, напр.: хит-*е*-ръ вм. „хитръ", рѣз*о*въ вм. „рѣзвъ", ум*е*нъ вм. „умнъ", чер*е*нъ вм. „чернъ", свѣт*е*лъ вм. „свѣтлъ" и пр. *Карамзинъ* говоритъ, что предки наши, отъ XIII до XV вѣка, „трудились" уже „надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, *смягчали грубые звуки* словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то *плавность*" и въ доказательство своего замѣчанія приводитъ слѣд. примѣры: „Въ сіе время уже начинали писать *полкъ*, а не „*пълкъ*", *перстъ* а не „*прьстъ*", *сверши*, а не „*съвръши*". (Исторія Государства Россійскаго. Изд. 2-е. Спб. 1819. Т. V, стр. 411 и примѣчаніе 432),—другими словами: наши предки издавна заботились о благозвучіи своей рѣчи въ назиданіе намъ, людямъ XIX вѣка.

Въ-третьихъ, по требованію благозвучія, мы *выпускаемъ* нѣкоторыя буквы въ словахъ, напр.: Рожество вм. „Рож*д*ество", субота вм.

[1]) *Цицеронъ* говорилъ: «*natura* ad numeros ducimur» (природа влечетъ насъ къ ладу, т. е. благозвучію).

„суббота", панихида вмѣсто „па*нн*ихида", обертка вм. „об*в*ертка", облако вм. „об*в*лако" (влачить), облаченіе вм. „об*в*лаченіе", обоняніе вм. „об*в*оняніе" (воня—запахъ, ароматъ), обычай вм. „об*в*ычай" (с-вычай, при-вычка), обыкновенный вм. „об*в*ыкновенный".

Рѣчь писателя бываетъ неблагозвучна, во-первыхъ, когда онъ рядомъ ставитъ слишкомъ длинныя слова, напр.: глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели, усовершенствовавшіе многократными и тщательно провѣряемыми наблюденіями.

Во-вторыхъ, рѣчь бываетъ неблагозвучна отъ сосѣдства многихъ односложныхъ словъ, напр. у *Г. Р. Державина*: „Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Финъ и Шведы" (на взятіе Измаила). У неизвѣстнаго автора: „Сифъ, Янъ, Киръ, Пиръ, Ремъ, Нинъ, Поръ, Марсъ, Крезъ, Главкъ, Мидъ". (Сочиненія Державина, ред. *Я. Грота*. 2-е акад. изд., безъ рисунковъ, т. I, стр. 253); „лишь было-бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ" („Водопадъ"); у *Ѳ. М. Достоевскаго*: „призналась бы тебѣ кое-въ-чемъ, да боюсь тебя ужъ очень". („Подростокъ", стр. 124, ч. I). Всѣ подобные недостатки рѣчи называются *какофоніей* (Греч. слово: κακοφωνία, отъ κακὸς худой и φωνή—голосъ).

Рѣчь наша бываетъ неблагозвучна, въ-третьихъ, отъ стеченія многихъ гласныхъ въ одномъ мѣстѣ, напр. „иб*о и у и*скуства есть свое историческое развитіе" (Сочин. В. Бѣлинскаго. 1860, ч. III, стр. 552), „*и о е*го кончинѣ" (А. Веселовскій. Ж. М. Н. Просв. 1890, мартъ, стр. 10), «*и я ея*» лишился (Кн. И. Долгоруковъ «Капище»). „*и* онъ *и Іо*аннъ, не *у Ольги, а у Іоа*нна", у матери Мар*іи и у Іо*сифа", „можетъ узнать не только предметъ, н*о и е*го качество". Такой недостатокъ рѣчи называется *гіатусъ* (Лат. слово „hiatus", по-Русски „зіяніе").

Рѣчь наша бываетъ неблагозвучна, въ-четвертыхъ, если рядомъ стоитъ много одинаковыхъ звуковъ, трудныхъ для произношенія, напр.: у *Крылова*: неужли *таки ты*, сестрица, не устанешь? („Прудъ и Рѣка"). У *Ѳ. Достоевскаго*: почему бы намъ непремѣнно разставаться съ *ж*аждой мести, *съ с*крежетомъ зубовъ? („Подростокъ"). У *С. М. Соловьева*: одна какая-нибудь линія не могла выдвинуться *впередъ передъ* другими. (Исторія Россіи. Изд. 3-е, т. I, стр. 237),—выходъ родоваго *бы*та въ *бы*тъ (тамъ же, стр. 240).

Надо замѣтить, что иногда писатель съ цѣлію подбираетъ одинаковые звуки, чтобы нагляднѣе представить предметъ. Здѣсь мы разумѣемъ слова *звукоподражательныя*. Словами звукоподражательными называются такія, которыя подражаютъ звукамъ, слышимымъ въ природѣ, напр.: ворона каркнула, пчелка жужжитъ, кукушка кукуетъ, листъ шелеститъ, змѣя шипитъ, громъ гремитъ, колокольчикъ динь-динь-динь и пр. Писатели часто силятся сдѣлать подборъ такихъ звуковъ, которые могли бы подражать самой природѣ. *А. П. Сумароковъ*, писатель XVIII в., желая звуками словъ изобразить кваканье лягушекъ, составилъ слѣдующую рѣчь:

о какъ, о какъ, намъ къ вамъ, къ вамъ, боги, не гласить! (Притча „Солнце и Лягушки“).

И. А. Крыловъ въ баснѣ „Лягушки, просящія Царя“, наглядно представилъ потрясеніе болота и прыганье лягушекъ:

Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что *ходенемъ* пошло *трясинно* государство:
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, *куда кто* могъ.

Вообще Крыловъ въ своихъ басняхъ далъ осязательные примѣры, до какого высокаго совершенства можно довести Русскую рѣчь со стороны ея благозвучія; онъ показалъ, какъ можно, подборомъ звуковъ и словъ, выразить самую *сущность* предмета. Медленность движенія предметовъ онъ изобразилъ въ басняхъ: „Моръ Звѣрей“, „Муха и Дорожные“, „Пустынникъ и Медвѣдь“.

Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ,
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть *держатся* въ нихъ *души*.
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя *вокругъ обсѣвъ*,
Уставили глаза и *приложили уши*.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ *мычитъ*:—„И *мы*
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кор*мы*
Намъ были худы“.

Въ послѣднихъ стихахъ подборомъ звуковъ указывается на мычаніе вола.—Медленность предметовъ прекрасно изображена въ баснѣ Крылова: „Муха и Дорожные“:

Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.

Басня „Пустынникъ и Медвѣдь“ представляетъ неповоротливость медвѣдя:

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи-жъ, ужъ я тебя, вострухуʺ!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что̀ силы есть—*хвать друга камнемъ въ лобъ!*“

Въ свое время (1809 г.), разбирая басни Крылова, скоро по выходѣ ихъ въ свѣтъ, *В. А. Жуковскій* говорилъ, что слова „*мишенька, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкараула*“ прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность. Приводя слѣдующее полустишіе „хвать друга камнемъ въ лобъ“ Жуковскій восклицаетъ: „Это молнія! Это ударъ!“ (Сочиненія В. Жуковскаго. Спб. 1878, Изд. 7-е, т. V, стр. 349, „о баснѣ и басняхъ Крылова“). Дѣйствительно, послѣднее полустишіе ярко рисуетъ быстроту и мгновенность удара.

У *Г. Р. Державина*: „Грохочетъ эхо по горамъ, какъ громъ гремящій по громамъ“ („Водопадъ“). У него же: Стуча съ крыльца, ступень съ ступени. И скатится въ древесны тѣни. («Мой Истуканъ»).

У *А. С. Пушкина* въ сочиненіи „Полтава“ есть подражаніе звуку молота:

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

То же звукоподражаніе слышно въ описаніи стеклянной горы:

Ядро запрыгало—и гладкая гора
Звеня, растрескалась колючими звѣздами.
(Соч. А. Пушкина. „Подражаніе Данту“).

Библіогр.—О преподаваніи Отечеств. языка. *Ѳ. И. Буслаева.* М. 1867, изд 2-е, стр. 322 и д.—Ломоносовъ въ исторіи Рус. литературы. *К. С. Аксакова.* М. 1846, стр. 413 и д.—Чтенія о Церковной Словесности. *Я. Амфитеатрова.* Кіевъ. 1846, ч. II. стр. 167—171.—Статья *Н. Ѳ Щербины* о ритмѣ. Библіот. для Чтенія 1857, № 4, стр. 35.—Стилистика *В. Классовскаго.* Спб. 1866. стр. 77.—Его же: Составъ и разряды словесныхъ произведеній. Спб. 1876, стр. 193—199.—Ораторъ, или о трехъ совершенствахъ краснорѣчія, о ясности, важности, и пріятности. М. 1816. стр. 154—157.—О звукоподражаніи. Собр. соч. и переводовъ адмирала А. *С. Шишкова.* Спб. 1825, ч. IV, стр. 344 и д.—О благозвучіи стиха *М. Н. Каткова.* Рус. Вѣстн. 1856, № 1, стр. 171, въ статьѣ о Пушкинѣ.

ГЛАВА II.

Языкъ Образный.

§ 11. Выше сказано (§ 5), что слово есть *образъ* предмета. Слово какъ образъ предмета придаетъ языку писателя особое свойство — *образность*, картинность. Языкомъ образнымъ или изобразительнымъ (украшеннымъ) называется такой языкъ, который наглядно представляетъ намъ предметъ, какъ бы срисовываетъ его видъ, или живописуетъ его. Другіе называютъ такой языкъ украшеннымъ, или мета-

форическимъ. Образности достигаетъ наша рѣчь слѣдующими средствами: *эпитетами, тропами и фигурами.*

§ 12. *Эпитетъ*—(слово Греческое, ἐπίθετον (epitheton) отъ глагола ἐπιτίθημι—прилагаю, налагаю: ἐπὶ—на и τίθημι—кладу)—собственно значитъ „слово приложенное, наложенное, приданное". По этимологическому смыслу выходитъ, что эпитетами собственно бываютъ имена прилагательныя, такъ какъ эта часть рѣчи прилагается къ именамъ существительнымъ, для означенія ихъ качества въ обширномъ смыслѣ. Отъ обыкновеннаго прилагательнаго, означающаго только существенныя, логическія свойства предмета, эпитетъ отличается тѣмъ, что служитъ для украшенія рѣчи, для представленія предмета въ болѣе яркомъ образѣ. Эпитеты прилагаются къ такимъ представленіямъ, которыя безъ нихъ не имѣли бы надлежащей, сообразной цѣли сочиненія, силы. Эпитетъ, развѣтвляясь въ живомъ языкѣ, отступилъ отъ собственнаго своего значенія и сталъ выражаться разными разрядами словъ. Въ Русскомъ языкѣ эпитетами бываютъ слѣд. части рѣчи:

1. Имена прилагательныя, напр.: не видали птицы *перелетныя*, оставалася *матерá* вдова, подломилися ноженьки *рѣзвыя*, столы *бѣлодубовы*, гусли *звóнчаты*, подъ *ходячими* облаками, рожь *овиниста*, *примолотиста*, муравьище *кипучее*, пчела *сѣра*, *синекрыленька*.

2. Имена существительныя въ одинаковомъ падежѣ съ тѣмъ словомъ, при которомъ они эпитетомъ, напр.: выѣзжалъ *удача* добрый молодецъ, Казарянинъ *душа* Петровичъ младъ.

3. Имена существительныя съ прилагательнымъ, не согласующіяся со своимъ опредѣляемымъ и всегда стоящія въ именительномъ падежѣ, напр.: обертываться туромъ—*золотые рога*, обвивается лютый змѣй около чебота—*зеленъ сафьянъ*, стоитъ подворотня—*дорогъ рыбій зубъ*, Москва—*золотыя маковки*, Дмитрій—*грозныя очи*.

4. Родительный опредѣленія, напр.: кровать *слоновыхъ костей*, покрышка *сѣдыхъ бобровъ*, потолокъ *черныхъ соболей*.

5. Нарѣчія, прилагаемыя къ глаголамъ и прилагательнымъ, напр. къ глаголу „руководствуетъ" эпитеты: невидимо, нечувствительно, непримѣтно,—эпитеты къ прилагательному: *непостижимо*—тайное, *неизъяснимо*—благое.

Говоря объ эпитетахъ, надо обратить особенное вниманіе на эпитеты *постоянные*, составляющіе существенную черту народной Русской рѣчи. Постоянными эпитетами называются тѣ прилагательныя, которыя споконъвѣку сопровождаютъ то или другое существительное въ нашей народной рѣчи, напр.: день *Божій*, свѣтъ *бѣлый*, царь *бѣлый*, солнце *красное*, вѣтеръ *буйный*, поле *чистое*, море *синее*, лѣсъ *дремучій*, пески *сыпучіе*, береза *кудрявая*, конь *борзый*, волкъ *сѣрый*, соколъ *ясный*, орелъ *сизый*, ретиво сердце, окошечко косящатое, высокъ теремъ, молодецъ удалый, стрѣлы каленыя, терема златоверхіе, престолъ златокованный

и пр. „Реченія съ постоянными эпитетами, говоритъ профессоръ *Ө. И. Буслаевъ*, можно уподобить типамъ Греческихъ божествъ, которые однажды создавшись, никогда не измѣнялись, потому что Грекъ не находилъ уже другаго лучшаго и приличнѣйшаго образа для олицетворенія Юноны или Зевеса". (О преподаваніи Отечественнаго языка. М. 1867, стр. 335). Къ постояннымъ эпитетамъ народъ такъ привыкъ, что употребляетъ ихъ и тогда, когда, по смыслу рѣчи, не слѣдуетъ придавать извѣстнаго эпитета тому или другому существительному, напр.:

И сталъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И не легкія шуточки пошучивать:
Кого хватитъ за руку,
Рветъ руку изъ плеча вонъ;
Кого хватитъ за ногу,
Рветъ ногу изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватитъ за головушку,
Головой вертитъ будто пугвицей.
И стали жалобы происходить къ родной его матушкѣ,
Къ честнóй вдовѣ Емельөѣ Тимоөеевнѣ:
„Ты честна́ вдова, Емельөа Тимоөеевна!
Унимай-ка своего чада *милаго*,
Молодаго Василья Буслаева".

(Пѣсни *П. Н. Рыбникова*. М. 1862. Т. II, стр. 201—202).

Здѣсь эпитетъ „милый" вовсе не у мѣста.—О палачахъ въ народныхъ стихахъ говорится: „у мастеровъ руки опущалися, *ясныя* очи помрачалися,—

А много палачъ не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимаго конюха,
Замаралъ руки *бѣлыя* свои.

И здѣсь прилагательныя „ясный" и „бѣлый" тоже не у мѣста. Но народъ *привыкъ* уже прилагать извѣстные эпитеты къ тѣмъ или другимъ именамъ.

Писателямъ надо быть осмотрительными въ употребленіи эпитетовъ; напр. слѣд. прилагательныя будутъ преувеличенными эпитетами: страсти *вулканическія,* хохотъ *адскій;* подобные эпитеты не составляютъ украшенія рѣчи, потому что вредятъ ея точности.

Справедливость требуетъ замѣтить, что иногда и знаменитые писатели погрѣшаютъ противъ точности въ пользованіи эпитетомъ; такъ *Пушкинъ* пишетъ: „Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ, а *бурый* волкъ ей вѣрно

служитъ". Эпитетъ „бурый" не придается волку въ народной рѣчи: волкъ обыкновенно называется „сѣрымъ".

Библіогр.—О преподаваніи Отеч. языка. *Ѳ. И. Буслаева*, М. 1867, стр. 335—435 и Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка, *Его же*. М. 1868. Изд. 3, ч. II, стр. 45—48.—*Его же*. Истор. Очерки Рус. Народной Словесности. Спб. 1861, т. I, стр. 73, 190, 224, 229, 230.—*М. И. Сухомлинова*. Чтенія о языкѣ и Словесности, изд. Академіи Наукъ. Спб. 1854, стр. 154—158.—Опыты *В. Перевощикова*. Дерптъ. 1822. Здѣсь напечатаны три разсужденія о «Ѳеоріи Словесности». Объ эпитетахъ на стр. 59.—Объ эпитетахъ въ статьѣ *К. К. Арсеньева:* «Пейзажъ въ Русскомъ романѣ». Вѣстн. Европы, 1885, кн. V, стр. 258 и д.—Изъ исторіи эпитета. *А. Н. Веселовскаго*. Жур. М. Нар. Просв. 1895, декаб. (Статья весьма замѣчательная).

§ 13. *О тропахъ*. Въ языкѣ существуютъ особыя слова, называемыя *тропами*. Тропъ происходитъ отъ Греч. слова: τρόπος—оборотъ (τρέπω, обращаю). Такъ называютъ слова переносныя, т. е. поставленныя не въ собственномъ значеніи. Ихъ происхожденіе объясняется очень просто. Разные предметы производятъ на насъ одинаковое впечатлѣніе; по этому одинаковому впечатлѣнію и названіе получаютъ одинаковое: напр.: *желѣзо* и *человѣкъ* часто производятъ на насъ одинаковое впечатлѣніе: желѣзо—своею твердостію и человѣкъ—своею твердостію, мы и говоримъ: „желѣзный" человѣкъ, „желѣзо", а не человѣкъ, „желѣзная" воля.

Библіогр. — Rhetorica *Aristotelis*. Lib. III, cap. 4. — Opera *Ciceronis*: de Oratore. Lib. III, cap. XXXVIII—XLIII,—Brutus XVII. — Orator XXVII, XXXIX.—Institutiones Oratoriae *Quintiliani*. Lib. VIII, cap. VI. — Риторика *М. В. Ломоносова*. 1748, ч. II, гл. I—V.—(Въ изданіи Императорской Академіи Наукъ, съ примѣч. академика *М. И. Сухомлинова*. Спб. 1895, т. третій).—Собраніе сочин. адмирала *Шишкова*. Спб. 1824, ч. III, стр. 231 и д.—Чтенія о Словесности. *И. Давыдова*. М. 1837, изд. 2-е, курсъ 1-й, стр. 165—233.—Курсъ теоріи Словесности. *М. Чистякова*. Спб. 1847, ч. II, стр. 30—64.—О преподаваніи Отечественнаго языка. *Ѳ. Буслаева*. М. 1867, изд. 2-е, стр. 309, 345, 435. — Историческіе Очерки Русской народной Словесности и искусства. *Его же*. Спб. 1861, т. 1, метафора, стр. 165—168, метонимія, стр. 168—172, синекдоха, стр. 172, 229 и д., изобразительность, стр. 179.—Историческая Грамматика. *Его же*. М. 1868, изд. 3-е, стр. 48—75. (Здѣсь сокращенно изложено то, о чемъ подробнѣе сказано въ «Истор. Очеркахъ», и притомъ примѣнительно *только* къ народной поэзіи).—Ж. М. Н. Пр. 1883, Іюль стр. 66—67,—разборъ Христоматіи *Л. Поливанова*.

§ 14. *Виды троповъ*.—Важнѣйшіе виды троповъ слѣдующіе: метафора, метонимія, синекдоха, гипербола, аллегорія и иронія.

1. *Метафорой* (отъ Греческ. слова: μεταφορά—перенесеніе, μετα—чрезъ, пере и φορά—ношеніе, несеніе, φέρω—несу) называется слово, которое переноситъ свойства одного предмета на другой по *подобію*. Иначе можно такъ сказать: метафора есть сокращенное подобіе. На основаніи подобія мы приписываемъ свойства предметовъ одушевленныхъ предме-

тамъ неодушевленнымъ, напр. „верхушки деревъ *засыпаютъ*". *(И. С. Тургеневъ).* Здѣсь предмету неодушевленному „верхушки деревъ" придано свойство предмета одушевленнаго „засыпать".—„Студеный ключъ (т. е. источники воды) *играетъ* по оврагу". *(Лермонтовъ).* И здѣсь свойство одушевленнаго предмета „играть" приписано неодушевленному „ключъ". — На основанiи подобiя мы придаемъ свойства предметовъ одушевленныхъ предметамъ отвлеченнымъ, напр.: *онѣмѣла* мысль передъ твоимъ пространствомъ",—„пѣснь *хватаетъ* за сердце" *(Гоголь).* „Пѣснь" и „мысль"—предметы отвлеченные, а Гоголь придаетъ имъ дѣйствiя предметовъ одушевленныхъ, чувственныхъ. На основанiи подобiя приписываемъ свойство предметовъ неодушевленныхъ предметамъ неодушевленнымъ, напр.: „облака бросаютъ *жемчугъ* на листы" *(Лермонтовъ).*—„Дорога *скатертью*". Въ этихъ примѣрахъ предметамъ неодушевленнымъ, „дождю, дорогѣ"—приданы свойства предметовъ неодушевленныхъ, на основанiи сходства между ними.

Языкъ народный обиленъ метафорическими выраженiями. Народъ придаетъ предметамъ неодушевленнымъ свойства человѣка, разныя части человѣческаго тѣла, напр.: *чело* на языкѣ народномъ означаетъ полныя хлѣбныя зерна, падающiя впереди во время вѣянiя; *щеки* означаютъ горные утесы по обѣимъ сторонамъ рѣки. „Вчера вечеромъ я проѣхалъ такъ называемые *щеки,* однѣ изъ достопримѣчательностей Лены. Это—огромные, величественные утесы, какихъ я мало видалъ и на морскихъ берегахъ. Ѣдешь у подошвы, и повозка съ лошадьми похожа на ползающихъ насѣкомыхъ. Они ужасно изрыты, дики, страшны, такъ что хочется скорѣе миновать ихъ". *(И. Гончаровъ.* Фрегатъ Паллада. Полное собр. соч. Спб. 1884 г., т. VII, стр. 559). Въ народномъ языкѣ *шея* значитъ проливъ, *ладонь*—токъ въ овинѣ. — „Въ Словѣ о полку Игоревѣ" находится много метафоръ, напр. „*дремлетъ*" въ полѣ Олгово хороброе *гнѣздо* (т. е. родъ Олега, внуки и правнуки его); не было (оно) обидѣ порождено ни *соколу,* ни *кречету,* ни тебѣ, черный *воронъ,* поганый Половчине": враждебные Кiеву кочевые народы представлены въ образѣ соколовъ, кречетовъ и чернаго ворона.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что языкъ метафорическiй имѣетъ цѣлiю оживотворить и одушевлять природу вещественную и предметы мiра отвлеченнаго,—что метафора дѣлаетъ рѣчь нашу очень живописною, такъ какъ воображенiе рисуетъ вдругъ двѣ картины: одну, имѣющую прямой или собственный смыслъ, другую,—не прямой, переносный, или переводный.

Чтобы метафора достигла своей цѣли, она должна быть во-первыхъ естественной, т. е. согласной съ природою сравниваемаго предмета; во-вторыхъ метафору надо заимствовать отъ предметовъ извѣстныхъ: однимъ восточнымъ народамъ, говоритъ Франц. писатель *Мармонтель* (XVIII в.), можно дѣлать сравненiе съ кедромъ, съ иссопомъ; въ-третьихъ требуется

не мѣшать въ одномъ составѣ рѣчи буквальнаго ея смысла съ переноснымъ. *Кв. Горацій Флаккъ* говоритъ: „о чемъ кто сталъ писать, того ужъ держися". *Квинтиліанъ* пишетъ: „Должно больше всего о томъ стараться, дабы какимъ родомъ переносныхъ реченій кто началъ свою мысль, тѣмъ и кончилъ. Многіе, начавъ рѣчь непогодою, оканчиваютъ пожаромъ, или землетрясеніемъ: каковая нелѣпость непростительна". (Institut. Orat. VIII, caput VI). На такихъ-то писателей *Горацій* изливаетъ свой язвительный стихъ:

„Еслибы женскую голову къ шеѣ коня — живописецъ
Вздумалъ приставить, и разные члены собравши отвсюду,
Перьями ихъ распестрилъ, чтобъ прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливой рыбой; смотря на такую
Выставку, други! могли ли бы вы удержаться отъ смѣха?
Вѣрьте, Пизоны! на эту картину должна быть похожа
Книга, въ которой всѣ мысли, какъ бредъ у больнаго горячкой:
Гдѣ голова, гдѣ нога, безъ согласія съ цѣлымъ составомъ!
Знаю: поэтъ съ живописцемъ — все смѣютъ, и все имъ возможно,
Что захотятъ. Мы и сами не прочь отъ подобной свободы,
И другому готовы дозволить ее; но съ условьемъ,
Чтобы дикіе звѣри не были вмѣстѣ съ ручными,
Змѣи въ сообществѣ птицъ, и съ ягнятами лютые тигры".

(De arte Poëtica. Перев. *М. Дмитріева*. М. 1853, стр. 37).

Примѣч. — Самая древняя наша Риторика, сохранившаяся отъ XI вѣка, переводъ сочиненія *Георгія Хоуровскаго*, называла метафору *прѣводъ*, т. е. переводъ, перенесеніе, и такъ учила о ней: «Прѣводъ есть слово отъ иного на ино прѣводимо: или отъ сдушныхъ на не сдушная (глава церкви), или отъ несдушныхъ на сдушная (море видѣ—побѣже), или отъ сдушныхъ на сдушная (царь—пастырь людей) и отъ бездушныхъ на бездушная прѣводитъ: горячій уголь—сѣмя огня.—Сборникъ Святослава, XI вѣка, изд. Общ. Древн. Письм. 1880 г.— Русскіе учебники по теоріи прозаическихъ сочиненій. Ж. М. Нар. Пр. 1856, № 4.—Русская Христоматія. Для среднихъ учебныхъ заведеній. *Ѳ. Буслаева*. М. 1881, стр. 12.

2. *Метонимія* (Греч. μετωνυμια отъ двухъ словъ: μετά—чрезъ, пере и ὄνυμα—имя) собственно значитъ переименованіе, перемѣна имени. Метонимія переноситъ слово отъ одного значенія къ другому по качеству (или по разнымъ отношеніямъ). Такъ мы называемъ (именуемъ) причину вмѣсто дѣйствія, напр. огонь истребилъ всю деревню: огонь (причина) вмѣсто пожара (дѣйствіе огня); у него прекрасная *рука*, т. е. прекрасно пишетъ; жить своею *работою* (т. е. покупать что-нибудь на деньги, полученныя за работу). Дѣйствіе именуемъ вмѣсто причины, напр.: золото падаетъ съ неба *(Майковъ)*: золото (дѣйствіе, слѣдствіе)

вм. дождя (причина плодородія, богатства, или „золота“ въ быту селянина). Метонимія полагаетъ содержащее вм. содержимаго, напр.: я три *тарелки* съѣлъ *(Крыловъ)*: тарелки (содержащее) вм. кушанья (содержимое). Называемъ автора вм. его произведеній, напр.:

Не смѣнитъ на *Сенеку* онъ фунтъ доброй пудры. *(Кантемиръ)*.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно *Апулея*,
А *Цицерона* проклиналъ. *(Пушкинъ)*.

Именуемъ вещество вм. того, что изъ него сдѣлано, напр. не то на *серебрѣ*, на *золотѣ* ѣдалъ *(Грибоѣдовъ)*, т. е. на серебряныхъ и золотыхъ блюдахъ. Называемъ государя вм. его подданныхъ, полководца вм. войска, владѣльца вм. его собственности, знакъ вм. означеннаго имъ, напр.: Петръ I (т. е. подданные его) основалъ Петербургъ, Нахимовъ (т. е. его войско) сжегъ Турецкій флотъ у Синопа, сосѣдъ горитъ (т. е. его домъ), отъ дыма мечъ (т. е. отъ каждаго жилаго дома). Метонимія именуетъ время вмѣсто его событій и дѣятелей: 1812 годъ славенъ въ Русской исторіи (т. е. доблестныя дѣла и дѣятели того времени), Пушкинскій періодъ нашей Словесности (т. е. писатели этой эпохи). Вмѣсто отвлеченнаго понятія о времени и пространствѣ, метонимія называетъ самыя дѣйствія и событія, совершающіяся во времени и пространствѣ, напр. бычъ по пятой *травѣ*: здѣсь трава поименована вм. лѣта, или года; *упряжка* въ народномъ языкѣ значитъ треть лѣтняго дня (а собственно — паханье до отдыха, когда лошадь надо выпрячь), *въ кочетà*, т. е. въ полночь (когда начинаютъ пѣть пѣтухи). „Пѣтухи давно пропѣли и къ заутренѣ звонятъ“ *(Полонскій)*. Проплытое по Волгѣ пространство бурлаки измѣряютъ *числомъ* пропѣтыхъ *пѣсенъ;* въ Сибири (Восточной) разстояніе измѣряютъ *песками*, т. е. песчаными прибрежными отмелями на рѣкахъ. Въ народномъ языкѣ слово „повалище“ означаетъ пространство земли, достаточное для того, чтобы повалиться, разлечься. Пространство измѣряется стрѣлою, копьемъ, метаніемъ камня: промежу глазъ калена стрѣла. — И такъ устрои Богъ тьму, якоже не видѣти никаможе, толико до *конецъ копья* видѣти (въ Лѣтописи). — „И самъ отступи отъ нихъ, яко *верженіемъ камене*“. (Лук. гл. 22, ст. 41).

3. *Синекдоха* (Греч. συνεκδοχή отъ словъ συν — вмѣстѣ и ἐκδέχομαι принимаю, обнимаю) значитъ собственно уразумѣніе, догадка. Она переноситъ слово отъ одного значенія къ другому по объему (или количеству). Такъ мы принимаемъ цѣлое вмѣсто части; напр.: „любо испити шеломомъ (шлемомъ) *Дону*“ (Слово о Полку Игоревѣ); „ты можешь *Волгу* веслы (веслами) раскропити, а *Донъ* шеломы (шлемами) выльяти“

(оттуда же). Иногда же принимаемъ *частъ* вмѣсто цѣлаго, напр.: сколько *головъ,* столько умовъ, тысяча *душъ* выселилась на Амуръ. Въ старинномъ языкѣ: не мощно на Государя *руки* подняти,—ту *костью* падоша (т. е. были побиты),—взя градъ *копьемъ*. *Единственное* число ставимъ (принимаемъ) вм. множественнаго; у *Державина:* „Се видъ, какъ шелъ въ Измаилъ *Россъ*" (т. е. Русскіе); у *Пушкина:* „*Шведъ, Русскій* колетъ, рубитъ, рѣжетъ" („Полтава").

И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ *Французъ. (Лермонтовъ).*

Множественное число полагаемъ (принимаемъ) вм. единственнаго; у *Державина:* „Петры и Генрихи и Титы въ народныхъ вѣкъ живутъ сердцахъ". (На новый 1781-й годъ). „Безсмертны музами Периклы и Меценаты ввѣкъ живутъ" („На выздоровленіе Мецената").—У *Карамзина:* „У насъ Пожарскіе сіяли, и Долгорукіе дерзали Петру отъ сердца говорить". Ломоносовы и Пушкины являются вѣками.—Иногда мы ставимъ (принимаемъ) *родовое* понятіе вм. видоваго. *Державинъ* говоритъ: не мнитъ лишь *смертный* умирать („На смерть князя Мещерскаго"). Синекдоха здѣсь въ словѣ „смертный". Смертность составляетъ общее свойство всего земнаго; значитъ „смерть" есть понятіе общее, родовое; Державинъ же говоритъ только объ одномъ человѣкѣ, а человѣкъ есть видъ существъ, подлежащихъ закону смерти.—Полагаемъ (принимаемъ) *видъ* вмѣсто рода, напр.: уроди мнѣ, Боже, *хлѣбъ*—мое богатство. *(Кольцовъ).* Здѣсь понятіе видовое поставлено вмѣсто родоваго.—Употребляемъ въ рѣчи *извѣстное* число вмѣсто неизвѣстнаго, напр.: воздухъ былъ наполненъ *тысячью* птичьихъ свистовъ („Тарасъ Бульба").—Не блеснутъ темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющемъ и несмѣтными *милліонами* дикихъ розъ. („Мертвыя Души"). — Вмѣсто *отвлеченнаго* отрицанія мы не рѣдко прибѣгаемъ (принимаемъ живой образъ вм. отвлеченнаго отрицанія) къ живому образу, напр.: у меня хлѣба *ни крошки* вм. у меня *нѣтъ* хлѣба,—денегъ *ни копѣйки* вм. нѣтъ денегъ. *Никитинъ* начинаетъ „Пѣснь Бобыля" такъ: „*Ни кола, ни двора,* зипунъ — весь избытокъ". У *Крылова:* „Ни ложки, ни угла". (Басня „Богачъ и Поэтъ").—Примѣры изъ живой рѣчи: ни капли, ни зерна, ни гроша, ни ногой, ни зги, отъ роду не видалъ и пр. Въ старинномъ языкѣ для означенія отрицанія совершеннаго (абсолютнаго) употреблялось характеристическое реченіе—*ни рога:* „и скота не оставиша ни рога".

Изъ этихъ примѣровъ видно, что слово прежде всего заключаетъ въ себѣ наглядное представленіе, а потомъ уже становится выраженіемъ отвлеченнаго понятія.

Къ синекдохѣ относится *антономазія* (Греч. ἀντονομασια, отъ словъ: ἀντι — противъ, вмѣсто и ὄνομα — имя), проименованіе. Она состоитъ

въ томъ, что мы употребляемъ собственное имя вмѣсто свойствъ, ему принадлежащихъ, или же вмѣсто собственнаго имени называемъ главныя свойства извѣстнаго лица, напр.: Илья богатырь вм. онъ силенъ, „Прометей, рѣшительный Прометей" („Мертвыя Души") вм. безбоязненный человѣкъ, „а тотъ летитъ съ стѣны въ гіенну: всякъ *Курцій, Децій*" („На взятіе Измаила" *Державина)* вм. мужественный герой,—„разрушитель Карѳагена" вм. Сципіонъ, „покоритель Казани" вм. Іоаннъ Грозный, „преобразователь Россіи" вм. Петръ Великій, „побѣдитель Наполеона" вм. Александръ I-й, „Царь-Освободитель" вм. Императоръ Александръ II-й, „Царь-Миротворецъ" вм. Императоръ Александръ III-й. Антономазія составляетъ обычный оборотъ въ нашей рѣчи, напр.: „пѣвецъ Свѣтланы" вм. Жуковскій, „творецъ Исторіи Государства Россійскаго" вм. Карамзинъ, „авторъ Горя отъ Ума" вм. Грибоѣдовъ и проч.

4. *Гипербола* (Греч. ὑπερβολή, отъ двухъ словъ: ὑπέρ—черезъ и βάλλω—бросаю, ὑπερβάλλω—преувеличиваю) есть оборотъ рѣчи, представляющій чрезмѣрное увеличеніе предмета или чрезмѣрное уменьшеніе его. Приведемъ примѣры: Илья Муромецъ говоритъ разбойникамъ:

Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокія;
Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
За мной бы были горы высокія;
Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
За мной гоняли табуны бы великіе.

У *Державина:*

И славу моему ты взору
Ея представь, какъ бы въ ночи
Возжженну *бриліантовъ гору*. („Изображеніе Фелицы").

У *Крылова* въ басняхъ:

Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ *гору*. („Лжецъ").

Изъ *Пушкина:*

Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь (въ сундукахъ) хранится,
Изъ нѣдръ земли всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь *потопъ*. („Скупой Рыцарь").

*

Примѣръ изъ „Слова о Полку Игоревѣ“: они же („струны“) сами княземъ славу *рокотаху*... Куряне подъ трубами *повити*, подъ шеломы *взлелѣяни*, конецъ копья *въскормлени*... Японщицами (плащами) и кожухами (шубками) начаша *мосты мостити* по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ.

Всѣ эти примѣры представляютъ намъ образецъ чрезмѣрнаго увеличенія предмета. Примѣръ чрезмѣрнаго уменьшенія предмета можно взять изъ басни *Крылова* „Любопытный“:

Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе *булавочной головки!*

Изъ *Пушкина*. „Съ высоты мнѣ видѣлась Москва, что *муравейникъ*“. („Борисъ Годуновъ“).

5. Аллегорія (*ἀλληγορία*, отъ словъ: ἄλλος—другой и ἀγορά рѣчь) иносказаніе. Когда не одно слово, а цѣлую рѣчь, цѣлый періодъ, цѣлое сочиненіе должно понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, то такой способъ выраженія называется аллегорическимъ. Примѣромъ аллегоріи можетъ служить изображеніе судьбы Израильскаго народа въ псалмѣ 79-мъ: „Изъ Египта перенесъ Ты виноградную лозу, изгналъ народы и посадилъ ее. Ты очистилъ для ней *мѣсто*, и она пустила корни свои и заняла всю землю. Горы покрылись ея тѣнію, и отрасли ея стали, какъ кедры Божіи. Она простерла вѣтви свои до моря, и отрасли свои до рѣки. Почто разрушилъ Ты ограды ея, чтобы обрывали ее всѣ проходящіе путемъ? Лѣсный вепрь подгрызаетъ ее, и полевый звѣрь поядаетъ ее. Боже воинствъ! обратися, приникни съ небесъ и зри, и посѣти виноградникъ сей, сіе насажденіе, которое насадила десница Твоя“. (Псалтирь на Россійскомъ языкѣ. Спб. 1823). Въ этой аллегоріи нѣтъ ни одного обстоятельства, которое не относилось бы къ виноградной лозѣ; въ то же время все согласно и съ положеніемъ Израильскаго народа, здѣсь представленнаго.—Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ находимъ примѣры аллегоріи: „На Немизѣ (рѣкѣ) снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла“. Аллегорія правильна и выдержана; читатель удобно соединяетъ понятіе о молотьбѣ хлѣба съ ужаснымъ кровопролитіемъ. Разсказъ Кіевскихъ бояръ о походѣ Игоря есть также аллегорическій: „се бо два сокола (Игорь и Всеволодъ) слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмотораканя, а любо испити шеломомъ Дону; уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины желѣзны“. Темно бо бѣ въ третій день: два солнца помѣркоста (здѣсь метафора заимствована отъ солнечнаго затменія), оба багряная стлъпа погасоста (та же мысль, т. е. что Игорь и Всеволодъ взяты въ плѣнъ,

но только метафора взята отъ сѣвернаго сіянія: это показываетъ богатство воображенія, которое, не довольно будучи одною картиною, рисуетъ другую, хотя обѣ онѣ означаютъ то же самое), и съ нимъ молодая мѣсяца (Олегъ и Святъславъ) тьмою ся поволокоста".—Басни *И. А. Крылова* „Оселъ и Соловей", „Василекъ" и другія могутъ служить прекраснымъ примѣромъ аллегоріи. Въ нихъ говорится про извѣстный предметъ, а надо понимать совершенно другое. „Оселъ"—аллегорическій образъ невѣжды, „Соловей"—аллегорическій образъ умнаго, талантливаго человѣка, котораго невѣжды не понимаютъ; *Василекъ*—аллегорическій образъ Крылова, таланту котораго покровительствовала Императрица Марія Ѳеодоровна [1]) („Солнце".)—Аллегорію иначе называютъ распространенною метафорой.

Прекрасный примѣръ аллегоріи представляетъ стихотвореніе *Горація* „Къ Республикѣ" (кн. I, ода XIV, перев. *А. Фета)*:

Корабль, морской волной влечетъ тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся портъ занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастій
Бока обнажены, и перебиты снасти
Порывами вѣтровъ, что реи ужъ давно
На мачтѣ стонутъ всѣ, и все сокрушено?
Канаты лопнули и остовъ килемъ старымъ
Не въ силахъ болѣе бороться съ моремъ ярымъ!
Ни славнымъ именемъ, ни родомъ издавна,
Дочь гордая лѣсовъ, Понтійская сосна,
Боговъ защитниковъ въ бѣдахъ не умолила:
Въ богахъ защиты нѣтъ и лопнули вѣтрила.
Пловецъ, испуганный кипящею волной,
Не вѣритъ кораблю съ расписанной кормой [2]),
Ты жъ берегися бурь сѣдаго океана,
Коль не желаешь быть игралищемъ оркана.
Недавно по тебѣ проникнутъ горемъ весь,
И сердцемъ преданный судьбѣ твоей поднесь,
Я говорю: страшись, бѣги морскаго тока,
У мраморныхъ Цикладъ [3]) кипящаго глубоко.

---

[1]) Супруга Императора Павла I-го.

[2]) Древніе расписывали корму кораблей, и Горацій намекаетъ на внѣшній блескъ Рима, на который, въ опасности, такъ же мало надежды, какъ на расписанную корму корабля.

[3]) Циклады—группа островов близь Делоса; по причинѣ бурныхъ при-

Въ этомъ стихотвореніи, наполненномъ возвышенною печалію, поэтъ подъ иносказательнымъ образомъ корабля, разбиваемаго бурею, представляетъ несчастное свое отечество, раздираемое междоусобіями.

У *А. С. Пушкина* находимъ столь же превосходный примѣръ аллегоріи въ стихотвореніи „Пророкъ", въ которомъ поэтъ подъ разными аллегорическими покровами изобразилъ глубокую мысль — обновленіе человѣка благодатію Божіею:

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой.
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!"

(Запмствовано изъ книги пророка Исаіи, гл. VI-я).

6. *Иронія* (отъ Греч. слова: εἰρωνεία) — насмѣшка. Превосходный примѣръ ироніи находимъ въ первой картинѣ произведенія *Пушкина*: „Борисъ Годуновъ". Шуйскій говоритъ боярину Воротынскому:

Какая *честь* для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы [1]) Мономаха...

Примѣръ ироніи изъ басни *И. И. Хемницера* „Метафизикъ": „*премудрость* изо рва на свѣтъ произвести".

боевъ у береговъ ихъ, они выставлены Гораціемъ въ примѣръ опасности.—Ода относится ко времени смутъ 722 года, предшествовавшихъ битвѣ при Акціумѣ.— Уже *Алкей* (VII в. до Р. Х., Греческій поэтъ) сравнивалъ государство съ кораблемъ.

[1]) *Бармы* — оплечье, сдѣланное изъ дорогой матеріи и покрытое пятью изображеніями святыхъ. Оно возлагалось на плечи Государя.

(Изъ пѣсни: „Не шуми, мати зеленая дубровушка“).

Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушка, *пожалую*
Среди поля хоромами высокими,
Что *двумя ли столбами съ перекладиной*.

Язвительная насмѣшка, соединенная съ презрѣніемъ, называется *сарказмомъ* (Греч. σαρκασμός). „Радуйся, Царю Іудейскій!“ говорили Евреи, ругаясь надъ Спасителемъ.

§ 15. *О Фигурахъ.—Фигурами* (отъ Лат. слова figura, оборотъ рѣчи) называются такіе обороты рѣчи, которые отступаютъ отъ обыкновеннаго, логическаго ея строя. Риторика *Кошанскаго* (1829 г.) насчитывала весьма много фигуръ.—Мы назовемъ наиболѣе употребительныя: прозопопея, апострофа, антитезъ, сравненіе, вопрошеніе, восклицаніе.

1. *Прозопопея* (Греч. προσωποποῖια, изъ трехъ словъ: πρόσω—впередъ, ὄψ, ωπός—лице и ποιέω—дѣлаю, творю) по-Русски значитъ олицетвореніе.—Прозопопея—такой оборотъ, въ которомъ писатель придаетъ предметамъ неодушевленнымъ и отвлеченнымъ свойства предметовъ одушевленныхъ и чувственныхъ. У всѣхъ народовъ природа бездушная, неразумная, представляется предметомъ живымъ, разумнымъ: ей приписываютъ мысли, слова и дѣйствія человѣка. Человѣку свойственно олицетворять природу, потому что онъ среди ея живетъ, находится постоянно подъ ея вліяніемъ. *Г. Р. Державинъ* въ стихотвореніи „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока“ изобразилъ зиму въ видѣ лихаго старика:

Съ бѣлыми Бореи власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука.

А. С. Пушкинъ въ сочиненіи своемъ „Евгеній Онѣгинъ“ представилъ зиму въ образѣ волшебницы:

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ,—и вотъ сама
Идетъ *волшебница зима*.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
(Евг. Онѣгинъ. Гл. VII).

Въ стихотвореніи Пушкина „Зимній Вечеръ“ олицетворена буря; въ стихотвореніи его же „Бѣсы“ олицетворена метель. *Н. А. Некрасовъ* въ сочиненіи „Морозъ красный-носъ“ представилъ олицетвореніе мороза·

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Идетъ, — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

(Далѣе морозъ говоритъ):
Метели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда;
Пойду на моря-окіяны—
Построю дворцы изо льда.
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

Въ народной поэзіи олицетворяются рѣки; имъ въ уста влагаются рѣчи:

Ой, ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
Ой, что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь!
„Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
Посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ“.

Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ Донецъ ведетъ разговоръ съ Игоремъ: Донецъ рече: „княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку (Половецкому хану) нелюбія, а Руской земли веселія“. Игорь рече: „о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ“.

Иногда писатели олицетворяютъ предметы міра отвлеченнаго. Въ стихотвореніи *Пушкина* „Утопленникъ“ угрызенія совѣсти представлены въ образѣ утопленника. Тѣ же самыя угрызенія совѣсти Нѣмецкимъ поэтомъ *Шиллеромъ* олицетворены въ видѣ Эринній („Ивиковы Журавли“, перев. *В. А. Жуковскаго*).

Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
Терзать васъ будемъ до Коцита (до ада),
Но не покинемъ васъ и тамъ.

(См. 1 ч. нашей „Христоматіи“, изд. 1897).

М. Т. Цицеронъ въ рѣчи противъ Катилины олицетворилъ Римскую республику. Ораторъ заставилъ *ее* говорить съ Катилиною и просить удаленія его изъ города. „Хоть мнѣ и не слѣдовало бы

терпѣть твоихъ прежнихъ поступковъ, однако я сносила ихъ, какъ умѣла, теперь же одинъ ты заставляешь меня дрожать всѣмъ тѣломъ,— гдѣ ни заговорятъ о чемъ ужасномъ,—вездѣ со страхомъ произносятъ имя Катилины... Выносить этого я не въ силахъ. И такъ, удались, успокой меня отъ этого страха, чтобы я избавилась отъ опасеній, если онъ справедливъ, пришла наконецъ въ себя, если—ложенъ". (Перев. *В. Алексѣева*. Спб. 1888, вып. 1-й, стр. 40),

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что олицетвореніе приписываетъ предметамъ бездушнымъ и отвлеченнымъ свойства и дѣйствія предметовъ одушевленныхъ и чувственныхъ,—что этотъ оборотъ рѣчи равно употребителенъ какъ въ классической, такъ и въ новой Словесности, какъ въ народной, такъ и письменной отрасли ея.

2. *Апострофа* (Греч. ἀποστρέφω, обращаю, ἀποστροφή—обращеніе) есть такая фигура, въ которой писатель обращается къ отсутствующимъ предметамъ, какъ къ предметамъ, при немъ находящимся, и съ предметами бездушными, или умершими, говоритъ какъ съ живыми. Этимъ оборотомъ рѣчи часто пользуются ораторы. Русскій проповѣдникъ XI столѣтія, митрополитъ Иларіонъ, въ церкви, въ присутствіи Ярослава Мудраго, произносилъ слово, въ которомъ онъ указывалъ на разныя дѣянія Великаго Князя, клонящіяся къ распространенію Христіанской вѣры. Обращаясь ко гробу Равноапостольнаго князя Владиміра, Иларіонъ говоритъ такъ: „Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ встанія. Встани, виждь чадо свое Георгіа (Ярославъ при крещеніи получилъ имя Георгія), виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь красящаага столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися". Иларіонъ здѣсь говоритъ съ предметомъ мертвымъ, какъ съ живымъ. Митрополитъ *Платонъ*, знаменитый ораторъ временъ Императрицы Екатерины II и Александра Благословеннаго, говоря въ Петропавловскомъ соборѣ слово въ день торжества побѣды Русскихъ надъ Турецкимъ флотомъ при Чесмѣ (1770г.), подошелъ къ гробницѣ Петра Великаго и сказалъ: „Востань теперь, Великій Монархъ, Отечества нашего Отецъ! востань и воззри на любезное изобрѣтеніе Твое (т. е. на флотъ): оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Востань и насладись плодами трудовъ Твоихъ! О, какъ-бы Твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если-бы... Но слыши! Мы тебѣ, какъ *живому*, вѣщаемъ, слыши: флотъ Твой въ Архипелагѣ, близь береговъ Азійскихъ, Оттоманскій флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ Твоимъ весь Востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія". У поэтовъ въ употребленіи бываетъ тотъ же оборотъ рѣчи. Для примѣра укажемъ на стихотвореніе *Пушкина* „Къ Морю", на отрывокъ изъ „Мертвыхъ Душъ" *Н. В. Гоголя*, начинающійся словами: „Русь!

вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека (т. е. изъ Италіи) тебя вижу, бѣдна природа въ тебѣ [1])" и пр.

3. *Антитезъ* (отъ Греч. ἀντίϑεσις, противоположность, противоположеніе) есть такая фигура, въ которой сопоставляются рядомъ два противоположные предмета. Цѣль антитеза та, чтобы разительнѣе представить отличительныя черты обоихъ предметовъ и тѣмъ усилить впечатлѣніе наблюдателя. Поэты и ораторы часто прибѣгаютъ къ такому обороту рѣчи. Примѣромъ намъ можетъ служить стихотвореніе *Державина* „Богъ", гдѣ сказано:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я богъ!

Въ другомъ стихотвореніи Державина, „На смерть князя Мещерскаго" находимъ слѣдующій поразительный антитезъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ...

Митрополитъ *Платонъ* въ рѣчи своей, произнесенной на коронованіе Императора Александра I (1801 г.) говоритъ: „Сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе, но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя". Другой превосходный примѣръ антитеза мы беремъ изъ слова митроп. Москов. *Филарета* объ одеждѣ. Онъ указываетъ на Главу (т. е. Христа) и на члены (т. е. христіанъ) и держитъ такую рѣчь; „Воззрите, члены тѣла Христова, на Главу свою, и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя ваши украшенія? Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ; а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со Главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багровѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностью; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости,—и, думая сами себѣ дать красоту,

---

[1]) Мертвыя Души, ч. I, гл. XI,—или въ Христом. *Филонова*. Спб. 1897, ч. I, изд. 8-е, стр. 421.

въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живый образъ человѣческій въ изображеніе художественное!“ (Это знаменитое слово вполнѣ напечатано въ IV части нашей „Христом.“. Спб. 1896, изд. 4-е, стр. 657).

4. *Сравненіемъ* называется сличеніе двухъ предметовъ, сходныхъ между собою въ какомъ-либо качествѣ. Оно отличается отъ метафоры своею опредѣленностію, полнотою и бо́льшимъ развитіемъ; метафора есть то же сравненіе, но неполное, неразвитое. Сравненіе придаетъ много блеску и красоты нашей рѣчи во всякаго рода произведеніяхъ. Удовольствіе, которое человѣкъ ощущаетъ, читая сравненіе, происходитъ во-первыхъ оттого, что умъ открываетъ сходство между предметами, повидимому, совершенно различными. Сравненіе вызываетъ наблюдательность духа и тѣмъ способствуетъ развитію нашихъ знаній. Замѣчательно, что даже дѣти любятъ сравнивать предметы, ихъ окружающіе. Во-вторыхъ, сравненіе нравится намъ по причинѣ той ясности, которою оно освѣщаетъ главный предметъ. Въ-третьихъ мы ощущаемъ удовольствіе [1]) при сравненіи потому, что видимъ новый предметъ, который какъ-бы сливается съ главнымъ; намъ представляется новый образъ, а слѣдовательно усиливается дѣятельность воображенія.

Мы приведемъ примѣры художественнаго сравненія изъ твореній *Гомера:*

Рѣялъ (Діомедъ) по бранному полю, подобный *рѣкѣ* наводненной,
Бурному въ осень *разливу*, который мосты разсыпаетъ;
Бѣга его укротить ни мостовъ укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержать изгороды не могутъ,
Если незапный онъ хлынетъ, дождемъ отягченный Зевеса;
Вкругъ отъ него разсыпаются юношей красныхъ работы:
Такъ отъ Тидида (Діомеда) кругомъ волновались густыя фаланги
Трои сыновъ, и стоять не могли, превосходныя силой.
(Иліада, перев. *Н. И. Гнѣдича*, пѣснь V).

Въ этомъ примѣрѣ храбрость Діомеда сравнивается съ потокомъ: какъ разлившійся потокъ ни въ чемъ не находитъ препятствія, такъ и Діомедъ побѣждаетъ все, что встрѣчается ему на пути.

Словно отецъ сокрушается, кости сжигающій сына,
Въ гробъ женихомъ нисходящаго, къ скорби родителей бѣдныхъ.
Такъ сокрушался Пелидъ (Ахиллесъ), сжигающій кости Патрокла,
Окрестъ костра пресмыкаясь, и сердцемъ глубоко стеная.
(Иліада, пѣснь XXIII).

---

[1]) Tralationes... propter similitudinem transferunt animos et referunt ac movent huc et illuc; qui motus cogitationes celeriter agitatus per se ipse delectat. *Cicero*. Orat. 134.

Здѣсь грусть Пелида о Патроклѣ сравнивается съ грустію отца, потерявшаго сына.

Пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ" сыплетъ щедрою рукою сравненія или уподобленія; но они чрезвычайно кратки, просты и никогда не прерываютъ повѣствованія, напр.: „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ (сѣрымъ) влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ".—Здѣсь пѣснопѣвецъ изъ каждаго движенія Игоря рисуетъ особую картину. Передъ глазами нашими Игорь побѣжалъ къ тростнику какъ *горностай*, поплылъ какъ *гоголь*, пошелъ какъ *волкъ*, и наконецъ, когда уже было далеко, полетѣлъ какъ *соколъ*, подъ тонкими утренними туманами, избивая гусей и лебедей.

Въ сочиненіяхъ *А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго* и другихъ находимъ много прекрасныхъ сравненій. У Пушкина въ „Полтавѣ" Петръ сравнивается съ тяжкимъ молотомъ:

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей Шведскій паладинъ (рыцарь).
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ *тяжкій млатъ,*
Дробя стекло, куетъ булатъ. (Пѣснь I).

У *Гоголя* въ повѣсти „Тарасъ Бульба" находятся Гомеровскія сравненія, напр.: слово сравнивается съ колоколомъ. „Далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогаго, чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву". (Гл. VIII). Отрывокъ изъ „Мертвыхъ Душъ" Гоголя, подъ названіемъ „Тройка" [1]), гдѣ Россія сравнивается съ тройкой лихихъ лошадей, можетъ служить примѣромъ весьма смѣлаго сравненія.—Въ сочиненіи *Жуковскаго* „Воспоминаніе о торжествѣ 30 авг. 1834 г." представленъ превосходный примѣръ сравненія памятника Петру Великому (въ С.-Петербургѣ) съ древней Россіей и Александровской колонны съ Россіею новѣйшаго времени. Этотъ отрывокъ,—который надо знать наизусть,—приведемъ здѣсь:

„Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь же почти огромный, какъ сама она; и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на

---

[1]) Ч. I, гл. XI, или I ч. Христ. *Филонова.* Спб. 1897, ч. I, изд. 8-е, стр. 422.

краю стремнины; и на этой скалѣ написано *Петръ*, и рядомъ съ нимъ *Екатерина*; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная, колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ; и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею) однимъ мановеніемъ Царскимъ сдвинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финнъ, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесъ и боецъ Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы [1]) и Наварина [2])... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная Самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время *созданія мирнаго;* что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и

---

[1]) *Чесма*— портовый городъ у западнаго берега Малой Азіи, насупротивъ острова Хіоса. Здѣсь въ 1770 году, съ 25 на 26 іюля, произошло морское сраженіе, въ которомъ гр. А. Орловъ, Спиридовъ и Грейгъ сожгли Турецкій флотъ. Начальствовалъ нашими силами Орловъ.

[2]) *Наваринъ* (Неокастронъ)—портовый городъ на югозап. берегу Мореи, извѣстенъ морскою побѣдою, одержанной 8 окт. 1827 г. Англо-Французо-*Русскимъ* флотомъ надъ Египетско-Турецкимъ. Начальствовалъ гр. Гейденъ.

бодрымъ народомъ и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная Самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоносснаго Ангела, а имя его: *Божія правда*". (Соч. *В. А. Жуковскаго*. Спб. 1878, т. VI., стр. 507—508).

Еще за часъ цвѣтущій, *какъ весна*,
Прекрасный, *какъ* живая *роза*,
И полный силы, *какъ орелъ*—
Теперь онъ передъ ихъ (войскъ) очами
Лежалъ безгласный.
В. Жуковскій. (Рустемъ и Зорабъ, „Третій бой").

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ;
Такъ плещетъ на багровомъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ. *А. Фетъ*.

При составленіи сравненія писателю необходимо соблюдать нѣкоторыя правила. Такъ какъ цѣль сравненія—уяснять предметъ, то для сравненія надобно избирать во-первыхъ предметъ, наиболѣе извѣстный, понятный большинству читателей: нельзя брать для сравненія предметъ отвлеченный, потому что онъ самъ требуетъ уясненія.

Во-вторыхъ надобно брать для сравненія такіе предметы, между которыми есть сходныя черты.

Третье правило для составленія сравненій заключается въ томъ, чтобы не брать предметовъ, слишкомъ уже обыкновенныхъ, потому что тогда представляется мало матеріала для нашей наблюдательности. Иные писатели прибѣгаютъ къ общепринятымъ сравненіямъ, напр.: героя сравниваютъ со львомъ, чистоту со снѣгомъ, душевныя страсти—съ бурей,—человѣка въ горести уподобляютъ цвѣтку съ наклоненной головкой. Такія сравненія называются избитыми; они нисколько не показываютъ наблюдательности писателя, или—его изобрѣтательности, и потому не придаютъ рѣчи никакого блеска.

Примѣчаніе. Въ народной рѣчи употребляются различные способы сравненія: 1) существительное въ творит. падежѣ: положи. Господь, *камешкомъ*, подыми *перышкомъ*; 2) прилагательное въ дат. п. съ предлогомъ: бока (у корабля) сведены *по туриному*, а носъ да корма *по звѣриному*; 3) существительное съ предлогомъ *безъ*: чужая сторонушка *безъ* вѣтру сушитъ; 4) простое сопоставленіе двухъ явленій, которыми указывается на одинаковость общаго впечатлѣнія: *стелется* и *вьется*, по лугамъ зеленѣетъ: *цѣлуетъ*, *милуетъ* Иванъ жену молодую;

5) сопоставленіе двухъ предметовъ, съ указаніемъ свойствъ только одного изъ нихъ: *житье, что гороху* при *дорогѣ*: кто ни пройдетъ, тотъ и скубнетъ; 6) уподобленіе одного явленія другому, отрицательно изображенному: *не бѣлы-то снѣги въ полѣ забѣлѣлися*; то мово ли дружка каменны палаты; 7) полное опущеніе уподобляемаго: *горькимъ* быть—расплюютъ, *сладкимъ*—проглонутъ; 8) слитіе сравниваемыхъ предметовъ: чужая сторонушка *горемъ* вся изнасѣяна, *слезами* поливана, *печалью* огорожена и т. д. (См. брошюру *С. Шафранова*: „Къ рѣчи о преподаванiи Русскаго языка и Словесности въ Гимназіяхъ". Спб. 1869, стр. 52 и д.,—нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ *А. А. Ляцкаго*. Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и Словесности. Спб. 1897, т. II-го кн. 3-я,—Введеніе въ Исторію Рус. Словесности. *П. В. Владимірова*. Кіевъ. 1896, стр. 59 и д.

5. *Вопрошеніе* и *восклицаніе*—фигуры, часто употребляемыя писателями. Вопрошеніе заключаетъ въ себѣ вопросъ, не требующій иногда отвѣта,—а восклицаніе есть выраженіе удивленія, возбужденнаго предметомъ или дѣйствіемъ. Эти фигуры придаютъ большую силу рѣчи писателя, а равно и самому предмету. Такъ архіепископъ Новгородскій *Ѳеофанъ Прокоповичъ* свою рѣчь на погребеніе Петра Великаго (1725 г.) начинаетъ слѣд. словами: „Что се есть! До чего мы дожили, о Россіане! Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!" (Историческая Христоматія, *А. Галахова*. Спб. 1861, т. I, стр. 60).

§ 16. *Заключеніе о тропахъ и фигурахъ*.—Ученіе о тропахъ и фигурахъ мы заключимъ словами Квинтиліана и Н. М. Карамзина. *Квинтиліанъ*, знаменитый Римскій риторъ, говоритъ: „Тѣла здоровыя, и чистокровныя, и упражненіемъ укрѣпленныя, получаютъ красоту отъ того самаго, отъ чего и—силы (vires); напротивъ ежели кто тѣла изувѣченныя и натертыя прикрасами женоподобно украшаетъ, то они покажутся еще хуже отъ самаго старанія о красотѣ ихъ. Позволительный и великолѣпный нарядъ придаетъ достоинство (auctoritatem) человѣку, тогда какъ, напротивъ, женоподобный и роскошный не тѣло украшаетъ, но открываетъ легкомысліе. Равно блистательный и пестрый слогъ (выраженіе—elocutio) нѣкоторыхъ писателей дѣлаетъ слабыми самыя мысли, которыя онымъ подборомъ словъ одѣваются. Слѣдовательно о словахъ стараться, а о *мысляхъ* пещися должно". (Institutiones Oratoriae. Lib. VIII, prooemium, 18—20. См. еще Краткое Руководство къ Краснорѣчію, книга первая, Риторика *М. В. Ломоносова*, § 146 въ изд. Академіи Наукъ 1895, томъ третій).

Н. М. Карамзинъ говоритъ: „Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія,—все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда *одушевляется чувствомъ*". (Въ статьѣ: Что нужно автору? 1793 г.). Означенные два писателя желаютъ сказать, что рѣчь безъ содержанія, безъ мысли, хотя бы испещрена была всевозможными тропами и фигурами, не будетъ имѣть значенія. Нѣтъ ничего хуже, какъ читать писателя, который думаетъ отдѣлываться звонкою фразою, блестящимъ оборотомъ рѣчи и даетъ произведеніе, бѣдное по содержанію и смыслу...

Библіогр.—Cicero: De Oratore, lib. III, cap. LII—LIV,—Orator, XXXIX—XL.—*Qnintilianns*: Institutiones Oratoriae, lib. IX—*Лонгинъ*: о высокомъ, пер. *И. Мартынова*. Спб. 1803, гл. 16—28. (Было нѣсколько изданій).—*С. П. Шевыревъ:* Теорія Поэзіи въ историч. развитіи. М. 1836, стр. 108. — Изъ исторіи эпитета. *А. Веселовскаго*. Жур. М. Н. Просв. 1895, Декабр.—

§ 17. *Главныя формы рѣчи.*—Главныя формы рѣчи суть слѣдующія: отрывистая и періодическая. Рѣчь *отрывистая* состоитъ изъ краткихъ предложеній, иногда связанныхъ, а иногда и не связанныхъ союзами и мѣстоименіями относительными. Отличительныя черты этой рѣчи: краткость, сила и выразительность. Образцами отрывистой рѣчи у древнихъ служатъ *Аристотель* и *Тацитъ*. Никого не найдемъ бережливѣе ихъ на слова. У насъ отрывистая рѣчь достигла высокаго совершенства подъ перомъ *Пушкина*. Произведенія его „Путешествіе въ Арзерумъ“, „Исторія Пугачевскаго бунта“, „Капитанская Дочка“ представляютъ высокіе образцы отрывистой рѣчи. Приведемъ примѣры: „Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го Января самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при *Старицѣ* (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ и, ставя лѣстницы, силились взойти на валъ, но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ Подпоручикъ Толстоваловъ, съ пятидесятью охотниками, сдѣлалъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ“. (Соч. А. С. Пушкина. Исторія Пугач. бунта, гл. V).—

Въ приведенномъ отрывкѣ есть предложенія, состоящія изъ двухъ словъ, напр.: „Пугачевъ скрежеталъ“.—Есть нѣсколько предложеній, вовсе не имѣющихъ союзовъ и относительныхъ мѣстоименій, напр.: первыя три предложенія. Вообще весь отрывокъ представляетъ собою рядъ предложеній, не имѣющихъ ни одного *относительнаго* мѣстоименія,—рядъ предложеній, стоящихъ отдѣльно другъ отъ друга,—рядъ предложеній, имѣющихъ много точекъ, а эта учащенная постановка знаковъ препинанія показываетъ, что здѣсь мысли часто отрываются одна отъ другой. Въ отрывистой рѣчи мысли соединяются не частицами и мѣстоименіями относительными, а общимъ отношеніемъ къ главному предмету,—что̀ ясно видно изъ приведеннаго примѣра.

Отрывистая рѣчь употребляется въ сочиненіяхъ разнаго рода. Примѣры ея можно найти въ „Полтавѣ“ *Пушкина*, сочиненіи поэтическомъ, напр.:

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.

Пять краткихъ предложеній, пять точекъ, и ни одной соединительной части рѣчи, т. е. ни мѣстоименія относительнаго, ни союза.

Рѣчь отрывистая особенно употребляется тогда, когда писатель подавленъ разнообразіемъ представившихся ему картинъ, или величіе предмета такъ охватываетъ мысль писателя, что ему нѣтъ возможности изъясняться пространно. *Пушкинъ* въ „Полтавѣ“, описывая Полтавскій бой, говоритъ:

Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!..

Очевидно, что поэтъ не могъ выразиться связною рѣчью, потому что разнообразіе картинъ подавляло его, и впечатлѣнія битвы сильно потрясали его душу.

Особенно отрывистая рѣчь называется *лаконическою*, т. е. Лакедемонскою [1]). Такая рѣчь свойственна великимъ людямъ и героямъ, которые, подобно Лакедемонцамъ (т. е. Спартанцамъ), больше дѣйствуютъ, нежели говорятъ. Во всѣ времена великіе люди о великихъ событіяхъ не любили разглагольствовать. Когда многіе говорили, что Персидское войско одними копьями затмитъ Спартанцевъ, то одинъ спартанецъ (Діэнецъ) отвѣчалъ: „будемъ сражаться въ тѣни“... Цезарь о своей побѣдѣ надъ царемъ Понтійскимъ Фарнакомъ (въ 47 г.) такъ доносилъ Сенату: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“ (veni, vidi, vici). Суворовъ любилъ лаконизмы. О взятіи Туртукая (1773 г.), обращеннаго солдатами въ пепелъ, онъ такъ писалъ: „Слава Богу! слава вамъ (Г. А. Потемкину)! Туртукай взятъ и я тамъ“. Передъ взятіемъ Измаила (1789 г.) Суворовъ говорилъ: „одинъ день Богу молиться; другой день учиться; въ третій день смерть или побѣда!“ О взятіи Измаила (1790 г.), при которомъ погибло 26 тысячъ Турокъ, онъ доносилъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й такъ: „Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“.

---

[1]) Названіе заимствовано отъ Лакедемонянъ, которымъ особенно была непріятна излишняя болтливость.

А Потемкину такъ писалъ: „Россійскія войска на стѣнахъ Измаила“. О взятіи Варшавы (1794 г.), сопровождавшемся гибелью 13-ти тысячъ Поляковъ, донесъ полководецъ тремя словами: „Ура! Варшава наша!“ Князь *А. И. Барятинскій* о взятіи Шамиля (26 авг. 1859 г.) прислалъ слѣд. телеграмму Государю Императору Александру II: „Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну и отправленъ въ С.-Петербургъ“. Такъ коротко донесено было объ окончаніи долговременной и ожесточенной борьбы противъ насъ Шамиля.

Лаконизмы употребительны въ надписяхъ на храмахъ, на общественныхъ зданіяхъ, на могильныхъ памятникахъ и пр. На одномъ жертвенникѣ въ Аѳинахъ (во времена Апостола Павла) была надпись: „*Невѣдомому Богу*“. (Дѣян. св. Апост. XVII—23).—На воротахъ Воспитательнаго Дома въ Москвѣ, основаннаго Императрицею Екатериною Великою, читаемъ два слова: „воспитаніе и милосердіе“.—На Румянцевскомъ музеѣ (онъ былъ прежде въ С.-Петербургѣ) была надпись: „На благое просвѣщеніе“.—На медаляхъ въ память войны 1812-го года вычеканена знаменательная надпись: „Не намъ, не намъ, но имени Твоему“.—На главномъ зданіи училища (гимназіи) въ Итонѣ (близъ Лондона) написано: „aut disce, aut discede“ (или учись, или выходи вонъ).—Надпись, сочиненная самимъ Суворовымъ для могильной плиты, гласила: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“. (Въ Александроневской Лаврѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Благовѣщенскомъ Соборѣ. Достопамятности С.-Петербурга. П. Свиньина. Спб. 1817, стр. 20).—

Рѣчь, состоящая изъ періодовъ, называется *періодическою*. О періодахъ скажемъ въ отдѣльной главѣ.

ГЛАВА III.

Ученіе о періодахъ.

§ 18. Полное выраженіе мысли во всѣхъ частяхъ ея, однимъ ли логическимъ предложеніемъ, или сочетаніемъ нѣсколькихъ предложеній въ одно цѣлое, называется *періодомъ*.

Примѣры періода: 1. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ въ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. *А. Пушкинъ*. (См. „Записки“ въ собр. соч. А. С. Пушкина).

Примѣч. Здѣсь мысль выражена однимъ *логическимъ* предложеніемъ.

2. Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе:

Россія угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями (говорится о Монгольскомъ игѣ) уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. *Н. Карамзинъ*. (Исторія Государства Россійскаго. Изд. 2-е, т. V, гл. IV, стр. 412).

Примѣч. Въ этомъ періодѣ мысль выражена сочетаніемъ нѣсколькихъ предложеній.

Предложенія, входящія въ составъ періода, располагаются въ такой тѣсной связи между собою, такъ другъ друга объясняютъ и дополняютъ, что своимъ внутреннимъ единствомъ и внѣшнимъ выраженіемъ образуютъ одинъ замкнутый *кругъ*: „περιοδος". Греческое слово „περιοδος" значитъ „кругъ" и состоитъ изъ двухъ словъ: „περι"—около, вокругъ и „ὁδος—путь. Главная мысль (матерія) служитъ тою точкою, около которой соединяются всѣ остальныя мысли.

Примѣч.—Слово «періодъ», *метафорическое*. Оно заимствовано отъ Олимпійскихъ игръ, во время которыхъ возница, выѣхавъ изъ опредѣленнаго мѣста и обогнувъ извѣстный, для мѣты поставленный, столбъ, возвращался опять въ прежнее мѣсто. Этотъ пройденный имъ путь *вокругъ* даннаго пространства и назывался, въ буквальномъ смыслѣ, періодомъ.

§ 19. *Разныя опредѣленія періода.*—Греческій философъ *Аристотель* (IV в. до Р. Х.) называетъ періодъ „рѣчію, имѣющею въ себѣ самой начало и конецъ и пространство (величину), легко обнимаемое (умомъ)": λέγω δὲ περίοδον λέξιν ἔχουσαν ἀρχὴν καὶ τελευτὴν αὐτὴν καθ αὐτην καὶ μέγεθος εὐσύνοπτον (Rhetorica, Lib. III, cap. IX). Примѣры, приводимые Аристотелемъ: „случается, что и умные люди наслѣдуютъ худую участь, а малоумные живутъ счастливо;" „и тѣ, которые по природѣ граждане, чрезъ законъ лишаются гражданства". (Тамъ же). Опредѣленіе періода, сдѣланное Аристотелемъ, считалось въ древности самымъ лучшимъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ знатокъ дѣла, *Димитрій Фалерейскій* [1]), въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи „о выраженіи" (Περί ἑρμηνείας). Одна половина опредѣленія Аристотеля указываетъ на полноту мысли въ періодѣ (*начало* и *конецъ*), другая—на составныя его части и члены (пространство, или *величину*). Періодъ долженъ имѣть въ себѣ начало и конецъ, напр.: „случается, что и умные люди наслѣдуютъ худую участь"; если мы дальше ничего не скажемъ, то рѣчь наша не будетъ имѣть въ себѣ конца,—но если прибавимъ „а малоумные живутъ счастливо", то рѣчь получитъ надлежащую полноту, т. е. въ ней будетъ и начало и конецъ.—Прекрасное опредѣленіе періода находимъ у названнаго нами выше писателя, Димитрія Фалерейскаго; онъ говоритъ: „ἔστι γάρ περίοδος σύστημα εκ κώλων ἢ κομμάτων [2]) εὐκατα-

---

[1]) Род. около 345, ум. 283 г. до Р. Х. О немъ съ большою похвалою отзывается *Цицеронъ*. Orator, XXVII.

[2]) κῶλα и κόμματα различаютъ тѣмъ, что κῶλα—(membra) заключаютъ въ себѣ полную мысль или полную часть мысли, κόμματα—(incisa) представляютъ

στρόφων πρὸς τὴν διάνοιαν τὴν ὑποκειμένην ἀπηρτισμένον": періодъ есть сочетаніе изъ стройныхъ частей и членовъ, приспособленное къ подлежащей мысли. (Περὶ ἑρμηνείας, περὶ περιόδων. Rhetores Graeci, ex recognitione Spengel, vol III, pag. 262). *Цицеронъ* называетъ періодъ „словеснымъ кругомъ": circuitus orationis, ambitus, comprehensio, continuatio, circumscriptio. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія „Ораторъ", Цицеронъ говоритъ, что періодъ есть „рѣчь, обращающаяся въ кругѣ и до тѣхъ поръ бѣгущая, пока должна остановиться на мысли оконченной и совершенной". (Orator, 107).—То же самое опредѣленіе періода дѣлаетъ *Квинтиліанъ*, называя его „ambitus, circumductus, continuatio, conclusio. (Institutiones Oratoriae. Lib. IX, cap. IY).

Въ новѣйшее время *Германскіе* ученые опредѣляютъ періодъ слѣдующимъ образомъ: „когда соединимъ нѣсколько сложныхъ, распространенныхъ предложеній въ одно цѣлое такъ, что между начальными и заключительными предложеніями будетъ существовать явное равновѣсіе относительно объема, послѣдовательности отдѣльныхъ частей, и даже относительно ритма, то получимъ *періодъ*, περίοδος, circuitus, ambitus, orbis verborum, т. е. разнообразіе мыслей, соединенныхъ въ одно цѣлое". (*Гейнзіусъ*, профессоръ Берлинской семинаріи. Филологич. Записки, изд. въ Воронежѣ 1862—1863 г., вып. IV и V, статья *К. Говорова*: „Нѣсколько словъ о періодѣ").

Нѣкоторые наши ученые опредѣляютъ періодъ такъ: „періодъ есть выраженіе умозаключенія". (Чтенія о Словесности. *И. Давыдова*. М. 1837, изд. 2-е, курсъ 1-й, стр. 107).—Въ нашемъ мышленіи три формы: понятіе, сужденіе и умозаключеніе.—Понятіе о предметѣ, выраженное словомъ, называется именемъ существительнымъ; сужденіе, выраженное словами, именуется предложеніемъ, а умозаключеніе, т. е. соединеніе нѣсколькихъ сужденій, выраженное словомъ, получаетъ названіе *періода*. Съ этой точки зрѣнія нижеслѣдующій періодъ—

„Какъ ясно солнце на восходѣ   Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Весной природу всю живитъ,   Сердца приходомъ веселитъ"—

(*В. Озерова*)

разбирается такъ: „солнце живитъ собою природу"—общая мысль (бóльшая посылка); „добрый царь подобенъ солнцу"—частная мысль (меньшая посылка); слѣдовательно „добрый царь оживляетъ сердца подданныхъ"—заключеніе. (*К. Зеленецкій*. Изслѣдованіе о Риторикѣ, въ ея наукообразномъ содержаніи и въ отношеніяхъ, какія имѣетъ она къ общей теоріи слова и къ Логикѣ. Одесса. 1846, стр. 74).

Библіогр.—О періодахъ: Τέχνη Ῥητορικὴ Ἀριστοτέλους. Lib, III. cap. IX.—«Риторика» Аристотеля. Съ Греческаго перевела *Надежда Платонова*. Спб.

мысль незаконченную. *Точный* смыслъ этихъ словъ еще Цицерону оставался *непонятнымъ*. Orator, LXII.

1894.—Περὶ ἑρμηνείας Δημητρίου Φαληρέως.—Περι συνθεσέως ὀνομάτων *Dionysii Halicarnassensis.*—Orator *Ciceronis*: LXI—204, 207, 211, — LXVI—223,—Brutus, *его* же: XLIV—162, по изд. *Orellii* vol. I.—Institutiones Oratoriae *Quintiliani*. Lib. IX, cap. IV. — Краткое Руководство къ Краснорѣчію, часть первая, Риторика, изд. Академіи Наукъ. 1895, т. III-й. Риторика *М. В. Ломоносова* 1748.—§§ 40—47, 176—179, 315—316. — Правила Словесности. *Я. Толмачева.* 1815, ч. I.—Общая Риторика. *Н. Кошанскаго.* 1829 [1]).—Сводъ сокращенной Рус. Грамматики г-на Востокова и начальныхъ правилъ Рус. Грамматики г-на Греча, соч. *И. Мартынова.* 1832, стр. 135 и д.—Чтенія о Словесности. *И. Давыдова.* 1837, изд. 2-е, курсъ I, стр. 107 и д.—Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка. *Его же.* 1852. — Практическая Рус. Грамматика. *Н. Греча.* 1834, изд. 2-е, стр. 382—88, 107—409.—О преподаваніи Отечественнаго языка. *Ѳ. Буслаева.* М. 1867, изд. 2-е.— Начертаніе Русскаго Синтаксиса. *П. Перевлѣсскаго.* 1848, изд. 2-е.—Правила Рус. Словесности. *А. Данскаго.* 1863, изд. 2-е.—Русская Грамматика. *В. Классовскаго.* 1856, стр. 296.—Нѣсколько словъ о періодѣ. *К. Говорова.* Филологич. Записки, изд. въ Воронежѣ. 1862—1863, вып. IV.—Опытъ элементарнаго руководства при изученіи Русскаго слова. *Его же.* 1869, изд. 6-е. Академія Наукъ обратила вниманіе на обстоятельное изложеніе Говоровымъ ученія о періодѣ.— Стилистика. *В. Классовскаго.* 1866.—Письменныя Упражненія. *И. Гаврилова.* 1875, изд. 2-е.—Стилистическія Задачи. *Его же.* 1875.—Примѣненіе стилистическихъ задачъ. *Его же.* 1875.—Учебникъ элементарной Логики. *Завьялова.* 1875. — Пособіе при изученіи Рус. языка и Словесности. *П. Смирновскаго.* Курсъ IV класса. 1876.—Руководство къ составленію періодовъ. *Н. Баталина.* М. 1883. Сборникъ періодовъ. *П. Смирновскаго.* (Выбран. изъ произведеній Русскихъ писателей 1789—1880). Спб. 1891.—Ученіе о періодахъ въ Русскомъ языкѣ. *В. Ѳ. Андреева.* Жур. Мин. Нар. Просв. 1897, мартъ.—Ненормальность постановки ученія о періодахъ въ Русскомъ языкѣ. *И. Поликарпова.* Гимназія, журн., издав. въ г. Ревелѣ Г. А. Янчевецкимъ, 1897, вып. 4-й и 5-й.—

§ 20. *Виды періодовъ.*—Если въ періодѣ *одно* самостоятельное предложеніе, то періодъ называется *простымъ;* если въ періодѣ два самостоятельныхъ предложенія или болѣе, то періодъ называется *сложнымъ* [2]).

Примѣры: 1. Творецъ неба, земли и всего, на нихъ обрѣтающагося, превосходитъ творенія могуществомъ своимъ.

Этотъ періодъ образованъ изъ одного независимаго предложенія: „Богъ всемогущъ".

2. Марка Фабія, мужа добродѣтельнѣйшаго и обладающаго глубокими свѣдѣніями, искренняя ко мнѣ дружба весьма для меня пріятна.

---

[1]) Примѣры, помѣщенные въ этой Риторикѣ, весьма ясны и цѣликомъ перепечатываются въ разныхъ учебникахъ и христоматіяхъ, наприм. христоматія *П. Басистова.* М. 1872, стр. 252 и д.

[2]) «Genera ejus (періода) duo sunt: alterum *simplex*, cum sensus unus longiore ambitu circumducitur; alterum, quod constat membris et incisis, quae plures sensus habent» (Inst. Orat. *Quintitiani.* Lib. IX, cap. 4): періодъ бываетъ двухъ родовъ: одинъ простой, когда во многихъ словахъ заключается одна мысль; другой (сложный), когда состоитъ изъ членовъ и частей, имѣющихъ много мыслей.

Если мы выбросимъ слова „мужа добродѣтельнѣйшаго и обладающаго глубокими свѣдѣніями“, заключающія *круглоту* рѣчи, тогда періодъ обратится въ простое предложеніе. Съ помощію указанныхъ словъ рѣчь *катится* и *округляется* (flectitur et circumagitur).

3. Смотрѣть на роскошь преизобилующія натуры, когда она въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ, и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ, когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихимъ журчаніемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность, слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ, есть чудное и чувства и духъ восхищающее увеселеніе. *Ломоносовъ.*

Приведши такой примѣръ, Ломоносовъ замѣчаетъ: „въ семъ *одночленномъ* періодѣ многимъ подлежащимъ, которыя распространены прилагательными именами и идеями чрезъ части слова къ онымъ присовокупленными, приписано одно сказуемое“. (Риторика, § 43).

4. Чрезъ обширныя зеленыя равнины—гдѣ роскошная природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости—пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера. *Н. М. Карамзинъ.* (Письма Рус. Путешественника).

5. Петръ Великій, осматривая Парижскій Инвалидный домъ въ то время, какъ почетные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказавъ: *ваше здоровье, товарищи!* выпилъ до дна. *Карамзинъ* (Письма Рус. Путеш.).

На основаніи предложенныхъ примѣровъ можно составить слѣдующее *опредѣленіе* простаго періода: *простой періодъ* есть самостоятельное предложеніе, распространенное опредѣленіями, дополненіями, обстоятельствами, а иногда и придаточными предложеніями, и доведенное до извѣстной полноты, соразмѣрности и плавности.

§ 21. *Составъ сложнаго періода.*—Періодъ сложный долженъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ *двухъ* самостоятельныхъ предложеній. Самостоятельныя предложенія, входящія въ составъ періода, называются его *членами* (Греч. *κῶλα*, Лат. *membra*). По числу самостоятельныхъ предложеній періоды получаютъ названіе *двухчленныхъ*, *трехчленныхъ* и т. д.

Примѣч. 1. Самостоятельныя предложенія здѣсь надо понимать въ смыслѣ логическомъ, а не грамматическомъ.

Примѣч. 2. Сложный періодъ, для краткости, будемъ называть однимъ словомъ „періодъ“.

Періодъ, искусно составленный, дѣлится на двѣ части, или половины. Одна часть, или половина, называется *повышеніемъ*, по Гре-

чески πρότασις (protasis), что буквально значитъ „протяженіе“, „предложеніе“; другая часть періода называется *пониженіемъ*, по-Гречески ἀπόδοσις (apodosis), что буквально значитъ „отданіе“. Главное содержаніе періода, основная мысль его заключается въ пониженіи,—а повышеніе содержитъ въ себѣ мысли подготовительныя къ основной, своего рода приступъ къ главной матеріи періода.

Судя по естественной связи, какую должны имѣть въ періодѣ обѣ части, повышеніе всегда должно-бы занимать первое мѣсто,—однако весьма часто пониженіе ставится на *первомъ* мѣстѣ въ періодѣ, а повышеніе на *послѣднемъ*, напр.: самолюбіе дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ (пониженіе), когда оно далеко выходитъ за свои предѣлы (повышеніе).

При соединеніи повышенія съ пониженіемъ употребляются связующія части рѣчи (союзы, нарѣчія, мѣстоименія), напр.: въ причинѣ— „поелику—то“, въ условіи—„если—то“, въ опредѣленіи времени— „когда—тогда“, въ сравненіи—„какъ—такъ“, въ уступленіи—„хотя—однако“, въ раздѣленіи—„или—или“, въ отношеніяхъ разнаго рода— „кто—тотъ“ и пр. При этомъ надо твердо помнить, что *не по союзамъ* различаются періоды, а по *характеру* предложеній, входящихъ въ ихъ составъ. Часто встрѣчаются періоды и *безъ союзовъ*.

Члены періода могутъ имѣть въ себѣ вставныя части, напр. сокращенныя придаточныя предложенія, приложенія, вносныя и вводныя предложенія,—всѣ эти вставныя части *не называются членами* періода, а служатъ только раскрытіемъ, или дополненіемъ членовъ періода.

Примѣч.—Древніе въ періодической рѣчи, какъ и въ стихѣ, наблюдали *размѣръ* (numerus); въ ихъ періодахъ различаются *стопы*, т. е. опредѣленное количество слоговъ,—число и послѣдовательность гласныхъ, долгихъ и краткихъ. Въ правилахъ о построеніи періодовъ они имѣютъ въ виду преимущественно *благозвучіе* (ἁρμονία, ρυθμός); взвѣшивали слова, какими лучше начать мысль, какими кончить: отсюда ихъ κῶλα и κόμματα. Комма должна была содержать въ себѣ около семи слоговъ, членъ (κῶλον)—около семнадцати. Наше ученіе о періодахъ потому-то и неопредѣленно, что мы основываемся преимущественно на *внутреннемъ значеніи* мыслей, входящихъ въ періодъ, а древніе—на *внѣшнемъ* построеніи періода, т. е. на его благозвучіи, количествѣ стопъ, повышеніи и пониженіи тона. Слѣдующій періодъ *Цицерона* считался образцомъ плавности, звучности, осязаемой для древнихъ мѣрности и музыкальности:

«Est enim Judices
non scripta — — sed nata
Lex,
quam non didicimus, — — — corripuimus,
accepimus, (verum ex natura)—hausimus,
ipsa
legimus, — — expressimus
ad quam
non docti, non instituti,
sed facti, sed imbuti
sumus:

ut si vita in aliquas insidias, si in vim, si in tela aut latronum, aut inimicorum incidisset,—omnis honesta ratio esset expediendae salutis» (Oratio pro Milone, IV): ибо есть въ насъ, судьи, законъ—не писанный, а врожденный, не изъ науки, не изъ преданія, не изъ книгъ заимствованный, но изъ самой природы извлеченный, почерпнутый, начертанный,—законъ, которому мы не выучены, а съ которымъ созданы, въ которомъ не наставлены, а просто напоены: такъ что если жизнь наша попадетъ въ какую-нибудь западню, или подвергнется насилію, либо нападенію разбойниковъ, либо враговъ, то для ея защиты всякій способъ честенъ».—Самъ Цицеронъ представлялъ этотъ періодъ въ образецъ стройности въ своемъ сочиненіи «Orator», гдѣ имъ этотъ періодъ вновь приводится. Orator, XLIX.—Чтенія о Церковной Словесности. *Я. Амфитеатрова.* Кіевъ. 1846, ч. II, стр. 114—115.

Цицеронъ упоминаетъ о Карбонѣ (ораторѣ), который правильнымъ расположеніемъ словъ и пріятнымъ паденіемъ періода произвелъ сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ, и рукоплесканія были удивительныя. Вотъ періодъ Карбоновъ: «O Marce Druse! tu dicere solebas sacram esse Rempublicam; quicumque eam violasset, ab omnibus esse ei poenas persolutas: patris dictum sapiens temeritas filii comprobavit». Тутъ прибавляетъ Цицеронъ, что не будетъ такой красоты, *jam nihil erit*, если переставить слова. (Труды Общества Любителей Россійской Словесности. М. 1817, ч. девятая, стр. 55. «Опытъ о порядкѣ словъ» статья *И. И. Давыдова*).

§ 22. *Виды сложнаго періода.*—По *смыслу* отношенія между членами, или между повышеніемъ и пониженіемъ, сложные періоды бываютъ слѣд. видовъ: причинные, условные, послѣдовательные, постепенные, сравнительные, изъяснительные, раздѣлительные, противоположные, уступительные, соединительные, относительные и смѣшанные.

§ 23. 1. *Причинные*, или винословные, періоды тѣ, въ которыхъ одна изъ главныхъ частей заключаетъ въ себѣ причину. Грамматическая связь между повышеніемъ и пониженіемъ выражается союзами причинными, или винословными: *ибо, потому что, для того что, затѣмъ что, поелику, такъ какъ*. Бываютъ причинные періоды и безъ союзовъ.

Примѣры причиннаго періода: 1. Крезъ, царь Лидійскій, обладая несмѣтными сокровищами, не могъ назваться счастливымъ: *ибо* счастіе человѣческое не состоитъ въ благахъ временныхъ.

Примѣч.—Этотъ періодъ по *смыслу* отношенія между повышеніемъ и пониженіемъ винословный, по *количеству* членовъ—двучленный; первая половина періода «повышеніе» начинается словомъ «Крезъ» и оканчивается словами «назваться счастливымъ»; вторая половина «пониженіе» начинается словами «ибо счастіе» и идетъ до конца; грамматическая связь между первою и второю частію выражена союзомъ «ибо».—Предложенный періодъ можетъ быть *сокращенъ* въ одно предложеніе такимъ образомъ: «счастіе человѣческое состоитъ не во временныхъ благахъ», или: «богатство не дѣлаетъ человѣка счастливымъ», или такъ: «Крезъ обязанъ своему богатству только временнымъ счастіемъ».

Примѣч. 2.—Каждый періодъ можетъ быть сокращенъ въ одно предложеніе. Весьма полезно пріучать учениковъ къ такой умственной работѣ. Выше напечатанный троякій способъ сокращенія винословнаго періода принадлежитъ моимъ ученикамъ IV класса прогимназіи. Они сокращали этотъ періодъ въ классѣ,

сначала изустно, а потомъ письменно. Я замѣтилъ, что воспитанниковъ занимаетъ подобная мысленная и словесная гимнастика.

2. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали Иноковъ о предметахъ Христіанства и нравственности, о самыхъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: *ибо* тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества (во время Татарскаго ига), мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. *Н. М. Карамзинъ.* (Исторія Государства Россійскаго. Спб. 1819, изд. 2-е, т. V, стр. 403. Мы вездѣ приводимъ ссылки по этому изданію).

3. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ, для избавленія Государства отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и Державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государемъ: *ибо* думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. *Карамзинъ.* (Исторія Государ. Рос., изд. 2-е, т. VI, стр. 161).

4. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ (Сильвестръ) указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: *Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ:* обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ—и пріялъ оную. *Карамзинъ.* (Ист. Г. Р., т. VIII, стр. 99—100).

Примѣч.—Этотъ періодъ представляетъ примѣръ винословнаго періода безъ *союза* винословнаго. Связь между повышеніемъ и пониженіемъ выражена единствомъ мысли, логическимъ отношеніемъ, а не грамматическимъ.

5. Построеніе періодовъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Древней нашей Словесности весьма правильно: такъ въ Лѣтописи Препод. *Нестора* (XI—XII в., подъ годомъ (в лѣто) 6545 (1037) читаемъ: „Велика *бо* бываетъ полза отъ ученья книжного; книгами *бо* кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость *бо* обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се *бо* суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости, книгамъ *бо* есть неищетная глубина, сими *бо* в печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью“. (Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изд. 1872, стр. 148).

Разборъ періодовъ.—При разборѣ періодовъ надо обращать вниманіе на слѣдующее: 1) раздѣлять періодъ на *части*, или половины; 2) указывать на *члены* каждой части; 3) опредѣлять грамматическую *связь* между обеими частями, если она есть; 4) относить періодъ къ тому или другому *виду;* 5) *сокращать* періодъ въ одно предложеніе; 6) выводить *схему* (σχῆμα—внѣшній видъ) періода, т. е. остовъ его, главнѣйшіе эле-

менты и 7) замѣчать знаки *препинанія* между частями и между членами. Другихъ тонкостей при разборѣ періода требовать отъ ученика не слѣдуетъ.—Само собою разумѣется, что надо пріучать воспитанниковъ къ *составленію* періодовъ ими самими, устно и письменно.

§ 24. II. *Условный* періодъ заключаетъ въ себѣ условіе; союзы этого періода слѣдующіе: *если—то*, *тогда, еслибы—то бы, когда* (въ смыслѣ „если") — *то*.

Примѣры: 1. *Если*, въ чемъ не трудно удостовѣриться, настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и возстановленіе тѣлеснаго со става, который непримѣтнымъ образомъ непрестанно снѣдаетъ тлѣніе, а вкусъ пищѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли: *то* каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія глада, снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піанства. Митроп. *Филаретъ*. (Бесѣда на Сырной Недѣлѣ противъ невоздержанія).

2. *Если* ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; *если* вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; *если* твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ передъ народомъ: *то* удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата. Архіеписк. *Иннокентій*. (Слово въ Великій Пятокъ).

Примѣч. — Въ этой примѣчательной проповѣди, начинающейся словами: «Паки Голгоѳа и крестъ!», учитель найдетъ *нѣсколько* примѣровъ условнаго періода, составленныхъ весьма искусно.—Вообще въ проповѣдяхъ преосвящен. *Филарета* (Московскаго) и *Иннокентія* (Херсонскаго и Таврическаго) можно видѣть *превосходные образцы* періодовъ разнаго рода. Надо *привлекать* юношество къ чтенію этихъ прекрасныхъ произведеній Русскаго слова...

Разборъ условнаго періода Иннокентія:—Раздѣлите предложенный періодъ на двѣ половины.—Гдѣ въ немъ повышеніе и гдѣ пониженіе?—Сколько членовъ въ повышеніи и сколько въ пониженіи?—Грамматическая связь между обѣими половинами.—Выразите краткимъ предложеніемъ *матерію* (т. е. тему, главную мысль) періода.—*Схема* періода: надо удалиться отъ гроба, если ты не по правдѣ судилъ ближняго.—Знаки препинанія между повышеніемъ и пониженіемъ, а также между членами.

3. *Естьли* бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, Слушатели, въ который [1]) подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни на-

---

[1]) Удерживаемъ правописаніе по изд. сочин. М. В. Ломоносова Императорскою Академіею Наукъ, съ примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Спб. 1898, т. четвертый, стр. 250.

шея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ восшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца беспрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; *коль* красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! *М. В. Ломоносовъ.* (Слово похвальное Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ).

Разборъ.—На сколько половинъ раздѣляется этотъ періодъ?—Сколько членовъ въ первой половинѣ? Сколько во второй?—Соразмѣрны ли обѣ половины періода?—Грамматическая связь между обѣими частями періода.—Знаки препинанія.—Легко ли читать этотъ періодъ?—Почему не легко?—Переложите его на современную Русскую рѣчь, удержавъ форму условнаго періода.—Выразите короткимъ предложеніемъ „матерію“ (т. е. главную мысль, тему) періода.

Условные періоды въ *стихотворной* рѣчи:

4. *Если,* быть можетъ,

Кромѣ немногихъ простительныхъ слабостей нашей природы,
(Такъ и въ прекраснѣйшемъ тѣлѣ найдутся родимыя пятна),
Прямо иду въ остальномъ и никто справедливо не можетъ
Въ скупости гнусной и въ грязномъ развратѣ мнѣ сдѣлать упрека;
Если душой непороченъ (пускай ужъ себя выхваляю);
Если друзьямъ еще дорогъ,—всему мой отецъ былъ причиной.

Горацій. (VI сатира).

Въ памятникахъ *Древней* Русской Словесности вмѣсто союзовъ „*если—то*“ употреблялись союзы: „*а—и, а—ино*“ въ смыслѣ условныхъ, напр.:

5. „А Государь нашъ хочетъ Живоначальныя Троицы помолитися, а въ своей отчинѣ побывати во Псковѣ, *и* мы его Государя своего ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца“.

Примѣч.— Части условнаго періода, вмѣсто союзовъ *если—то*, начинаются союзами: *а—и. Н. М. Карамзинъ* переводитъ этотъ періодъ такимъ образомъ: «*Если* угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ и видѣть свою отчину, *да* ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца». У Карамзина союзу «*если*» отвѣчаетъ союзъ «*да*»; союзъ «*если*» поставленъ Карамзинымъ вмѣсто древняго «*а*». (*Ѳ. И. Буслаевъ*: О преподаваніи Отеч. языка, изд. 1867, стр. 267).

§ 25. III. Періодъ *послѣдовательный* излагаетъ событія или дѣйствія, предшествующія главному предложенію, или современныя ему, или же послѣдующія за нимъ. Союзы этого періода слѣдующіе: *когда—тогда*

(въ смыслѣ опредѣленія времени, а не условія), *какъ скоро—то, лишь только—какъ, какъ* (вмѣсто *когда*)—*то* (вм. *тогда*).

Примѣры: 1. *Когда* всѣ народы земли будутъ завидовать вашей долѣ; *когда* имя Россіянина будетъ именемъ щастливѣйшаго гражданина въ мірѣ: *тогда* исполнятся тайные обѣты Моего сердца (т. е. Императрицы Екатерины II-й); *тогда* вы узнаете, что Я хотѣла, но чего не могла сдѣлать; и признательность ваша почтитъ равно и дѣла Мои и Мою волю: единая награда, къ которой добрые Монархи могутъ быть чувствительны и по смерти своей! *Карамзинъ.* (Похвальное Слово Императрицѣ Екатеринѣ II).

2. *Когда* обрядъ торжественный (т. е. крещеніе народа въ Кіевѣ) совершился; *когда* Священный Соборъ нарекъ всѣхъ граждан Кіевскихъ Христіанами: *тогда* Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву. *Карамзинъ.* (Исторія Государства Россійскаго, изд. 2-е, т. I, гл. IX, стр. 218).

3. *Когда* дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ (помѣщикъ) увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, въ перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: чей лѣсъ? ему сказали: Тѣнтѣтникова; *когда,* выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: чьи луга и поемныя мѣста? отвѣчали ему: Тѣнтѣтникова; *когда* поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности,—съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и *когда* постепенно темнѣя входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся въ разсыпку по зеленому ковру до самой деревни и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крышки господскихъ строеній, и блеснули золотые верхи церкви, *когда* пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда онъ пріѣхалъ: *ощущенья* и мысли непрестанно накоплявшіяся исторгнулись наконецъ въ громогласныхъ словахъ. *Н. В. Гоголь.* (Мертвыя Души. М. 1855, ч. II, гл. I).

Въ *стихахъ* часто встрѣчаются періоды послѣдовательные.

1. *Когда* по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей,
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,

Тогда лѣнюсь я веселѣе,
И забываю пѣсни Музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралищѣ слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

Примѣчаніе.—Вникнемъ въ постройку этого стихотворенія *Пушкина* («Земля и Море»), выписаннаго здѣсь вполнѣ. Что мы видимъ? Двѣ половины: одна половина отъ словъ «когда по синевѣ» до словъ «когда же волны» представляетъ одинъ послѣдовательный періодъ; вторая половина отъ словъ «когда же волны». до конца стихотворенія представляетъ другой послѣдовательный періодъ.—Въ какомъ отношеніи второй періодъ находится къ первому? Въ отношеніи противоположенія, т. е. второй періодъ, по внутренному своему смыслу, содержитъ въ себѣ мысли, противоположныя мыслямъ перваго періода; по внѣшней же грамматической формѣ, второй періодъ (какъ и первый) есть періодъ послѣдовательный. Послѣдовательными же оба періода являются и сами по себѣ, взятые отдѣльно одинъ отъ другаго, ибо представляютъ сочетаніе дѣйствій предыдущихъ съ послѣдующими.—Что еще замѣчаемъ въ каждомъ періодѣ? Причину. И въ первомъ періодѣ, въ концѣ его, приводится причина извѣстнаго состоянія поэта: причина отдѣлена въ періодѣ двоеточіемъ. Во второмъ періодѣ мы замѣчаемъ двѣ причины: первая причина, отдѣленная двоеточіемъ, касается состоянія поэта, а вторая причина, тоже двоеточіемъ опредѣляемая, относится къ состоянію рыбака. Сверхъ всего этого, въ концѣ стихотворенія, въ послѣднихъ двухъ строкахъ поэтъ противополагаетъ суровому жребію рыбака, живущаго на утломъ челнокѣ среди кипящихъ волнъ моря, тишину своей жизни. Обращая еще разъ вниманіе на предложенное стихотвореніе, мы видимъ, что поэтъ желалъ противопоставить тишину земли волненію моря, а изложилъ свои мысли, въ формѣ періодовъ послѣдовательныхъ: только маленькая частица *же* въ началѣ втораго періода показываетъ, что здѣсь собственно идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ противоположныхъ, а потомъ уже представляется рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій. Изъ всего вышесказаннаго выходитъ: 1) главное въ періодѣ—мысли, или лучше—качество мыслей, входящихъ въ составъ его. *Отъ мыслей, отъ* ихъ внутренняго *смысла, зависитъ тотъ* или *другой періодъ, а не отъ союзовъ*, т. е. не отъ внѣшней ихъ связи. Тутъ невольно приходитъ на умъ § 45-й «Риторики» *М. В. Ломоносова.* Онъ говоритъ: «Въ составленіи періодовъ нѣкоторые учатъ полагаться много на союзы, которыми члены ихъ соединены бываютъ, разсуждая, что по нимъ предлагаемые разумы яснѣе изображены и украшены быть могутъ. Но сіе отъ искусныхъ почитается за самую тщету: ибо что можетъ то пособить, ежели и расположить союзы, напримѣръ: *хотя, однако, не токмо, но и;* ежели идеи въ нихъ не вмѣстны, или еще и не пріисканы? А когда ихъ довольно изобрѣтено, то ужѐ союзы сами собою найдутся» (Сочин. Ломоносонова. Изд. Акад. Наукъ, съ примѣч. *М. И. Сухомлинова.* Спб. 1898, т. III, стр. 113).—Эти *свѣтлыя идеи о значеніи мыслей*, или по Ломоносову «разумовъ», для періода *надо* при всякомъ удобномъ случаѣ *вперять* въ юные умы нашихъ учениковъ, пробующихъ свое авторское перо...

2) Разборъ даннаго стихотворенія показываетъ, что въ чистомъ видѣ періодъ рѣдко встрѣчается. По большей части періоды *смѣшиваются;* какъ въ предложенномъ стихотвореніи мы видимъ сочетаніе мыслей послѣдовательныхъ съ мыслями винословными, такъ почти всегда одинъ періодъ смѣшивается съ другимъ, напр. винословный съ условнымъ, послѣдовательный съ винословнымъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія разберите нѣкоторые періоды, выше нами предложенные, и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго.

3) Третій выводъ тотъ, что періодическая рѣчь въ такой же мѣрѣ свойственна стихамъ, какъ и прозѣ.

2. *Когда* волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу,
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ
И въ небесахъ я вижу Бога.

Примѣч.—Этотъ періодъ *М. Ю. Лермонтова* можетъ служить образцомъ небольшаго сочиненія. Повышеніе, простирающееся до союза «тогда», заключаетъ въ себѣ—дѣйствія предшествующія (т. е. прежде бывшія), а пониженіе содержитъ дѣйствія послѣдующія (т. е. слѣдующія за первыми по времени). Между повышеніемъ и пониженіемъ здѣсь поставлено тире, а надо бы поставить двоеточіе.— Этотъ періодъ можно *сократить* въ одно предложеніе слѣд. образомъ: «цвѣтущая природа производитъ на человѣка благотворное впечатлѣніе».—Объясните сами, сколько членовъ въ повышеніи?—А въ пониженіи?—Чѣмъ выражена грамматическая связь между обѣими половинами періода?

Въ *Древней* Русской письменности находимъ прекрасные примѣры періодовъ послѣдовательныхъ.

Изъ „Слова Даніила Заточника (XII в.)“: *Егда* веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща; или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду піюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтрена. *Егда* лежиши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а меня помяни подъ единымъ платомъ лежаща, а зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. *Коли* пожретъ синица орла, *коли* каменіе восплыветъ по водѣ, *коли* свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится.

Примѣч.—Этотъ періодъ у *Ѳ. И. Буслаева* называется *относительнымъ*. О преподаваніи Отечественнаго языка. М. 1867 г., изд. 2-е, стр. 424.

IV. Въ близкой связи съ послѣдовательнымъ періодомъ находится періодъ *постепенный*. Постепенный періодъ содержитъ въ себѣ обстоятельства, слѣдующія одно за другимъ по порядку времени. Онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ періодовъ тѣмъ, что въ немъ повышеніе *всегда* состоитъ изъ нѣсколькихъ обстоятельствъ *не современныхъ*, но слѣдующихъ постепенно другъ за другомъ. Союзы этого періода слѣдующіе: *во-первыхъ*, или *сначала*, *потомъ*, *далѣе*, *наконецъ* и т. п.

Примѣръ:—Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева; въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: *сначала* звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; *по мѣрѣ того*, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глуше, больнѣе... *еще* ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается куда упасть, и *наконецъ* начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!.. *С. Аксаковъ*. (Записки Ружейнаго Охотника. М. 1857, изд. 3-е, стр. 360).

Примѣч.—Въ этомъ періодѣ явственно можно различить четыре члена. Первый членъ начинается словомъ «сначала», второй членъ —словами «по мѣрѣ того», третій членъ—словами «еще ударъ» и четвертый—«и наконецъ». Общая матерія періода выражена словами: «въ паденіи дерева есть что-то невыразимо грустное». Весь періодъ содержитъ въ себѣ обстоятельства, слѣдующія одно за другимъ по порядку времени, постепенно. Грамматическая связь указана словами: *сначала*, *по мѣрѣ того*, *еще*, *наконецъ*.

§ 26. V. *Періодъ сравнительный* заключаетъ въ себѣ сравненіе, или подобіе [1]), или примѣръ, или свидѣтельство. Части этого періода связываются союзами сравнительными: *какъ—такъ, какимъ образомъ—такимъ образомъ, подобно какъ, такъ, сколько—столько, не столько—сколько, чѣмъ болѣе—тѣмъ болѣе* и т. п.

Примѣры:—1. Разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой-нибудь способъ дѣйствовать, *подобно какъ* рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками. *Карамзинъ*. („Исторія Госуд. Рос." т. V, гл. IV, стр. 410).

Примѣч. Примѣръ сравнительнаго періода отъ подобія.

2. Мы видимъ иногда въ лѣтописи даже составныя части вѣча, указывающія, что оно именно замѣнило прежній совѣтъ дружины и старцевъ: *такъ* Великій князь Изяславъ созвалъ на вѣче бояръ, всю дру-

---

[1]) *Сравненіемъ* называется сличеніе двухъ предметовъ *одного* рода, сходныхъ между собою своими свойствами, дѣйствіями: такъ мы сравниваемъ государя съ государемъ, героя съ героемъ, писателя съ писателемъ, побѣду съ побѣдою и пр.—*Подобіемъ* называется сличеніе двухъ предметовъ *разнаго* рода, сходныхъ между собою по своимъ качествамъ, дѣйствіямъ и другимъ какимъ-либо чертамъ. Такъ ученіе мы уподобляемъ свѣту, неученье—тьмѣ, трудъ—рѣкѣ, лѣность—пруду и пр. Впрочемъ на общепринятомъ языкѣ сравненіе и подобіе часто смѣшиваются.

жину и Кіевлянъ; въ одномъ спискѣ лѣтописи читаемъ, что народъ сталъ на вѣче, а въ другомъ, что Кіевляне *сѣли* у св. Софіи; въ обоихъ говорится, что сошлось многое множество народа, сошлись всѣ Кіевляне отъ мала до велика. *С. Соловьевъ.* (Исторія Россіи, изд. 3-е, т. III, стр. 29).

Примѣч. Здѣсь подобіе заимствовано отъ примѣра.

Примѣры сравнительнаго періода изъ *стихотворной* Русской рѣчи:

1. *Какъ* лютый мразъ весна прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ,
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь:
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

Ломоносовъ. („Ода на прибытіе Императрицы Елисаветы изъ Москвы въ С.-бургъ 1742 г. по коронаціи“).

Примѣч.—Эту строфу Ломоносовъ относитъ къ періодамъ *зыблющимся* (Риторика, § 43. Соч. т. 3, изд. Акад. Наукъ, 1895 г., стр. 111), т. е. такимъ, въ которыхъ части и члены очень неравны. Здѣсь перьвый членъ (мы бы сказали: первая половина періода) много больше втораго (мы бы сказали: второй).

2. *Не такъ* поля̀ росы̀ желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ Ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице Ея сіяло.

Ломоносовъ. (Та же ода, въ изд. Академіи 1895 г., т. I).

Примѣч.—Въ своей Риторикѣ Ломоносовъ пишетъ: «Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь, и то, съ чемъ[1]) она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается» (§ 71). Въ предложенной строфѣ «уравняемое есть больше, нежели то, съ чемъ оно уравняется». (Тамъ же, т. 3.).

3. Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ,
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

Ломоносовъ. (Ода XVII, по изд. Академіи, т. I).

Примѣч.—Въ «Риторикѣ» (§ 69) къ этой строфѣ находимъ такое объясненіе: «Уподобленіе служитъ къ распространенію слова, когда многія свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самаго подобія между собою прилично снесенныя предлагаются».

---

[1]) Правописаніе подлинника.

4. *Какъ* эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Пушкинъ. (Вакхическая Пѣсня, 1825 г.).

Въ *Древней* нашей Словесности находятся образцы сравнительнаго періода, весьма искусно составленные.

1. Изъ „Слова Даніила Заточника“: „Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостію, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеми. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и серебра, но раздай людемъ. Паволока испещрена многими шелки красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ“.

2. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“: „Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря“.

Примѣч. — Стройность и красота этого періода состоитъ въ томъ, что къ пословицѣ, какъ къ главной мысли, прилагается частный случай, какъ меньшая посылка умозаключенія.—Замѣчательно еще въ этомъ періодѣ отсутствіе союзовъ.

Задача:—Переложите въ форму современной рѣчи эти два періода, и свяжите ее союзами сравнительнаго періода.

3. Изъ „Лѣтописи“: „Радуется купець прикупъ створивъ и кормьчий въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; *такожe* радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, *такожe* и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божий Лаврентей мнихъ».

Разборъ періода. — Какой здѣсь предметъ и съ какимъ сравнивается?—Какіе союзы служатъ грамматическою связію?—Гдѣ повышеніе и гдѣ пониженіе?—Есть ли соотвѣтствіе между членами повышенія и пониженія?—Сократите этотъ періодъ въ одно предложеніе.

Примѣч.—Послѣднюю задачу мои бывшіе ученики IV-го класса прогимназіи разрѣшили слѣд. образомъ: «По окончаніи дѣлъ, всякій радуется» (такъ сократилъ одинъ ученикъ).—«Успѣшный конецъ всякаго дѣла радуетъ человѣка» (такъ сократилъ другой).—«Окончаніе труда доставляетъ большую радость» (такъ сократилъ третій).

4. „Изъ Лѣтописи“ (лѣто 6545) еще возьмемъ прекрасный примѣръ: „Якоже бо се нѣкто землю разоретъ, другый же насѣетъ, ини же пожінаютъ и ядятъ пищю бескудну; тако и сь (сей, т. е. Ярославъ): отецъ бо его Володимеръ взора (разора) и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий, а мы по-

жинаемъ, ученье приемлюще книжное. *Велика бо* (начинается періодъ *винословный)* бываетъ полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть (здѣсь видимъ *причину* и *сравненіе)* рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть нещетная глубина; сими бо (опять причина) впечали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью".

Разборъ періода.—Предложенный періодъ по многимъ отношеніямъ замѣчателенъ: 1) въ немъ не одинъ, а нѣсколько періодовъ; 2) начинается рѣчь періодомъ сравнительнымъ, который продолжается до словъ „велика бо бываетъ"; 3) отъ словъ „велика бо бываетъ" до словъ „се бо суть рѣкы" представленъ примѣръ періода винословнаго; 4) словами „се бо суть рѣкы" начинается разомъ два періода—и винословный и сравнительный: по союзу „бо" (ибо, потому что) надо бы ожидать періода причиннаго, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ богатое сравненіе книгъ съ рѣками и исходищами мудрости; 5) далѣе отъ словъ „книгамъ бо" опять идетъ періодъ винословный, и рядъ причинъ представленъ въ образахъ. Всѣ мысли, вмѣстѣ взятыя, въ приведенномъ отрывкѣ изъ „Лѣтописи" преп. Нестора, образуютъ одинъ неразрывный *кругъ*, т. е. періодъ. Въ этомъ періодѣ ясно можно различить двѣ половины, по теченію мыслей, а не въ смыслѣ риторическомъ: одна половина мыслей сравниваетъ дѣйствія Ярослава Мудраго и Святаго Владиміра, а другая половина говоритъ о пользѣ книжнаго ученья. Ту и другую половину предложеннаго отрывка можно разбирать и отдѣльно, въ независимости одна отъ другой.

§ 27. VI. Періодъ *изъяснительный* изъясняетъ какое-нибудь понятіе, или цѣлую мысль даннаго предложенія. Грамматическая связь между обѣими половинами періода состоитъ изъ союзовъ изъяснительныхъ: *что, чтобы, такъ что, до того что, такимъ образомъ что, столько что*.

1. Въ сіе ужасное время (1547, во время страшнаго пожара Москвы), когда юный Царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія (супруга его) молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ Іерей, родомъ изъ Новагорода; приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, *что* судъ Божій гремитъ надъ головою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; *что* огнь Небесный испепелилъ Москву; *что* сила Вышняя волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. *Н. М. Карамзинъ.* (Исторія. Изд. 2-е, т. VIII, гл. III, стр. 99).

Разборъ.—Предложенный примѣръ представляетъ соединеніе періода послѣдовательнаго съ изъяснительнымъ. Начинается рѣчь періодомъ послѣдовательнымъ, оканчивается—изъяснительнымъ. Въ періодѣ изъясни-

тельномъ три члена; они начинаются союзомъ „что“.—Общая мысль (матерія, или тема) періода: дѣйствіе словъ Сильвестра на душу юнаго Царя.

2. *Чтобы* утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на Славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Великій Князь (Владиміръ Св.) завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. *Карамзинъ.* (Исторія. Т. 1, гл. IX, стр. 219).

3. Ангелъ, Вѣнчающій колонну сію (Александровскую, противъ Зимняго Дворца, въ Петербургѣ), не то ли онъ знаменуетъ, *что* дни боеваго созданія для насъ миновались, *что* все для могущества сдѣлано, *что* завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія, *что* наступило время *созданія мирнаго; что* Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; *что*, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскато благоденствія. *Жуковскій.* (Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г.).

§ 28. VII. Періодъ *раздѣлительный* тотъ, въ которомъ изъ главнаго предложенія выводятся разныя слѣдствія, раздѣляемыя союзами: *или, ли, либо.*

Примѣры. 1. Оставивъ Бога, государство можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія, *или* въ ожиданіи его исправленія, *или* въ орудіе наказанія для другихъ, *или* до исполненія мѣры его беззаконій. Митр. *Филаретъ.* (Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 г.).

Примѣч.—Главная мысль этого періода слѣдующая: государство оставляется самому себѣ по закону долготерпѣнія.—Изъ этой главной мысли выведены три слѣдствія, раздѣленныя союзомъ *или.*—Періодъ четырехъ-членный.

2. Не одинъ удаленный Іовъ (Русскій патріархъ) зналъ бѣглеца Чудовскаго (монастыря) въ Москвѣ: надѣялся *ли* Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока перемѣнивъ на царскую [1])? *или*, ослѣпленный счастіемъ, уже

[1]) Приводя отрывки изъ Н. М. Карамзина, мы вездѣ сохраняемъ особенности его правописанія.

не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? *или* дерзостію мыслилъ уменьшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться. *Карамзинъ.* (Исторія Госуд. Рос., т. XI, гл. IV, стр. 228).

§ 29. VIII. Періодъ *противоположный* раскрываетъ мысли противоположныя одна другой. Противоположность заключается между повышеніемъ и пониженіемъ. Грамматическую форму періода составляютъ союзы противоположные (противительные): *но, а, же, напротивъ, между тѣмъ.* Повышеніе въ этомъ періодѣ всегда бываетъ на первомъ мѣстѣ.

Примѣры. 1. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; *но* имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. *Н. М. Карамзинъ.* (Предисловіе къ „Исторіи").

Примѣч.—Повышеніе въ этомъ періодѣ оканчивается словомъ «бѣдствіямъ»; и въ повышеніи и въ пониженіи приводится по одной причинѣ, означенной двоеточіемъ.

2. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: *но* скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. *Карамзинъ.* (Предисловіе къ „Исторіи").

Разборъ періода.—Рѣдко приходится читать подобные художественные періоды. Вникните, сколько тутъ,—и притомъ въ небольшомъ числѣ строкъ,—передано занимательныхъ фактовъ изъ исторіи Рима!.. Какое ясное понятіе дается о великомъ писателѣ древности!... Далѣе: въ отношеніи риторичечкомъ какая стройность, какая правильность! Періодъ дѣлится на двѣ части; повышеніе отъ пониженія отдѣлено двоеточіемъ; члены повышенія, каждый другъ отъ друга, отдѣлены точкою съ запятою. Вотъ здѣсь во-очію видишь приложеніе грамматическихъ правилъ о постановкѣ двоеточія и точки съ запятой. Не говоримъ уже о красотѣ рѣчи исторіографа: въ данномъ случаѣ каждое слово какъ будто отчеканено мастеромъ первой руки.

3. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые—не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ

Царства: *сіе дѣло* умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ.. *Карамзинъ.* (Исторія, т. XI, гл. II, стр. 123).

Задача.—Гдѣ здѣсь повышеніе и гдѣ пониженіе?—Есть ли союзъ противоположный?—Сколько членовъ въ первой части періода?—Какими знаками отдѣлены члены въ повышеніи?—А пониженіе отъ повышенія?—Какой способъ выраженія употребленъ въ повышеніи?—Сколько членовъ во всемъ періодѣ?—сократите его въ одно предложеніе.

Въ рѣчи *стихотворной:*

1) Сладка плодамъ во время зноя
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы;

Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россійскія отрады день.

М. В. Ломоносовъ (ода XVI по изд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 125).

2) Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

А. С. Пушкинъ. (Стих. „Поэтъ“).

Разборъ.—Стихотвореніе представляетъ двѣ половины: первые восемь стиховъ можно считать повышеніемъ; остальныя строки, начинающіяся союзомъ „но“, должно признать пониженіемъ періода. И по внутреннему значенію мыслей, содержащихся въ этомъ стихотвореніи, и по грамматической связи первыхъ восьми стиховъ съ остальными, настоящее стихотвореніе служитъ прекраснымъ примѣромъ періода противоположнаго. Вторая половина расположена въ соотвѣтствіи съ половиною первою: здѣсь „божественный глаголъ“, а тамъ „Аполлонъ“; здѣсь пробужденіе поэта подобно орлу, а тамъ погруженіе его въ заботы свѣта; здѣсь тоска среди забавъ міра, а тамъ полное имъ подчиненіе; здѣсь сознаніе своего достоинства передъ народнымъ кумиромъ, а тамъ ничтожество; здѣсь удаленіе отъ міра, съ нравственною бурею внутри, а тамъ „хладный сонъ“; здѣсь звуки и смятеніе, а тамъ молчаніе святой лиры.

Примѣры періода противоположнаго изъ *Древней* нашей Словесности.

1. „Богатый мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чужой землѣ друзи

имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна". (Изъ „Слова *Даніила Заточника*", XII в.).

Разборъ.—Здѣсь два противоположныхъ періода: одинъ оканчивается словомъ „ходитъ", послѣ котораго словомъ „богатъ" начинается второй періодъ. Первый періодъ въ повышеніи имѣетъ два предложенія (или одно слитное), а въ пониженіи—одно предложеніе—простое, распространенное. Связаны обѣ части небольшаго періода противительнымъ союзомъ „а".—Второй періодъ замѣчательнѣе перваго, по своему построенію. Въ немъ 1) видимъ соотвѣтствіе не только между членами, но и между словами членовъ, напр.: богатъ возглаголетъ (въ повышеніи періода), убогъ возглаголетъ (въ пониженіи періода), вси возмолчатъ (въ первой половинѣ періода), вси нань кликнутъ (во второй части періода), и слово его (богатаго) вознесутъ до облакъ (въ первой части періода), и уста ему (убогому) заградятъ (во второй части періода); во 2) періодъ заключается пословицею, которая указываетъ на причину предпочтенія богатаго убогому. Разобранный примѣръ показываетъ, какъ искусны были наши старые писатели въ умѣньѣ строить свою рѣчь, какъ они строго обдумывали каждое предложеніе и каждое слово.

Примѣч. Мои бывшіе ученики IV кл. прогимназіи сократили данный періодъ такимъ образомъ: богатому и бѣдному разная честь (такъ сократили одни); богатство предпочитается бѣдности (такъ сократили другіе).

2. „Боянъ вѣщій помняшетъ първыхъ временъ усобицы; тогда пущашетъ десять соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та [1]) преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ *же*, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами князъмъ славу рокотаху". (Изъ „Слова о Полку Игоревѣ").

Разборъ.—Этотъ отрывокъ можно разбирать двоякимъ образомъ: какъ примѣръ отрицательнаго сравненія и какъ примѣръ противоположнаго періода. Какъ примѣръ періода противоположнаго, онъ представляетъ двѣ половины: въ первой половинѣ, оканчивающейся словами „Романови Святъславличю", говорится о Боянѣ и его соколахъ: во второй половинѣ, въ противоположность первой, говорится о перстахъ Бояна, рокотавшихъ на струнахъ славу князьямъ. Прямая оказывается противоположность: тамъ десять соколовъ, а здѣсь десять перстовъ; тамъ стадо лебедей, а здѣсь струны. Грамматическая связь выражена союзомъ *же*.

Примѣч.—Въ сочиненіи профессора *Ѳ. И. Буслаева*: «О преподаваніи Отечественнаго языка» (М. 1867, изд. 2-е, на стр. 423 и д.) находятся превосход-

[1]) Т. е. лебедь. Слово «Лебедь» въ народныхъ пѣсняхъ женскаго рода.

ные примѣры и разборы періодовъ, взятыхъ изъ Древней нашей Словесности. Вообще по разнымъ теоретическимъ вопросамъ языка и Словесности, надо чаще и чаще обращаться къ этой *замѣчательной* книгѣ.

§ 30. IX. Періодъ *уступительный* заключаетъ въ повышеніи нѣкоторое ограниченіе, или исключеніе, которымъ не отвергается, но подтверждается главное предложеніе, заключающееся въ пониженіи. Союзы и реченія этого періода: *хотя—но, пусть, пускай—но, положимъ—однакожъ, правда что—однако, конечно—но* и пр.

Примѣры.—1. Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; *хотя* уже Вѣнценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева Посольства къ Александру Невскому (въ 1250 г.), кромѣ Исидорова путешествія въ Италію [1]), не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; *хотя* вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: *однакожъ*, черезъ торговыя связи Новагорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. *Карамзинъ*. (Исторія Государства Россійскаго, т. V, гл. IV, стр. 400).

Примѣч.—*Главная мысль* (матерія или тема) періода: Русскіе довольно скоро узнали важнѣйшія Европейскія открытія,—*ограниченіе*: хотя Моголы мѣшали имъ поддерживать сношенія съ Европою. Ограниченіе (уступленіе) служитъ только утвержденіемъ главной мысли.

2. *Правда*, что св. Патріархъ Филаретъ имѣлъ много силы въ Царство Государя царя Михаила Өеодоровича, однако и самъ государь былъ тогда въ полномъ возрастѣ, какъ родитель его изъ Польши прибылъ, и могъ управлять дѣла государственныя. *Ломоносовъ*. (Избранныя сочиненія, изд. *И. Перевлѣскаго*. М. 1846, стр. LXV).

Въ рѣчи стихотворной:

2. *Хотя* всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И брѣги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

Ломоносовъ (Ода XXI-я, по изд. Акад. Наукъ).

Примѣч.—Положеніе, что Богъ «являетъ величіе своихъ чудесъ вездѣ» ограничивается мыслію о сѣверной странѣ, покрытой вѣчными снѣгами. Но эта мысль служитъ только подтвержденіемъ главной матеріи періода: Богъ великъ вездѣ въ природѣ. Повышеніе этого періода начинается уступительнымъ союзомъ

---

[1]) Грекъ Исидоръ былъ у насъ митрополитомъ при Царѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ и въ 1437 г. ѣздилъ въ Италію для участія на Флорентійскомъ соборѣ. Исторія Карамзина. Т. V, стр. 280 и д., примѣч. 296-е.

«хотя» и пониженіе союзомъ «но». Къ пониженію прибавлена причина. На этомъ основаніи предложенный періодъ относится къ періодамъ смѣшаннымъ, т. е. здѣсь уступительный періодъ соединенъ съ винословіемъ.

2. *Пускай* страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя, —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

Ѳ. И. Тютчевъ. (Изд. 1886, стр. 117).

§ 31. X. Періодъ *соединительный* содержитъ въ себѣ мысли подобнозначащія, или равносильныя, связанныя союзами соединительными: *не только не—но и, но еще, но даже,—и.*

Примѣры.—1. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, *но и* труды кровавыя въ бѣдствіяхъ отечества; *не только*, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, *но и* выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе. *Карамзинъ*. (Исторія. Т. XII, стр. 97).

Примѣч.—Главная матерія періода — дѣйствія иноковъ на пользу Русской земли—развита въ періодъ соединительный. Такъ какъ союзы «*не только не—но и*» выражаютъ связь между предложеніями равнозначительными, то въ соединительныхъ періодахъ, строго говоря, не можетъ быть раздѣленія на повышеніе и пониженіе. Данный періодъ представляетъ собою развитіе двухъ сказуемыхъ одного и того же подлежащаго: иноки *взяли* на себя содержаніе воиновъ и *дѣлили* боевые труды.

2. Пожарскіе, Минины, Діонисіи, Филареты, Палицыны, Трубецкіе и множество другихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, каждый своимъ образомъ, кто мечемъ, кто совѣтомъ, кто иждивеніемъ, кто твердостію духа, стекаются, содѣйствуютъ, ополчаются, гремятъ *и* Москву отъ бѣдствій, Россію отъ ига иноплеменныхъ освобождаютъ. (Изъ книги *В. Перевощикова*: „Опыты“. Дерптъ 1822, стр. 77).

Примѣч.—Въ этомъ примѣрѣ представленія и слова расположены по естественному ходу вещей: сначала мы видимъ мужей, готовящихся на спасеніе Россіи; потомъ—ими избираемыя средства, ихъ подвиги,—Москву и Россію въ бѣдствіяхъ и подъ игомъ и уже наконецъ—ихъ освобожденіе.—Союзъ *и*, поставленный въ концѣ періода, соединяетъ нѣсколько равносильныхъ членовъ.

§ 32. X. Періодъ *относительный* показываетъ отношеніе между главнымъ предложеніемъ и придаточнымъ, или между подлежащимъ и сказуемымъ. Онъ употребляется тогда, когда придаточное предложеніе ссылается на лице, или на мѣсто, имѣющія близкое отношеніе къ главному предложенію. Грамматическая связь этого періода выражается словами: *кто—тотъ, чѣмъ—тѣмъ, гдѣ—тамъ, куда—туда.*

1. *Кто* всякій день пользуется своими физическими и душевными

силами, всякій день дышитъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, Изящныя Искусства, книги: *тотъ* конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Н. М. Карамзинъ.* (Разговоръ о счастіи. 1797 г.).

2. *Кто* хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, *тому* надобно ѣхать въ Англію; *кто* хочетъ имѣть надлежащее понятіе ὀ Древнихъ, *тотъ* долженъ видѣть Италію. *Карамзинъ.* („Письма Русскаго Путешественника").

3. *Чѣмъ* искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; *чѣмъ* естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго, и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ, *тѣмъ* соединяющія правленіе съ подчиненіемъ узы—неразрывнѣе, ревность ко благу общему—живѣе, дѣятельность, — неутомимѣе, единодушіе — неразлучнѣе, крѣпость — необоримѣе. Митр. *Филаретъ.*

4. *Гдѣ* священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, Вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: *тамъ* сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда, когда никто не стрежетъ ея; жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы: *тамъ* умираютъ за законы тогда, какъ не опасаются умереть отъ законовъ, и когда могли бы сохранить жизнь—ихъ нарушеніемъ. Митр. *Филаретъ.*

Примѣч.—Эти примѣры взяты изъ «Разсужденія о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года». «Разсужденіе» митр. Филарета содержитъ въ себѣ много примѣровъ на различные періоды, превосходно составленные. Хорошо бы предложить ученикамъ задачу: выбрать всѣ періоды изъ «Разсужденія» Филарета и раздѣлить ихъ на разряды.

§ 33. XII. *Періоды смѣшанные.* При чтеніи произведеній Словесности весьма часто находишь образцы періода въ *чистомъ* видѣ, т. е. или одного только винословнаго, или одного только противоположнаго и т. д.

Но еще чаще видишь образцы періодовъ *смѣшанныхъ*, т. е. такихъ, въ которыхъ соединяется два періода: періодъ винословный съ изъяснительнымъ, изъяснительный съ противоположнымъ и т. д.

1. Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть

пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. *Карамзинъ.* („Предисловіе“ [1]) къ „Исторіи“).

Примѣч.—Примѣръ смѣшаннаго періода: изъяснительнаго съ противоположнымъ. Изъяснительный, заключающій въ себѣ два члена, оканчивается двоеточіемъ; противоположный—начинается противительнымъ союзомъ «*но*».—Въ немъ тоже два члена: одинъ членъ простирается до двоеточія, другой оканчиваетъ собой весь отрывокъ. Грамматич. связь между періодами покажите сами.

2. Какъ жаль, что надобно употребить слова, буквы, перо и чернила, чтобъ описывать прекрасное! Природа, чтобъ плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину, *а* бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми часто бываетъ гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. *В. А. Жуковскій.* („Путешествіе по Саксонской Швейцаріи“).

Примѣч.—Примѣръ періода изъяснительнаго, смѣшаннаго съ противоположнымъ. Изъяснительный періодъ отдѣленъ здѣсь отъ періода противоположнаго противоположнымъ союзомъ «*а*». Періодовъ этихъ нельзя отдѣлить другъ отъ друга, ибо они объясняются взаимнымъ ихъ соотношеніемъ. Первый періодъ пользуется союзами изъяснительными, второй періодъ—противоположнымъ.

Описаніе *Жуковскимъ* „Рейнскаго Водопада“ (см. „Отрывки изъ письма о Швейцаріи“) составлено по формѣ двухъ періодовъ: условнаго и противоположнаго.

Примѣч.—Весьма полезно предлагать ученикамъ для прочтенія главу изъ «Исторіи» *Карамзина*, съ цѣлію выбрать изъ нея всѣ періоды. Это занятіе даетъ ученикамъ возможность самимъ составить понятіе о періодѣ.

ГЛАВА IV.

Стихосложеніе.

§ 34. Такъ какъ стихъ составляетъ одну изъ *формъ* произведеній слова, то мы должны имѣть понятіе о построеніи стиха. Ученіе о построеніи стиха называется *стихосложеніемъ* или версификаціею (отъ Лат. versificatio: versus — стихъ, facio — дѣлаю). Стихъ (отъ Греч. στίχος — рядъ, порядокъ, строй) есть мѣрная рѣчь.

§ 35. Существуетъ три рода стихосложенія: метрическое, силлабическое и тоническое.

---

[1]) Это «Предисловіе» напечатано вполнѣ въ новомъ изданіи нашей «Христоматіи». Спб. 1896, ч. четвертая, изд. 4-е.

§ 36.—I. *Метрическое* (Греч. μέτρον — мѣра) стихосложеніе, или стопосложеніе, основано на *долготѣ* и *краткости* слоговъ. Оно въ употребленіи у Грековъ и Римлянъ, которые произносили одни гласные съ бо́льшимъ протяженіемъ голоса, нежели другіе: на этомъ протяженіи голоса, замедленіи или краткости его, основано было дѣленіе гласныхъ на долгіе и короткіе.

Метрическое стихосложеніе состоитъ изъ *метровъ* (т. е. мѣръ), или стопъ. Стопою (по—Греч. ποῦς—нога, стопа) называется извѣстное количество слоговъ, непрерывно повторяющееся во всемъ стихотвореніи. Стопа въ стихѣ значитъ то же, что въ музыкѣ тактъ, отбиваемый ногою (πούς). Стопы, наиболѣе употребительныя, слѣдующія: *ямбъ, хорей, дактиль, амфибрахій* и *анапестъ*.

Ямбъ (Греч. Ἴαμβος) есть стопа, состоящая изъ двухъ слоговъ: первый изъ нихъ короткій, а второй долгій, напр. Крыло̆въ. Условный знакъ (схема) ямба: ‿—. Ковычкой указывается короткій слогъ, а черточкою—слогъ долгій. „Полтава“ *А. С. Пушкина* написана ямбами:

Богатъ | и сла|венъ Ко|чубей|.

Задача. Пріищите нѣсколько стихотвореній *Пушкина*, вамъ извѣстныхъ, написанныхъ ямбомъ.

Хорей (отъ Греч. χορεῖος—хорный, танцевальный) стопа, состоящая изъ двухъ слоговъ: первый изъ нихъ долгій, а второй краткій, напр. Пушкинъ. Условный знакъ хорея: — ‿. Стихотвореніе Пушкина „Бѣсы“ написано хореемъ:

Мчатся | тучи|, вьются | тучи|.

Кромѣ ямба и хорея, у древнихъ были еще двѣ стопы двусложныя: *спондей* (σπονδειος ποῦς) и *пиррихій* (πυρρίχιος ποῦς). Спондей состоялъ изъ двухъ долгихъ слоговъ, ζητων, gaudent; пиррихій—изъ двухъ короткихъ: θεος, bene. У насъ эти стопы не употребительны [1]).

Задача. Найдите нѣсколько стихотвореній Пушкина или Лермонтова, вамъ извѣстныхъ, написанныхъ хореемъ.

Дактиль (отъ Греч. δάκτυλος—палецъ) состоитъ изъ трехъ слоговъ: первый долгій, второй и третій короткіе, напр. Лермонтовъ. Знакъ дактиля:—‿‿.

М. Ю. Лермонтовъ написалъ стихотвореніе „Тучки“ дактилическимъ размѣромъ:

Тучки не|бесныя|, вѣчные | странники|.

---

[1]) Впрочемъ нѣкоторые наши писатели находили у насъ двусложныя слова съ двумя удареніями, напримѣръ: бездна, взмахнулъ ,доплылъ, хлѣбъ-соль, полнеба, тотчасъ и пр. *А. Ѳ. Воейковъ*: разсужденіе о гекзаметрахъ. Словарь Древней и Новой поэзіи. *Н. Остолопова*. Спб 1821, ч. I, стр. 331.

Стихотворенiе *Н. А. Некрасова* „Родина мать“ написано тѣмъ же размѣромъ.

Словно какъ | мать надъ сы|новней мо|гилой,

Стонетъ ку|ликъ надъ бо|лотной рав|ниной.

Изъ послѣдняго примѣра видно, что у насъ дактили употребляются иногда съ хореемъ.

Стихотворенiе *Ѳ. И. Тютчева* „Слезы“ написано дактилемъ [1]).

Задача. Найдите у *Пушкина* или *Жуковскаго* стихотворенія дактилическiя.

Амфибрахiй (Греч. ἀμφίβραχυς, отъ ἀμφί—около, вокругъ, обоюду и βραχύς—короткiй) стопа вокругъ краткая и долгая посрединѣ. Амфибрахiй изъ трехъ слоговъ: первый короткiй, второй долгiй и третiй—короткiй, напр.: Державинъ, Жуковскiй. Знакъ амфибрахiя. ‿ — ‿.

„Воздушный Корабль“ *Лермонтова* представляетъ примѣръ этой стопы.

По синимъ | волнамъ о|кеана|,

Лишь звѣзды | блеснутъ въ не|бесахъ|.

Послѣдняя стопа ямбическая во второмъ стихѣ. „Ангелъ“ того же поэта написанъ амфибрахiемъ:

По небу | полуно|чи Ангелъ | летѣлъ|.

Примѣч.—Стихотворенiя *А. С. Пушкина*: «Кавказъ», «Туча», «Вѣщiй Олегъ» написаны амфибрахiемъ.

Задача. Нѣтъ ли у *А. Н. Майкова* стихотворенiй, написанныхъ амфибрахiемъ?

Анапестъ (Греч. ἀνάπαιστος, отъ ἀναπαίειν—назадъ ударять; ἀνά—назадъ, вспять, между и παίω—ударяю)—стопа, состоящая изъ трехъ слоговъ: первый и второй короткiе, а третiй долгiй, напр. Карамзинъ. Знакъ анапеста: ‿ ‿—. Стихотворенiе *В. А. Жуковскаго* „Замокъ Смальгольмъ“ написано этимъ размѣромъ:

До развѣ|та подняв|шись, коня | осѣдлалъ|

Знамени|тый Смальгольм|скiй барон|ъ.

Анапестъ у *Пушкина*: „Пѣсня о Георгiи Черномъ“ написана анапестомъ.

Анапестъ у *Е. А. Баратынскаго.*

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой,
Заблужденiй земли
Мнѣ забвенье пошли. („Молитва“).

---

[1]) См. новое (6-е) изд. нашей «Хрестоматiи», ч. *вторая*. Спб. 1897, стр. 433.

У насъ анапестъ чаще всего употребляется съ ямбомъ.

Кромѣ указанныхъ стопъ, еще употребляется особенный размѣръ,—*гекзаметръ*.

Гекзаметръ (Греч. ἑξάμετρον, отъ словъ: ἕξ—шесть и μέτρον—мѣра) есть размѣръ, состоящій изъ шести стопъ: однѣ изъ нихъ дактили, другія—хореи (а у древнихъ спондеи). Гекзаметромъ написаны великія творенія *Гомера* „Иліада“ и „Одиссея“.

Гнѣвъ, бо|гиня, вос|пой Ахил|леса, Пе|леева | сына|.

Здѣсь одинъ хорей въ началѣ и другой въ концѣ стиха.

Кони по|слушные | быстро | мчатся | съ грознымъ воз|ницей.

Здѣсь три дактиля и три хорея.

Легкіе | кони | скачутъ | быстро, | рвы преле|тая|.

Два дактиля и четыре хорея.

Волны | моря | вставши | съ ревомъ | хлещутся | въ берегъ.

Одинъ дактиль и пять хореевъ.

Вообще говоря, гекзаметръ способенъ къ разнымъ измѣненіямъ въ своемъ строѣ, но *пятая* въ немъ стопа непремѣнно должна быть *дактиль*.

Библіогр. Этюды о древней метрикѣ. *Л. Миллера*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, окт.

—Основанія метрики у древнихъ Грековъ и Римлянъ. *Я. Денисова*. М. 1888.

Примѣч.—Первый, кто ввелъ у насъ гекзаметръ, былъ *В.К.Тредіаковскій*. Его произведеніе (переводъ изъ Франц. писателя *Фенелона*), подъ названіемъ «Тилемахида», написано гекзаметромъ [1]). Поэтъ баронъ *А. А. Дельвигъ* находилъ въ этомъ сочиненіи, занимающемъ цѣлую книгу (1—788 страницъ), только одинъ удобный для чтенія стихъ.

Корабль Одиссеевъ,
«*Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся*».

(Соч. А. Пушкина: „Записки“).

Послѣ Тредіаковскаго гекзаметръ былъ брошенъ и появился опять въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — Художественнымъ гекзаметромъ мы обязаны *Н. И. Гнѣдичу*, переводчику „Иліады“, и *Жуковскому* („Ундина“, „Одиссея“).

§ 37. При изученіи стихосложенія, необходимо имѣть еще слѣдующія свѣдѣнія:

1. Слогъ, на которомъ находится удареніе, называется долгимъ, а всѣ прочіе короткими.

2. *Риѳма* (Греч. ῥυθμός) есть созвучіе окончаній. Она бываетъ

---

[1]) *Начало* «Тилемахиды»: «Древня размѣра Стіхомъ отцелюбовнаго Сына». Соч. В. К. Тредіаковскаго, изд. Смирдина. Спб. 1849, т. 2, стр. 1.

двухъ родовъ: мужеская и женская—богатая и бѣдная. Мужеская риѳма оканчивается долгимъ слогомъ, женская короткимъ слогомъ. Богатая риѳма состоитъ въ томъ, что послѣднія буквы въ стихѣ звучатъ многими одинаковыми звуками, напр. добро—сребро; бѣдная риѳма заключаетъ въ себѣ мало звучащихъ одинаковыхъ буквъ, напр. имена—страшна, словъ—любовь.

3. Стихи называются *вольными*, когда въ нихъ находится неодинаковое количество стопъ. Такъ написаны „Горе отъ Ума“ *А. С. Грибоѣдова*, басни *И. А. Крылова*. Стихи называются *бѣлыми*, когда въ нихъ нѣтъ риѳмы. „Борисъ Годуновъ“ *Пушкина* написанъ бѣлыми стихами. Названіе „бѣлый стихъ“ взято, по объясненію *А. Х. Востокова*, съ Англійскаго языка. У Англичанъ бѣлымъ называется такой стихъ, въ которомъ изглажена, уничтожена риѳма.

4. Шестистопный ямбическій стихъ иначе называется *Александрійскимъ*. Такое названіе дано потому, что первое стихотвореніе, написанное шестистопнымъ ямбомъ, изображало жизнь Александра Великаго. У *Пушкина* не мало стихотвореній, написанныхъ Александрійскимъ размѣромъ, напр.: „Полководецъ“, „Подражаніе Итальянскому“, „Молитва“ и пр. *Е. И. Костровъ*, Рус. писатель XVIII в., переводилъ „Иліаду“ Александрійскимъ стихомъ. Тѣмъ стихомъ и *Гнѣдичъ* сначала перелагалъ „Иліаду“.

Примѣръ *шестистопнаго* ямба изъ *Пушкина* („Молитва“):

˘ – ˘ – – ˘ – ˘ – ˘ – ˘

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.

Примѣчаніе.—Въ сочиненіи *П. Перевлѣсскаго* «Русское Стихосложеніе», Спб. 1853, изд. 2-е, можно видѣть много примѣровъ на стихи разныхъ стопъ, стр. 24—35.

5. *Цезура* (Лат. *caesura*, отъ глагола *caedo*, рублю, разсѣкаю) есть пресѣченіе въ стопахъ. Стихи шестистопные и пятистопные обыкновенно раздѣляются на два полустишія, для того, чтобы доставить отдыхъ читателю; этотъ отдыхъ, или остановка голоса, называется цезурою или пресѣченіемъ. Въ ямбическихъ шестистопныхъ стихахъ пресѣченіе бываетъ послѣ третьей стопы, напр.:

Ни зла|то, ни|чины ‖ ко сча|стью не|ведутъ.
(*И. И. Дмитріева*: „Филемонъ и Бавкида“).

Въ пятистопныхъ ямбахъ цезура бываетъ послѣ второй стопы, а иногда послѣ третьей, напр.

О Вождь Славянъ, ‖ дерзнутъ|ли робки струны
Тебѣ | хвалу ‖ въ сей слав|ный часъ | брящать?
(„Вождю Побѣдителей“. *Жуковскаго*).

Въ гекзаметрахъ бываетъ или одна цезура, или двѣ. Если одна цезура, то она находится на первой половинѣ третьей стопы, а если двѣ цезуры, то одна на первой половинѣ второй стопы, а другая— на первой половинѣ четвертой стопы, напр.

Такъ онъ въ сле|захъ воні|ялъ ||; и | слышала | вопль его | матерь|.
(Иліад. 1—357).

Другомъ вле|комый || ужъ былъ далеко || отъ вра|говъ Абба|дона|.
(Жуковскій).

Примѣчаніе. — Подробности см. въ «Стилистикѣ» *В. Классовскаго.* Спб. 1866, стр. 119 и др.

§ 38. *II. Силлабическое* стихосложеніе (отъ Лат. слова *syllaba*— слогъ), или слогочислительное, основано на количествѣ слоговъ. Оно употребляется Итальянцами, Французами и Поляками, языки которыхъ, по ограниченности просодіи, мало или вообще неспособны къ стопосложенію; у Итальянцевъ и Поляковъ удареніе всегда (или почти всегда) ставится на предпослѣднемъ слогѣ, а у Французовъ — на послѣднемъ.

Силлабическій стихъ можетъ заключать въ себѣ отъ тринадцати до четырехъ слоговъ. Въ тринадцатисложныхъ стихахъ два полустишія, раздѣляемыя пресѣченіемъ (цезурою): оно становилось послѣ седьмаго слога. Девятисложные стихи имѣли цезуру послѣ пятаго слога; другіе болѣе краткіе стихи не раздѣлялись на полустишія.

Силлабическіе стихи должны были имѣть риѳму, которую *Симеонъ Полоцкій* (XVII в.) называлъ *краесогласіемъ.*

Первый свѣтскій писатель нашъ новаго времени князь *Антіохъ Кантемиръ* (XVIII в.) писалъ свои сатиры (§ 114) силлабическимъ размѣромъ. Вотъ первыя строки изъ лучшей его сатиры „На хулящихъ ученіе“:

„Уме недозрѣлый плодъ || недолгой науки!
Покойся, не понуждай || къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти“.

По причинѣ этого тяжелаго размѣра, сатиры Кантемира, богатыя по своему содержанію, мало читаются.

Силлабическіе стихи являются у насъ въ XVI вѣкѣ. Образцы ихъ можно читать въ переводѣ Библіи *Скорины* (1517 г.), въ переводѣ Библіи *Острожской* (1581 г.). Къ Великоруссамъ, въ Москву занесъ это стихосложеніе *Симеонъ Полоцкій,* жившій при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, писавшій силлабическими стихами обширныя сочиненія, напр. „Вертоградъ“. Въ XVII в. стихосложеніе силлабическое становится мо-

дой. Цѣлыя книги пишутся стихами; въ XVII—XVIII в. мы находимъ образцы его въ стихотвореніяхъ Св. *Димитрія Ростовскаго*, архіеписк. *Өеофана Прокоповича*, митропол. *Стефана Яворскаго* и другихъ. Силлабическое стихосложеніе долго сохранялось и послѣ преобразованій, совершенныхъ въ стихѣ *М. В. Ломоносовымъ*.

Библіогр.—Подробности см. въ «Исторіи Русской Словесности» *А. Галахова*. Спб. 1880, т. I, стр. 371 и др. — Словарь Древней и Новой Поэзіи. *Н. Остолопова*. Спб. 1821, ч. III, стр. 218—231.

§ 39. III. *Тоническое стихосложеніе* (отъ Греч. τονος—удареніе) основано на *ударенiи*, т. е. на повышеніи и пониженіи голоса при выговорѣ словъ. Удареніе иначе называется *силою*.

Тоническое стихосложеніе свойственно нашимъ народнымъ пѣснямъ. Оно открыто въ первый разъ *Тредіаковскимъ* въ сочиненіи его „Новый и краткій Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ" 1735 года. Тредіаковскій въ этомъ сочиненіи пишетъ:

„Долгота и краткость Слоговъ, въ новомъ семъ Россійскомъ Стихосложеніи, не такая разумѣется, какова у Грековъ и у Латїнъ въ сложеніи Стїховъ употребляется; но токмо *тонїческая*, то есть въ единомъ ударенiи голоса состоящая". (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ *А. Куникъ*. Ч. I. Спб. 1865, стр. 23). Всю я силу взялъ сего новаго Стїхотворенїя изъ самыхъ внутренностей свойства нашему Стїху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, что Поэзїя нашего простаго Народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но слатчайшее, прїятнѣйшее, и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латїнскихъ, паденїе, подало мнѣ не погрѣшительное руководство къ введенїю въ новый мой Эксаметръ и Пентаметръ, оныхъ выше объявленныхъ двусложныхъ тонїческихъ стопъ". (Тамъ же).

Открывъ тоническое стихосложеніе, Тредіаковскій не могъ, или не умѣлъ подтвердить свое умное открытіе собственными произведеніями. *Ломоносовъ* узаконилъ тоническое стихосложеніе въ нашей Словесности какъ разсужденіемъ своимъ „О правилахъ Рос. стихотворства" (1739 г.), такъ и многими превосходными образцами.

Тоническій размѣръ свойственъ, мы сказали, нашимъ народнымъ пѣснямъ. Народныя пѣсни, относительно постройки стиха, представляютъ ту особенность, что въ нихъ главная сила заключается въ *ударенiяхъ*, а не въ долготѣ или краткости слоговъ. Подъ одно главное удареніе подходятъ нѣсколько слоговъ, или словъ.

Примѣръ стиха съ однимъ удареніемъ:

Ты ря́бинушка, Ты когда́ взошла,
Ты кудря́вая, Когда́ вызрѣла?

Еще примѣръ:

Ты воспо́й, воспо́й, Сидючи весно́й
Младъ жаворо́ночекъ, На прота́линкѣ.

Примѣръ стиха съ двумя удареніями:

Дитя́ мое	, дитя́тко,	Гуля́ешь	невесе́ло,
Дитя́ мое	ми́лое,	Поту́пя	я́сны очи
Что хо́дишь	нера́достно,	Во ма́ть	во сыру́ землю?

Примѣръ стиха съ тремя удареніями:

Лучи́на | , лучи́нушка | , берёзовая,
Что́ же ты | , лучи́нушка, | не ясно горишь,
Не я́сно | гори́шь , не вспы́хиваешь?

Или еще:

Во́ полѣ | бере́за | стоя́ла,
Во́ полѣ | кудря́вая | стоя́ла.
Не́ кому | берёзы за | лома́ти

Или:

И́вушка, и́вушка, зеле́ная мо́я,
Что́ же́ ты, и́вушка, не весе́ло стои́шь?

Ломоносовъ утвердилъ въ нашей Словесности тоническій размѣръ. Его система стихосложенія называется „тоническою", потому что въ ней главную силу имѣетъ удареніе, т. е. повышеніе и пониженіе голоса. Основавши стихосложеніе на удареніи, Ломоносовъ въ то же время думалъ приблизить его къ древнимъ размѣрамъ метрической системы и сохранилъ стародавнія названія метровъ, т. е. ямбы, хореи, дактили и проч.

Эта теорія *Ломоносова*, подкрѣпленная его высокими образцами, укоренилась въ нашей Словесности и остается неизмѣнною до настоящаго времени.

§ 40. *Общее замѣчаніе о стихахъ.*—Замѣтимъ, что стихи не составляютъ исключительной принадлежности поэзіи. Многія *ученыя* сочиненія написаны стихами. *Эмпедоклъ* (V в. до Р. Хр.) написалъ „Физику" стихами, *Лукрецій* (I в. до Р. Хр.)—„о природѣ вещей", *Ломоносовъ*—„о пользѣ стекла". Латинскія грамматики излагались (а частію и теперь излагаются) стихами. *Тредіаковскій* написалъ стихами произведеніе подъ названіемъ „Деидамія", состоящее изъ двухъ тысячъ

трехъ сотъ тринадцати стиховъ, но поэзіи въ нихъ нѣтъ ни одной искры... Въ началѣ нынѣшняго вѣка графъ *Д. И. Хвостовъ* наводнялъ Русскую Словесность стихами своими, но они обнаруживали только полную бездарность сочинителя...

Изъ разсмотрѣнія произведеній истинно-поэтическихъ, а равно— изъ біографій знаменитыхъ поэтовъ видно, что стихи, не составляя исключительной принадлежности поэзіи, въ то же время иногда невольно раждаются въ душѣ поэта, въ минуты благодатнаго вдохновенія. *Лермонтовъ* въ превосходномъ своемъ стихотвореніи „Журналистъ, Читатель и Писатель“ говоритъ:

Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ, и сердце полны,
И *риѳмы*, дружныя какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой
Несутся *вольной* чередой.
Выходитъ чудное свѣтило—
Въ душѣ, проснувшейся едва,
На мысли, дышащія силой,
Какъ *жемчугъ нижутся слова.*

То же самое свидѣтельствуетъ и *Пушкинъ*. „Почуя риѳмы“, пишетъ онъ, „я бѣжалъ въ деревню“. Значитъ, бываютъ у высокодаровитыхъ людей такія минуты, когда имъ хочется выражать свои мысли именно стихами.

Не отрицая подобнаго состоянія въ многообъятномъ духѣ человѣка, мы въ то же время будемъ думать, что, въ строгомъ смыслѣ, стихи составляютъ только *одну изъ формъ* словесныхъ произведеній. Можно указать на многіе высокіе образцы поэзіи, которые написаны *не стихами*, напр. „Капитанская Дочка“ *Пушкина*, „Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“ *Гоголя*, „Семейная Хроника“ *С. Аксакова*, „Обломовъ“ *Гончарова*, „Война и Миръ“ гр. *Л. Толстого* и пр. Эти примѣры ясно показываютъ, что не всегда стихами пишутся истинно поэтическія произведенія.

Библ.—Этюды о древней метрикѣ. *Л. Миллера*, Ж. М. Н. Пр. 1879, Окт.— Основанія метрики у древнихъ Грековъ и Римлянъ. *Я. Денисова*. М. 1888.— Русское Стихосложеніе. *А. Востокова*. 1817.—*Н. И. Гнѣдичъ* опровергаетъ нѣкоторыя мысли Востокова въ Вѣстн. Евр. 1818.—Опытъ общихъ правилъ стихотворства кн. *Цертелева*. Спб. 1820.—Собраніе сочиненій и переводовъ Адмирала *Шишкова*. Ч. III. Спб. 1824, стр. 95. и д.—Теорія Русскаго Стихосложенія. *Кубарева*. 1837.—Русское Стихосложеніе. *П. Перевлѣсскаго*. Спб. 1853, изд. 3-е.—Версификація, ст. *Н. Надеждина* въ Энциклопедич. Словарѣ *Плюшара*. Спб. 1837, т. IX, стр. 501—518.—О выборѣ стихотворнаго размѣра. (Неизвѣстнаго автора). М. 1856.—О введеніи метрическаго стихосложенія. *М. Дмитріева*. Москвитянинъ. 1853, № 4.—Объ гекзаметрахъ. Исторія Русской Словесности. *А. Галахова*. Спб. 1880, т. II, стр. 284 и д.—Словарь Древней и Новой Поэзіи. *Н. Остолопова*. 1821. Ч. I, II и III. (Въ первой части, на стр. 306—336 приведены выписки изъ статей Востокова, гр. С. С. Уварова, Гнѣдича и *А. Ѳ. Воейкова* объ гекзаметрѣ. Въ III ч. отъ стр. 217

до 259 подробно говорится о трехъ родахъ стихосложенія).—О стихосложеніи. *А. С. Воронова.* Журналъ «Звѣздочка» 1845, ч. ч. XIII, XIV, XV, XVI.— О стихахъ, какъ выраженіи поэзіи. *К. Аксакова*, въ книгѣ: «Ломоносовъ въ исторіи Р. Литературы». М. 1846, стр. 412. (Сочиненія К. С. Аксакова. М. 1875, ч. I, стр. 333).—Сочиненія А. Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Спб. 1855, т. I, стр. 176 (о риемахъ).—Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній. *В. Классовскаго.* Спб. 1876. (Подробно изложена глава о стихосложеніи отъ стр. 199 до 253).—О размѣрѣ Русскаго народнаго стиха (въ былинахъ) см. превосходное изслѣдованіе *П. А. Безсонова.* Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ. М. 1868, вып. 7 (прилож. стр. 93—103) и 8 (М. 1870), стр. XXX.—О складѣ народн. Русской пѣсенной поэзіи. *С. Шафранова.* Ж. М. Н. Пр. 1878, окт. и ноябрь,—1879, апр., сент. и д.—Руководство къ стихосложенію, составл. *М. Бродовскимъ.* Спб. 1887.

§ 41. *Заключеніе ученія о Стилистикѣ*—Въ заключеніе ученія о Стилистикѣ скажемъ, что древніе писатели обращали особенное вниманіе на стиль, или на обработку своего слога. *Цицеронъ* писалъ: „стиль (слогъ) есть самый лучшій и самый превосходный наставникъ языка“ (stylus est optimus et praestantissimus dicendi effector et magister. De Oratore). *Квинтиліанъ* совѣтуетъ, какъ можно больше и какъ можно прилежнѣе писать (scribendum quam diligentissime et quam plurimum. Institut. Oratoriae). *Горацій* опредѣляетъ даже время, въ теченіе котораго писатель дόлженъ исправлять свое словесное произведеніе. Для такого тщательнаго исправленія Римскій поэтъ назначаетъ *девять лѣтъ*... Онъ говоритъ:

„Когда что напишешь, то прежде
Метія [1]) вѣрному слуху долженъ на судъ ты представить,
Или отцу, или мнѣ; и лѣтъ *девять* хранить безъ показу!
Втайнѣ свой трудъ продержавши, покуда онъ въ свѣтъ не явился,
Много исправишь; а выпустишь слово, назадъ не воротишь“.

(De arte Poëtica. V, 386—89. Рус. перев. *М. Дмитріева.* М. 1853, стр. 65. Перев. *А. Фета.* М. 1883, стр. 479).

Изреченія древнихъ писателей сдѣлались въ образованномъ мірѣ предписаніями закона.

Наши составители учебниковъ по Словесности развивали тѣ же самыя мысли о важности обработки своего слога. *М. М. Сперанскій* въ своемъ курсѣ, носящемъ заглавіе „Правила высшаго краснорѣчія“, 1792 г., говоритъ: „напиши сто небольшихъ сочиненій, прочитай ихъ съ доброю критикою, брось ихъ потомъ въ огонь, и продолжай писать далѣе“ (изд. 1844, стр. 48-я)—*В. Толмачевъ*, авторъ „Правилъ Словесности“, изд. 1815 г., совѣтуетъ сокращать сочиненіе, дабы оно получило больше силы и выразительности (ч. II, ст. 132); это наставленіе цѣликомъ заимствовано у Горація изъ его „De arte

---

[1]) *Метій*—одинъ изъ пяти судей литературы, по нашему—цензоръ.

Poëtica". *И. И. Давыдовъ* въ „Чтеніяхъ о Словесности" (М. 1837 изд. 2-е) убѣждаетъ молодыхъ писателей перечитывать свои сочиненія со всею строгостію, обрѣзывать лишніе обороты и слова (курсъ I, стр. 133).

Наши писатели до послѣдняго времени были очень внимательны къ своей рѣчи; они строго слѣдили за каждымъ оборотомъ своимъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ звукомъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, стоитъ только пересмотрѣть черновыя тетради (автографы) *Карамзина, Крылова и Пушкина.* Поражаешься этою усидчивою работою писателя, этою настойчивостію, этою „упрямкою",—по выраженію *Ломоносова,*—съ которою такіе знаменитые словесники, какъ Карамзинъ, Крыловъ и Пушкинъ, относятся къ своему слову. Въ ихъ автографахъ не найдешь, что говорится, живаго слова; почти каждое перечеркнуто, измѣнено, передѣлано. Въ сочиненіи *М. П. Погодина* „Николай Михайловичъ Карамзинъ" (М. 1866, ч. II, между стр. 310 и 311) приложены листки, показывающіе утомительную черновую работу *Карамзина* надъ XI и XII томами его „Исторіи Государства Россійскаго". *И. А. Крыловъ* неоднократно измѣнялъ слогъ своихъ басенъ. Возьмемъ для примѣра извѣстную басню его „Волкъ на псарнѣ": „Поднялся вдругъ весь псарный дворъ". По измѣненному тексту читается такъ: „Встревожился вдругъ весь псарный дворъ". Еще: „Почуя сѣраго такъ близко забіяку". По измѣненному тексту: „Почуявъ сѣраго такъ близко забіяку", по другому измѣненному тексту:—„почуявши сѣдаго забіяку".—„Псы залились въ хлѣвахъ", по измѣненному тексту: „псы взвыли по клѣтямъ".—„Огня!" кричатъ, „огня", по измѣненному тексту: „огня, огня! кричатъ", по другому измѣненному: »кричатъ: огня!"—Или вотъ ходъ стилистической работы (vertere stylum) надъ баснею „Оселъ и Соловей". Въ рукописи читаемъ:

„Пропой мнѣ кой-что, чтобъ я,
Твое услыша пѣнье,
Самъ посудилъ о твоемъ умѣньѣ".

По изданію басенъ 1811 г. эти стихи читаются такъ:

„Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье",

По изданію 1843 г., то же мѣсто измѣнено уже такъ:

„Желалъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?"

Нѣкоторыя свои басни Крыловъ передѣлывалъ до *пяти* разъ („Мельникъ") и даже до *десяти* („Дубъ и Тросгь"); другія же басни, измѣ-

нивъ по новому образцу, или плану, вновь оставлялъ въ первоначальномъ видѣ („Левъ, Серна и Лиса"). Такъ былъ строгъ къ своему творчеству дѣдушка Крыловъ! (Историческія басни Крылова. *В. Кеневича.* Записки Академіи Наукъ. 1864, т. IV, кн. 2, стр. 156 и д.,—его же: Библіографич. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова. Спб. 1868, стр. 106 и д., 76 и 220.—*П. А. Плетневъ* въ біографіи Крылова, XXIX глава).

А. С. Пушкинъ точно также былъ строгъ къ своему слову. Многочисленныя его грамматическія замѣчанія, касающіяся склоненія и спряженія (см. „Записки" въ собр. его сочиненій), показываютъ, съ какою разборчивостію онъ употреблялъ то или другое реченіе, ту или другую форму въ рѣчи. Онъ писалъ *особое* письмо къ *И. И. Лажечникову*, желая знать, въ какомъ смыслѣ онъ употребилъ слово „хоботъ" въ одномъ изъ своихъ романовъ. (Изд. *П. Анненкова.* 1855, т. I, стр. 31, 106, 115, 138, 151, 256, 299, 305, 318, 320). Автографы Пушкина служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ много труда, соображенія, вниманія и вниканія потрачено поэтомъ, дабы выработать то „огнедышущее слово", которое называется стихомъ, или слогомъ Пушкина. Превосходное стихотвореніе Пушкина „19-е Октября", начинающееся словами: „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ", представляетъ въ рукописи значительныя поправки и измѣненія: въ рукописи, сохраненной и до сихъ поръ, было 25 строфъ, а въ печати Пушкинъ оставилъ 17-ть. Кромѣ того, каждая строфа изъ 18-ти, за исключеніемъ одной, подверглась передѣлкамъ. (Автографъ Пушкина. Статья *Я. К. Грота.* Извѣстія 2-го Отдѣленія Акад. Наукъ, т. VI, стр, 326—337—„Мадона". Рус. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 863). „При всей наружной легкости прелестныхъ произведеній Пушкина, онъ мучился надъ ними по часамъ и суткамъ, и въ каждомъ почти стихѣ было безчисленное множество помарокъ". (*В. А. Жуковскій.* Сочиненія. Изд. 1878, т. VI, стр. 438. Баронъ *М. А. Корфъ.* Сборн. Акад. Наукъ 1887, т. 42. стр. 279).

В. А. Жуковскій три раза переводилъ стихотвореніе „Сельское Кладбище", два раза на осьмнадцатомъ году своей жизни, а третій разъ—на пятьдесятъ пятомъ, для того только, чтобы ближе стать къ подлиннику. Описаніе водоворота въ стихотвореніи „Кубокъ" передѣлывалъ тоже два раза: разъ въ юности, а въ другой разъ въ старости. (О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, соч. *П. А. Плетнева.* Спб. 1853, стр. 103 и 79. Мелочи изъ запаса памяти. *М. А. Дмитріева.* М. 1869, стр. 182). Чтобы осязательно убѣдиться, какъ наши старые мастера слова усердно трудились надъ обработкою своего слога и языка, для этого стоитъ только назвать переводъ Одиссеи, принадлежащій Жуковскому. Жуковскій, принявшись за переводъ Гомера, при незнаніи Греческаго языка, совершилъ исполинскій литературный подвигъ. По-

двигъ состоялъ въ томъ, что онъ долженъ былъ возсоздавать текстъ Греческаго поэта по Нѣмецкимъ словамъ, которыя были подписаны подъ нимъ. (Письмо В. А. Жуковскаго къ графу *С. С. Уварову*. Собраніе сочиненій Жуковскаго. Спб. 1878, изд. 7-е, т. IV, стр. 2).

Вотъ высокіе образцы, съ которыхъ начинающіе писатели должны брать примѣръ, какъ внимательно надо относиться къ своему произведенію, какъ часто слѣдуетъ его исправлять и какъ долго надъ нимъ трудиться [1]).

Примѣч.—Изъ исторіи Всеобщей Литературы извѣстно, что древніе писатели чрезвычайно строго относились къ своимъ произведеніямъ. Знаменитый Греч. ораторъ *Исократъ* (V—IV в. до Р. Хр.) надъ сочиненіемъ рѣчи въ похвалу Аѳинянъ трудился не менѣе *пятнадцати* лѣтъ,—за то она считалась и считается образцовой во всей Греческой литературѣ. *Димосѳенъ восемь* разъ переписывалъ исторію Ѳукидида, чтобы усовершенствовать свой слогъ... (Всемірная Исторія *Шлоссера*. Рус. переводъ. Т. I, стр. 362, 364).

---

[1]) *В. И. Даль* (1802—1872 г.), начавшій печатать свой «Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка» въ шестьдесятъ лѣтъ, объ исправленіи его писалъ: «*Тысяча* поправокъ испестрили уже Словарь мой, переплетенный въ *шесть* толстыхъ книгъ, съ прокладкою бѣлыхъ листовъ». (Сборникъ Отдѣл. Рус. языка и Словесности Акад. Наукъ, 1878, т. X. стр. 45: «Воспоминаніе о В. И. Далѣ». *Я. К. Грота*.—*И. С. Тургеневу* тоже не дешево доставался его изящный стиль. (Полн. собр. писемъ Тургенева. Спб. 1885, т. I, стр. 135, 143, 144, 153. 177, 251).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТЕОРІЯ ПРОЗЫ.

§ 42. Существительное „prosa“ (Греч. πρόσω — впередъ, далѣе) произошло отъ „prorsa“; прилагательное „prorsus“ составилось изъ двухъ словъ: *pro*—вмѣсто и *versus*—стихъ. Рѣчь вольная, свободная, никакими размѣрами не стѣсненная, называлась „prosa“, или „oratio soluta“; *проза* именовалась рѣчію свободною, разрѣшенною потому, что она противополагалась стихамъ,—рѣчи не свободной, связанной извѣстными размѣрами.

Представленное понятіе о прозѣ чисто внѣшнее. Со стороны внутренней, прозою называется такой обширный родъ сочиненій, который имѣетъ цѣлію изобразить міръ дѣйствительный, т. е. то, что было, и что есть на самомъ дѣлѣ. Прозаикъ не позволяетъ ни малѣйшаго вымысла и представляетъ только то, что дѣйствительно было или существуетъ теперь. Такимъ образомъ *воспроизведеніе дѣйствительнаго* міра въ словѣ называется *прозою*. Это опредѣленіе принято во всѣхъ литературахъ образованнаго міра.

§ 43. *Роды прозаическихъ произведеній.*—Въ современной намъ наукѣ Словесности признается три рода прозаическихъ произведеній: *историческія* или повѣствовательныя произведенія, *ораторскія* и *философическія* или ученыя. Повѣствовательныя сочиненія *разсказываютъ* объ истинѣ; ораторскія *направляютъ* чужую волю сообразно извѣстной истинѣ; философическія сочиненія *доказываютъ* истину.

ГЛАВА I.

О сочиненіяхъ Повѣствовательныхъ.

§ 44. Повѣствовательными сочиненіями называются тѣ, которыя *разсказываютъ* объ истинѣ, т. е. о томъ, что было, или что есть на самомъ дѣлѣ.

Повѣствованіе (или разсказъ) излагаетъ дѣйствія и происшествія (или событія) въ ихъ послѣдовательномъ развитіи *во времени*, въ переходахъ изъ одного состоянія въ другое. Главное правило повѣствованія— слѣдовать времени, или естественному порядку происшествія (что за чѣмъ слѣдовало). Примѣры повѣствованія: „Куликовская битва“ *Н. М. Карамзина*,, „Великодушіе митрополита Филиппа“ *его же* (см. § 56-й „Учебника“), „Людовикъ IX“ *Т. Н. Грановскаго* (IV ч. нашей Христоматіи) и др.

Повѣствованіе имѣетъ *три части*: вступленіе, изложеніе и заключеніе. Во вступленіи разсказывается о событіяхъ или происшествіяхъ, случившихся *прежде* главнаго событія,—о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя *подготовили* главное событіе. Такъ Карамзинъ, приступая къ разсказу о великодушіи митрополита Филиппа (борьбѣ его съ царемъ Іоанномъ Грознымъ), прежде всего показываетъ дѣятельность Филиппа въ качествѣ игумена Соловецкой обители, а потомъ—бесѣду его съ царемъ передъ избраніемъ въ санъ митрополита. Бываютъ и такого рода разсказы, гдѣ во вступленіи предлагается главное содержаніе, или выражается главная мысль всего послѣдующаго изложенія. Такъ преподобный Несторъ началъ свою Лѣтопись слѣд. словами: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ... откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть“. С. М. Соловьевъ, сочинитель „Исторіи Россіи“, разсказывая о митрополитѣ Филиппѣ (§ 56-й Учебн.), прежде всего говоритъ о значеніи духовенства въ древней Россіи.

Изложеніе заключаетъ въ себѣ разсказъ о главномъ событіи или происшествіи. Здѣсь передаются всѣ подробности, необходимыя для составленія полнаго понятія о происшествіи и лицахъ, принимавшихъ участіе въ немъ. Подробности событія, для большей ясности, могутъ быть раздѣлены на части (отдѣлы), и каждая часть излагается самостоятельно, но въ связи съ цѣлымъ. Такъ Т. Н. Грановскій (бывшій профессоръ исторіи въ Москов. Университетѣ) главную часть своего разсказа о Людовикѣ IX-мъ раздѣляетъ на нѣсколько частей: въ первой части говоритъ о св. чашѣ, во второй части о воспитаніи короля, благочестіи, добрыхъ дѣлахъ, самоотверженіи, военной, политической и судебной его дѣятельности, объ отношеніи къ духовенству, о недовольствѣ Людовика міромъ; въ третьей части—о гражданской его дѣятельности. Всѣ означенныя подробности приведены историкомъ для доказательства той главной мысли, что Людовикъ IX есть идеалъ средневѣковой доблести.

Заключеніе разсказа бываетъ разнообразно. Иногда сочинитель дѣлаетъ общій выводъ изъ своего разсказа, иногда выражаетъ личное свое впечатлѣніе, иногда изъясняетъ значеніе событія, а иногда передаетъ обстоятельства, непосредственно *послѣдовавшія* за главнымъ событіемъ, или завершившія оное. Подкрѣпимъ наши мысли примѣрами. *С.М. Со-*

ловьевъ заканчиваетъ свой разсказъ о митрополитѣ Филиппѣ общимъ выводомъ о значеніи древняго обычая „печалованія“, принадлежавшаго духовенству; мнихъ *Лаврентій*, списатель Лѣтописи Нестора, въ концѣ своего труда выражаетъ радость такимъ образомъ: „Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормьчий въ отишье приставъ (см. § 26-й „Учебника“)... Соловьевъ свой разсказъ о Куликовской битвѣ заканчиваетъ указаніемъ значенія этого событія для всеобщей и Русской Исторіи. *А. С. Пушкинъ* свою сказку „о Рыбакѣ и Рыбкѣ“ заключаетъ представленіемъ начальнаго положенія старухи (обстоятельство, послѣдовавшее за главнымъ событіемъ), опять очутившейся передъ разбитымъ корытомъ, вмѣсто царскихъ палатъ и печатныхъ пряниковъ съ заморскими винами.

Отъ разсказа надо отличать *описаніе*.

§ 45. *Описаніемъ* называется изображеніе предмета въ пространствѣ, въ одномъ опредѣленномъ состояніи, въ данную минуту, безъ указанія на измѣненія, бывшія съ нимъ прежде или послѣ.

Части описанія. Описаніе иногда *начинаютъ* обращеніемъ къ предмету, иногда общею мыслію, развитіемъ которой служитъ все описаніе,— или же въ началѣ описанія обращаютъ вниманіе на время, въ которое наблюдаютъ предметъ,—на мѣсто, занимаемое предметомъ, или на случайныя обстоятельства (прогулку, нечаянную встрѣчу).

Средина (или главная часть) описанія содержитъ въ себѣ все то, что хочетъ сказать сочинитель о предметѣ. Здѣсь исчисляются свойства и части предмета; а такъ какъ свойства предмета многочислены, то избираются *существенныя*, могущія дать ясное и точное понятіе о предметѣ. Части дѣлятся на главныя и второстепенныя (иногда и третьестепенныя); каждая описывается особою, характеристическою чертою. Затѣмъ обращается вниманіе и на разныя отношенія описываемаго предмета: отношеніе его къ роду (напр. добродѣтель, порокъ—*родъ*, скромность, состраданіе, благотвореніе, роскошь, праздность — *видъ*), отношеніе въ жизни (его польза, употребленіе), отношеніе къ лицу писателя (впечатлѣніе на него), отношеніе генетическое (исторія происхожденія предмета).

Оканчиваютъ описаніе или выводомъ изъ всего изложеннаго („описаніе Севильскаго собора“ у *Д. В. Григоровича* (въ IV ч. Христом. Филонова), или обращеніемъ къ предмету („Петербургъ“ *А. С. Пушкина* I ч. Христом., изд. 8-е), или личными чувствованіями писателя („чудеса тропич. неба и моря“ у *И. А. Гончарова*, § 50-й „Учебн.“), или же объясненіемъ смысла, предложеннаго описанія („Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г. *В. А. Жуковскаго*“—§ 15-й „Учебн.“. сравненіе).

Раздѣленіе описаній. Описанія, смотря по цѣли, съ какою составляются, получаютъ различное названіе. Если писатель имѣетъ въ виду

указать на существенныя свойства предмета и сообщить точное о немъ понятіе, то описаніе называется ученымъ [1]); если же писатель желаетъ представить живой образъ предмета, подѣйствовать на воображеніе и чувство наше, такое описаніе называется *художественнымъ*. Примѣромъ ученыхъ описаній могутъ служить статьи въ учебникахъ по Географіи, Естественной Исторіи и разныхъ ученыхъ сочиненіяхъ; примѣры художественныхъ описаній можно читать въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“ *Карамзина* (Рейнскій Водопадъ), „Полтавѣ“ *Пушкина* (Тиха Украинская ночь § 99-й „Учебн.“), „Капитанской Дочкѣ“ его же (Буранъ), „Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки“ *Гоголя* (Днѣпръ, Украинская ночь), „Тарасѣ Бульбѣ“ его же (Степь), въ „Мертвыхъ Душахъ“ его же (садъ Плюшкина, дорога, Русь, § 100-й „Учебн.“), „Запискахъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“ *С. Аксакова* (Лѣсъ), „Запискахъ объ уженьѣ рыбы“ его же, „Семейной Хроникѣ“ его же (превосходно описаніе Оренбургской губерніи въ началѣ книги), во „Фрегатѣ Палладѣ“ *Гончарова* (чудеса тропическаго неба и моря), „Письмахъ объ Испаніи“ *В. Боткина* (Гранада и Альгамбра); въ „Запискахъ Охотника“ *Тургенева* находимъ много примѣровъ художественнаго описанія, напр.: пѣніе (разсказъ „Пѣвцы“), тяга („Ермолай и Мельничиха“ § 9-й „Учебн.“), Іюльскій день, утро („Бѣжинъ Лугъ“), Красивая Меча („Касьянъ съ Красивой Мечи“); „Ока“ картинно описана въ сочиненіи *Д. В. Григоровича* „Рыбаки“ (Гл. XXX); много прекрасныхъ описаній въ разсказахъ графа *Л. Н. Толстого:* „Дѣтствѣ“ (классная комната), „Отрочествѣ“ (Гроза), „Набѣгѣ“, „Рубкѣ Лѣса“ и „Севастопольскихъ Очеркахъ“; обширное сочиненіе *А. Печерскаго* (Мельникова) „Въ Лѣсахъ“ заключаетъ въ себѣ значительное количество истинно-мастерскихъ описаній, напр. „Ночь въ лѣсу зимою“ (I ч., стр. 256) „Волга“ (III ч., стр. 280—281), „Лѣто“ (III ч., стр. 323); „Нижній-Новгородъ“ (III ч., стр. 69). Описаніе восхода солнца у Вл. Короленко „Сонъ Макара“ и пр.

Приведенные примѣры показываютъ, что описаніе рѣдко представляется особымъ сочиненіемъ,—что оно, какъ составная часть, входитъ въ разные роды и виды произведеній Словесности,—что оно весьма часто соединяется съ разсказомъ (повѣствованіемъ) и изображаетъ предметъ въ разные моменты его бытія, напр. дорога у Гоголя („Мертвыя Души“, ч. I, гл. XI), гроза у гр. *Л. Н. Толстого* (въ I ч. „Христом.“ Филонова). При этомъ надо замѣтить, что въ народной Словесности не встрѣчается ни одного подробнаго описанія природы, которое само по себѣ составляло бы главный предметъ разсказа. Тамъ преимущественно описывается *человѣкъ*, и притомъ не наружный видъ его, а то *впечатлѣніе*, которое онъ производитъ на душу. („Историч. Очерки Русск. Народной

[1]) Иные называютъ *простымъ*.

Словесности и Искусства“ *Ѳ. И. Буслаева*. Спб. 1861, т. I, стр. 64—70).

Приведемъ образецъ ученаго описанія: „Домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ“, соч. *Н. Г. Устрялова:*

„Царскій дворецъ, сохранившійся доселѣ подъ именемъ *Домика Петра Великаго*, построенъ въ 1703 году, при самомъ началѣ крѣпости, на правомъ берегу Невы, на Петербургской сторонѣ: онъ деревянный, покрытъ дощечками въ видѣ черепицы, съ оконными рамами изъ свинцовыхъ желобковъ, и состоитъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями. Въ одной изъ нихъ нынѣ чудотворная икона Спасителя, предъ которою ежедневно собираются набожныя толпы молящихся. Изъ вещей Петровыхъ сохранились немногія: два шкафа, два коммода, скамейка, этажерка, стулъ—все изъ дуба, и деревянная рюмка, точеная самимъ Царемъ. Прочія вещи перенесены въ Эрмитажъ“. (Исторія Царствованія Петра Великаго. Спб. 1863, т. IV, ч. I, стр. 243. См. еще книжку священника Булгакова: „Домикъ Петра Великаго. Спб. 1891).

Это небольшое описаніе состоитъ въ перечисленіи существенныхъ свойствъ предмета: въ немъ обращено вниманіе на—время, мѣсто, матеріалъ, крышу, окна, комнаты, икону и на вещи, находящіяся въ покояхъ Государя. Цѣль описанія—дать ясное и точное понятіе о предметѣ.

Задача: по предложенному образцу составьте описаніе дома (или училища), въ которомъ вы живете.

Примѣры художественнаго описанія приведены въ § 50-мъ („Чудеса тропическаго неба и моря“), въ § 90-мъ („Тиха Украинская ночь“) и въ § 100-мъ („Садъ Плюшкина“).

Библіогр.—О составленіи разсказовъ и описаній: Общая Риторика. *Н. Кошанскаго*. Спб. 1839.—Полная Русская Христоматія. *А. Галахова*. Спб. 1852, ч. III, примѣчанія.—О составленіи описаній. Журн. для Родителей и Наставниковъ, 1865, № 17, 18.—Общія замѣчанія о преподаваніи Рус. языка. *П. Басистова*. Спб. 1868.—Письменныя упражненія. *И. Гаврилова*. Спб. 1875, изд. 2-е. Стилистическія Задачи. *Его же*. Спб. 1875, изд. 2-е. Примѣненіе Стилистическихъ задачъ. *Его же*. Спб. 1875.—Методическая Русская Хрпстоматія съ приложеніемъ стилистики и пр. *Л. Поливанова*. Спб. 1883 и разборъ ея въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, іюль, стр. 44—90 «Правительств. Распоряж.».—Объ описаніяхъ вообще. Семья и Школа (журналъ) 1882, т. 1 и 2, стр. 142 и д.—Темы и планы для сочиненій. *Холевіуса*, перев. *М. Бѣлявской*. Спб. 1873.—Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій. *Е. Бѣлявскаго*. М. 1881, стр. 12 и д.—Къ рѣчи о преподаваніи Русскаго языка и Словесности въ гимназіяхъ. *С. Шафранова*. Спб. 1869, стр. 96.—Объ описаніяхъ см. статью *К. К. Арсеньева*, въ Вѣстн. Европы 1885, кн. V, стр. 254 и д. «Пейзажъ въ Русскомъ романѣ». (Тутъ приведены примѣры описаній изъ *Пушкина*, Гончарова, гр. *Л. Н. Толстого* и *И. С. Тургенева*. Тутъ и мнѣніе Тургенева объ описаніяхъ природы).—Много полезныхъ указаній можно найти въ сочиненіи *Адольфа Дистервега*: «Начатки Дѣтскаго школьнаго ученія». Спб. 1871, изд. III. (Описаніе классной комнаты, дверей, окна, печи, стола, аспидной доски, пера, перочиннаго ножика, бумаги, книги и пр.). Журн. Мин. Нар. Просв. 1861, ч. CXI.

§ 46. *Виды повѣствовательныхъ сочиненій.*—Къ повѣствовательнымъ сочиненіямъ относятся: *лѣтописи*, *записки* (мемуары), *біографіи*, *путешествія* и *исторія* въ собственномъ смыслѣ.

I. *Лѣтописи* (annales) суть погодныя замѣтки о происшествіяхъ, случившихся въ жизни извѣстнаго народа. При описаніи происшествій, лѣтописецъ не входитъ въ объясненіе причинъ и слѣдствій; онъ не даетъ отчета, почему произошло то или другое явленіе въ жизни народа. Лѣтописи, по опредѣленію *Цицерона*, представляютъ безыскусственный разсказъ, безъ всякаго изслѣдованія причинъ. Лѣтописецъ, какъ простой очевидецъ и описатель жизни, заноситъ въ свою хартію прежде всего внѣшнія дѣла, особенныя, необычайныя событія, потому что въ такихъ дѣлахъ и событіяхъ очевиднѣе и ярче сказывается жизнь. Онъ убѣжденъ, что только громкій походъ, богатырское дѣло и вообще внѣшній успѣхъ, или необыкновенное, выходящее изъ ряда будничной жизни, происшествіе и явленіе достойно памяти потомства. Внутренняя жизнь и вся современная ему дѣйствительность представляется глазамъ его такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое не стóитъ и описывать, потому что оно всѣмъ и каждому очень извѣстно. Въ этомъ взглядѣ высказывается только общій и непосредственный пріемъ изучающаго ума начинать съ внѣшней стороны.

Образецъ лѣтописи.—*Наша первая* Лѣтопись приписывается преподобному Нестору, иноку Кіевопечерскаго монастыря, жившему въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Она называется *„Повѣсти временныхъ лѣтъ..., откуду есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля сталъ есть“*.

А. С. Пушкинъ замѣчательно-вѣрно опредѣлилъ *содержаніе* и *характеръ* Лѣтописи словами Пимена Григорію:

„Описывай, *не мудрствуя лукаво,*
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны“. („Борисъ Годуновъ“).

Дѣйствительно, въ Лѣтописи Нестора находимъ разсказы о походахъ князей на Грековъ, о битвахъ съ кочевыми народами (Печенѣгами, Половцами), объ усобицахъ князей, о мирныхъ договорахъ Русскихъ съ Греками; описывается у лѣтописца „управа Государей“, т. е. законы, по которымъ князья нарядъ устраивали въ землѣ (Русская правда, повиновеніе старшему въ родѣ); съ особеннымъ усердіемъ повѣствуетъ лѣтописатель о чудесахъ Св. Ѳеодосія и первыхъ святыхъ мучениковъ князей—Бориса и Глѣба, подробно разсказываетъ о лживыхъ пророчествахъ волхвовъ, явившихся въ Кіевѣ, Ростовской землѣ, Бѣлоозерѣ и Новгородѣ. Значительную часть лѣтописи занимаетъ описаніе „знаменій не-

бесныхъ", напр.: появленіе на солнцѣ трехъ дугъ, пожарной зари отъ востока до юга, огненнаго столба отъ земли до неба и другихъ явленій природы.

Характеръ разсказа лѣтописца отличается простотой. Простота разсказа видна во-первыхъ изъ того, что лѣтописецъ описываетъ событія по годамъ, а не по внутренней связи между ними; во-вторыхъ изъ того, что выставляетъ рядъ годовъ безъ означенія при нихъ какихъ-либо происшествій [1]); въ третьихъ изъ того, что онъ подъ одинъ и тотъ же годъ подводитъ самыя разнородныя событія, напр.: „Въ лѣто 6612 (1104)" записаны слѣд. происшествія: „Ведена дщи" (дочь) Володаря замужъ, „приде митрополитъ Никифоръ въ Русь", „преставися Вячеславъ Ярополчичь", „посла Володимеръ сына на Глѣба", „родися у Святополка сынъ", „все же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посредѣ круга крестъ". (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872, изданіе Археографическ. Коммиссіи, стр. 270); въ-четвертыхъ, простота разсказа состоитъ въ ровности тона: лѣтописецъ съ одинаковымъ усердіемъ повѣствуетъ о чудесахъ Св. Бориса и Глѣба и о дѣйствіяхъ волхвовъ, объ открытіи мощей Св. Ѳеодосія и о необыкновенныхъ явленіяхъ природы—паденіи „превеликаго" змѣя съ неба, стукѣ земли, который „мнози слышаша" (лѣто 6599, стр. 207). Такая ровность тона, такое безпристрастіе, такое спокойствіе тѣмъ болѣе поразительны, что лѣтописецъ говоритъ о паденіи змѣя съ неба, стукѣ земли *непосредственно* за самымъ подробнымъ разсказомъ объ открытіи мощей Св. Ѳеодосія, и молитвою, обращенною къ угоднику Божію... Именно, „не мудрствуя лукаво" описываетъ лѣтописецъ минувшую судьбу нашего отечества: замѣчательныя слова поэта!...

Особенную черту Лѣтописи Нестора составляетъ ея *религіозность*. Все доброе лѣтописецъ приписываетъ Богу: „*Вложи Богъ мысль добру* в Руськыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ". (Лѣто 1102, Лавр. Лѣт., стр. 266). Несчастія, постигающія отечество, объясняются попущеніемъ Божіимъ: „Се бо на ны *Богъ попусти* поганымъ (Половцамъ), не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая), да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнитъ ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть *батогъ* его, да негли (нѣколи) встягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего". (Лѣто 1093, Лавр. Лѣт., стр. 214—215). Усобицы между князьями приписываются дѣйствію злаго духа: „В лѣто 6581. Въздвиже *дьяволъ* котору (междоусобіе) въ братьи сей Ярославичихъ" (стр. 177). При всякомъ удобномъ случаѣ приводитъ лѣтописецъ многочисленныя выписки изъ Священнаго Писанія или указываетъ на событія изъ Священной Исторіи.

---

[1]) Напр.: Въ лѣто 6378. Въ лѣто 6379. Въ лѣто 6380. Въ лѣто 6381. Въ лѣто 6382. Въ лѣто 6383. Въ лѣто 6384. Въ лѣто 6385.

Сознаніе своего *недостоинства*, убожества и худости является плѣнительною чертою Лѣтописи. „К нему же (Ѳеодосію) и азъ придохъ *худый* и *недостойный рабъ*“ (лѣто 6559). Въ другомъ мѣстѣ: „его же повелѣнью быхъ азъ *грѣшный* первое самовидѣцъ“ (6599). Въ третьемъ мѣстѣ: „Азъ же *грѣшный* твой *рабъ* и ученикъ“ (лѣто 6599, Лавр. Лѣт., стр. 206, 218). Сознаніе своего недостоинства выразилось и въ томъ, что нашъ начальный лѣтописецъ скрылъ свое имя: онъ называетъ себя просто „черноризцемъ Ѳедосьева монастыря“ (Лавр. Лѣт., стр. 1), а въ другихъ спискахъ даже и этихъ словъ нѣтъ. (Только въ одномъ Хлѣбниковскомъ спискѣ Лѣтописи поставлено имя „Нестора“)... Лѣтописецъ какъ бы не хочетъ, чтобы такое великое дѣло, какъ исторія судебъ отечества, принадлежало ему, „худому, недостойному и грѣшному рабу“... Опять правдивъ поэтъ, вложившій въ уста старца Пимена сіи рѣчи:

Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, *безыменный*...

Сознаніе своего недостоинства и грѣховности не отнимаетъ у лѣтописца права *на свободу мысли*. Лѣтописецъ не рѣдко высказываетъ свой посильный взглядъ на то или другое событіе. Приведемъ примѣры.— Олега народъ прозвалъ вѣщимъ. Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: „бяху бо людие *погани и невѣголоси*“ (Лавр. Лѣт., стр. 31). Владиміръ сокрушаетъ идоловъ; невѣрные люди (Кіевляне-язычники) плачутъ. Лѣтописецъ замѣчаетъ: „еще *бо не бяху приняли* святаго крещенья“. (Лавр. Лѣт., стр. 114). Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей и учить ихъ, а матери плакали „по нихъ“, какъ по мертвецахъ. Лѣтописецъ прибавляетъ: „еще бо не бяху ся утвердили вѣрою“ (стр. 116).

Для ознакомленія съ характеромъ изложенія нашей Лѣтописи прилагаемъ отрывокъ по Ипатскому списку: „Походъ Олега на Грековъ“ (907).

„В лѣто 6412. В лѣто 6413. В лѣто 6414. В лѣто 6415. Іде Олегъ на Грѣкы, Игоря остави Кыевѣ [1]); поя же множьство Варягъ, Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверу (Сѣверянъ), и Деревляны [2]), и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци: си вси звахуться Великая Скуфь. И сь сѣми всеми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблий 2000. И приде къ Царю граду, и Грѣци замкоша Судъ (гавань), а городъ затвориша. И вылѣзе (выйде) Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева около города, и много убийство створи Грѣкомъ, и полаты многы разбиша, а црькви пожьгоша: а ихъже имяху полоняникы (плѣнники), овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣляху, а другыя

---

[1]) *Мѣстный* падежъ.
[2]) *Деревляны* вмѣсто Древляне: Русское полногласіе.

въ море вметаша, и ина многа зла творяху Русь [1]) Грѣкомъ, елико же ратнии творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса; и бывшю покосну вѣтру [2]), успяша прѣ (паруса) с поля, и идяше къ городу. Видѣвше же Грѣцѣ, убояшася и ркоша, выславше къ Ольгови: „не погубляй городъ, имемься по дань, якоже хощеши". И стави (устави) Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прия его: бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грѣцѣ и ркоша: „нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрий, посланъ на ны отъ Бога". И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблий, по 12 гривнѣ на человѣка, а в корабли по 40 мужь; и яшася Грѣци по се, и почаша Грѣци мира просити, дабы не воевалъ Грѣцькой земли. Олегъ же, мало отступивъ отъ города, нача миръ творити съ царема Грѣцькыма, съ Леономъ и съ Александромъ, посла к нима в городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стѣмида [3]), глаголя: „имете ми ся по дань". И ркоша Грѣцѣ: „чего хочете, и дамы ти". И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблий, по двѣнатьцать гривнѣ на ключь [4]), и потомъ даяти уклады [5]) на Русскіе городы: пѣрвое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъль, и на Полътескъ (Полотскъ), и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ [6]) сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще: „да приходять Русь, хлѣбное емлють, елико хотять; и иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на шесть мѣсяць, и хлѣбъ и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовь [7]), елико хотять; и пойдуть же Русь домови [8]), да емлють у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужища (канаты—гужи), и прѣ (паруса), и елико надобѣ". И яшася Грѣци, и ркоша царя и боярьство исе: „аще приидуть Русь бес купли [9]), да не взимають мѣсячины; да запрѣтить князь людемъ своимъ, приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ и въ

---

[1]) *Творяху Русь.* Во Церковно-Славянскомъ и Древне-Русскомъ языкѣ при именахъ собирательныхъ сказуемое ставилось во множественномъ числѣ.

[2]) *Дательный* самостоятельный.

[3]) Имена Олеговыхъ пословъ. Всѣ они, кромѣ Карла и Стѣмида, Скандинавы. *И. И. Срезневскій.* Извѣст. 2-го Отд. Ак. Наукъ. 1852. Т. I, стр. 319.

[4]) *На человѣка*; по объясненію другихъ—на лодку.

[5]) *Укладами* назывались дань или налоги. *Карамзинъ.* Исторія Госуд. Рос. I, прим. 310.

[6]) *Городомъ*—полногласіе Русское.

[7]) *Баня.* Исконная Русская любовь къ банѣ отразилась и въ преданіи о путешествіи по Руси Св. Андрея Первозваннаго и въ преданіи о томъ, какъ Ольга угостила Древлянскихъ пословъ банею и въ приведенномъ мѣстѣ договора. *И. И. Срезневскій.* Договоры съ Греками. Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ. Т. III, стр. 262.

[8]) *Дательный* мѣстный.

[9]) Въ древнемъ языкѣ слово «*купля*» имѣло три значенія: торговля, товаръ, покупка. О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ. *Н. Лавровскаго.* Спб. 1852, стр. 134.

странѣ нашей; приходящии Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царство наше, да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое, пѣрвое отъ города Киева, и пакы ис Чернигова, и Переяславля и прочии городи; и да входять в городъ одіными вороты, съ царевымъ мужемъ, бесъ оружья, мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, не платяче [1]) мыта [2]) ни в чемь-же. Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ створиста съ Ольгомъ, имъшеся по дань и ротѣ [3]) заходивше межи собою, целовавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужий его на роту; по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ [4]), и утвердиша миръ. И рече Олегъ: „ишийте пре паволочити [5]) Руси, а Словѣномъ кропиинныя" [6]), и бысть тако; и повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показающе побѣду, и поиде отъ Царяграда. И въспяша Русь пре паволочитыѣ, а Словѣне кропиинныя, и раздра я вѣтръ; и ркоша Словенѣ: „имемъся своимъ толъстинамъ [7]), не даны суть Словѣномъ пре кропиинныя". И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всяко узорочье и прозваша Ольга *вѣщий:* бяху бо людие погани и невѣголось. (Лѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871, стр. 17—19) [8])".

Примѣчаніе.—Другіе отрывки изъ Лѣтописи можно читать въ IV ч. Христ. *А. Филонова*, изд. 4-е, 1896 г.,—въ Истор. Христом. Церковно-Славян. и Древне-Русскаго языка. *Ѳ. И. Буслаева.* М. 1861, въ Рус. Христом. для среднихъ учебныхъ заведеній, *его же.* М. 1881 г., изд. 3-е, въ историко-литературной Христоматіи *В. Соколова* и *П. Борзаковскаго.* Одесса. 1886, въ Христоматіи *О. Ѳ. Миллера*, Исторической Христоматіи *К. П. Петрова*, въ Христоматіи *Покровскаго* и др.

Библіогр.—Въ 1846 г. профессоръ *С. М. Соловьевъ* напечаталъ извлеченіе изъ древней Рус. Лѣтописи въ «Новой Библіотекѣ» *П. Г. Рѣдкина* (издано и отдѣльно 1885 г.); въ 1869 г. *П. Басистовъ* издалъ на Древне-Рус. языкѣ Лѣтопись Нестора для учащихся, съ примѣчаніями и словаремъ.—Въ IV ч. Христ. *А. Филонова* помѣщены библіогр. указанія о Лѣтописи (изд. 4-е, стр. 7—31). О лѣтописяхъ. Исторія Россіи. *С. М. Соловьева.* М. 1863, т. IV, изд. 3-е, стр. 345, 367, 375.—Русская Исторія. *К. Н. Бестужева-Рюмина.* Спб. 1872, т. I. *Его же.* О составѣ Русскихъ лѣтописей. Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи. 1868, вып. IV. Лѣтопись Нестора. Ред. *А. Чудинова.* Спб. 1893.

---

[1]) Народная форма дѣепричастія, вмѣсто не «платяще». Историч. Христоматія. *Ѳ. И. Буслаева.* М. 1861, стр. 478, примѣч. 471.

[2]) *Мыто*—имѣніе, мзда, даръ, вознагражденіе, пошлина. Оттуда—мытарь. *И. Срезневскій*: Мысли объ исторіи Русскаго языка. Спб. 1850, стр. 146.

[3]) *Рота*—присяга, клятвенное обѣщаніе. *И. Срезневскій*: Договоры съ Греками. Извѣстія 2-го Отд. Акад. Наукъ. Т. III, стр. 291.

[4]) Матеріалы для религіи древнихъ Русскихъ людей.

[5]) «Парусы изъ шелковой ткани». *Н. Карамзинъ.* Исторія Госуд. Рос. Т. III, стр. 131, примѣч. 315.—Древнее слово *прѣ*, говоритъ Карамзинъ, имѣетъ связь съ глаголомъ *пряду.*

[6]) *Кропинныя*—полотняныя.

[7]) Холстиннымъ.

[8]) Смерть Олега по Лѣтописи Нестора, см. ниже, въ отдѣлѣ балладъ, § 92.

§ 47. II. «*Записки* (Мемуары) содержатъ въ себѣ *личныя* наблюденія извѣстнаго лица надъ современнымъ ему обществомъ. Составитель „Записокъ" передаетъ только то, что самъ видѣлъ, или самъ слышалъ. Въ „Запискахъ" важны новые факты, не записанные въ свое время исторіею, или записанные въ ней неточно,—важны новыя подробности извѣстныхъ уже фактовъ, почему-либо ускользнувшихъ отъ историка, важны въ нихъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ личностяхъ, о частной жизни и домашнемъ бытѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ извѣстнаго времени. Составителя „Записокъ" привлекаютъ болѣе характеры, дѣйствующія лица, *причины и слѣдствія* событій, нежели самыя событія. „Записки" отличаются отъ Лѣтописи *субъективнымъ* своимъ характеромъ, т. е. въ нихъ всюду видѣнъ наблюдательный умъ составителя, представляющій лица и событія съ извѣстной точки зрѣнія,—въ нихъ вездѣ проглядываютъ практическія, нравственныя или политическія цѣли, — тогда какъ главнѣйшій характеръ Лѣтописи есть *объективность*, т. е. почти совершенное отсутствіе личныхъ воззрѣній писателя, спокойствіе, безстрастіе.

„Записки" обыкновенно обнимаютъ незначительный періодъ времени; онѣ ограничиваются извѣстнымъ кругозоромъ; по этимъ причинамъ „Записки" отличаются *единствомъ* изложенія,—качество, не находящееся въ Лѣтописи.

Библіогр.—О «Запискахъ» см. превосходную статью *Гервинуса* въ журналѣ «Время» 1861, т. VI: «Теоретическій очеркъ Исторіи».—Отрывки изъ нея въ IV ч. Христом. *А. Филонова*. 1896 г., изд. 4-е, стр. 32—35.—Русская Исторія. *К. Бестужева-Рюмина*. Спб. 1872, стр. 51—76.—Замѣтки *П. Бартенева*, въ Рус. Архивѣ 1890, № 1, стр. 160.

Образцы записокъ.—У насъ много любопытныхъ „Записокъ". Первый образецъ ихъ является во времена царя Іоанна Грознаго. Мы здѣсь разумѣемъ „Исторію князя Великаго Московскаго о дѣлахъ, яже *слышахомъ* у достовѣрныхъ мужей и яже *видѣхомъ* очима нашима", соч. князя Андрея Михайловича *Курбскаго* (1528—1583). Въ этихъ „Запискахъ" совѣтники Іоанна—Сильверстъ и Адашевъ—представлены въ самомъ привлекательномъ видѣ, а лице Іоанна IV описано съ пристрастіемъ, — при чемъ казни, совершаемыя царемъ, изображены съ большими подробностями.

Примѣч.—Сочиненіе кн. Курбскаго издано *Н. Г. Устряловымъ* въ книгѣ «Сказанія князя Курбскаго». Спб. 1833, 1842 и 1868 г.—Отрывки въ Христоматіяхъ *Ѳ. И. Буслаева* (исторической 1861 г. и для среднихъ учебныхъ заведеній 1881 г., изд. 3-е),—въ «Сборникѣ произведеній Рус. Литературы» *В. Скопина* и *В. Кеневича*. Спб. 1866,—въ Историко-Литературной Христоматіи» *В. Соколова* и *П. Борзаковскаго*. Одесса. 1886, — Исторіи Россіи. *С. М. Соловьева*. М. 1860. т. VI, изд. 2-е, стр. 210 и д.

Въ XVIII в. явилось замѣчательное сочиненіе *Котошихина*: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича". Обильно подробностями

внутренняго быта Россіи, но много теряетъ въ историческомъ отношеніи по причинѣ своей односторонности.

XVIII-е и XIX-е столѣтія особенно богаты „Записками". Наиболѣе любопытны по содержанію слѣдующія: „Записки" княгини *Н. Б. Долгоруковой*, маіора *М. В. Данилова, А. М. Грибовскаго, С. А. Порошина, Ф. Ф. Вигеля, Н. Н. Муравьева-Карскаго, С. Н. Глинки* и другихъ. Остановимся на „Запискахъ" Порошина, дабы составить себѣ понятіе объ этомъ родѣ историческихъ сочиненій.

Семенъ Андреевичъ *Порошинъ* (1741—1769) получилъ воспитаніе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, имѣлъ большія свѣдѣнія изъ исторіи, считался знатокомъ математики и военнаго искусства. По выходѣ своемъ изъ корпуса, онъ былъ флигель-адъютантомъ при Императорѣ Петрѣ III. Въ 1762 году Порошина опредѣлили кавалеромъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Порошинъ былъ воспитателемъ Наслѣдника престола около четырехъ лѣтъ и преподавалъ ему военныя науки, Русскую исторію и Рус. географію. Въ то время, когда Порошинъ принялъ на себя обязанность воспитателя, его питомцу былъ *девятый* годъ, а самому наставнику—двадцать *третій*. Умный, наблюдательный [1]) воспитатель каждый вечеръ записывалъ все то, что случалось ему видѣть и слышать въ тотъ или другой день. „Записки" Порошина обнимаютъ періодъ времени отъ 20-го сентября 1764 года до 13-го января 1766 года. Авторъ читалъ свои „Записки" Великому Князю Павлу Петровичу, и „Его Высочество съ привеликимъ вниманіемъ и пріятностію слушалъ". (Записки, стр. 101). Онѣ имѣютъ глубокую важность въ историко-литературномъ отношеніи, потому что, во-первыхъ—вѣрно и живо изображаютъ вѣкъ Императрицы Екатерины II; во-вторыхъ—ярко рисуютъ личность Великаго Князя со сторонъ самыхъ свѣтлыхъ и привлекательныхъ, а въ-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1766 года къ графу Г. Г. Орлову Порошинъ указываетъ на свои труды ради Наслѣдника престола. «При Его Высочествѣ служилъ я около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня и лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду одного своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать Государю великому князю нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для Его Высочества особый курсъ, въ которомъ заключались: ариѳметика, геометрія, начальныя основанія механики и идравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Кромѣ сего приготовилъ я, милостивый государь, сочиненіе, названное мною: *Государственный механизмъ*. Въ ономъ хотѣлось мнѣ для Его Высочества вывесть и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить напримѣръ, сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч., и какъ кто долею поспѣшествуетъ всеобщему благоденствію»... Русскій Архивъ 1867, № 2, стр. 192—3.

третьихъ — наглядно характеризуютъ замѣчательнаго воспитателя XVIII в., т. е. Порошина. Съ педагогической точки зрѣнія „Записки" Порошина — драгоцѣнный матеріалъ для мыслящаго человѣка. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражается то высокое пониманіе воспитанія, представительницею котораго была у насъ Императрица Екатерина II. Примѣръ—вотъ могущественный рычагъ въ дѣлѣ воспитанія отрока и юноши! Изъ „Записокъ" Порошина видно, что Государыня призвала всѣ лучшія силы государства для образованія будущаго Императора. Великій Князь былъ окруженъ все умными и дѣльными людьми. Каждый день, почти каждый день съ Великимъ Княземъ бесѣдовали: *Н. И. Панинъ,* Минихъ, Чернышевы, *И. И. Бецкій, Платонъ* (будущій митрополитъ), Румянцевъ, Голицынъ, Строгановъ, Разумовскій, Елагинъ, Бибиковъ, Орловы, Рѣпинъ, Тепловъ, Кутузовъ, Сумароковъ (писатель) и другіе замѣчательные мужи того славнаго вѣка. Каждый велъ живую, одушевленную бесѣду по предмету своей спеціальности или знанія вообще. Предметы, которыхъ касались всѣ означенныя и другія лица, были весьма разнообразны. Тутъ Наслѣднику престола передавалась цѣлая энциклопедія знаній. Религія, философія, политика, исторія, литература, разныя ремесла, общественная жизнь; все, что только долженъ знать истинно образованный человѣкъ, все это здѣсь обсуживалось... „Отецъ Платонъ поднесъ Государю диссертацію своего сочиненія о Мелхиседекѣ, о которомъ Его Высочество давно уже у него требовалъ подробнаго изъясненія". (Записки, стр. 136). Эта замѣтка даетъ понятіе о религіозномъ образованіи, которое сообщаемо было Наслѣднику престола: „Сѣли за столъ. Гостей у насъ были только князь Петръ Ивановичъ Рѣпинъ и Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Говорили по большей части о Испаніи, о зрѣлищахъ ихъ, о Іезуитахъ, о Инквизиціи; о томъ, что изъ благочестія сами сѣкутъ себя". (Тамъ-же) [1]). И такъ во время посѣщенія отца Платона разговоръ касался преимущественно предметовъ религіозныхъ. Но вотъ обѣдалъ за столомъ у Наслѣдника престола Никита Ивановичъ Панинъ, и бесѣда направлялась на предметы политическіе, историческіе, этнографическіе и, наконецъ, самые будничные. Подъ 1765 годомъ 31-го декабря записано: „Обѣдали у насъ Его Сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Василій Ильичъ Бибиковъ. Долго споръ былъ о *параболической фигурѣ*". (Записки, стр. 552). Значитъ предметы математическіе также занимали людей, окружавшихъ его Высочество. Великаго Князя знакомили съ жизнію мужи опыта,—мужи, искушенные въ горнилѣ его. Живыми разсказами будились всѣ силы духа у царственнаго отрока. Онъ видимо укрѣплялся и развивался умомъ. Нерѣдко высказывалъ свои сомнѣнія, за-

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

*

давалъ вопросы,—эти сомнѣнія и вопросы ясно показывали, что въ немъ работаетъ мысль. Повторяемъ, „Записки" Порошина—драгоцѣнный матеріалъ въ педагогическомъ отношеніи.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1866, № 8, помѣщена статья *М. И. Семевскаго* о «Запискахъ» Порошина. Она представляетъ біографію воспитателя [1]) Великаго Князя, а также—выписки мѣстъ, пропущенныхъ въ «Запискахъ» Порошина, изданныхъ въ Спб. 1844 года. — Въ Русскомъ Архивѣ за 1867, № 2, стр. 192—197 помѣщено оправдательное письмо Порошина къ графу Орлову.— Сто три дня изъ дѣтской жизни Императора Павла Петровича (продолженіе «Записокъ» Порошина). Рус. Архивъ 1869, № 1. — Въ Рус. Старинѣ 1881 дневникъ *С. Порошина*.

Приведемъ отрывокъ изъ „Записокъ" Порошина: 2 ноября 1764 г. „Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Прежде нежели успѣлъ еще я войтить къ Его Высочеству изволилъ онъ прибѣжать ко мнѣ, и бросясь на шею и цѣлуя меня говорилъ: *прости меня голубчикъ, я передъ тобой виноватъ; впередъ никогда уже ссориться не будемъ, вотъ тебѣ рука моя.* Я разцѣловалъ ручку Его Высочества и по нѣкоторыхъ изъясненіяхъ постановивши твердый миръ, пошелъ за нимъ чай пить. За чаемъ разговаривали мы между прочимъ о Ресто-вой [2]) французской грамматикѣ, также о Ломоносовской русской. Тутъ разсказывалъ я Его Высочеству о падежахъ, какъ они всѣ по-русски называются, и что который падежъ значитъ. За обуваньемъ прочелъ я Его Высочеству изъ Вольтеровой исторіи о Государѣ Петрѣ Великомъ два мѣста. Первое, гдѣ Вольтеръ говоритъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи Петра Великаго первымъ солдатомъ; другое мѣсто, гдѣ Вольтеръ разсуждаетъ, что надобно, чтобы Россія еще имѣла Петровъ Великихъ, дабы всѣ въ ней заведенія приведены были къ совершенству, и она порядочно выстроенными городами и людствомъ жителей такъ бы изобиловала, какъ прочія европейскія государства. Какъ первое мѣсто прочелъ я, то сказать изволилъ Его Высочество: *вить этта-то льститъ онъ.* На сіе отвѣчалъ я, что Вольтеръ тоже почти самое и въ исторіи своей о Карлѣ XII упоминаетъ, гдѣ бы конечно Государю Петру Великому не сталъ ласкательствовать. Въ другомъ мѣстѣ прочитавъ разсужденіе Вольтерово говорилъ я, что это и до Его Высочества касается, что для чего ему не быть въ числѣ великихъ государей, что способы всѣ къ тому имѣетъ и прочее. Потомъ подробно

[1]) Порошинъ оставался воспитателемъ до 1766 г., а въ 1768 году назначенъ командиромъ Старо-Оскольскаго полка; въ слѣдующемъ году на походѣ въ Турцію онъ заболѣлъ и умеръ на двадцать девятомъ году своей жизни. Во время болѣзни Порошина его навѣщалъ фельдмаршалъ Румянцевъ — не малое доказательство того высокаго уваженія, которое питали къ педагогу его знаменитые современники.

[2]) *Франц. Грамматика*, собранная изъ разныхъ авторовъ г. *Ресто*; перев. съ Франц. Василій *Тепловъ*, изд. 4-е и 5-е. Спб. 1784 и 1809.

разсуждалъ я, какъ Его Высочеству поступать надобно, чтобы заслужить истинную славу и у будущихъ родовъ благодарность и почтеніе. Я весьма доволенъ былъ вниманіемъ, съ какимъ Его Высочество слушать меня изволилъ. Потомъ о многомъ шутить со мною изволилъ, и все утро чрезвычайно былъ ласковъ. Изволилъ читать вчерашнюю комическую оперу. Потомъ сѣлъ учиться. Послѣ ученія точилъ Его Высочество. Я сегодня у Государя при столѣ не былъ. Онъ послѣ изволилъ мнѣ сказывать, что изъ стороннихъ обѣдали Его Сіятельство графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій [1]), Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ [2]), Иванъ Перфильевичъ Елагинъ [3]), Александръ Ильичъ Бибиковъ [4]), и г. Салдернъ. Разговаривали, между прочимъ, о дворцахъ всѣхъ европейскихъ государей. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, что датскаго короля дворецъ сталъ въ десять милліоновъ. Здѣшній каменный дворецъ стоилъ милліонъ двѣсти тысячъ. Никита Ивановичъ приказалъ сегодня конфисковать часы у Государя Великаго Князя, для того, что часто изволитъ смотрѣть на нихъ и время очень аккуратно мѣряетъ. Еще Его Превосходительство приказалъ, чтобъ Его Высочество изъ славныхъ французскихъ трагическихъ авторовъ нѣкоторыя мѣста наизусть выучивалъ, гдѣ заключаются хорошія сентенціи. Сіе сегодняжъ и зачато послѣ послѣобѣденнаго ученія. Его Высочество изволилъ вытвердить строчекъ пять изъ Расиновой Аталіи [5]), дѣйствіе IV, явленіе 2-е, гдѣ Жоасъ (Іоасъ) такъ говоритъ:

Un Roi sage, ainsi Dieu l'a prononcé lui-même,
Sur la richesse et l'or ne met point son appui etc.

---

[1]) *Разумовскій* 1728—1813) получилъ достоинство Малороссійскаго Гетмана въ 1750 г. и носилъ его до ноября 1764 г., затѣмъ онъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, а Малороссіею стала управлять Коллегія.

[2]) *Петръ Ив. Панинъ* (1721—1789) — знаменитый своею храбростію, умомъ и возвышенностію своего характера. Подвиги его въ семилѣтнюю войну, дѣйствія во время первой Турецкой войны, взятіе Бендеръ (1770), усмиреніе Пугачевскаго бунта (1774) прославили его столько-же, сколько и гражданское его мужество. Примѣч. *М. Лонгинова*. См. Письма Екатерины II къ Олсуфьеву. М. 1863, стр. 66. Другой взглядъ на П. Панина см. въ книгѣ *П. Лебедева*. Графы Панины. Спб. 1863.

[3]) *Елагинъ* (1724—1796—оберъ-гофмейстеръ и кабинетъ-секретарь.

[4]) *Бибиковъ* (1729—1774) — знаменитый дѣятель временъ Екатерины II. Онъ начальствовалъ корпусомъ во время Польской конфедераціи; ему же было поручено положить конецъ Пугачевщинѣ. Бибиковъ спасъ Россію отъ разгрома Пугачева. А. И. Бибиковъ занимался литературою: XIII глава въ книгѣ: «Велизарій» (1767 г.) переведена имъ.

[5]) *Гоѳолія*, трагедія *Расина* (1639—1699). Содержаніе ея заимствовано изъ книги Ветхаго Завѣта «Паралипоменонъ», 2, гл. 22 и 23. Разборъ пьесы см. въ «Исторіи Литературы Древняго и Новаго Міра». *В. Костомарова*. Спб. 1864, т. II, кн. 1, стр. 90 и д.

За ужиною изволилъ Его Высочество съ пріятностію вспоминать и разговаривать о житьѣ московскомъ. Опочивать изволилъ лечь въ началѣ десятаго часу". (Записки, стр. 111—113).

Примѣч. — Предложенный отрывокъ даетъ понятіе о воспитаніи, которое давалось Великому князю Павлу Петровичу: въ немъ развивали патріотическое направленіе (чтеніе исторіи о Петрѣ Великомъ), литературный вкусъ (заучиваніе наизусть образцовыхъ произведеній Словесности), знанія языка (грамматики—Реста и Ломоносова, падежи); его знакомили съ внѣшними дѣлами Европы (разсказы о дворцахъ), не оставляли безъ вниманія физическое развитіе (точеніе, рано вставалъ и рано ложился спать); въ то же время по напечатанному отрывку мы знакомимся какъ съ характеромъ самого Великаго Князя (проситъ прощенія у своего наставника), такъ и съ характеромъ его руководителей: С. А. Порошина (заботливость его) и Н. И. Панина (его строгость—приказываетъ отобрать часы у Питомца).

Библіогр.—Записки *Н. Б. Долгоруковой* (1714—1771) о временахъ Императора Петра II-го и его преемниковъ—напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1867 г., № I.—Записки артиллеріи майора *М. В. Данилова* (1722—1790) М. 1842, (о временахъ царствованія Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны).—Записки *А. М. Грибовскаго* (1766—1833)—о вѣкѣ Императрицы Екатерины II—изданы 1864 и 1892.—Воспоминанія *Ф. Ф. Вигеля* (1786—1856) о временахъ Екатерины II и Павла I-го, Александра Благословеннаго и Николая I-го. М. 1864—5, три тома.—Записки *Н. Н. Муравьева-Карскаго*—о временахъ Императоровъ Александра I-го и Николая I-го — печатаются въ Рус. Архивѣ 1885—9 г. (любопытны разсказы о 1812-мъ годѣ и тяжело раненомъ братѣ писателя, который былъ впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ Рус. Арх. 1885, № XI, стр. 340—44),—о Фигнерѣ-партизанѣ, стр. 354 и д.—Другія библіографическія замѣтки о «Запискахъ» см. въ IV-й ч. нашей Христоматіи, изд. 4-е, 1896 г., стр. 35 и д.

§ 48. III. *Біографія*—слово Греческое (βίος — жизнь и γράφω — пишу), по-Русски значитъ жизнеописаніе. Біографія составляется на основаніи или подлинныхъ бумагъ, или личнаго знакомства съ извѣстнымъ человѣкомъ, или другихъ матеріаловъ: писемъ, разсказовъ устныхъ. Біографія—богатый источникъ для изученія жизни историческаго лица. Чѣмъ обильнѣе подробностями и характеристическими чертами біографія, тѣмъ она занимательнѣе и полезнѣе для науки. При составленіи біографіи надо соблюдать полнѣйшее безпристрастіе. Исходнымъ началомъ ея должно быть знаменитое классическое изреченіе: amicus Plato, sed magis amica veritas. Руководясь одною истиною, составитель біографіи обязанъ все сказать про изображаемое имъ лице: хорошее и худое. Кромѣ того онъ долженъ освѣтить своего героя свѣтомъ историческимъ, т. е. говорить о немъ въ связи съ тѣмъ вѣкомъ, когда онъ жилъ,—и тою средою, въ которой онъ воспитался и былъ главнымъ дѣятелемъ.

Образцы біографіи.—Классическая древность оставила намъ замѣчательные образцы біографіи въ сочиненіяхъ *Плутарха* и *Корнелія Непота*.

Плутархъ (I—II в. по Р. Хр.), Греческій писатель, консулъ при императорѣ Траянѣ и намѣстникъ Греціи при Адріанѣ, извѣстенъ замѣ-

чательнымъ біографическимъ произведеніемъ; „Сравнительныя жизнеописанія мужей Греціи и Рима“. До насъ дошло 50 біографій, утеряно 10. Живымъ изображеніемъ характеровъ Плутархъ вызываетъ юношескую любовь къ древности, возвышая душу и пробуждая въ ней желаніе усвоить себѣ классическое образованіе. Нѣкоторыя погрѣшности и неточности разсказа искупаются живыми подробностями о характерахъ и частной жизни знаменитыхъ людей славной старины.

Библіогр.—Плутарховы жизнеописанія. *С. Деетуниса.* Спб. 1814—1820, въ XIII-ти частяхъ. Печатано по Высочайшему повелѣнію. (Тезей и Ромулъ, Ликургъ и Нума, Солонъ и Публикола, Ѳемистоклъ и Камиллъ, Периклъ и Фабій Максимъ, Алкивіадъ и Маркъ Коріоланъ, Тимолеонъ и Павлъ Эмилій, Пелопидъ и Марцеллъ, Аристидъ и Катонъ Цензоръ, Титъ и Каій Марій, Лисандръ и Силла, Кимонъ и Лукуллъ, Агесилай и Помпей, Александръ и Юлій Кесарь, Тиберій и Кай Гракхъ, Димосѳенъ и Цицеронъ, Діонъ и Маркъ Брутъ, Гальба, Отонъ и др. Изданіе снабжено историческими и географич. примѣчаніями, картами и изображеніями славныхъ мужей. «Жизнеописанія великихъ мужей предпринялъ я (говоритъ переводчикъ) изъ уваженія къ другимъ, но продолжаю уже оныя для себя, стараясь въ исторіи ихъ, какъ бы въ зеркалѣ, украсить жизнь свою и приближиться къ ихъ добродѣтелямъ». Ч. I, предисл. стр. XLV—XLVI.—Жизнеописанія Плутарха, перев. съ Греческаго, подъ редакціей *В. Герье.* М. 1862. Вып. 1. Ликургъ, Солонъ, Аристидъ, Ѳемистоклъ, Периклъ.—Плутархъ, полный переводъ *В. Алексѣева.* Девять томовъ. Спб. 1895 г.—Всеобщая Исторія Литературы. *І. Шерра.* Спб. 1863, стр. 97—98 и 574.—Отзывъ *Нибура* о Плутархѣ въ соч. *Т. Н. Грановскаго.* М. 1866, т. II, стр. 93—94.—Всемірная Исторія *Ф. Шлоссера.* Рус. переводъ. Спб. 1869, т. 2, стр. 166—167.

Корнелій Непотъ (I в. до Р. Хр.), современникъ и другъ Цицерона, написалъ 25-ть біографій, подъ названіемъ: „De vita excellentium imperatorum“. Эта книга содержитъ въ себѣ короткіе разсказы о жизни великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ. Разсказы взяты по преимуществу изъ Греческой исторіи. Корнелій Непотъ представляетъ только благородную сторону жизни великихъ мужей древности и имѣетъ цѣлію воскресить угасшую Римскую доблесть. Жизнеописанія Корнелія Непота съ давнихъ поръ стали настольною школьною книгою.

Библіогр. — Всеобщая Исторія Литературы. *Шерра.* 1863, стр. 117.— Всемірная Исторія. *Шлоссера.* Т. 2, стр. 76.—Исторія Литературы Древняго и Новаго Міра. *А. Милюкова.* 1862, стр. 321—2.—Русскіе переводы: *Н. Кошанскаго*—1816 г., *Ивашковскаго*—1828, *Клеванова* — 1871, *Бѣлицкаго* (изд. 2-е)—1873 и др.

У насъ есть нѣсколько превосходныхъ біографій. *П. А. Плетневъ* (1792—1865), бывшій ректоръ С.-Петербургскаго Университета, замѣчательный критикъ, другъ Крылова, Жуковскаго и другихъ нашихъ литераторовъ, написалъ двѣ образцовыя біографіи: одна изображаетъ жизнь *Крылова*, а другая—жизнь *Жуковскаго.* Первая біографія вышла въ 1847 году при полномъ собраніи сочиненій Крылова (три тома). До послѣдняго времени она постоянно печатается при полномъ изданіи басенъ Крылова. — Біографія Жуковскаго явилась въ свѣтъ 1853 года въ отдѣль-

книжкѣ: О жизни и сочиненіяхъ Василія Андреевича Жуковскаго. (Перепечатано изъ журнала „Живописный Сборникъ“ за 1853 годъ). Эти двѣ біографіи Плетнева стоятъ особнякомъ въ нашей Словесности. Обработаны до рѣдкой степени совершенства: языкъ, обиліе подробностей касательно жизни поэтовъ, *высокій нравственный характеръ* составителя біографій, его глубокіе и свѣтлые взгляды на значеніе поэзіи, наконецъ полнѣйшее безпристрастіе дѣлаютъ означенныя біографіи драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. — Князь *П. А. Вяземскій* написалъ замѣчательную біографію Фонъ-Визина. Спб. 1848 г., — она рисуетъ намъ вѣкъ Императрицы Екатерины II.—*П. В. Анненковъ* издалъ матеріалы для біографіи Пушкина. Спб. 1855 г., обильные многими характеристическими подробностями.—Съ большимъ умѣньемъ написаны біографіи *Суворова, Н. В. Станкевича* и *Т. Н. Грановскаго*. Первая принадлежитъ Д. А. Милютину, бывшему военному министру (напечат. въ „Рус. Вѣстникѣ“ за 1856 г., мартъ), вторая—П. В. Анненкову (издан. отдѣльно 1858 г.), а третья—А. Станкевичу (изд. 1869 г.).— Въ ряду произведеній этого рода слѣдуетъ еще обратить вниманіе на слѣд. сочиненія: *Н. М. Карамзинъ*,—обширная біографія въ двухъ томахъ, написанная съ рѣдкою старательностію *М. П. Погодинымъ* (М. 1866 г.), — *Ѳ. И. Тютчевъ*, превосходно составленная біографія *И. С. Аксаковымъ* въ 1874 г. (издана отдѣльною книгою въ 1886 г.),— жизнь *Державина*, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ матеріаламъ, описанная Я. К. Гротомъ,—весьма обширный и обстоятельный трудъ (издан. въ 1880 и 1883 гг. въ двухъ книгахъ въ 1,000 слишкомъ страницъ).

Библіогр. Замѣчательны еще слѣд. біографіи: Жизнь *Графа Сперанскаго*. Барона М. Корфа. Спб. 1861. (По обилію и новости фактовъ и «какъ памятникъ новаго духа, повѣявшаго на Россію съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II-го». Отзывъ Я. К. Грота въ «Сборникѣ Отдѣл. Русскаго языка и Словесности Академіи Наукъ» 1887, т. 42-й, стр. 121—122).—*В. К. Тредіаковскій*. П. Пекарскаго.—*Его же*: М. В. Ломоносовъ. (Напечатан. въ «Исторіи Императорской Академіи Наукъ». Спб. 1873, т. 2-й). Обѣ біографіи излагаютъ жизнь писателей въ связи съ ихъ сочиненіями и событіями того времени, на основаніи не только печатныхъ, но и письменныхъ матеріаловъ. Это до сего времени—*лучшія* жизнеописанія названныхъ писателей.—Біографія *К. Н. Батюшкова*, сочиненіе *Л. Н. Майкова*, при изданіи сочиненій Батюшкова (*первое полное* ихъ изданіе). Спб. 1887 г., три тома; кромѣ обстоятельной біографіи, здѣсь помѣщены и всѣ письма поэта въ повременномъ порядкѣ и сообщены подробныя біографич. данныя о многихъ писателяхъ первой трети нынѣшняго столѣтія. (См. Сборн. Отдѣл. Рус. языка и Слов. Акад. Наукъ. 1888, т. 43-й).— Біографія *А. И. Кошелева*. Соч. Н. П. Колюпанова. М. 1889. (Много сообщается любопытныхъ свѣдѣній о Славянофилахъ. Замѣчательно и слѣд. свѣдѣніе о трудолюбіи Кошелева: на 11—12-мъ году своей жизни, Кошелевъ сдѣлалъ письменное извлеченіе изъ первыхъ *восьми* томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», вышедшихъ 1818 г.—Разборъ біографіи написанъ профес. *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ*. Журн. М. Н. Просв. 1890, мартъ). Жизнь и Труды *М. П. Пого-*

дина. Сочин. Н. П. Барсукова. *Тринадцать* книгъ (еще не окончено). Спб. 1887—1899. (Основнымъ матеріаломъ служитъ дневникъ Погодина и его переписка).

Примѣч.—Изъ древняго періода Словесности достойно особеннаго изученія «Житіе препод. Θеодосія Печерскаго», написанное препод. Несторомъ и переведенное на Русскій языкъ преосв. Филаретомъ, епископомъ Харьковскимъ (впослѣдствіи архіеписк. Черниговскій). Напечатано въ Ученыхъ Запискахъ 2-го Отдѣл. Акад. Наукъ 1856, кн. II, вып. II.

Автобіографія.—Біографія, написанная самимъ сочинителемъ и про самого себя, называется *автобіографіею* (αὐτός — самъ, βίος — жизнь). Образцы автобіографіи: „Поэзія и Правда моей жизни, соч. *Гете* (Wahrheit und Dichtung, изд. 1811 г., 20 книгъ). „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“, соч. *Фонъ-Визина* (см. его сочиненія), автобіографія *Т. Г. Шевченки* (II ч. Христом. Филонова, изд. 6-е, 1897 г., стр. 168), *М. Б. Чистякова* (1809—1885) „Дѣтскіе годы“ (въ журналѣ „Пчела“ 1875, стр. 89—91, 108—112), гр. *А. К. Толстого*, въ собраніи его сочиненій. Особенно замѣчательна автобіографія графа *Θедора Петровича Литке* (1798—1882 гг.). Литке (воспитатель Великаго Князя Константина Николаевича въ теченіе 18-ти лѣтъ и впослѣдствіи президентъ Академіи Наукъ) говоритъ въ своей автобіографіи, что онъ въ первые годы своей юности былъ „заброшенный круглый сирота, безъ всякой протекціи, но съ помощію Божіею, *собственными трудами* пробилъ себѣ дорогу въ жизни и оставилъ своимъ потомкамъ доброе, незапятнанное имя“. Проф. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* находилъ, что автобіографія графа Литке (изданная въ 1888 г. академикомъ *В. Безобразовымъ*) имѣетъ „высокое *педагогическое* значеніе“. (Ж. М. Н. Пр. 1888, сент., стр. 201, критика. — Труды Θ. П. Литке: Новая Земля 1821 — 1824, Кругосвѣтное плаваніе въ 1826—1829).—Достойна полнаго вниманія автобіографія *В. И. Даля* (1802—1872), сочинителя „Толковаго Словаря живаго Велико-Русскаго языка“, изданнаго въ 1863—1865 г. „на счетъ *Всемилостивѣйше* пожалованныхъ средствъ“. (См. „Сборникъ Отдѣл. Рус. языка и Словесности Академіи Наукъ“, т. X, стр. 39 и д. „Воспоминаніе о Далѣ“).

§ 49. IV. *Путешествія.*—Путешествія составляютъ весьма важный отдѣлъ повѣствовательной литературы. Послѣ произведеній поэзіи, ни одинъ видъ Словесности такъ не занимателенъ, какъ путешествія. Во всѣхъ образованныхъ странахъ міра ежегодно выходятъ или новыя путеописанія, или прежнія, старыя, въ исправленныхъ изданіяхъ; по отчетамъ публичныхъ библіотекъ Англіи, Франціи и Германіи видно, что путешествія читаются съ бо̀льшею жадностію, нежели другія сочиненія серьезнаго содержанія. Главная причина всеобщей привязанности образованнаго человѣка къ чтенію путевыхъ записокъ заключается въ ихъ *содержаніи*, а потомъ—въ *образѣ изложенія*. Путешествія представляютъ читателю богатый, разнообразный и занимательный матеріалъ.

Здѣсь онъ находитъ историческіе очерки той или другой страны, того или другаго событія, или просто обыкновеннаго предмета: историческая часть ярко освѣщается множествомъ любопытныхъ анекдотовъ. Почти каждое путеописаніе заключаетъ въ себѣ много историческаго элемента. Въ путешествіяхъ читатель находитъ замѣтки и разсужденія о политическихъ дѣлахъ того или другаго края; видитъ разнообразныя картины природы, изображенія быта и нравовъ; путешествія представляютъ описанія памятниковъ и дѣятелей науки, искусства, произведеній промышленности, торговли; въ нихъ мы иногда встрѣчаемъ разсказы самаго романическаго свойства. Отсюда видно, что путешествіе есть отчасти—исторія, отчасти—политика, отчасти—географія и этнографія, отчасти—ученый трактатъ и отчасти—романъ. Такое богатое и занимательное содержаніе передается въ простой и доступной всякому *формѣ*. Путешествія излагаются то въ видѣ писемъ, то въ видѣ дневника. И письмо и дневникъ—самыя обыкновенныя, будничныя формы изложенія нашихъ мыслей и чувствъ. Здѣсь авторъ какъ у себя дома: онъ говоритъ то, что у него на сердцѣ. Ему нѣтъ надобности обдумывать, что и ка́къ сказать. Онъ пишетъ не ученый трактатъ, не историческую монографію, гдѣ потребно сосредоточеніе всѣхъ силъ ума и соображенія на одномъ предметѣ, часто на одномъ словѣ и гдѣ, слѣдовательно, сочинитель связанъ,—въ письмѣ и дневникѣ авторъ свободенъ. Что его поразило, то онъ немедленно и вноситъ въ свою памятную книжку. Этотъ постоянный переходъ отъ одного предмета къ другому, отъ одной исторіи къ другой дѣлаетъ чтеніе путеописанія самымъ любопытнымъ. Моя мысль не напряжена, не связана,—однимъ извѣстнымъ явленіемъ, однимъ извѣстнымъ фактомъ, какъ въ сочиненіи систематическомъ: здѣсь я всегда свободенъ. Одинъ фактъ не понятъ мною,—такъ будетъ понятъ другой; если я слабъ въ исторіи и политикѣ, то могу остановиться на картинахъ природы, на чертахъ быта и нравовъ, на разсказѣ о приключеніи путешественника,—во всякомъ случаѣ, я послѣ чтенія путешествія вынесу какое-нибудь новое знаніе, свѣжее впечатлѣніе. *Для юношества путешествія должны быть настольными книгами*: они дополнятъ и освѣтятъ ту массу свѣдѣній, которыя пріобрѣтаются на школьной скамьѣ.

Образцы путешествій.—Въ новой Русской литературѣ явились замѣчательные образцы путешестій. Первое между ними мѣсто принадлежитъ „Письмамъ Русскаго Путешественника“ *Н. М. Карамзина*, относящимся къ 1789—1790 годамъ. Карамзинъ путешествовалъ по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. „Письма“, которыя онъ называетъ *зеркаломъ* своей жизни въ теченіе „осьмнадцати мѣсяцевъ“ [1]), весьма богаты содержаніемъ. Въ нихъ онъ передаетъ свои бесѣды съ

[1]) Сочиненія Н. М. Карамзина въ собраніи Русскихъ авторовъ, изд. А. Смирдина. Спб. 1848, т. II. Это изданіе имѣемъ въ виду при указаніяхъ на страницы.

разными знаменитыми людьми своего вѣка, напр. съ философомъ *Кантомъ* (стр. 29 и д.), профессоромъ-Эллинистомъ *Бекомъ* (стр. 118), педагогомъ *Вейсе* (стр. 129), поэтами—*Гердеромъ* (стр. 139) и *Виландомъ* (стр. 143 и д.), съ натуралистами—*Лафатеромъ* (стр. 212—242), *Боннетомъ* (стр. 338—381), съ французскимъ писателемъ *Мармонтелемъ* (стр. 517) и другими. Свѣдѣнія по исторіи литературы сообщаются Карамзинымъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ Берлинѣ видитъ онъ представленіе драмы „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“ и высказываетъ свой взглядъ на сочиненія *Коцебу*; присутствуетъ на представленіи „Донъ-Карлоса“ и говоритъ о *Шиллерѣ*; въ Лейпцигѣ видитъ памятникъ *Геллерту* (стр. 121) и передаетъ намъ занимательную страницу изъ исторіи своего воспитанія [1]). Въ Швейцаріи осматриваетъ памятникъ *Эразма* (ст. 193) и говоритъ о сочиненіяхъ его. Цюрихъ приводитъ ему на память *Геснера, Клопштока, Бодмера, Виланда, Гете, Штолберга* (переводчика Иліады), при чемъ нашъ путешественникъ дѣлаетъ характеристику ихъ произведеній (стр. 211); при посѣщеніи Академіи Наукъ въ Парижѣ, Карамзинъ знакомитъ своихъ читателей съ знаменитымъ астрономомъ *Лаландомъ* и „геніемъ Химіи“ *Лавуазье* (стр. 524), сообщаетъ свѣдѣнія о многихъ писателяхъ Французскихъ: Вольтерѣ, Расинѣ, Корнелѣ, Мольерѣ, Рабле, Руссо, Паскалѣ и др. Въ письмахъ изъ Лондона онъ передаетъ много разныхъ свѣдѣній объ Англійской литературѣ (стр. 746, 763). Передъ *Шекспиромъ* выражаетъ свое благоговѣніе (стр. 747—749) и вездѣ, гдѣ представится случай, приводитъ мѣста изъ сочиненій великаго Англійскаго писателя, напр.: о знаніи сердца человѣческаго Шекспиромъ (стр. 176), обращеніе короля Лира къ бурѣ (стр. 473), о характерѣ произведеній его (стр. 747). Высокое литературное образованіе Карамзина ясно сказывается въ его „Письмахъ“; онъ неоднократно приводитъ наизусть стихи Англійскаго поэта *Томсона* (стр. 219, 403 о Петрѣ Великомъ), Нѣмецкаго поэта *Галлера* (стр. 261, 284, 372), мѣста изъ *Вольтера, Руссо, Рабле, Делиля* (стр. 601, 604, 615, 617), Англійскаго писателя *Стерна* (очень часто: 424, 552, 593, 737, 750) и другихъ. Древній классическій міръ былъ Карамзину очень близокъ: Гомеръ, Геродотъ, Ѳукидитъ, Плутархъ, Горацій, Виргилій и другіе писатели сѣдой старины припоминаются при всякомъ удобномъ случаѣ.

Кромѣ литературы и науки, 23-лѣтній Карамзинъ высказываетъ свои познанія по предмету *искусства*. Осматривая художественную галлерею въ Дрезденѣ, онъ дѣлаетъ характеристику произведеній Рафаэля,

---

[1]) Кстати скажемъ, что «Письма» содержатъ много автобіографическихъ свѣдѣній о Карамзинѣ, напр. стр. 303 о Руссо, 549 о Римской Исторіи, 578 о Батте, 773 о Шаденѣ и пр.

Корреджіо, Микель-Анджелло, Павла Веронеза, Сальватора Розы, Пуссена, Рубенса, Фанъ-Дика и другихъ (стр. 98—105). Зодчество (стр. 493), музыка (стр. 489), игра актеровъ обращаютъ на себя вниманіе нашего путешественника.

Теоретическія понятія о разныхъ предметахъ науки, искусства, литературы и общежитія составляютъ *едва-ли* не самую замѣчательную сторону „Писемъ Русскаго Путешественника". Здѣсь мы находимъ основательныя сужденія о терпимости чужихъ мнѣній (стр. 68), о значеніи классическаго образованія (118, 143, 204, 463, 549 и проч.), о важности изящныхъ искусствъ (—73), о пользѣ путешествій (—183), о свободѣ и независимости (—257), о нравственномъ направленіи писателя (—253), о самобытности (—311), о просвѣщеніи (—391), о трагедіи (—417), о гибели насильственныхъ потрясеній въ государствѣ (—462), о превосходствѣ Шекспира передъ Французскою трагедіею (—472,—мысль *совершенно новая* для тогдашняго вѣка),—о занимательности Русской Исторіи (—511), о необходимости подражанія въ народной жизни (—513), о различіи между народнымъ и человѣческимъ (—515), объ истинномъ дарованіи (—522), о могуществѣ науки (—525), или лучше: „святости наукъ",—о значеніи романа вообще (—749), о юморѣ (—775). Многими изъ этихъ мыслей Карамзинъ обновилъ понятія, убѣжденія и взгляды Русскаго общества XVIII вѣка.

Любовь Карамзина къ Россіи и Русскому языку выражена съ особенною силою въ „Письмахъ Русскаго Путешественника", стр. 392, 431, 483—487—(здѣсь приводится и пѣсня въ стихахъ: „*Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь*"), 512, 513, 546, 590, 609, 646, 684, 685, 716, 723, 740, 774, 783, 789. „Да будетъ честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка—шумитъ, гремитъ—и вдругъ, естьли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!" (стр. 751).

Любознательность Карамзина, какъ она проявилась въ „Письмахъ Русскаго Путешественника", поразительна. Онъ, съ опасностью жизни, восходилъ на высочайшія точки Альпійскихъ горъ: „я прямо пошелъ вверхъ (ледниковъ, близь деревни Гриндельвальдъ) по льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни" (стран. 273—274). Онъ подходилъ къ самому кипящему водоему (Рейхенбаху), Альпійскому; оглушенный „*гремящимъ громомъ* паденія", *лишился чувствъ* и былъ облитъ морями водяныхъ частицъ: „ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось" (стр. 281—282). Вос-

хожденіе на гору Шейдекъ (въ Альпахъ), во время котораго мимо Карамзина съ великимъ трескомъ скатились лавины, заставившія его вздрогнуть, служитъ яснымъ доказательствомъ любознательности и неустрашимости путешественника (274—276).

Общественная жизнь, бытъ горожанъ и поселянъ, заведенія учебныя, благотворительныя и судебныя, тюрьмы, общества ученыхъ, публичныя библіотеки, собраніе національное въ Парижѣ и засѣданіе парламента въ Лондонѣ,—короче: всѣ отрасли жизни человѣка были предметомъ зоркой наблюдательности Карамзина.

Описанія природы занимаютъ въ „Письмахъ Русскаго Путешественника" весьма замѣтную часть. Эти описанія полны картинности. Для образца укажемъ на слѣдующія: Рейнъ—205, Рейнскій водопадъ близъ Шафгаузена—отъ стр. 268 [1]), Альпійскій водопадъ—Рейхенбахъ, стр. 281—283, на горѣ Юрѣ—332—334, горная дорога—390, Эрменонвиль (въ 30 верстахъ отъ Парижа)—624 и д.

Наконецъ языкъ „Писемъ Русскаго Путешественника" былъ для своего времени совершенною *новостію*. Одинъ изъ передовыхъ людей конца XVIII вѣка, учитель Словесности *Я. Б. Княжнинъ*,—онъ же и писатель,—прочитавъ нѣсколько „Писемъ Русскаго Путешественника", сказалъ, обращаясь къ ученикамъ: „привѣтствую Русскую Словесность новымъ писателемъ: юный Карамзинъ создаетъ новый слогъ". (Яковъ Борисовичъ Княжнинъ. „Библіот. для Чтенія", 1860, № 5, стр. 77. „Рус. Вѣст." 1866, № 2, стр. 669). Новый слогъ, вводимый Карамзинымъ, отличался *простотою* и *естественностію*,—драгоцѣнныя качества въ рѣчи писателя. Много новыхъ словъ ввелъ Карамзинъ „Письмами Русскаго Путешественника" напр.: *лавины* или кучи снѣгу, остроумцы (beaux esprits), грызеніе сердца, неудобность, утонченіе разума, благодѣтельность, водоводы, водоемъ, носильщикъ (porte faix), выпуклый (en relief), ваятельное искусство, безтѣлесность души, цвѣтить, пушатся (луга) травкою, боготвореніе (апоѳеоза), общежитіе, странническое сиротство, мірскія ничтожности, вещественность, естество, т. е. природа, плески (рукоплесканія), сокровенности жилища, безразсудность [2]) и проч.

Примѣч.—Высказанныя мысли о «Письмахъ Р. Путешественника» учитель подкрѣпляетъ чтеніемъ тѣхъ страницъ, которыя здѣсь указаны.

Библіогр.—О «Письмахъ Русск. Путешественника»: Н. М. Карамзинъ, соч. *М. П. Погодина*. М. 1866, ч. I, стр. 74—168.—Исторія Русской Словесности *А. Галахова*. Спб. 1880, т. II, стр. 22 и д.—*С. Дудышкина* въ Отеч. Записк. 1856, № 1.—*Ѳ. И. Буслаева* въ книгѣ: «Мои Досуги». Спб. 1886 (статья Ѳ. И. Буслаева о «Письм. Рус. Путеш.» напечатана и въ «дешевой библіотекѣ» А. С. Суворина. Спб. 1884 г. и въ Христом. П. Басистова, т. 2-й).

---

[1]) Это описаніе давно вошло въ наши учебныя книги.

[2]) См. выше § 9-й о неологизмахъ.

§ 50. Изъ путешествій болѣе близкаго намъ времени мы укажемъ на прекрасные образцы въ этомъ родѣ, написанные *И. А. Гончаровымъ* и *С. В. Максимовымъ*.

„Фрегатъ Паллада“, сочиненіе И. А. Гончарова, представляетъ собою „очерки кругосвѣтнаго путешествія“ писателя. Цѣлію путешествія была Японія, съ которою наше правительство намѣревалось заключить торговый трактатъ. Путь военному кораблю „Фрегатъ Паллада“ лежалъ изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря по Атлантическому океану черезъ Мысъ Доброй Надежды, къ южнымъ оконечностямъ Азіи, а оттуда къ сѣверу, по Восточному океану, вдоль береговъ Китая въ Нагасаки, единственную Японскую гавань, открытую для Европейцевъ. Изъ Японіи Фрегатъ пошелъ въ Охотское море, а оттуда сухимъ путемъ, черезъ Аянъ, Якутскъ и Иркутскъ, Гончаровъ возвратился въ Петербургъ. Авторъ находился въ путешествіи отъ 1852 по 1855 г. включительно. Въ этомъ путешествіи Гончаровъ видѣлъ три океана: Атлантическій, Индѣйскій и Тихій; два раза переходилъ черезъ экваторъ и тропики; имѣлъ случаи изучать разнообразную природу—тропическую и суровую (въ Сибири 44 градуса переносилъ); встрѣчалъ разныя народонаселенія: Англичанъ, Голландценъ, Испанцевъ, Негровъ, Малайцевъ, Индѣйцевъ, Китайцевъ, Японцевъ, Ликейцевъ, Корейцевъ, Тунгузовъ, Якутовъ,—и написалъ любопытную книгу, носящую названіе „Фрегатъ Паллада“.

Это сочиненіе весьма важно въ четырехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по живому увлекательно-художественному описанію картинъ природы и быта народовъ; во-вторыхъ по юмористическому изложенію. Гончаровъ, какъ справедливо замѣтилъ покойный *А. В. Дружининъ* (1824—1864), въ очеркѣ путешествій явился съ тѣми сторонами творчества, которыя составляютъ отличительныя черты его таланта. Гончаровъ и въ „Фрегатѣ Палладѣ“ есть юмористъ (§ 100 „Учебника“). Онъ подмѣчаетъ мелкія черты въ жизни природы и человѣка; онъ не пренебрегаетъ явленіями повседневнаго быта, повидимому пустаго, безцвѣтнаго; онъ постоянно сопоставляетъ высокое съ малымъ, важное съ мелочнымъ; и то и другое для юмориста одинаковое имѣетъ значеніе. Котъ Васька, деньщикъ Өаддеевъ, составъ обѣда, свинья Африканская, похожая на Русскую, франтъ-воробей,—всѣ эти самыя буднишныя явленія жизни останавливаютъ точно также вниманіе путешественника, какъ фантастическое тропическое небо, обаятельно дѣйствующій на всѣхъ южный крестъ, „волнъ златыхъ кипящій сонмъ“ Атлантическаго океана,—Сибирскіе, покрытые серебромъ, лѣса и другія великія и поражающія своими чудесами картины природы. Путешествіе Гончарова въ-третьихъ весьма важно по своему патріотизму. Писатель видѣлъ роскошную природу, жилъ посреди центра просвѣщенія (въ Англіи), но нигдѣ не забывалъ своей милой Россіи. Слушайте, что онъ пишетъ изъ

Лондона: „Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ, какой носили древніе. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая:—„Сотворите святую милостыню". Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнаженная загорѣлая рука, съ краюхою хлѣба.—„Прими Христа ради!" говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ-же слова и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ, передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: „прими Христа ради", загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму". (Фрегатъ Паллада. Изд. 1884, т. I, стр. 79). Или прочитайте такое мѣсто: „Передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи. Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ (т. е. друзьямъ), что искомый результатъ путешествія— это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что *куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и ни какіе океаны не смоютъ ея*". („Фрегадъ Паллада". Изд. 1884, т. I, стр. 82.)— Письмо (отъ 24 мая 1853 г.) изъ Сингапура (островокъ у оконечности Малакскаго полуострова) начинается такъ: „Гдѣ я, о, гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ *березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ*, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ *ржи*, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая *сосна* смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ; *клюква* и *морошка* уступили мѣсто ананасамъ. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, (т. I, стр. 332). Родина влекла къ себѣ путешественника всегда и всюду; при всякомъ удобномъ скучаѣ онъ вспоминаетъ ее и рисуетъ ея любезныя, скромныя, тихія картины. Представивши типъ жизни новѣйшаго Англичанина, Гончаровъ даетъ образчикъ, неподражаемо-характеристическій, жизни Русскаго барина, спящаго „на трехъ перинахъ" (т. I, стр. 74—82); изобразивъ непріятности морскаго путешествія, онъ представляетъ прелестный очеркъ путешествія сухимъ путемъ по неизмѣримой Россіи (т. II, стр. 123); шкуна, ставшая на мель вблизи Шанхая, приводитъ путешественнику на мысль экипажъ, у котораго сломалась „ось среди непроходимой грязи" (т. II, стр. 130); быстрый ходъ фрегата при по-

путномъ вѣтрѣ сравнивается съ ѣздою на тройкѣ быстрыхъ лошадей... Всюду Гончарову рисуется „святая“, завѣтная ему, Россія...

Въ-четвертыхъ, путешествіе нашего автора весьма важно по языку. Языкъ Гончарова—разговорный, простой, живой, удивительно-обработанный.

Въ педагогическомъ отношеніи трудно найти книгу, болѣе драгоцѣнную, какъ „Фрегатъ Паллада“. А. В. Дружининъ пишетъ: „Книга Гончарова будетъ прочтена каждымъ Рус. человѣкомъ. *Мать можетъ смѣло дать ее въ руки своей дочери*, гувернеръ ученику; и отрокъ, и юноша, и старикъ найдутъ въ ней все, что даетъ успѣхъ каждому полезному произведенію, то есть живой языкъ, интересные факты и картины природы, изображенныя рукою опытнаго мастера“.

Въ ученомъ отношеніи книга Гончарова не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ; вообще писатель имѣетъ въ виду прежде всего свои личныя, собственныя впечатлѣнія, а не научное, обстоятельное изображеніе предметовъ, имъ видѣнныхъ. Наблюденія и впечатлѣнія свои Гончаровъ излагалъ въ видѣ писемъ къ своимъ друзьямъ. Эти письма сначала печатались въ разныхъ журналахъ (Отеч. Запискахъ, Современникѣ, Морскомъ Сборникѣ, Русскомъ Вѣстникѣ), а потомъ изданы отдѣльно въ двухъ томахъ въ 1862 году. (Въ полномъ собр. сочиненій И. А. Гончарова, изд. 1884 г. т. VI-й и VII-й).

О «Фрегатѣ Палладѣ» *А. В. Дружинина* въ Современникѣ за 1856, № 1,— *С. Дудышкина* въ Отеч. Зап. 1856, № 1,—неизвѣстнаго *автора* въ *Разсвѣтѣ* 1859, т. I,— *Де-Пуле* въ Моск. Вѣд. 1859.

Для ознакомленія съ этимъ замѣчательнымъ путешествіемъ приведемъ отрывокъ, изображающій природу „въ Атлантическихъ тропикахъ“ (т. I, гл. III, по изд. 1884, стр. 154—158):

„Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его; нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью. Гдѣ вы, гдѣ вы, Владиміръ Григорьевичъ [1])? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ,—этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ, неописанномъ уборѣ,—эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю...

„На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей—все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите: громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опусти-

---

[1]) *Бенедиктовъ*, поэтъ (1807—1873). Вся статья И. А. Гончарова «Плаваніе въ Атлантическихъ Тропикахъ» была написана въ видѣ *письма* къ В. Г. Бенедиктову и сначала появилась въ Р. Вѣстникѣ.

лась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять тихо отливается въ форму горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плеча еще цѣлы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и поглощаетъ все рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ...

„Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

„Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса. Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе, и сквозь нее проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ; онъ въ свою очередь овладѣлъ небомъ. А зáмки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро изчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучемъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова была природа, такъ же горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!.. Вѣдь бури, бѣшеныя страсти— не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа—для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы...

„Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ — звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко и какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны: ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди, и—засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ—разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда...

„Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ

бѣлымъ блескомъ и не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно дѣвственна... Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ; онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается, то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой, Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокоиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Южный Крестъ... Увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите: что̀ въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго; потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

„Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ, или подъ кормой плеснетъ волна—и опять все торжественно и прекрасно-тихо!

„Смо̀трите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни, и, ослѣпленные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грёзами, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво:—„нѣтъ, этого не сказали мнѣ ни карты, ни Англичане, ни Американцы, ни мои учители; говорило, но блѣдно и смутно, только одно чуткое, поэтическое чувство; оно таинственно манило меня еще ребенкомъ сюда и шептало:

Вотъ Азія, міръ праотца Адама,
Вотъ юная Колумбова земля!
И ты свершишь пловучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ ліетъ созвѣздіе Креста [1])...

„Берите же, любезный другъ, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, какъ эти небеса, языкъ, языкъ боговъ, которымъ только и

---

[1]) Посланіе *Бенедиктова* къ Гончарову, въ собр. сочиненій В. Г. Бенедиктова.

можно говорить о здѣшней природѣ, и спѣшите сюда,—а я винюсь въ своемъ безсиліи и умолкаю".

Разборъ.—Картины тропической природы.—Общая мысль описанія.—Составныя части описанія: воздухъ, блескъ неба, его цвѣта при захожденіи солнца.—*Океанъ днемъ.*—Подробнѣйшее описаніе каждой части.—Фантастическій видъ *неба:* крѣпость, гора, островъ, куполъ, корабль, верблюдъ и пр.—Изъ чего строятся такія видѣнія?—Цвѣта неба при захожденіи солнца: фіолетовый, пурпуровый, зеленый,—видъ замковъ, башенъ, лѣсовъ.—*Звѣзды:*—вечерній пиръ.—*Луна:* пріемы, употребленные авторомъ при описаніи ея—отрицательные и положительные.—*Океанъ ночью.*—Южный крестъ.—Вліяніе природы на человѣка: сколько разъ въ продолженіи всего описанія путешественникъ говоритъ объ этомъ вліяніи? Почему нѣсколько разъ?—Какую мысль пробуждаетъ въ человѣкѣ роскошная природа?—Сравн. со стихотвореніемъ *Лермонтова:* „Когда волнуется желтѣющая нива" („Учебн." § 25). Общее заключеніе описанія природы.—Предлагаемое описаніе тропическаго неба и моря самое стройное и логически выполненное.—Авторъ въ началѣ его указалъ на невозможность изобразить всѣ чудеса тропическаго неба и моря,—этою же мыслію и закончилъ свою художественную картину.

§ 51. „Годъ на Сѣверѣ", сочиненіе *С. В. Максимова,* содержитъ въ себѣ описаніе Бѣлаго Моря съ его прибрежьями (первая часть книги) и сѣверныхъ рѣкъ—Печоры, Мезени, Пинеги и Двины (вторая часть). Авторъ обратилъ особенное вниманіе на бытъ народа, обитающаго на Сѣверѣ Россіи; онъ подробно описываетъ разные туземные промыслы: какъ-то: тюленій, заячій, нерпичій, соляной, бѣлужій, тресковый, ловъ семги, сельдяной, моржовый, мѣховой (горностаи, куницы, песцы), птичій (гуси, гагары, утки) и другіе, вникаетъ въ образъ жизни разныхъ инородцевъ, именно: Кореловъ, Лопарей, Зырянъ, Самоѣдовъ,—а также Русскихъ обитателей того края. Обычаи и нравы, разнаго рода преданія и суевѣрія, невѣжество и образованность, семейный бытъ: все это путешественникъ наблюдалъ и изучалъ, на сколько ему возможно было то сдѣлать. Авторъ разнообразитъ свое повѣствованіе многими историческими разсказами: такъ онъ весьма часто говоритъ о посѣщеніи сѣвернаго края Петромъ Великимъ (записываетъ даже преданія объ этомъ великомъ Государѣ,—преданія, собранныя на мѣстѣ), о возмущеніи Соловецкихъ старцевъ,—разсказываетъ исторію города Колы, Кеми, Сумскаго посада, Новой земли, Колгуева, Архангельска,—говоритъ объ историческихъ ссыльныхъ: протопопѣ Аввакумѣ, Матвѣевѣ, Голицынѣ, Щербатовѣ, Брауншвейскомъ семействѣ, Филаретѣ Никитичѣ; съ удовольствіемъ читаются преданія о Ломоносовѣ, слышанныя путешественникомъ на родинѣ

великаго человѣка [1]). Весьма важное значеніе получаетъ книга С. В. Максимова во-первыхъ по своему этнографическому матеріалу, и во-вторыхъ—по народному языку. Въ нашей литературѣ не было сочиненія, въ которомъ находилось бы съ одной стороны такъ много фактовъ, живо представляющихъ бытъ сѣверныхъ обитателей, а съ другой—видно было такое глубокое познаніе народнаго языка. У Максимова почти вся книга написана языкомъ простаго народа; онъ не только внесъ въ свое повѣствованіе слова и обороты мѣстные, живые, свѣжіе, выразительные—но и цѣлые разсказы ведетъ нарѣчіемъ туземнымъ, не мѣшающимъ ясности изложенія. Въ филологическомъ отношеніи „Годъ на Сѣверѣ"—книга драгоцѣнная [2]).

Приведемъ отрывокъ о Соловецкомъ монастырѣ:

„Осматривая настоящее состояніе монастыря и вникая во всѣ подробности его внутренняго и внѣшняго устройства, почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ имя св. митрополита Филиппа, бывшаго здѣсь съ 1548 по 1566 годъ игуменомъ. Въ эти восемнадцать лѣтъ онъ успѣлъ сдѣлать многое, чтд до сихъ поръ имѣетъ всю силу матеріальнаго своего значенія. Поставленный въ исключительное положеніе, любимецъ Грознаго Царя, щедраго на подарки и милостыню, самъ сынъ богатаго отца изъ стариннаго боярскаго рода Колычевыхъ, св. Филиппъ не стѣснялъ себя въ матеріальныхъ средствахъ для того, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ стремленіямъ и помысламъ. Онъ исключительно посвятилъ дѣятельность на то, чтобы островъ Соловецкій, до того времени сильно запущенный, сдѣлать возможно удобнымъ для обитанія; прорылъ канавы, вычистилъ сѣнокосные луга и увеличилъ ихъ въ числѣ; провелъ черезъ лѣса, горы и болота дороги; устроилъ для больной братіи больницу; учредилъ по возможности лучшую и здоровую пищу; внутри монастыря, подлѣ сушила, устроилъ каменную водяную мельницу и для нея провелъ воду изъ 52 дальнихъ озеръ главнаго Соловецкаго острова: въ братской и общей кухнѣ устроилъ колодезь, въ который проведена изъ Святаго озера вода,

---

[1]) Изъ описаній природы замѣчательны: «Тундра» (во 2-й части), «Сѣверное сіяніе» (во 2-й части); изъ очерковъ бытовыхъ, особенно любопытенъ разсказъ о «*берестяной книгѣ*» (во 2-й части). Путешественнику удалось пріобрѣсти книгу, писанную на берестѣ. «Батюшко еще покойничекъ выдумалъ (говорилъ старикъ крестьянинъ): Житія разныя вписывалъ и другое—прочее, и я отъ себя писалъ; таково-то легко, почесть, что не хуже бумаги. Перо только помягче надо...—Сколько же, по твоему счету, времени этой книгѣ?—Да вотъ мнѣ *восьмой* десятокъ на выходѣ, а я, что живу, помню ее да все такую же». (Ч. 2, стр. 479). Дѣло происходило въ *Мезенскихъ* тундрахъ.

[2]) Нашъ отзывъ подкрѣпляется мнѣніемъ знатока Филологіи, *И. И. Срезневскаго*. Онъ пишетъ: «Проведши «годъ на Сѣверѣ», онъ (т. е. Максимовъ) вынесъ оттуда такое живое чутье языка, такую художественную силу выраженія, которой нельзя не дивиться». Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Спб. 1860, стр. 32—33.

чрезъ подземную трубу, подъ крѣпостною стѣною. Помпа колодезя этого зимою подогрѣвается нарочно устроенною печью. Другая печь приготовляетъ теперь въ одинъ разъ до 200 хлѣбовъ [1]).

„Сверхъ всего этого, онъ умножилъ домашній рогатый скотъ, и на островахъ Муксалмахъ выстроилъ для него особый коровій дворъ; онъ же развелъ на островѣ Лапландскихъ оленей, которые живутъ тамъ и до настоящаго времени; выстроилъ просторныя церкви и огромную трапезу, вмѣщающую сверхъ тысячи человѣкъ гостей и братіи; близь монастыря сдѣлалъ насыпи и разныя машины къ облегченію трудовъ работниковъ; построилъ кирпичные заводы; замѣнилъ старинныя чугунныя плиты—*клепала, била*—колоколами; правителямъ поморскихъ волостей, тіунамъ, слугамъ и доводчикамъ назначилъ жалованье и пр. и пр.

„Монастырь и въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, что не нуждается во многомъ; только пшеница, вино, рожь и нѣкоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное онъ имѣетъ свое. При легкомъ взглядѣ монастырь поражаетъ необъятнымъ богатствомъ; не заглядывая въ сундуки его, которые, говорятъ, ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчуговъ и другихъ драгоцѣнностей, легко видѣть, что, сверхъ годичнаго расхода на братію, у него остается еще огромный излишекъ, который пускается въ ростъ на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружекъ богомольческихъ подаяній, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25,000 р. асс.; но что нынѣшній годъ, говорили, одинъ изъ *неурожайныхъ,* затѣмъ что первый мирный [2]); въ *урожайные* годы вынимаютъ до 95,000. Эту цифру монахи считаютъ среднею величиною.

„Торговля производится всюду, чуть ли не во всѣхъ монастырскихъ углахъ: на паперти Анзерскаго скита продаютъ лубочный видъ этого скита, на Анзерской горѣ Голгоѳѣ (въ скиту же) продаютъ видъ Голгоѳскаго скита и вездѣ кое-какія книги, и вездѣ стихи монаха (описывающіе осаду монастыря Англичанами). Можно купить сапоги изъ нерпичьей [3]) кожи; можно купить и широкій монашескій поясъ изъ той же кожи, довольно хорошо выдѣланной въ самомъ монастырѣ. Въ самомъ же монастырѣ пишутся и иконы, шьется платье не только на монаховъ, но и на штатныхъ служителей, обязанныхъ черными и болѣе трудными ра-

---

[1]) При многолюдствѣ богомольцевъ, въ печь эту ставятъ двѣ квашни въ день: хлѣбъ день отлеживается, на другой день поѣдается весь. Остатки ѣдятъ рабочіе, остатки же этихъ остатковъ превращаются въ сухари. Прежде было обыкновеніе давать каждому богомольцу по широкому ломтю на дорогу; теперь это, говорятъ, вывелось, изъ употребленія. Въ квасной запасается 50 бочекъ по 200 ведеръ каждая.

[2]) Авторъ былъ въ монастырѣ въ 1856 г., по окончаніи Крымской войны (1853—1855 гг.).

[3]) *Нерпа* — млекопитающее животное, изъ отряда ластоногихъ, семейства и рода тюленей; достигаетъ 8—10 футовъ длины.

ботами [1]). Въ монастырѣ вылавливается морской звѣрь (тюлень), вытапливается его сало, выдѣлывается его шкура; есть невода для бѣлугъ, есть сѣти для нерпы и бѣльковъ; въ монастырскую губу приходитъ въ несмѣтномъ числѣ лучшій сортъ Бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ, жирныхъ. Только крайне плохой засолъ, какая-то запущенность этого дѣла мѣшаютъ пускать ихъ въ продажу; выловленныя сельди лѣтомъ уходятъ на братскую уху, выловленныя осенью частію употребляются, частію идутъ въ прокъ на зиму. Полотно для монашескаго бѣлья не покупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и маслъ въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на Заяцкомъ острову, даютъ шерсть для зимнихъ монашескихъ тулуповъ и мясо для трапезы штатныхъ монастырскихъ служителей въ скоромные дни. Лошадей монастырь имѣетъ также своихъ. Между монахами и штатными служителями есть представители всякаго рода мастерствъ: серебряники, слесари, мѣдники, оловянишники, портные, сапожники, рѣзчики. Всѣ другія мастерства, не требующія особенныхъ познаній, раздѣлены на послушанія, таковы: рыбаки, продавцы, пекари, мельники, маляры.

„Въ этомъ отношеніи монастырь представляетъ цѣлое отдѣльное общество, независимое, сильное средствами, и, притомъ, значительно многолюдное. Ежегодные обильные вклады и правильное хозяйство обѣщаютъ монастырю впереди несчетные годы.

„На третій день моего пріѣзда въ монастырь, я былъ разбуженъ поутру громкими криками, раздавшимися подъ окнами нашей гостинницы и по корридорамъ ея.

— Что тамъ такое? спрашиваю я гостинщика.

— Гонятъ жёнокъ-богомолокъ сельдей чистить. Сейчасъ приплылъ карбасъ съ свѣжей рыбой; ужо на уху она пойдетъ—объяснилъ онъ.

— А уготовляли ли вы себѣ цѣльбоносное купаніе во Святомъ озерѣ вчера? спросилъ онъ меня потомъ.

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Всѣ богомольцы, не медля, по прибытіи, совершаютъ сей обрядъ во душевное спасеніе и тѣлесное здравіе. Отъ многихъ недуговъ полезна

---

[1]) Большая половина рабочихъ живетъ по обѣту; обѣты даютъ они при случаѣ опасностей, которыми такъ богато негостепріимное Бѣлое море. Тюленій промыселъ, называемый *выволочнымъ*, соблазнительный по богатству добычи, опасный по отправленію, губитъ много людей. Звѣря бьютъ на дальнихъ льдинахъ; льдины эти часто отрываются вѣтрами и *выволакиваются* въ море вмѣстѣ съ промышленниками. Счастливые изъ нихъ прибиваются къ острову Сосновцу или къ Терскому берегу, и они-то даютъ, въ благодарность за спасеніе, обѣтъ безплатно работать на монастырь три—пять лѣтъ. Большая часть уносится въ океанъ на неизбѣжную гибель. Любопытное описаніе ловли нерпы, моржей и тюленей см. въ «Москов. Вѣдомостяхъ» за 1885 г., №№ 261 и 287.

вода, и сколь она холодна и благотворна, то такой уже, говорятъ, и не обрѣтается въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ честныя обители сея.

— Что же это, батюшка, обязательно для всѣхъ?

— Неволи не полагается; но всякъ творитъ по мѣрѣ силъ. Немотствующіе не купаются. У насъ, по монастырскимъ обычаямъ, всѣ богомольцы, искупавшись въ Святомъ озерѣ, идутъ ко гробу преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и ходатайствуютъ у нихъ объ умилостивленіи Творца Всевышняго. Затѣмъ всякій полагаетъ отправиться воздать молитву при гробѣ преподобнаго Елеазара во скиту, сооруженномъ имъ на острову Анзерскомъ, и оттуда идутъ на гору Голгоѳу, гдѣ поминаютъ молитвою préшедшихъ отцевъ и братію въ панихидѣ при гробѣ преподобнаго отца Іисуса Голгоѳскаго. Засимъ, на третій день, посѣщаются всѣ часовни, мѣста коихъ освятили своими стопами угодники Божіи: одну въ 3-хъ верстахъ отъ обители близь Исакіевой горы, гдѣ первоначально поселились преподобные Зосима и Германъ, и всѣ семь пустынь...

„При послѣднихъ словахъ его раздался звонъ въ малый колоколъ.

— Это что такое?

— Кончилась литургія: къ трапезѣ звонятъ; пожалуйте! Въ сей день полагаются скоромныя кушанья.

„Я отправился. Огромная трапеза была полна народу; монахи пѣли. Между богомольцами не видать было женщинъ; всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ-называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона чореднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаньевъ, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. Трапезующіе должны были отвѣчать „аминь“; всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки; у всѣхъ были деревянныя ложки съ вырѣзною благословящею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписаніемъ:

На трапезѣ благословенной,
Кушать братіи почтенной.

„У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто „во здравіе братіи“. Вся посуда была оловянная. Кушанья солить или обливать уксусомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдъ: холодное—соленыя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксусомъ; треска со сметаной и квасомъ; уха, удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей, и каша гречневая съ коровьимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи и тогда же. Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпускъ—и затѣмъ всѣ расходились.

„Несмѣтное множество чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: ка-

жется, на это время слетѣлись онѣ со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ; многія клевали проходящихъ за ноги, за полы платья; крикъ былъ невыносимый, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и своеобразную, картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе—смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать, чабаръ старается дѣлать то же, что̀ и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, прискакиваетъ, но въ воздухѣ держится не долго: собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать, и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунывается, хлопая въ водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки-работники, *безбрадые трудники*, по словамъ гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣтые въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки шалятъ; взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ, и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ; кто-то запѣлъ: „Воскресеніе Христово видѣвше"...

Примѣч. Другіе отрывки изъ путешествій *И. А. Гончарова* («*Фрегатъ-Паллада*:» «Лондонъ», «Выходъ въ атлантическій океанъ», «Роскошь и комфортъ», «Русскіе въ Японіи») и *С. В. Максимова* («Годъ на Сѣверѣ»: «Поѣздка въ Анзерскій скитъ»—*описаніе природы Соловецкаго острова*, «Поѣздка къ океану», «Сѣверное сіяніе») приведены въ IV-й ч. Христоматіи *А. Филонова*, изд. 1896 г.; тамъ же напечатаны извлеченія изъ слѣд. путешествій: *Н. М. Карамзина* («Эльба», «Рейнскій водопадъ», «Ферней», «Парижъ», «Большая опера въ Парижѣ», «Го-Бюиссонъ», «Лондонъ», «Семейственная жизнь въ Англіи», «Вестминстеръ» изъ «Писемъ Рус. Путешественника»), *Д. И. Фонъ-Визина* («Прибытіе Вольтера въ Парижъ», «Ахенъ»), *В. А. Жуковскаго* («Рафаэлева Мадонна»), *А. С. Норова* («Іерусалимъ», «Великая Суббота, Заутреня и обѣдня Свѣтлаго Христова Воскресенія» изъ Путешествія по Св. Землѣ»), *Е. П. Ковалевскаго* («Землетрясеніе въ Кашемирѣ» изъ соч. «Странствователь по сушѣ и морямъ», «Большая Нубійская пустыня»), *В. П. Боткина* («Бой быковъ», «Соборъ въ Севильѣ», «Гранада и Альамбра» изъ «Писемъ объ Испаніи»), *В. Яковлева* («Храмъ Св. Петра въ Римѣ», «На куполѣ Св. Петра» изъ книги «Италія»), *Д. В. Григоровича* («Копенгагенъ и Торвальдсенъ», «Похороны на кораблѣ», «Па-де-Кале», «Соборъ въ Севильѣ» изъ соч. «Корабль Ретвизанъ»), *И. В. Бабста* и *К. П. Побѣдоносцева* («Поѣздка въ село Иваново», «Рыбинскъ» изъ книги «Путешествіе Наслѣдника Цесаревича по Россіи въ 1863 году»), *Э. Циммермана* («Нью-Іоркъ» изъ книги «Путешествіе по Америкѣ»), *С. Т. Аксакова* («Лѣсъ» изъ книги «Записки Ружейнаго охотника Оренбургской губерніи»), *Н. М. Пржевальскаго* («Посѣщеніе ледника», «Пропажа унтеръ-офицера Егорова» изъ книги «Третье Путешествіе въ Центральной Азіи 1870—1880 г.г.»), *Всев. Вл. Крестовскаго* («Сингалезскій городъ на Цейлонѣ», «Кокосникъ» изъ книги «Въ дальнихъ водахъ и странахъ»), *А. В.*

Елисѣева («Пальмовый лѣсъ въ Сахарѣ», «Ночное пиршество въ Сахарѣ», «Песчаная буря въ Сахарѣ» изъ книги «По бѣлу свѣту»), *Вас. Иван. Немировича-Данченко* («Лапландія» изъ книги «Страна холода») и др. и *Деможо* и *Монтуччи* («Рогби», среднее учебное заведеніе въ 120-ти верстахъ отъ Лондона, изъ книги «Среднія учебныя заведенія въ Англіи»).

Библіогр.—Наша Словесность богата хорошими путешествіями. Назовемъ лучшія изъ нихъ:—Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году *И. М. Муравьева-Апостола.* Спб. 1829 г. (Много историческихъ замѣтокъ о древностяхъ Тавриды).—Путешествіе по Сициліи въ 1822 году. *А. Норова.* Спб. 1828 года. (Занимательно описаніе восхожденія на Этну).—Путешествіе по Святымъ Мѣстамъ. *М. Муравьева.* Спб. 1830 г.—Путешествіе по Св. Землѣ. *А. Норова.* Спб. 1835 г.—(У А. С. Норова раскрывается болѣе священная древность мѣстъ, а у М. Н. Муравьева—настоящая ихъ живописность).—Очерки Южной Франціи и Ниццы. Изъ дорожныхъ записокъ 1840—1842 годовъ. *М. Жуковой.* Спб. 1844 г.—Странствователь по сушѣ и морямъ. *Егора Ковалевскаго.* 1828 и 1843—1845 г.—*Его же*:—Путешествіе во внутреннюю Африку 1849.—Путешествіе въ Китай 1853 г. (Е. П. Ковалевскій—одинъ изъ примѣчательныхъ Русскихъ людей. Его путешествія отличаются научнымъ характеромъ и живымъ языкомъ. Въ 1871 г. И. И. Глазуновъ издалъ собраніе сочиненій Егора Петровича Ковалевскаго (1811—1868 г.) О всѣхъ его сочиненіяхъ см. Справочный Словарь *Г. Геннади.* Берлинъ. 1880, т. 2, стр. 145—6).—Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. *В. Яковлева.* Спб. MDCCCLX. (Обозрѣваетъ преимущественно памятники искусства. Изо всѣхъ путеописаній Яковлева самое любопытное: «Вѣчный городъ». Здѣсь описанъ соборъ Св. Петра въ Римѣ съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла. Библіот. для Чтен. 1858, № 4, отрывокъ въ IV ч. Христом. *А. Филонова*).—Поѣздка въ Южную Россію. *А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.* Спб. 1861.—Этюды Путешественника. *П. Ковалевскаго.* Спб. 1864 г. (хорошо описаніе озеръ Швейцаріи).—Путевыя впечатлѣнія на Сѣверѣ и Югѣ. *А. Милюкова.* Спб. 1865 г. Содержаніе книги: Очерки Финляндіи (живо описанъ водопадъ Иматры и Сайменскій каналъ).—По обѣ стороны Альповъ. Аѳины и Константинополь (описаніе Босфора).—Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича (покойнаго Великаго Князя Николая Александровича) по Россіи отъ Петербурга до Крыма. М. 1864. (Одна изъ лучшихъ книгъ по описанію Русскихъ, живущихъ по Волгѣ, Дону и другимъ рѣкамъ. Составлена профессорами Московскаго университета *И. В. Бабстомъ* и *К. П. Побѣдоносцевымъ*, сопутствовавшими Его Высочеству. Страницы, гдѣ разсказывается о народныхъ встрѣчахъ Государя Наслѣдника по селамъ, деревнямъ и полямъ содержатъ много любопытныхъ подробностей).—Записки Охотника Восточной Сибири 1856—1863 г. *А. Черкасова.* (Есть второе изданіе, дополненное. Представляетъ описаніе звѣрей Восточной Сибири, снастей для ихъ поимки,—изображается и природа, а также бытъ туземцевъ).—Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. *А. Лакіера.* Спб. 1859. (Преимущественно описываются учрежденія и внутренній бытъ страны).—Путешествіе по Америкѣ въ 1869—1870. *Эдуарда Циммермана.* (Любопытна по многимъ подробностямъ быта Американцевъ).—На востокѣ. Поѣздка на Амуръ въ 1860—61 годахъ. *С. Максимова.* (Кромѣ Амура, описано пребываніе путешественника на Восточномъ Океанѣ, въ Японіи, Манчжуріи и у Китайцевъ).—Лѣсная Глушь. Картины народнаго быта изъ воспоминаній и путевыхъ замѣтокъ. *Его же.* Спб. 1871. Двѣ книги.—Сибирь и Каторга. *Его же.* Спб. 1871. Три части. (Трогательная статья (въ III части) «Всепрощеніе». Сочинитель, влекомый любознательностью, самъ спускался въ рудники и свои впечатлѣнія передалъ съ поразительною правдою).—Уральцы. *І. Желѣзнова.* М. 1859 г. (Замѣчательно описаніе «Ахан-

скаго» рыболовства).—Отъ Москвы до Лейпцига. *И. Бабста.* М. 1859 года. (Любопытны тѣ страницы, гдѣ писатель сравниваетъ нашу жизнь съ жизнію заграничною).—Очерки Крыма *Е. Маркова.* Спб. 1872. (Авторъ жилъ въ Крыму безвыѣздно нѣсколько лѣтъ и подробно описалъ красоты природы Крыма, а также историческія мѣста его).—Старый Іерусалимъ и его окрестности. Архимандрита *Леонида.* М. 1873. (Можно назвать самымъ лучшимъ путеводителемъ по Св. Землѣ).—Соловки. *В. Немировича-Данченко.* Спб. 1875 г.—По Волгѣ. *Его же.* Спб. 1877 г.—Страна Холода. *Его же.* Спб. 1877 г.—Бѣлое Море. Мурманъ, Лапландія, Новая Земля, Племена Глухаго Угла (Самоѣды, Корелы, Зыряне и пр.—Путешествія *Н. М. Пржевальскаго* (ум. 1888 г.): «Монголія и страна тангутовъ» 1873.—«Третіе Путешествіе въ Центральной Азіи» 1883.—«Отъ Кяхты на истоки Желтой Рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима» 1888.—Путеописанія *Н. Миклухи-Маклая* (ум. 1887 г.): «Письма объ островахъ Адмиралтейства» (въ «Извѣстіяхъ Рус. Географич. Общества» за 1878-й годъ), «На нѣсколько дней въ Австралію» (путешественникъ около семи лѣтъ прожилъ въ Австраліи) въ Новомъ Времени за 1887 г. № 4175 (о ловлѣ жемчужинъ),—«Насадка лѣса въ южной Австраліи» въ Нов. Врем. 1888, № 433 (весьма любопытный разсказъ).—Путешествія *К. К. Случевскаго*: 1. «По Сѣверу Россіи. Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны въ 1884—5 г. (в. замѣчательно описаніе Сольвычегодска и его стариннаго собора, отъ XVI вѣка сохранившагося въ ненарушимомъ видѣ).—2. Балтійская Сторона. Путешествіе Ихъ Высочествъ въ 1886—1887 г.—По Крыму. *С. Филиппова.* М. 1889 г. (Одесса.—Евпаторія.—Саки.—Симферополь.—Бахчисарай.—Севастополь.—Херсонесъ.—Монастырь Св. Георгія.—Балаклава.—Байдарская долина.—Ялта.—Гурзуфъ.—Алушта.—Чатырдагъ.—Ѳеодосія).—*А. В. Елисѣева.* По Бѣлу-Свѣту 4 тома. Спб. 1894. (любознательный авторъ до страсти любилъ путешествія, началъ ихъ съ 1875 г. и продолжалъ до смерти своей въ 1895 г., многія иноземныя страны исходилъ пѣшкомъ, терпя всевозможныя лишенія). *П. П. Гнѣдичъ* [1]). Черезъ Черное Море на Босфоръ. Путевыя Замѣтки съ 60 иллюстраціями. Спб. 1896. (Особенно занимательны путешествія, посвященныя описанію Золотого Рога).

Темы.—Исчисленныя выше путеописанія могутъ послужить матеріаломъ разнообразныхъ *темъ* для сочиненій по Рус. языку. Слѣдуетъ только преподавателю брать матеріалъ въ ограниченномъ размѣрѣ, напр.: описать Іерусалимъ (или даже одну часть его) по Норову (или Муравьеву), «описать Кашемирскую долину по Ковалевскому», «описать соборъ Св. Петра (или одну часть его) по Яковлеву», «нравы Испанцевъ на основаніи разсказа Боткина о боѣ быковъ», «Иваново-Вознесенскъ по Бабсту и Побѣдоносцеву», «народная радость при встрѣчѣ Наслѣдника Престола» (та же статья въ IV ч. христоматіи А. Филонова), «Описаніе Гранады по Боткину», «планъ описанія Лондона по Гончарову», «Копенгагенъ по Григоровичу» (планъ описанія и главная мысль его), «планъ описанія Нью-Іорка по Циммерману» (эту задачу можно раздѣлить на два раза), «извлечь историческій, географическій, этнографическій и филологическій матеріалъ изъ описанія Соловецкаго монастыря по Максимову» (на основаніи отрывка, предложеннаго въ «Учебникѣ»): эту тему, по усмотрѣнію преподавателя, можно ограничить одною какою-либо ея стороною, т. е. извлечь или одинъ историческій матеріалъ изъ даннаго отрывка (или главы), или одинъ этнографическій матеріалъ, или одинъ филологическій (напр. мѣстныя слова и выраженія) и

[1]) Авторъ замѣчательной книги: «Исторія Искусствъ. Отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней». Три тома. Спб. 1899.

т. д. Если путешествія читать съ надлежащимъ вниманіемъ, то въ нихъ можно найти много полезныхъ и занимательныхъ *темъ* для Русскаго сочиненія воспитанника; такъ сходные предметы описанія могутъ дать матеріалъ для сравненія, напр. «Парижъ по Фонъ-Визину и Карамзину» (IV ч. Христ. Филонова, изд. 4-е, 1896 г.), «Лондонъ по Карамзину и Гончарову» (IV ч. Христ. Филонова), «Іерусалимъ по Норову и Муравьеву» (на основаніи ихъ путешествій), «Соловецкій монастырь по Максимову, Немировичу-Данченкѣ и Случевскому» (по ихъ путеописаніямъ), «Чатырдагъ по Маркову и Филиппову» (по ихъ путевымъ очеркамъ) и пр.

При назначеніи темъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, имѣть двѣ заботы: дать источники (что̀ называется, въ руки) и соразмѣрять задачу съ умственнымъ развитіемъ класса.

§ 52. V. *Исторія въ собственномъ смыслѣ.*—Исторія въ собственномъ смыслѣ (какъ наука) есть изображеніе постепеннаго развитія жизни рода человѣческаго [1]). Жизнь рода человѣческаго, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, слагается изъ многихъ началъ, взаимно проникающихъ другъ друга. Кромѣ внѣшнихъ событій, кромѣ общественныхъ отношеній, кромѣ науки и искусства, не менѣе важны нравы и обычаи, семейныя отношенія, матеріальный бытъ: жилище, пища, средства добыванія всѣхъ тѣхъ предметовъ, которыми поддерживается существованіе человѣка. Всѣ эти начала должны быть введены въ составъ разсказа о жизни человѣчества и представлены въ надлежащей связи и послѣдовательности.

§ 53. *Источники Исторіи какъ науки.*—Исторія почерпаетъ свои матеріалы изъ разныхъ источниковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: живое преданіе, лѣтописи, записки современниковъ, біографіи, путешествія отечественныя и иностранныя, письма, разнаго рода акты, изслѣдованія ученыхъ и пр. Весь этотъ обширный матеріалъ историкъ обязанъ изучить, сравнить, оцѣнить и составить изъ него одно стройное цѣлое, называемое Исторіею.

§ 54. *Изложеніе Исторіи.*—Смотря по способу изложенія историческихъ фактовъ, или по взгляду историка на предметъ, Исторія получаетъ различный характеръ. Главнѣйшихъ видовъ историческаго изложенія два: философическій и художественный. *Философическій* способъ изложенія состоитъ въ томъ, что писатель слѣдитъ за развитіемъ извѣстныхъ идей въ томъ или другомъ періодѣ, въ томъ или другомъ народѣ, исторію котораго онъ излагаетъ; для такого историка различные факты значительны потому, что служатъ выраженіемъ той или другой идеи, того или другаго начала. Историкъ, разсматривающій факты жизни съ цѣлію опредѣлить развитіе извѣстныхъ идей въ обществѣ, или народѣ,—называется историкомъ-мыслителемъ. Онъ зорко слѣдитъ за причинами и слѣдствіями тѣхъ или другихъ событій, никогда не опускаетъ связи,

[1]) Такое понятіе объ Исторіи возникло въ послѣднія времена, вслѣдъ за трудами *Гегеля* (философъ), *Нибура* и *Гизо* (историки), жившихъ въ XVIII—XIX вѣкѣ.

соединяющей разныя происшествія на пространствѣ вѣковъ, и потому именуется историкомъ-*прагматикомъ*. Другой способъ изложенія историческихъ сочиненій называется *художественнымъ*. Художественный пріемъ изложенія заключается въ томъ, что писатель имѣетъ цѣлію нарисовать картину жизни народа. Историкъ-художникъ возсоздаетъ передъ нами прошлую жизнь въ живыхъ и яркихъ образахъ, живописуетъ событія и лица; стремясь къ этой цѣли, онъ не пропускаетъ ни одного факта, ни одной мелкой черты, которые могутъ нагляднѣе представить минувшее [1]).

Библіогр.—О современномъ состояніи и значеніи Всеобщей Исторіи. *Т. Грановскаго.* (Писано 1852 г.). Въ сочиненіяхъ его. М. 1866, ч. I.—Теоретическій очеркъ Исторіи. *Гервинуса.* Время (журналъ) 1861, № XI. Отрывки въ IV ч. Христом. *А. Филонова*, изд. 4-е. Спб. 1896 г.—О задачахъ Исторіи, какъ науки. Современникъ 1856, № 6.—Объ Исторіи. *Маколея.* Въ его сочиненіяхъ. Спб. 1865, т. XIII.—Очеркъ развитія историческихъ наукъ. *В. Герье.* Русск. Вѣстн. 1866.—Историческое развитіе понятія Исторіи отъ древнѣйшей эпохи на востокѣ до нашихъ временъ. *М. Куторги.* Ж. М. Нар. Пр. 1868, № 2, 3, 4.—Русская Исторія. *К. Бестужева-Рюмина.* Спб. 1872, стр. 1—10.—Основные вопросы философіи и исторіи *Н. Карѣева.* Спб. 1883. (Разборъ этого труда въ Ж. М. Нар. Просв. 1891).

§ 55. *Образцы Исторіи.*—Уже *въ древности* были извѣстны указанныя два воззрѣнія на Исторію. *Геродотъ* (V в. д. Р. Хр.), отецъ Исторіи,—*Титъ Ливій* (I в.) служатъ представителями художественной школы, хотя, конечно, въ самыхъ общихъ ея чертахъ; *Өукидидъ* (V в. до Р. Хр.), *Саллюстій* (I в.), *Тацитъ* (I—II в. по Р. Хр.) оставили намъ въ своихъ произведеніяхъ образцы [2]) прагматической, или философической Исторіи.—Въ новое время историки продолжали развиват. тѣ же двѣ школы; представителями философическаго направленія въ ней считаются: *Гизо* (Французскій писатель), *Нибуръ* (Нѣмецкій), *Гротъ* (Англійскій), а историками-художниками признаются: *Авг. Тьерри*

---

[1]) *Гердеръ* говоритъ, что совершеннѣйшій видъ исторіографіи есть историческая картина.

[2]) *Поливій*—Греческій историкъ род. за 205 лѣтъ до Рожд. Христова и умершій 80-ти лѣтъ отъ роду,—одинъ изъ величайшихъ историковъ древности. Онъ не только историкъ, но и государственный умъ, чрезвычайно вѣрно понимавшій свою современность и относившійся къ ней съ полною объективностію. Исторія Поливія представляется въ высшей степени важною не для одного только спеціалиста, изучающаго судьбы Грековъ и Римлянъ, но принадлежитъ къ небольшому числу литературныхъ произведеній, которыя имѣютъ высоко образовательное и воспитательное значеніе для всякаго образованнаго человѣка. Какъ историкъ, Поливій замѣчателенъ здравымъ критическимъ взглядомъ и мастерскимъ разсказомъ. Его «Всеобщая Исторія» въ сорока книгахъ. Перев. съ Греческаго *Ө. Г. Мищенка*, съ предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. М. 1890, т. I, т. II (книги VI—XXV) издан. 1896. (Ж. М. Нар. Просв. 1890, Май «критик. и библіограф.», 1896, Мартъ).

(Франц. писатель), *Маколей* (Англійскій), *Прескоттъ* (Американскій), *Моммзенъ* (Нѣмецкій) и другіе.

У насъ есть образцы обоихъ видовъ историческаго изложенія. Представитель художественной школы—*Н. М. Карамзинъ*, а представитель философской школы—*С. М. Соловьевъ*.

Библіогр.—Объ историкахъ Греческихъ и Римскихъ, а также ново-Европейскихъ. Ж. М. Н. Пр. 1862, февр. и март., критика: «Наши историческія пособія для преподавателей и учениковъ».—Отрывки изъ *Геродота* въ Новой Библіотекѣ 1847, изд. П. Рѣдкина. *Геродотъ*. Исторія въ IX-ти книгахъ. Перев. съ Греч. съ предисловіемъ и указателемъ. *Ѳ. Г. Мищенко*. М. 1885—86 г., два тома.—«Пелопонесская Война» *Ѳукидида* въ Военной Библіотекѣ 1837 г. и въ Библіот. для Воспитанія 1845 г., изд. П. Рѣдкина.—*Ѳукидидъ*. Исторія Пелопонесской войны, въ восьми книгахъ. Перев. съ Греч. *Ѳ. Г. Мищенко*, съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. М. 1887—88 г., два тома.—Послѣсловіе къ переводу. Ѳукидидъ и его сочиненіе. Ѳ. Г. Мищенко.—Ѳукидидъ. Переводъ *А. Алексѣева* (первый выпускъ). Спб. 1889 г.—Титъ *Ливій* переведенъ Ѳ. Г. Мищенко. Кіевъ. 1894. (XXXIX книгъ).—Есть еще переводъ П. Адріанова. М. 1894.— Лѣтопись *Тацита*. Пер. А. Кронеберга. М. 1858. Сочиненія П. Корнелія *Тацита*. Перевелъ и издалъ съ примѣчаніями *А. Клевановъ*. М. 1870. (Разборъ перевода въ Ж. М. Н. Пр. 1871, ч. 157, критика).—Сочиненія К. Тацита. Рус. перев., съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ. *В. И. Модестова*. Спб. 1883—84 г.—Мы имѣемъ на Русскомъ языкѣ сочиненія и всѣхъ указанныхъ ново-Европ. историковъ—или въ извлеченіяхъ («*Нибуръ* и его чтенія о древней исторіи»—въ собраніи сочин. Т. Н. Грановскаго. М. 1866, ч. II,—«Гротъ и его исторія Греціи»—въ сборникѣ П. Леонтьева: «Пропилеи», т. V, «Записки *Гизо* въ Атенеѣ за 1858 г., ч. III),—или въ отдѣльныхъ изданіяхъ: «Исторія Цивилизаціи въ Европѣ» *Гизо* (1787—1874), «Исторія завоеванія Англіи Норманнами» *Авг. Тьерри* (1795—1856), «Исторія Англіи» *Маколея* (1800—1859), «Исторія Филиппа II-го, короля Испанскаго *Прескотта* (1797—1859), «Римская Исторія» *Моммзена* (нѣмец. писатель). Въ 1885 году вышелъ пятый томъ его «Исторіи», а четвертый еще не выходилъ. Три первыхъ тома изданы 30 лѣтъ тому назадъ, и др.—Къ чтенію такихъ серьезныхъ историч. сочиненій слѣдуетъ привлекать юношество и, сверхъ того, весьма полезно заимствовать изъ указаннаго источника матеріалъ для *темъ* по Русскому языку.

§ 56. Между Русскими образцовыми историческими писателями первое по достоинству мѣсто принадлежитъ Карамзину, *Н. М. Карамзинъ* (1766—1826) оставилъ знаменитое произведеніе, которое называется „Исторія Государства Россійскаго“ [1]). Двадцать три года, въ уединеніи, трудился Карамзинъ надъ изображеніемъ судьбы своего отечества; всесторонне изучилъ извѣстные до него историческіе источники и множество новыхъ, имъ открытыхъ,—извѣстія иностранцевъ о Россіи, перечелъ всѣ бывшіе до него труды ученыхъ Русскихъ и иностранныхъ по Отечественной Исторіи, показавъ, гдѣ они не такъ понимали тотъ или

[1]) Въ нашемъ «Учебникѣ» мы имѣемъ въ виду *второе* изданіе «Исторіи» Карамзина, братьевъ Слѣниныхъ,—лучшее изданіе. Спб. 1818—24 г., а XII т. въ изд. 1829 г.

другой источникъ,—и написалъ *Исторію*, „достойную Русскаго народа“, какъ благоволилъ выразиться Императоръ Александръ I, которому Карамзинъ въ 1816 г. представилъ первые восемь томовъ своего произведенія (въ печати они вышли 1818 года).

„Исторія Государства Россійскаго“ состоитъ изъ *двѣнадцати* томовъ и обнимаетъ событія нашего отечества отъ его основанія до 1611 г. Карамзинъ *первый* изъ Русскихъ ученыхъ изобразилъ въ одной живой картинѣ жизнь нашихъ предковъ: религію, законы, войны, политическія дѣла, образованіе, литературу, обычаи, суевѣрія и домашній бытъ. Нѣкоторыя историческія лица возсозданы у Карамзина съ удивительною картинностію, напр. Владиміръ Мономахъ, Димитрій Донской, Іоаннъ III (любимый герой нашего писателя), Іоаннъ IV, митрополитъ Филиппъ, Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій I. Многія отдѣльныя событія разсказаны съ увлекательностію поэта, напр. введеніе Христіанства въ Россіи при Владимірѣ (т. I, гл. IX), славная битва Куликовская (т. V, гл. I), покореніе Казани (т. VIII, гл. IV), монашеская жизнь Іоанна IV въ Александровской Слободѣ (т. IX, гл. II), убіеніе царевича Димитрія (т. X, гл. II), восшествіе Бориса на престолъ (т. XI, гл. I), смерть перваго Самозванца (т. XI, гл. IV) и пр.

Патріотическое воодушевленіе, которымъ проникнута „Исторія Государства Россійскаго“, будетъ всегда высокимъ качествомъ этого знаменитаго творенія. Въ „Предисловіи“ къ „Исторіи“ Карамзинъ говоритъ: „Мы одно любимъ, одного желаемъ: *любимъ отечество;* желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!“ (Предисловіе, стр. XXVI). Карамзинъ во всей „Исторіи“ выражаетъ эту сильную любовь къ Россіи, отъ первыхъ страницъ труда до послѣднихъ. Но нигдѣ, кажется, нашъ исторіографъ не является съ такою высокою любовію къ отечеству, какъ тамъ, гдѣ разсказываетъ „о состояніи *Россіи* отъ нашествія Татаръ до Іоанна III“ (т. V, гл. IV) и о временахъ Самозванцевъ. Сравнивая состояніе Россіи съ Европой, онъ пишетъ: „Съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнилось въ лучшее, а *Россія* со временъ Ярослава до самаго Батыя *орошалась кровію и слезами народа*“ (стр. 368). Описавъ благопріятныя условія для просвѣщенія Европы за то время, напр. освобожденіе народа отъ рабства, изобрѣтеніе компаса, основаніе университетовъ, Карамзинъ говоритъ: „Въ сіе же время *Россія, терзаемая* Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было *не до просвѣщенія!*“ (стр. 369). Въ заключеніи своего сравненія Россіи съ Европою, историкъ замѣчаетъ: „Не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что *Россіяне* сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европей-

цами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожъ *не утратили* всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!" (томъ V, гл. IV, стр. 411—412). Описывая времена Самозванцевъ (въ XII т.), Карамзинъ съ особенною любовью останавливаетъ свое краснорѣчивое перо на изображеніи такихъ высокихъ патріотовъ, какъ патріархъ Гермогенъ, князь Скопинъ-Шуйскій и другіе. О патріархѣ Гермогенѣ онъ пишетъ: „Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ—между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго—въ темной келліи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!" (т. XII, гл. IV, стр. 292). Преждевременную смерть князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, „спасителя Россіи", Карамзинъ оплакиваетъ слезами пламеннаго патріота: „Кончина Михайлова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго!.. Въ Архангельскомъ Соборѣ, тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!.. Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желала ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!" (т. XII, гл. IV, стр. 212—213). Повторяемъ, что высокое патріотическое чувство живою и непрестанною струею бьетъ во всей „Исторіи Государства Россійскаго". Потому истинный воспитатель будетъ всегда привлекать юношество къ чтенію этого произведенія нашего исторіографа.

Языкъ и слогъ „Исторіи" Карамзина долженъ быть признанъ образцомъ совершенства Русской рѣчи. Множество старинныхъ словъ и оборотовъ, всегда кстати употребленныхъ, придаютъ языку Карамзина выразительную красоту, напр.: радуется мыслію о *кровномъ союзѣ* съ великимъ Царемъ, чувствовалъ болѣзненную томность, *предтечу* удара, убѣждалъ Ѳеодора царствовать благочестиво, *съ любовію* и *милостію*, лучъ святой истины *въ преддверіи* могилы освѣтилъ хладное сердце, земля тихо приняла въ свои *нѣдра* трупъ Іоанновъ, хвалился духомъ *Царскимъ*, соблюденіемъ *Державной чести*. Другіе примѣры старинныхъ словъ мы приводили выше (см. § 9-й „о чистотѣ языка"). „Исторія Государства Россійскаго" написана прекрасною *періодическою* рѣчью. Періоды Ка-

рамзина, всегда ясные и стройные, не смотря на свою длинноту, сообщаютъ изложенію историка важность и силу. Въ „Исторіи“ Карамзина находятся образцы разныхъ видовъ періода: къ ней надо обращаться, излагая ученіе о періодахъ. Мы уже привели многочисленные примѣры періодической рѣчи Карамзина (см. „ученіе о періодахъ“). Карамзинъ любитъ въ „Исторіи“ ставить прилагательныя послѣ существительныхъ, давая первымъ дактилическія окончанія, напр.: обыкновенія древнія, сокровища дивныя, каменья драгоцѣнные, волосы темные, глаза свѣтлые, столпъ огненный и пр. Подобное словосочетаніе содѣйствуетъ музыкальности рѣчи.

Наконецъ въ „Исторіи“ Карамзина находятся разные роды и виды сочиненій, напр.: образцы разсказа, описанія, рѣчей (т. е. ораторскихъ), разговоровъ, писемъ, разсужденій (т. е. краткихъ общихъ сентенцій) и проч.

Примѣч.—Педагогическое значеніе «Исторіи» Карамзина указано *Ѳ. И. Буслаевымъ* въ его книгѣ «О преподаваніи Отечественнаго языка». М. 1867, изд. 2-е.

Библіогр.—Отзывъ *М. М. Сперанскаго* (благопріятный) отъ 1818 г. объ «Исторіи» Карамзина. Рус. Арх. 1869, стр. 919.—Переписка *Н. М. Карамзина* съ братомъ—о ходѣ работы по «Исторіи» съ 1801 г. по 1826 г. Атеней (журналъ), 1858, №№ 20—28.—Письма Н. М. Карамзина къ *И. И. Дмитріеву*—отъ 1811 г. по 1824 г. (чтеніе «Исторіи» Императору Александру І-му самимъ Карамзинымъ и другія свѣдѣнія). Спб. 1866, стр. 137—142, 358—362 и д.—Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. Спб. 1862, ч. І, стр. 24—36 (Императоръ Александръ І читаетъ послѣдніе томы «Исторіи» въ рукописи).—Разборъ «Исторіи» *С. М. Соловьевымъ*. Отеч. Зап. 1851—1852.—*К. Н. Бестужева-Рюмина* рѣчь объ «Исторіи». Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1. — Исторія Русской Словесности, *А. Галахова*. Спб. 1880, т. II, стр. 92 и д.—Достоинства «Исторіи» Карамзина. Ж. М. Н. Пр. 1889, октяб., стр. 301.—Другія указанія см. въ IV-й ч. Христоматіи *А. Филонова*. Изд. 4-е. Спб. 1896, стр. 463.

Для образца приведемъ отрывокъ изъ „Исторіи Государства Россійскаго“: Великодушіе Митрополита Филиппа [1])—1566 г.:

„Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ труженикoвъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго.

[1]) Соблюдаемъ правописаніе *Н. М. Карамзина*.

очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата: сдѣлалъ воздухъ благорастворреннѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ Игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя,* и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, Царь вздумалъ—мимо Святителей, мимо всѣхъ Архимандритовъ—возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для *совѣта духовнаго,* отслужилъ Литургію, причастилъ всю братію, и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой Обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожалъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пустынный Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго ладіи малой.* Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказавъ Царю: „Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ Опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное Царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества". Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: „Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель?" и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные Пастыри Церковные служили для этого орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и примѣнить въ милосердіе кротостію;

доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, не согласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ Царства. Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ее; другіе—именно, Пименъ Новогородскій, Филоѳей Рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: „да будетъ, что угодно Государю и Церковнымъ Пастырямъ"!

„Написали грамоту, въ коей сказано, что новый, избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнялъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ Опричнины, былъ немедленно возведенъ на Митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Митрополита ко Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству,—хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ *невооруженной любви,* которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ.* Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную.—Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на Кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ Митрополита, а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую Пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея Святыхъ, Зосимы и Савватія.

„Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства

Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву...

(Далѣе Карамзинъ описываетъ «третію эпоху убійствъ», т. е. рядъ казней, совершенныхъ Іоанномъ и — неистовствъ, произведенныхъ опричниками. Казни и опричники навели ужасъ на Москву. «Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ»).

„Безмолвствовалъ и добродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя: убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые Вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны: онъ утѣшалъ горестныхъ, именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

„Однажды (1568 г.), въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: „Святый Владыко! се Государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Царства... О, Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за Олтаремъ льется невинная кровь Христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ—а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ Царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь! вѣщаю яко Пастырь душъ. Боюся Господа единаго!“ Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою.—На другой день были новыя казни...

„Убѣгая Митрополита, Царь однакожъ видѣлъ его въ церкви. Въ день Свв. Апостоловъ Прохора и Никанора, 28 Іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и Царь съ Опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафьѣ:* Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о

томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ стою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ—и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андрониковскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало-ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы Царскіе то ласкали, то ужасали Монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостью. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, „что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго“; а Царю: „Государь, Великій Князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ Митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ Пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игумены и всѣ служители Олтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго“. Онъ хотѣлъ удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить Обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ Олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ Обитель Бого-

явленія. Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитеся!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ,—вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ Московскихъ ко сверженному Митрополиту—слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости— Царь велѣлъ отвести страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа...

„Въ Декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ Дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя какъ отца и защитника. Домы, улицы, наполнялись трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину Посольства, онъ съ кротостію примолвилъ: „я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!“ Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа;

но, желая скрыть убійство, объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи. Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцомъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были перенесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся" (IX т. Исторіи Госуд. Россійскаго, гл. II и III).

§ 57. Послѣ Карамзина знаменитымъ представителемъ исторической науки у насъ долженъ быть признанъ профессоръ Московскаго Университета *С. М. Соловьевъ* (1820 — 1879). Его главнѣйшее сочиненіе „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" представляетъ собою новое движеніе въ разработкѣ Отечественной Исторіи. Соловьевъ отнесся къ своей задачѣ совсѣмъ иначе, нежели *Карамзинъ*. Внутренній бытъ народа и государства, объясненіе фактовъ изъ внутреннихъ причинъ — вотъ исходное начало труда Соловьева. Свой взглядъ на исторію профессоръ высказываетъ въ предисловіи къ I тому своего сочиненія: „Не дѣлить, не дробить Русскую Исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимнодѣйствіи, стараться объяснить каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда". Статья „Митрополитъ Филиппъ", напечатанная ниже въ учебникѣ, служитъ подтвержденіемъ главнаго взгляда профессора: событіе и лице разсматриваются со стороны ихъ смысла, идеи, значенія. Если бы мы прочли всѣ *двадцать девять* томовъ „Исторіи" Соловьева, мы убѣждались бы въ одной и той же идеѣ: на первомъ планѣ у профессора—смыслъ, внутреннее значеніе факта, а не внѣшняя его сторона. Явленія первоначальной жизни Русскаго народа историкъ объясняетъ родовымъ бытомъ, дальнѣйшія событія въ исторіи—единовластіемъ, стремленіемъ къ нему или удаленіемъ отъ него. Загадочный характеръ царя Грознаго авторъ мастерски объяснилъ даннымъ ему превратнымъ воспитаніемъ и боярскими притязаніями, имѣющими цѣлію ослабить развитіе единовластія и т. д. [1]). Поставивъ во главѣ угла изображеніе внутренняго быта Россіи и указаніе смысла тѣхъ или другихъ явленій въ жизни, Соловьевъ обратилъ особенное вниманіе на очерки литературы извѣстнаго періода. Литературные памятники авторъ разсма-

---

[1]) См. VI т. Исторіи Россіи, гл. VII «объясненіе характера и дѣятельности» Іоанна IV-го.

триваетъ съ подробностію, полнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкимъ критическимъ анализомъ. Подъ перомъ Соловьева литература, дѣйствительно, дѣлается выраженіемъ эпохи, ея печатію. Вездѣ историкъ занимателенъ, когда обозрѣваетъ памятники литературные того или другаго періода.

Самое изложеніе и языкъ „Исторіи Россіи" своеобразны и замѣчательны. Изложеніе простое, всякому мало-мальски образованному человѣку понятное; рѣчь походитъ на разговорную; языкъ разнообразенъ. Каждая эпоха у Соловьева говоритъ своимъ языкомъ. Онъ такъ искусно умѣетъ иногда вставлять въ свой разсказъ слова, обороты и цѣлыя статьи, что вѣкъ какъ будто говоритъ самъ за себя. Языкъ XI—XII столѣтія и языкъ XVIII вѣка,—Петровское время,—являются въ „Исторіи" Соловьева со своими отличительными чертами.—Что касается до художественности, до Карамзинской живописи,—ея у Соловьева мало: она есть по мѣстамъ (напр. характеристика Владиміра Мономаха, во 2-мъ т., III-я глава,—основаніе Петербурга въ 14-мъ т., гл. IV,—описаніе разнообразной дѣятельности Петра I-го)—но вообще говоря—слишкомъ мало. Онъ словно пренебрегаетъ литературною обработкою своего труда. (См. отзывъ *К. С. Аксакова* въ собраніи его сочиненій. М. 1861, т. I, стр. 220).

Для ознакомленія съ характеромъ изложенія „Исторіи" Соловьева представляемъ отрывокъ: „Митрополитъ Филиппъ".

„Духовенство Русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія; но когда Московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность—среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду; усердно помогая Московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство въ то же время брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ его жизнію, какъ членовъ церкви: такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополію вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодаго Іоанна, ходатаемъ передъ Шуйскими за Воронцова, при чемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ, умѣлъ не сталкиваться съ Сильвестромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновленіе казней, и умеръ въ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Преемникомъ Макарія былъ монахъ Чудова монастыря Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить своихъ лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ, и требовалъ у него отреченія отъ обычая пе-

чаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ Казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили и вызвали Соловецкаго Игумена Филиппа, сына боярина Колычева; Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ воли, но утолять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: „въ опричнину ему и въ царскій домовой обиходъ не вступаться, а послѣ поставленья, за опричнину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять“. Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло; онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника—и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій: встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь-то происходили страшныя сцены заклинаній, „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святый!“ говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ: „молчи и благослови насъ!“—Филиппъ: „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ“.—Іоаннъ: „Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?“—Филиппъ: “Я пастырь стада Христова!“—Іоаннъ: „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!“—Филиппъ: „Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?—Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьѣ; это раздумье было страшно опричникамъ; они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ Новгородскомъ, Суздальскомъ, Рязанскомъ, Благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ: послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа; отправились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было, все молчало. 8-го ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочь монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе, но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе; опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непо-

бѣжденнымъ великій пастырь Русской церкви, *мученикъ за священный обычай печалованія*". (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. VI, гл. IV).

Разборъ.—Разсказы двухъ историковъ о митрополитѣ Филиппѣ даютъ поводъ сравнивать ихъ между собою. Прежде слѣдуетъ ученику показать *составныя части* повѣствованія Карамзина, а потомъ—Соловьева. Есть ли здѣсь въ самомъ богатствѣ матеріала различіе? У кого больше сказано про св. Филиппа?—Разсказъ Карамзина представляетъ *всю* почти жизнь митрополита, а разсказъ Соловьева чтò представляетъ?—Указавъ на составныя части разсказа, надо приступить къ его *разбору*, анализу. Въ разсказѣ Карамзина мы видимъ рядъ картинъ, рядъ ỏбразовъ, ярко живописующихъ лице митрополита Филиппа; мы находимъ въ повѣствованіи историка множество подробностей, которыя невольно дѣйствуютъ на воображеніе читателя, и такой историкъ называется историкомъ-художникомъ, историкомъ-живописцемъ. У Соловьева разсказъ о св. Филиппѣ начинается указаніемъ на *значеніе духовенства* въ древней Руси. Въ чемъ же заключалось значеніе духовенства? А это значеніе—образъ, или смыслъ, идея факта!—Всѣ тѣ немногіе факты, которые находимъ въ повѣствованіи Соловьева, выражаютъ одну главную идею автора—св. Филиппъ палъ жертвою священнаго *обычая печалованія*... И такъ, гдѣ Карамзинъ ищетъ картины, ỏбразовъ, „исторической живописи", тамъ Соловьевъ добирается до идеи, до смысла,—а такой историкъ называется историкомъ-прагматикомъ, историкомъ-мыслителемъ. Карамзинъ, роскошною кистію, какъ художникъ, рисуетъ картину событія или жизнь лица, а Соловьевъ глубокимъ анализомъ объясняетъ смыслъ, идею картины: оба историка должны быть изучаемы съ одинаковымъ вниманіемъ.—Обратите вниманіе на языкъ Карамзина и Соловьева въ предложенномъ разсказѣ. Отмѣтивъ слова и выраженія древнія у того и у другаго, обратите вниманіе на періодическую рѣчь перваго и разговорную втораго, на эпитеты перваго, на рѣзкость его выраженій: какъ Карамзинъ называетъ Іоанна и его опричниковъ? Рѣзкость выраженія терпима ли въ повѣствованіи историческомъ? Есть ли историкъ судія прошлаго? Есть ли рѣзкость въ языкѣ Соловьева?—Особенности *правописанія* Карамзина.

Библіогр.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М. 1851—1879. Издано 29 томовъ. Статьи о ней. Соч. *К. Аксакова.* М. 1861. Т. I, стр. 39 о I томѣ, стр. 125 о VI томѣ, стр. 217 о VII томѣ, стр. 255 объ VIII томѣ.—Современное состояніе Русской Исторіи, какъ науки. *К. Бестужева-Рюмина.* Обширная эта статья, разсматривающая первые восемь томовъ «Исторіи», напечатана въ Московск. Обозрѣніи. М. 1859, кн. I.—Сочиненія *К. Кавелина.* М. 1859. Ч. III. (О первомъ томѣ «Исторіи», вышедшемъ 1851 года).—*К. Бестужева-Рюмина*: Двадцатипятилѣтіе «Исторія Россіи» С. М. Соловьева. Древняя и Новая Россія 1876.—Исторія Русскаго Самосознанія. *М. О. Кояловича.* Спб. 1884, гл. XV.

Примѣч. 1-е.—Желательно, чтобы ученики старшихъ классовъ ближе познакомились съ «Исторіею» *С. М. Соловьева*, особенно съ тѣми ея отдѣлами, гдѣ авторъ говоритъ о литературныхъ памятникахъ и внутреннемъ бытѣ, напр.: т. I, гл. VIII (о митрополитѣ Иларіонѣ и былинахъ), т. III, гл. I (о литературныхъ дѣятеляхъ и памятникахъ XI—XII вѣка: препод. Θеодосіи Печерскомъ, митроп. Никифорѣ, Симонѣ, Лукѣ Жидятѣ, Владимірѣ Мономахѣ, Игуменѣ Даніилѣ, Даніилѣ Заточникѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ, лѣтописяхъ, народныхъ былинахъ),—т. IV, гл. III (о Серапіонѣ, житіяхъ святыхъ: Сергіи Радонежскомъ, Димитріи Прилуцкомъ, Кириллѣ Бѣлозерскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, Павлѣ Комельскомъ, Михаилѣ Клопскомъ),—т. V, гл. V (посланіе архіеписк. Вассіана на Угру, сочиненія Іосифа Волоколамскаго, Нилъ Сорскій, посланіе владыки Новгородскаго Геннадія о просвѣщеніи, Максимъ Грекъ, Путешествіе Аθанасія Никитина, Повѣсть о Дракулѣ),—т. VII, гл. I (подробный обзоръ литературы вѣка царя Іоанна Грознаго: Грозный какъ писатель, кн. Курбскій, Зиновій Отенскій, Стоглавъ, Домострой, Макарьевскія Четьи-Минеи, Степенныя книги, лѣтописи, народныя пѣсни),—т. IX, гл. V (исповѣдникъ просвѣщенія—архимандритъ Діонисій, необходимость знанія грамматики—свидѣтельство старца Арсенія, учрежденіе училищъ, Катихизисъ Лаврентія Зизанія, лѣтописи, сказанія XVII в., народныя пѣсни XVII в., житіе Іуліаніи Лазаревской, путешествіе купца Котова, Адамъ Олеарій и его путешествіе въ Россію (1634—1636 г.),—т. XI, гл. IV (о патріархѣ Никонѣ),—т. XIII, гл. I (Россія передъ эпохой преобразованія),—т. XIV—XVIII (живые и весьма обстоятельные разсказы о Петрѣ Великомъ),—т. XX, гл. III (о Татищевѣ, Кантемирѣ, Θеофанѣ Прокоповичѣ и др.),—т. XXII, гл. V и т. XXIII, гл. VI (о Ломоносовѣ, Болотовѣ, Сумароковѣ и Академіи Наукъ).—Всего полезнѣе было бы назначать чтеніе этой «Исторіи» на домъ (на лѣто напр.) и требовать письменнаго изложенія прочитаннаго.

Примѣч. 2-е.—Надо быть знакомымъ и съ другими нашими историками. Въ «Учебникѣ» указано только на двухъ,—ради краткости,—но любознательный юноша долженъ, если время позволитъ, прочитать хотя нѣкоторыя историческія сочиненія *Н. Г. Устрялова* (1805—1870 г., «Исторія Царствованія Петра Великаго». 1858 г., три тома), *М. С. Куторги* (1810—1886, «Исторія Аθинской республики» 1848 г., «Периклъ», развитіе понятія объ исторіи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1862 г.), *Т. Н. Грановскаго* (1813—1855 г., «Александръ Великій», «Людовикъ IX-й», «Преданія о Карлѣ Великомъ» въ собр. соч. Грановскаго 1866 г.), *П. Н. Кудрявцева* (1817—1856, проф. исторіи Москов. Унив., «Римскія женщины по Тациту», «Судьбы Италіи»), *Н. И. Костомарова* (1817—1885, проф. Спбург. Универс., «Богданъ Хмельницкій», «Сѣверно-Русскія народоправства»), *И. Д. Бѣляева* («Крестьяне на Руси», «Разсказы изъ Русской Исторіи»), *Д. Милютина* («Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I-го въ 1799 году», здѣсь описанъ переходъ Суворова черезъ Альпы), *И. Забѣлина* («Опыты изученія Русскихъ древностей и исторіи» 1872,—здѣсь много хорошихъ отдѣльныхъ статей, напр.: «Дѣтскіе годы Петра Великаго», «Характеръ начальнаго образованія въ до-петровское время», Царь Алексѣй Михайловичъ» на основаніи писемъ и урядника охоты), *Д. Иловайскаго* («Исторія Россіи» 1876 г.—Кіевскій періодъ, 1880 г.—Владимірскій, 1884 г.—Московско-Литовскій или Собиратели Руси»), *В. Ключевскаго* («Боярская Дума») и пр.—Эти сочиненія, не во всемъ объемѣ своемъ, а по частямъ избираемыя, по указанію преподавателя, могли бы служить и богатымъ матеріаломъ *темъ* для ученическихъ сочиненій.—Во всѣхъ гимназіяхъ въ библіотекахъ есть Журналъ Мин. Нар. Просв.: въ немъ можно найти не мало подходящихъ для учениковъ *историческихъ статей*, которыя могли бы послужить матеріаломъ для домашняго чтенія и для *темъ* по Русскому языку, напр.: Объ общественномъ значеніи христіанской

церкви и ея учрежденій на Руси, отъ Владиміра Святаго до Монгольскаго владычества. *И. Бѣляева*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, іюль,—О значеніи XVII в. въ Русской исторіи. *Е. Е. Замысловскаго*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1871, ч. 158, отдѣл. наукъ,—Обзоръ событій, отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, іюль и авг., *С. Ѳ. Платонова* «Древне-Русскія сказанія о смутномъ времени» Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г. и пр. и пр.

ГЛАВА II.

О сочиненіяхъ Ораторскихъ.

§ 58. Ораторскими называются тѣ сочиненія, которыя имѣютъ цѣлію *убѣдить* умъ и подѣйствовать на *волю* слушателей. Ораторскій происходитъ отъ Латинскаго слова „oro", говорю; отсюда видно, что ораторскія сочиненія назначаются для произнесенія,—для того, чтобы ихъ *говорили*. Ораторство иначе называется краснорѣчіемъ (eloquentia), витійствомъ, или вѣтійствомъ (отъ слова „вѣщать", оттуда—возвѣщать).

§ 59. *Значеніе оратора въ древности.*—По словамъ древнихъ классическихъ писателей, истиннымъ ораторомъ былъ тотъ, кто имѣлъ даръ *поучать, нравиться* и *трогать*: erit eloquens is, qui ita dicet, ut probet, ut delectet, ut flectat. (*Cicero* de Oratore). У Грековъ и Римлянъ ораторъ былъ лицомъ общественнымъ, государственнымъ. Онъ, по словамъ *Цицерона*, долженъ былъ обо всемъ, что случается въ жизни человѣка, вопрошать, слушать, читать, разсуждать; потому—на его обязанности лежало не только возбуждать народъ къ войнѣ, или склонять его къ миру, но и разсуждать, какъ говоритъ *Квинтиліанъ*, объ устройствѣ пристани, о мѣрахъ и числахъ; ораторъ долженъ, по словамъ Цицерона, говорить о пособіяхъ, податяхъ, набранныхъ по назначенію сената; ораторъ указывалъ на необходимость ввести новый законъ, или отмѣнить старый; онъ бралъ на себя защиту или обвиненіе гражданина. Древняя рѣчь произносилась или въ народныхъ собраніяхъ (на вѣчахъ) или въ сенатѣ; она походила на состязаніе оратора съ народомъ. Ораторъ иногда говорилъ рѣчь при вопляхъ мятежнаго народа и посреди вооруженныхъ воиновъ, какъ то случилось съ Цицерономъ при производствѣ суда надъ Милономъ,—иногда въ присутствіи сильныхъ, коимъ говорить правду было не безопасно, напр. рѣчь Цицерона противъ Катилины. (Въ сенатѣ находились заговорщики, сообщники Катилины; самъ Цезарь былъ на ихъ сторонѣ). Ораторы оборотами рѣчи до того увлекали слушателей, что отъявленныхъ враговъ преклоняли на свою сторону; Цицерону иногда рукоплескали (за дѣло Корнелія Бальба). Въ древности краснорѣчіе пролагало путь къ самымъ высшимъ и почетнѣйшимъ должностямъ. Пизистрату, современнику Солона (VI вѣка до Р. Х.), краснорѣчіе доставило верховную власть между Аѳиня-

нами; Периклъ, въ продолженіи сорока лѣтъ управлявшій Аѳинами, обязанъ своимъ возвышеніемъ сколько мудрости гражданственной, столько же (если еще не болѣе) могуществу и силѣ витійства; Димосѳенъ, увлекавшій тысячи народа за собою, исправлявшій высокія обязанности въ Аѳинахъ, имѣлъ на своей сторонѣ только одно преимущество,— даръ краснорѣчія; Цицеронъ назначенъ консуломъ, названъ „отцемъ отечества“ за свой могучій ораторскій талантъ. Въ древности существовалъ особый разрядъ людей (онъ явился послѣ Перикла), называемый *риторами*, *софистами*, которые преподавали правила краснорѣчія; составлена была полная система или теорія ораторской рѣчи: она называлась *Риторикою;* но не въ школахъ, и не въ тиши кабинета образовали даръ свой знаменитые ораторы древности—Пизистратъ, Периклъ, Исократъ, Димосѳенъ, а среди государственныхъ дѣлъ и преній о благѣ общемъ, въ шумныхъ народныхъ собраніяхъ, гдѣ люди всѣхъ состояній бывали слушателями и судіями. „Огромнѣйшія наши аудиторіи,—говоритъ профессоръ *И. И. Давыдовъ*,—не могутъ сравниться съ тѣми необъятными площадями совѣщательныхъ собраній, гдѣ произносились опредѣленія, рѣшалась участь государствъ, превозносилось могущество Греціи или Рима, предлагались или отмѣнялись законы“. (Чтенія о Словесности. М. 1838. Курсъ II, стр. 107). Общія правила краснорѣчія будушій ораторъ, конечно, проходилъ у ритора, напримѣръ Димосѳенъ учился у Изея, но могущество слова образовалось самою жизнію, публичными преніями въ народныхъ собраніяхъ.

§ 60. *Свойства древняго оратора.*—На свойства древняго оратора указываютъ *Цицеронъ* и *Квинтиліанъ*. Ораторомъ можетъ быть только добродѣтельный человѣкъ, говоритъ Цицеронъ. Онъ долженъ быть воспламененъ какъ молнія, быстръ какъ потокъ, силенъ какъ буря (vehemens ut procella, excitatus ut torrens, incensus ut fulmen, tonat, fulgurat et rapidis eloquentiae fluctibus cuncta proruit et proturbat). Никто не можетъ быть истиннымъ ораторомъ, пишетъ тотъ же витія, не усвоивъ напередъ *всѣхъ* великихъ наукъ и искусствъ. Ораторомъ можетъ быть только тотъ, кто постигъ все великое и высокое, доступное человѣческому уму (ac mea quidem sententia nemo poterit esse omni laude cumulatus orator, nisi erit omnium rerum magnarum atque artium scientiam consecutus. De oratore I lib, VI cap.). Далѣе—отъ оратора требовалась *искренность*, то есть глубокое убѣжденіе въ томъ, о чемъ онъ говоритъ передъ народомъ. Собственное внутреннее чувство оратора даетъ силу его словамъ, взорамъ, тѣлодвиженіямъ, произношенію. *Квинтиліанъ* пишетъ: „когда хотимъ выразить страсть другаго, мы должны поставить самихъ себя на мѣсто того, кого изображаемъ; пусть рѣчь наша изливается изъ того же чувства, какое вдохновляемъ въ слушателей. Ужели они будутъ соболѣзновать тому, о чемъ мы говоримъ хладнокровно? Ужели заставимъ плакать, если сами равнодушны?“

Квинтиліанъ чистосердечно сознается, какъ онъ самъ бывалъ растроганъ, когда представлялъ страданія тѣхъ, кого ему приходилось защищать: „я самъ бывало умилялся до того, что не только проливалъ слезы, но измѣнялся въ лицѣ, и скорбѣлъ непритворно, чистосердечно“. Касательно изложенія рѣчи, или слога,—древніе учители краснорѣчія почти единогласно требуютъ отъ оратора простоты, безъискусственности, а не изысканныхъ и напыщенныхъ оборотовъ. *Цицеронъ* пишетъ: „что можетъ быть чудовищнѣе пустаго звона словъ, хотя бы самыхъ красивыхъ, если только не соединено съ ними никакой мысли, никакого знанія?“ *Діонисій Галикарнасскій* (I в.) говоритъ: „высшее витійство въ политическихъ преніяхъ близко подходитъ къ природѣ, а природа требуетъ, чтобы слово повиновалось мысли, а не мысль слову. Не знаю, къ чему могутъ служить эти украшенія, сценическая декламація, всѣ эти мелочи для совѣтодателя, говорящаго о войнѣ и мирѣ, или для человѣка частнаго, защищающаго свою жизнь въ судилищѣ. Напротивъ, знаю, что они могутъ вредить; потому что украшенія излишнія, въ дѣлахъ важныхъ, всегда бываютъ не кстати и охлаждаютъ чувство состраданія“. У истинныхъ ораторовъ украшенія въ рѣчи были единственнымъ проявленіемъ силы чувства и игры воображенія, они сами собою входили въ рѣчь, а не сочинялись, не выдумывались. И такъ главными свойствами древняго оратора были: добродѣтель, воодушевленіе, образованность, искренность и простой языкъ.

§ 61. *Составныя части древней ораторской рѣчи.—Аристотель, Цицеронъ* и прочіе древніе риторы приписывали всю силу ораторскаго убѣжденія *умозаключенію*. Дѣйствительно, древняя рѣчь, въ основаніи своемъ, заключала скрытое умозаключеніе (силлогизмъ). Возьмемъ въ примѣръ сущность рѣчи Цицерона за поэта Архія. Въ ней слѣдовало доказать двѣ мысли: во-первыхъ, что Архій гражданинъ; во-вторыхъ, что еслибъ онъ и не былъ гражданиномъ, достоинъ этого отличія. Значитъ здѣсь два основныхъ умозаключенія: въ первомъ большая посылка состоитъ въ указаніи требованій закона на права Римскаго гражданства,—въ меньшей доказывается, что Архій выполнилъ всѣ эти требованія; во второмъ умозаключеніи большая посылка выражаетъ мысль, что ученые и поэты достойны права гражданства, въ меньшей посылкѣ изображенъ Архій, какъ ученый и поэтъ. Образцомъ ораторской силлогистики можетъ служить рѣчь того же Цицерона за Росція Америна. *Большая посылка*: подозрѣніе въ убійствѣ можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда есть и поводъ къ учиненію сего преступленія и предполагаются всевозможные къ тому случаи.—*Меньшая посылка*: Росцій не имѣлъ ни причины, ни возможности убить отца своего, а враги и обвинители его имѣли и то, и другое.—*Заключеніе*: слѣдовательно не на Росція, а на самихъ обвинителей должно падать подозрѣніе въ убіеніи отца его. Большая посылка въ оратор-

ской рѣчи весьма часто оставляется безъ доказательствъ; ибо доказывать мысль извѣстную, по словамъ *Квинтиліана*, значитъ то же самое, что освѣщать свѣтлое солнце слабымъ блескомъ лампады. Въ предложенной рѣчи за Росція Америна большая посылка опущена Цицерономъ, такъ какъ мысль, въ ней выраженная, понятна сама по себѣ; ораторъ всю силу вниманія остановилъ на заключеніи умозаключенія и меньшей посылкѣ.

Изъ основнаго умозаключенія развиваются всѣ части ораторской рѣчи; меньшая посылка служитъ основаніемъ для раздѣленія и повѣствованія, а большая—для опроверженій и доводовъ; естественно въ заключеніи повторяется предложеніе, обозрѣваются доказательства въ живой картинѣ,—сверхъ того ораторъ въ началѣ объясняетъ причину доказываемой истины. Отсюда происходятъ слѣдующія части ораторской рѣчи: *приступъ, предложеніе, раздѣленіе, повѣствованіе, доводы*, часть *патетическая* и *заключеніе*. Не каждая древняя рѣчь содержитъ въ себѣ всѣ поименованныя части, и не въ каждой рѣчи онѣ слѣдуютъ одна за другою въ порядкѣ, указанномъ нами; но правильно, по теоріи составленная рѣчь непремѣнно имѣла въ себѣ всѣ тѣ части, о которыхъ сказано.—Теперь нѣсколько словъ о каждой части особо.

Приступъ имѣетъ цѣлію объяснить причину рѣчи, поводъ къ ней, а также—привлечь вниманіе слушателей, благосклонность и расположеніе. Въ приступѣ, напримѣръ, за поэта Архія *Цицеронъ* показываетъ, чѣмъ онъ обязанъ Архію, какъ наставнику своему, отъ котораго получилъ все, что принесъ на пользу отечеству. Изящный приступъ зависитъ отъ самой сущности предмета: „онъ долженъ, говоритъ Цицеронъ, развиваться изъ предмета, какъ цвѣтъ изъ растенія“. Древніе различали три рода приступа: *естественный, искусственный* и *внезапный*. Въ приступѣ перваго рода ораторъ, безъ всякихъ околичностей, начиналъ свою рѣчь прямо съ предмета, съ дѣла, о которомъ намѣренъ былъ говорить; въ приступѣ искусственномъ витія постепенно подготовлялъ слушателей къ главной темѣ своей рѣчи. Примѣромъ искусственнаго приступа можетъ служить рѣчь Цицерона противъ Рулла. Руллъ, народный трибунъ, предложилъ законъ (lex agraria), по которому децемвиры могли въ теченіи пяти лѣтъ раздѣлить завоеванныя земли между Римскими гражданами. Цицеронъ, издавна избранный въ консулы, рѣшился возстать противъ такого закона. Ему надобно было здѣсь вести дѣло весьма искусно. Читая приступъ рѣчи Цицероновой, сначала никакъ не подумаешь, что онъ противъ закона Рулла; ораторъ сознается, что прежде и самъ онъ соглашался съ этимъ мнѣніемъ, а, по зрѣломъ размышленіи, дошелъ до убѣжденія, что названный законъ угрожаетъ нарушеніемъ правъ гражданскихъ и можетъ быть гибеленъ для Рима въ рукахъ честолюбцевъ. Затѣмъ витія проситъ вниманія къ своему слову и высказывается противъ закона Рулла. Народъ согла-

сился съ Цицерономъ.—Бываютъ приступы внезапные (ex abrupto). Они употребляются тогда, когда предметъ возбуждаетъ особенно сильное, потрясающее чувство въ ораторѣ и народѣ. При появленіи Катилины въ Сенатъ, Цицеронъ имѣлъ полное право такъ начать свою рѣчь: „*И такъ* доколѣ, Катилина, будешь употреблять во зло наше терпѣніе?—Приступъ—начало рѣчи, первое слово оратора къ народу или собранію. Въ немъ ораторъ—такъ какъ первое впечатлѣніе очень важно,—долженъ быть скромнымъ, но скромнымъ безъ униженія: пусть одобряетъ его достоинство предмета, о которомъ намѣренъ говорить. Иногда знаменитые ораторы теряли присутствіе духа, начиная приступъ. „Начиная рѣчь,—пишетъ Цицеронъ про себя,—я часто робѣлъ; лице блѣднѣло, духъ смущался, я весь дрожалъ. Однажды въ приступѣ я пришелъ въ совершенное безпамятство, и преторъ принужденъ былъ распустить собраніе“.

Предложеніе заключаетъ въ себѣ главное содержаніе всей рѣчи: оно излагается, сколь возможно, кратко и ясно.

Раздѣленіе содержитъ въ себѣ весь порядокъ рѣчи. Ораторъ, раздѣляя сочиненіе на части, облегчаетъ вниманіе слушателей: они яснѣе видятъ связь предыдущаго съ послѣдующимъ. Въ раздѣленіи слѣдуетъ исчислять всѣ части такъ, чтобы члены дѣленія, вмѣстѣ взятые, равнялись цѣлому содержанію рѣчи; необходима, кромѣ того, въ раздѣленіи постепенность, т. е. переходъ отъ простыхъ предметовъ къ труднѣйшимъ; части дѣленія должны быть выражены кратко и вразумительно.

Повѣствованіе есть изложеніе обстоятельствъ дѣла. „Темный разсказъ—говоритъ *Цицеронъ*—омрачаетъ цѣлую рѣчь“. Повѣствованіе должно отличаться особенною ясностію, дабы слушатели отчетливо представляли весь ходъ дѣла и могли быть убѣждены послѣдующими доводами. Для ясности въ повѣствованіи необходимо обстоятельное обозначеніе мѣста и времени, гдѣ и когда происходило происшествіе,—необходимо указаніе на лица, участвовавшія въ событіи, или бывшія его свидѣтелями,—необходимо опредѣленіе ихъ характеровъ. Образецъ ораторскаго повѣствованія представляетъ рѣчь Цицерона за Милона. Ораторъ имѣетъ цѣлію доказать, что Клодій убитъ Милономъ безъ всякаго предварительнаго злоумышленія,—что онъ убилъ Клодія, защищая свою собственную жизнь, и слѣдовательно не подлежитъ никакой отвѣтственности по закону. Всѣ обстоятельства дѣла разсказаны Цицерономъ весьма искусно. Повѣствуя о путешествіи Милона съ семействомъ, ораторъ такъ мастерски ведетъ разсказъ, что слушатель не предполагаетъ въ Милонѣ никакого преступнаго умысла. Встрѣчаются два противника: Клодій и Милонъ. Служители Клодія нападаютъ на людей Милона и одного изъ нихъ убиваютъ. Ничего подобнаго не предполагалъ Милонъ: онъ сбрасываетъ съ себя плащъ и начинаетъ защищаться отъ людей Клодія, которые со всѣхъ сторонъ его окружили. Въ общемъ

смятеніи люди Милона, опять-таки защищая свою жизнь, убили Клодія, и убили безъ вѣдома своего господина, безъ всякаго его въ этомъ дѣлѣ участія. Приведемъ отрывокъ: «Въ этотъ день Милонъ вышелъ изъ сената, по окончаніи всѣхъ дѣлъ; пришелъ домой, переодѣлся и ожидалъ, пока супруга его собиралась въ дорогу; наконецъ отправился въ путь въ ту пору, когда Клодій могъ бы возвратиться въ Римъ, если бы онъ хотѣлъ прибыть въ этотъ самый день. Милонъ встрѣчаетъ Клодія, легко одѣтаго, верхомъ, безъ повозки, безъ свиты, даже безъ жены, которая обыкновенно ѣзжала съ нимъ; между тѣмъ, какъ тотъ, который обвиняется въ злоумышленіи противъ него, и будто предпринялъ путешествіе нарочно съ тѣмъ, чтобъ умертвить его, въ повозкѣ, съ тяжелымъ обозомъ, съ многолюдною свитою и семействомъ".

Доводы составляютъ философскій элементъ въ рѣчи: они построиваются на убѣжденіяхъ разума. Въ доводахъ представляются три предмета: изобрѣтеніе доказательствъ, расположеніе и выраженіе ихъ. Древніе риторы все вниманіе свое обращали на изобрѣтеніе мыслей: отсюда произошли такъ называемые *топики*, или общія мѣста (loci communes, sedes argumentorum). Эти „топики" состояли изъ общихъ мыслей, годныхъ на всякій случай, напримѣръ родъ и видъ, причина и дѣйствіе, подобіе и противоположеніе, опредѣленіе и пр.—Въ похвальныхъ напримѣръ словахъ слѣдовало указать на рожденіе героя, его родителей, родину, воспитаніе, душевныя и тѣлесныя свойства, должность, имущество и пр. Софисты на всѣ роды рѣчей составляли особыя правила, а подробное приложеніе логики къ древнему краснорѣчію дошло до насъ въ сочиненіяхъ *Аристотеля, Цицерона, и Квинтиліана*. Все изобрѣтеніе состоитъ въ развитіи понятій, которыя служатъ основаніемъ всей рѣчи, или тому умозаключенію, на которомъ она зиждется. Въ расположеніи доказательствъ употреблялось два способа: *аналитическій* и *синтетическій*. Въ первомъ способѣ ораторъ восходилъ отъ частнаго къ общему, отъ явленій къ законамъ, отъ дѣйствій къ причинамъ— короче: не прямо показывалъ цѣль свою, а постепенно подготовлялъ слушателей къ ней, а во второмъ способѣ витія прямо опредѣлялъ цѣль свою, отъ общаго переходилъ къ частному, отъ причинъ къ явленіямъ. (§ 72 „Учебн.").

Патетическая часть (страстная) имѣла цѣлью тронуть сердце слушателей. Патетическій происходитъ отъ слова πάθος — страсть (паѳосъ). Древніе весьма тщательное вниманіе обращали на эту часть рѣчи; они подробно опредѣлили (напримѣръ Аристотель къ своей „Риторикѣ") характеръ каждой страсти, а равно и то, *чѣмъ* и *какъ* ее возбуждать или утолять [1]). Для вѣрнаго возбужденія страсти (паѳоса), надо жи-

[1]) У насъ *М. В. Ломоносовъ* въ своей «Риторикѣ» (1748 г.), весьма обстоятельно развилъ этотъ предметъ. Глава о возбужденіи и утоленіи страстей—лучшая въ его руководствѣ. Изд. Императорской Академіи Наукъ: Сочиненія М. В. Ломоносова. Спб. 1895, т. III, стр. 153 и д. д.

вописно и разительно изобразить предметъ,—а главное надо самому находиться въ состояніи потрясенномъ, взволнованномъ силою предмета. А такъ какъ сильныя и глубокія чувства не продолжительны,—то патетическая часть рѣчи не можетъ быть длинна. Краткость и сила отличительныя ея свойства.

Возьмемъ для примѣра одно мѣсто изъ Цицерона. Въ послѣдней рѣчи противъ Верреса онъ описываетъ жестокости, произведенныя этимъ правителемъ Сициліи надъ Римскимъ гражданиномъ Гавіемъ. Несчастный заключенъ былъ Верресомъ въ темницу, откуда спасся бѣгствомъ, и скрылся въ Мессину. Уже собираясь отплыть, имѣлъ неосторожность угрожать Верресу, говоря, что лишь только прибудетъ онъ въ Римъ, Верресъ услышитъ о немъ и будетъ призванъ дать отвѣтъ. Начальникъ Мессины, кліентъ Верресовъ, остановилъ Гавія и увѣдомилъ правителя о его угрозахъ. Верресъ, отблагодаривъ начальника Мессины за его вѣрность, въ бѣшенствѣ прибѣгаетъ на вѣче, велитъ привести туда Гавія; сзываетъ исполнителей казни, и, забывъ должное уваженіе къ законамъ и правамъ Римскихъ гражданъ, приказываетъ обнажить Гавія, связать и тѣлесно наказать всенародно, съ ужаснымъ ожесточеніемъ. „Тѣлесно наказанъ,—восклицаетъ Цицеронъ,—на вѣчѣ Мессинскомъ, гражданинъ Римскій, судіи“! Тутъ при описаніи этого ужаснаго дѣла, каждое слово постепенно возвышается. „Несчастный, подъ ударами и среди мученій, только произносилъ слова: *я гражданинъ Римскій*. Этимъ священнымъ именемъ надѣялся онъ отвратить отъ себя бичеваніе. Но онъ не могъ остановить ударовъ; и даже когда правомъ гражданина умолялъ прекратить терзанія, тогда несчастному изготовляли другую позорную казнь. О, святое имя закона! безцѣнное право гражданства! Законъ Порціевъ, законы Семпроніевы! такъ попраны постановленія ваши: гражданинъ Римскій, въ провинціи Римскаго народа, въ союзномъ городѣ, тѣмъ, кому, по милости народа Римскаго, ввѣрена власть проконсульская, въ цѣпяхъ, на вѣчѣ, тѣлесно наказанъ!“

Трудно найти мѣсто совершеннѣе этого описанія. Всѣ обстоятельства, здѣсь представленныя, возбуждаютъ состраданіе къ Гавію и негодованіе противъ Верреса. Слогъ простъ; страстныя восклицанія, воззваніе къ законамъ и къ правамъ Римскаго гражданина—все это истинный языкъ страсти. Ораторъ потомъ изображаетъ ненавистную жестокость Верреса еще поразительнѣе. Верресъ приговорилъ Гавія къ смертной казни, не на мѣстѣ казни преступниковъ, но на берегу моря, со стороны Италіи. „Пусть умретъ онъ, говорилъ Верресъ, съ глазами, обращенными къ той землѣ, къ которой взывалъ, какъ къ своему отечеству. Нѣтъ, не Гавія, не простаго гражданина, но законы и права, самое отечество казнилъ Верресъ“.

Заключеніе ораторской рѣчи или повторяетъ вкратцѣ сущность всей

рѣчи, или выводитъ слѣдствіе изъ всего, сказаннаго прежде, или же содержитъ въ себѣ все то, что можетъ возвеличить и возвысить предметъ, иногда же ораторы заключали свою рѣчь обращеніемъ къ богамъ, напримѣръ *Димосѳенъ* въ рѣчи „о Вѣнкѣ“, *Цицеронъ*—въ первой рѣчи противъ Катилины, *Плиній Младшій*—въ панегирикѣ Траяну.

§ 62. *Роды ораторскаго краснорѣчія.*—Въ древности существовало три рода краснорѣчія: *совѣщательное* или совѣтовательное, *повѣствовательное* или доказательное и *судебное*. Предметомъ совѣщательныхъ рѣчей служили дѣла общественныя, напримѣръ объявленіе войны, заключеніе мира, введеніе новаго закона, или отмѣна его, поощреніе какой-нибудь отрасли въ народной жизни (торговли, промысла), вообще этотъ родъ рѣчей имѣлъ цѣлію увѣрить собраніе въ необходимости или важности чего-нибудь такого, что ораторъ *совѣтуетъ* привесть въ исполненіе, или—въ опасности какого-либо предпріятія, отъ котораго онъ старается отклонить собраніе. Примѣры его можно читать въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Димосѳена (изъ „Филиппикъ“), въ рѣчахъ Цицерона „pro lege Manilia“, „pro lege agraria“, у Тита Ливія—рѣчь Фабія и Сципіона о перенесеніи войны въ Африку. Родъ рѣчей повѣствовательныхъ или доказательныхъ содержалъ въ себѣ похвалу извѣстному лицу за услуги, оказанныя имъ отечеству, напримѣръ рѣчь Плинія Младшаго императору Траяну.—Рѣчи судебныя имѣли цѣлію обвинить или защитить гражданина во имя закона, напримѣръ рѣчи Цицерона за Милона, за Архія поэта, противъ Катилины и пр. Эти три рода краснорѣчія сохранили свою силу до нашего времени.

У новыхъ образованныхъ народовъ существуютъ слѣдующіе *виды* рѣчей, заключающіеся уже въ поименованныхъ родахъ.

1. *Политическія* рѣчи. Онѣ произносятся тамъ, гдѣ дѣла государственныя рѣшаются въ парламентахъ, въ конгрессахъ, напримѣръ: въ Англіи, въ Америкѣ и другихъ земляхъ, имѣющихъ представительное правленіе. У Русскихъ къ этому роду рѣчей могутъ быть отнесены Высочайшіе манифесты, въ которыхъ *Государь* объявляетъ народу о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся отечества, напримѣръ манифестъ Императора Александра I о вторженіи Наполеона I въ Россію (6-го іюля 1812 г.), манифестъ Императора Александра II о прекращеніи Крымской войны въ 1855 г., его же—объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 г., 19 февраля.

Въ манифестѣ о вторженіи Наполеона особенно замѣчательны слѣдующія строки: „Да встрѣтитъ онъ (непріятель) въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское Сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Сунодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно

сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ". (Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Спб. 1834, ч. XVI, стр. 26. Въ этой книгѣ собраны почти всѣ манифесты 1812 года).—Во второмъ манифестѣ Государь говоритъ народу: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое, живѣйшее желаніе Наше, свѣтъ спасительной Вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія".—Послѣдній манифестъ оканчивается слѣдующими многознаменательными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго".

Примѣч. Слѣдуетъ прочитать ученикамъ нѣкоторые изъ этихъ манифестовъ.

Рѣчи академическія. Предметомъ ихъ служитъ раскрытіе истины научной, нравственной или художественной. Онѣ произносятся въ академіяхъ, университетахъ, ученыхъ обществахъ, при разныхъ торжественныхъ собраніяхъ. Иногда этого рода рѣчи составляютъ пріобрѣтеніе для науки, напримѣръ рѣчь профессора Ѳ. Л. *Морошкина* объ „Уложеніи царя Алексѣя Михайловича", сказанная въ Московскомъ Университетѣ 10 іюня 1839 г.,—рѣчь профессора *И. И. Срезневскаго* „Мысли объ исторіи Русскаго языка", сказанная 1849 г. на актѣ Петербургскаго Университета,—рѣчь профессора *Ѳ. И. Буслаева* „О народной поэзіи въ древне-Русской литературѣ", произнесенная въ собраніи Московскаго Университета 12-го января 1859 г. (напечатана въ „Историч. Очеркахъ Русской Народной Словесности и Искусства". Ѳ. И. Буслаева. Спб. 1861, т. II: здѣсь подробно объяснены начала народной поэзіи: миѳическое, героическое, историческое,—говорится о сочиненіяхъ апокрифическихъ, какъ источникѣ духовныхъ стиховъ, старинныхъ азбукахъ, лѣчебникахъ и травникахъ, заговорахъ народныхъ, патерикахъ, иконописныхъ подлинникахъ (какъ писать иконы) и общемъ значеніи чтенія житій святыхъ,—приведено много отрывковъ изъ *народной* нашей *письменной* литературы древняго времени),—рѣчь *С. М. Соловьева* о Петрѣ Великомъ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 30 мая 1872 г.: сюда же отнесемъ и публичныя чтенія (12-ть чтеній) того же историка о Петрѣ Великомъ, произнесенныя имъ того же 1872 года въ залѣ Московской политехнической выставки.

*

3. *Судебныя рѣчи.* Онѣ имѣютъ цѣлію обвинить или защитить подсудимаго во имя закона и на основаніи разныхъ обстоятельствъ дѣла. Судебныя рѣчи существуютъ у тѣхъ народовъ, которые ввели открытое, или гласное, судопроизводство. Франція представляется страною, гдѣ судебное краснорѣчіе находится въ цвѣтущемъ состояніи; въ ряду знаменитыхъ ораторовъ Франціи Европейскою извѣстностію пользуются: *Дюпенъ, Берье, Шексъ-д'Эстъ-Анжъ, Лашо, Жюль-Фавръ, Кремье.*

У насъ великимъ памятникомъ судебнаго краснорѣчія, яснаго, краткаго, человѣколюбиваго, служитъ „Наказъ" ИмператрицыЕкатерины II, объявленный въ 1767 г.

При Государѣ Императорѣ Александрѣ II, съ открытіемъ гласнаго судопроизводства на основаніи „Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.", появилось и судебное краснорѣчіе въ Европейскомъ смыслѣ.

Библіогр.—Образцомъ нашего судебнаго краснорѣчія могутъ служить «Судебныя рѣчи *А. Ѳ. Кони* 1868—1888 г., оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, изданныя отдѣльною книгою въ 1888 г. (2-е изд. въ 1889 г.). Особенно замѣчательна здѣсь рѣчь по дѣлу Кетхудова, обстоятельно объясняющая обязанности присяжныхъ, присяжнаго повѣреннаго, прокурора и предсѣдателя суда.—Рѣчь министра юстиціи *Муравьева,* сказанная при открытіи Петрозаводскаго Окружнаго Суда (1894 г.) можетъ служить высокимъ образцомъ нашего судебнаго краснорѣчія. (Напечат. въ Нов. Времени 1894 г., № 65.599).—Понятіе о судебномъ краснорѣчіи Французовъ можно составить по книгѣ: Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи перевелъ съ французскаго *А. С. Шмаковъ.* М. 1888.

4. *Рѣчи похвальныя,* или панегирики (отъ Греч. словъ πᾶν—все и ἀγείρω—собираю, πανηγυρικός) имѣютъ цѣлію изобразить яркими красками высокія качества извѣстнаго лица, напримѣръ похвальныя слова *Ломоносова* Императору Петру Великому и Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, похвальное слово *Карамзина* Императрицѣ Екатеринѣ Великой, похвальное слово *М. П. Погодина* Карамзину при открытіи ему памятника въ Симбирскѣ 1845 г., рѣчи разныхъ лицъ по случаю *столѣтнихъ юбилеевъ:* Ломоносова 1865 г., Карамзина 1866, Крылова 1868 г., Пушкина 1880 г. (открытіе памятника въ Москвѣ) и 1899 (столѣтіе со дня рожденія),—Батюшкова 1887 г., изданныя отдѣльными книгами.

Библіогр.—Очеркъ академической дѣятельности *Ломоносова,* читанный академикомъ *Я. К. Гротомъ.* Спб. 1865.—Начало рѣчи: «То, что въ эти дни, совершается во всей Россіи въ память родоначальника нашей литературы, есть празднество мысли, какого *еще не бывало* у насъ; это общественное празднество Русскаго просвѣщенія». Описаніе Ломоносовскаго юбилея. Спб. 1865. Составлено *П. Мельниковымъ.*—Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4-го апрѣля 1765—1865 г. Москов. Университетомъ. М. 1865.—Памяти Ломоносова. 6-го апрѣля 1865 г. Харьковъ 1865. (Рѣчи проф. Харьков. Универ.)—Торжественное собраніе Академіи Наукъ 1-го декабря 1866 года, въ память столѣтней годовщины рожденія *Н. М. Карамзина.* Спб. 1867.—Рѣчь Ѳ. И. Буслаева о «Письмахъ Рус. Путешественника» М. 1866 (см. его книгу: «Мои досуги»).—Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесно-

сти Академіи Наукъ. Спб. 1869 (чтенія 2 февраля 1868 года въ память *И. А. Крылова*).

Чествованіе памяти Императора *Петра Великаго* (двухсотлѣтіе со дня его рожденія) вызвало замѣчательныя рѣчи и публичныя чтенія: Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Чтеніе 31 мая 1872 г. *Я. К. Грота*.. Спб. 1872.— Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. *С. М. Соловьева*. М. 1872 (двѣнадцать чтеній).—*Его же:* Рѣчь, произнесенная въ собраніи Москов. Унив. (о Петрѣ Великомъ) 30 мая 1872. (Тамъ же напечатана),

Вѣнокъ на Памятникъ *Пушкину*. Спб. 1880 (рѣчи И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Я. К. Грота, Ѳ. М. Достоевскаго, В. О. Ключевскаго и др., «Слово» митрополита Макарія). — Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Академіи Наукъ. Спб. 1888, т. 43-й (рѣчи Я. К. Грота и Л. Н. Майкова о *К. Н. Батюшковѣ*).

Къ панегирикамъ относятся *привѣтственныя* рѣчи, въ которыхъ ораторы желаютъ объяснить важность настоящей минуты, тогда какъ панегирикъ относится къ прошлому въ жизни того или другаго лица. Образцомъ привѣтственныхъ рѣчей можетъ служить рѣчь митрополита *Филарета* Императору Николаю I во время губительной болѣзни (холеры). Приводимъ эту рѣчь: „Благочестивѣйшій Государь! Цари обыкновенно любятъ являться Царями славы, чтобъ окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердно хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ Крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь".

Государственное значеніе имѣетъ привѣтственная рѣчь или лучше прошеніе Императору Александру I отъ имени Сѵнода, Государств. Совѣта и Сената при поднесеніи Его Величеству имени „Благословеннаго". (Исторія Отечественной войны 1812 г., соч. *М. Богдановича*. Спб. 1860, т. III, стр. 409—411).

5. *Спичи* (Англ. слово). Такъ называются краткія, но сильное чувство выражающія, рѣчи, произносимыя по разнымъ случаямъ. Какъ на прекрасный образецъ этого рода краснорѣчія, слѣдуетъ указать на „спичъ" профес. *Н. Ф. Павлова* (1805—1864), сказанный имъ по обнародованіи Манифеста Государя Императора Александра II-го 1856 года, 30 августа, въ день коронованія [1]). Приводимъ этотъ спичъ вполнѣ: „Господа, въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бы такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не по-

---

[1]) Этимъ Манифестомъ были возвѣщены разныя милости всѣмъ сословіямъ Русскаго народа и возвращены изъ Сибири политическіе преступники прошлаго царствованія.

бѣдный кликъ на развалинахъ чужаго жилища,—это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ, но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостна жизнь, если не разберешь, что́ велитъ долгъ и что́ внушаетъ любовь. Скажите, разобрали-ль вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви билось наше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучной слезой, останавливались невольно на трехъ незабвенныхъ словахъ: *отмѣнить, простить, возвратить*. И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ временнаго могущества, а милосердіе принадлежностью самого Бога. Въ исторіи много примѣровъ милосердія, но всегда ли излѣчивалось разомъ столько ранъ, но вездѣ ли съ такимъ объемлющимъ человѣколюбіемъ отгадывались разнообразныя боли человѣческаго сердца? Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отыщутъ въ глухихъ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, необъятныхъ пространствахъ.—Поднимите же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца, наши бокалы во здравіе и во славу Того, Чье Высокое Имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: *отмѣнить, простить, возвратить;* за Кого въ эту минуту бѣжитъ Еврей изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; о Комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы Христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сына; Кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное, благодатное чувство; Кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; Кто повелѣлъ растворить двери университетовъ; Кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; Кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; Кто въ просвѣщенной благости вспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ Милосердія, какими располагаетъ Его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи". (Сказано 3-го сент. 1856 г. на обѣдѣ Русскихъ литераторовъ въ Москвѣ. Рус. Вѣстн. 1856, сент. кн. 2-я).

6. Шестой видъ ораторскихъ рѣчей, наиболѣе всѣхъ другихъ распространенный у христіанскихъ народовъ, составляютъ *Церковныя проповѣди*. Этотъ послѣдній родъ рѣчей явился со временъ Христіанства.

Библіогр.—О древней ораторской рѣчи и ораторахъ:—Сочиненія *Платона:* см. разговоры «Эвтидемъ», «Горгіасъ» и «Федръ». Перев. проф. *В. Н. Карпова.*

Спб. 1863, четыре части.—*Аристотель*: Риторика. Аристотелева Риторика раздѣлена на три книги. Онъ опредѣляетъ краснорѣчіе способностію видѣть въ каждомъ предметѣ все, что̀ можетъ служить орудіемъ убѣжденія. Доводы бываютъ двухъ родовъ: или заимствуемые ораторомъ извнѣ (свидѣтели, акты), или имъ самимъ приводимые. Сила доводовъ зависитъ отъ *нравовъ* говорящаго, отъ *свойства* слушателей и образа изложеній. Обыкновенно они излагаются въ видѣ энтимемы, или примѣра, соотвѣтствующаго силлогизму. Энтимемы извлекаются преимущественно изъ общихъ мѣстъ. Родовъ краснорѣчія три: совѣщательный, судебный и похвальный. Таково содержаніе первой книги Аристотелевой Риторики. Во второй книгѣ Аристотель разбираетъ страсти: ихъ происхожденіе, силу и свойства; потомъ разсуждаетъ о нравахъ юношей, старцевъ, лицъ благородныхъ, богатыхъ, могущественныхъ, счастливыхъ,—о способѣ изобрѣтенія. Въ третьей книгѣ предлагаются правила слога и частей, составляющихъ рѣчь. Говорятъ, что знаменитость оратора *Исократа* (V в. до Р. X.) побудила Аристотеля, жившаго вскорѣ послѣ него, написать правила Риторики. Аристотелева точка зрѣнія на краснорѣчіе не та, съ которой смотрѣли Исократъ и другіе современные ему риторы. Аристотель имѣлъ цѣлію направить вниманіе ораторовъ болѣе на искусство убѣждать и трогать сердца, нежели на гармонію и размѣръ періодовъ.—Риторика Аристотеля. Перев. на Русскій языкъ. *Платоновой*. Спб. 1895 г О жизни и трудахъ Аристотеля. *Ѳ. Менцова*. Ж. М. Н. Пр. 1843, ч. XXXVII. Аристотель *С. Гогоцкаго*. Ж. М. Н. Пр. 1857, ноябрь (кромѣ оцѣнки сочиненій знаменитаго философа, указаны многія изслѣдованія иностранныхъ ученыхъ о немъ).—*Діонисій Галикарнасскій*: Censura veterum scriptorum, Ars rhetorica, De compositione verborum, De oratoribus antiquis commentarii,—лучшее критическое сочиненіе древности.—*Цицеронъ*: двѣ книги о изобрѣтеніи, три книги объ ораторѣ (de oratore), Брутъ или разговоръ о знаменитыхъ ораторахъ, Ораторъ, Топики, о лучшемъ родѣ ораторства, о дѣленіи ораторскомъ М. Т. Ciceronis opera ex recensione. *Orellii*. — *Квинтиліанъ*: Institutiones Oratoriae. Libri XII. Русскій переводъ *А. Никольскаго*, члена Россійской Академіи. Спб. 1834, въ двухъ частяхъ.—*Плутархъ*: Десять Греческихъ ораторовъ. См. § 48-й «Учебн.»—Ораторъ или о трехъ совершенствахъ краснорѣчія Спб. 1816.—Приписываемое *Тациту* сочиненіе: De causis corruptae eloquentiae. Переведено на Рус. языкъ. См. § 55-й «Учебн.», библіогр.—*А. Глаголевъ*: De methodo inveniendi, disponendi et enuntiandi. М. 1823. Диссертація на ученую степень магистра. Всѣ идеи автора выведены изъ началъ психологіи и подтверждены разборомъ древнихъ ораторовъ.—Объ искусствѣ краснорѣчія. *Н. Токарева*. Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщ. № 25.—Правила высшаго краснорѣчія. *М. Сперанскаго*, изд. 1844.—Діалогъ объ ораторикѣ. Журн. Мин. Нар. Пр. Т. LVI.—Умозрительныя и опытныя основанія Словесности. *А. Глаголева*. Спб. 1834. Въ III-й ч. отъ стр. 71 до 90 авторъ говоритъ объ ораторскомъ искусствѣ.—Чтенія о Словесности. *И. Давыдова*. М. 1838. Курсъ второй, отъ стр. 17 до 232-й, посвященъ краснорѣчію. (Приведено много отрывковъ изъ древнихъ ораторскихъ сочиненій).—Истинное содержаніе Риторики. Соч. *К. Фойгта*. Жур. М. Нар. Просв. 1856 г., № 3. Замѣчанія *В. Я. Стоюнина* по поводу этой статьи въ Ж. М. Нар. Пр. 1856, № 7.—Объ Аѳинскихъ ораторахъ. *Маколея*. Полное собраніе сочиненій Маколея. Спб. 1862, изд. Н. Тиблена, т. IV, стр. 358.

§ 63. *Образцы ораторскаго краснорѣчія*.—Греція прежде всѣхъ другихъ народовъ воспитала знаменитыхъ ораторовъ. Между ними *Димосѳенъ* (384—322 до Р. Хр.) считается однимъ изъ величайшихъ ви-

тій. Въ полномъ блескѣ геній Димосѳена, какъ оратора, явился во время борьбы Грековъ съ Филиппомъ, царемъ Македонскимъ. Сила краснорѣчія великаго оратора была столь могущественна, что многія тысячи народа устремились за нимъ, какъ дѣти за отцемъ. Противъ Филиппа Димосѳенъ сказалъ десять рѣчей, — онѣ обыкновенно называются *«Филиппиками»*. Въ этихъ рѣчахъ ораторъ грозно обличаетъ равнодушныхъ къ благамъ родного края; современныхъ ораторовъ, подкупленныхъ Филиппомъ, Димосѳенъ называетъ безстыдными, дерзкими и измѣнниками; онъ всѣ силы своего духа напрягаетъ къ тому, чтобы спасти отечество отъ порабощенія. „Чего вы теперь ожидаете! (говоритъ ораторъ въ одной изъ Филиппикъ). Гибели?—Но самая ужасная гибель для души благородной есть безчестіе.—Ужели еще будете бродить по торжищамъ и вопрошать другъ-друга: что новаго?—Что можетъ быть новѣе того, что Македонянинъ побѣдитель Аѳинъ и повелитель Греціи!—Не умеръ ли Филиппъ, спрашиваете вы? Нѣтъ, онъ боленъ.—Что вамъ въ этомъ? Еслибы не было его, вы бы произвели другаго Филиппа своею безпечностью и малодушіемъ“.

Между рѣчами Димосѳена наиболѣе совершенною считается рѣчь „о вѣнкѣ“ (Περί τοῦ στεφάνου). Аѳиняне за разныя услуги геніальнаго оратора отечеству, особенно за то, что онъ приготовилъ запасы для Аѳинъ во время войны съ Филиппомъ и возобновилъ стѣны, присудили ему *вѣнокъ*. Эсхинъ, самъ замѣчательный ораторъ, оспаривалъ у Димосѳена право на такую высокую почесть; по этому поводу и произнесъ Димосѳенъ рѣчь „о вѣнкѣ“, которою побѣдилъ своего противника. Эта превосходная рѣчь представляетъ самый подробный отчетъ о государственной дѣятельности великаго оратора-патріота и показываетъ необыкновенную силу его ораторскаго искусства. Дабы дать хотя нѣкоторое понятіе объ одномъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ древняго витійства, мы приведемъ небольшой отрывокъ изъ рѣчи „о вѣнкѣ“.

„Ябедникъ, Аѳиняне, всегда и вездѣ есть животное злое, лукавое, сварливое. А этотъ человѣкъ уже по природѣ своей лукавѣе лисицы, ничего путнаго, ничего приличнаго свободному человѣку никогда не дѣлала эта трагическая обезьяна, этотъ фальшивый витія [1]). Въ чемъ способности твои послужили на пользу отчизны? Теперь ты говоришь намъ о минувшихъ событіяхъ. Не похожъ ли ты на инаго врача, который во время болѣзни не говоритъ, не приказываетъ больному, какъ излѣчиться; а когда больной умеръ и его схоронятъ, врачъ тотъ идетъ за нимъ до кладбища и разсказываетъ: если бы покойникъ сдѣлалъ то-и-то, не умеръ бы. Безумный, ты теперь говоришь? Да и самое пораженіе, тогда какъ слѣдовало тебѣ стенать о немъ, вовсе не отъ меня, какъ увидите сейчасъ, за-

[1]) Эсхинъ, рожденный быть только актеромъ, трагической обезьяной, дѣйствуетъ на общественномъ поприщѣ, тогда какъ ему слѣдовало бы разыгрывать на какой-нибудь деревенской сценѣ роль.

висѣло. Сами судите. Нигдѣ, куда только отправляли вы меня посломъ, не дѣлалъ я уступокъ посламъ Филипповымъ: ни въ Өессаліи, ни въ Амбракіи, ни въ Иллиріи, ни въ Византіи, ни наконецъ въ Өивахъ; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я побѣждалъ пословъ Филипповыхъ рѣчью, Филиппъ бралъ верхъ оружіемъ. И ты за это требуешь отъ меня отвѣтственности? не стыдишься одного и того же человѣка осмѣивать за трусость и выставлять болѣе сильнымъ, чѣмъ все Филиппово могущество? И чѣмъ же я могъ быть сильнѣе его? *Рѣчами!* Чѣмъ инымъ владѣлъ? Вѣдь не владѣлъ! Вѣдь не владѣлъ же я душею каждаго воина, не владѣлъ судьбою, не былъ полководцемъ; а ты такъ глупъ [1]), что требуешь у меня отчета въ веденіи войны! Въ чемъ витія отвѣтственъ, за *то* требуйте отъ него самаго полнаго отчета; отъ этого я не отказываюсь. Въ чемъ же состоитъ обязанность витіи? Понимать событія въ самомъ началѣ, предугадывать ихъ и предварять о нихъ народъ. Это я дѣлалъ; кромѣ того всякаго рода задержки, недоумѣнія, невѣжество, сварливость, всѣ эти пороки, по необходимости общіе всѣмъ свободнымъ городамъ, надлежитъ по возможности обуздывать, народъ направлять къ согласію, дружбѣ и исполненію обязанностей: и это все я дѣлалъ; никто не докажетъ, чтобы я въ чемъ-нибудь подобномъ провинился. И такъ, если кто-нибудь спроситъ, чѣмъ всего болѣе Филиппъ достигъ успѣха, то всякій отвѣтитъ: войскомъ и подкупомъ государственныхъ людей. Надъ войскомъ же я не имѣлъ власти, не былъ полководцемъ, и потому за тогдашній неуспѣхъ и рѣчи не можетъ быть обо мнѣ. Но мое превосходство надъ Филиппомъ состояло въ томъ, что я былъ не подкупленъ. Какъ подкупающій беретъ верхъ надъ подкупаемыми, такъ не дающій себя подкупить беретъ верхъ надъ подкупающимъ. А потому отчизна, сколько отъ меня зависитъ, непобѣдима.

„Вотъ въ чемъ и во многомъ другомъ заключаются основанія, по которымъ Ктесифонтъ имѣлъ право сдѣлать предложеніе обо мнѣ. Послѣ битвы народъ, среди самой лютой опасности, понялъ и оцѣнилъ всѣ дѣла мои, хотя вовсе не было бы удивительно, если бы онъ въ то время и забылъ обо мнѣ: онъ утвердилъ мои предложенія касательно спасенія города; охраненіе его, размѣщеніе стражей, рвы, выдача денегъ на поправку стѣнъ, все это дѣлалось по моему предложенію; а въ скорости народъ назначилъ меня скупщикомъ хлѣба. Потому дружно возстали противъ меня всѣ тѣ, которымъ хотѣлось погубить меня, взводили на меня всякаго рода обвиненія; сперва, впрочемъ, не сами лично, но посредствомъ тѣхъ лицъ, за которыми удобнѣе разсчитывали укрыться, вы знаете, конечно, и помните, что въ первое время каждый день подвергался я суду, противники мои всѣ средства извѣдали и взбалмошность Сосикла, и ябедничество Филократа, и ярость Діонды и Меланта. Во всѣхъ сихъ случаяхъ я, благодаря прежде всего богамъ, а потомъ вамъ, судьи, и прочимъ

---

[1]) Подобными рѣзкими выраженіями не оскорблялись нравы древнихъ.

Аѳинянамъ, оправдывался, какъ и слѣдовало ожидать: за меня была истина и совѣсть судей, помнившихъ присягу и поступавшихъ по ней.

„И такъ, когда вы оправдывали меня и обвинителямъ моимъ не давали даже пятой доли голосовъ [1]), тѣмъ самымъ вы показывали, что дѣятельность моя безукоризненна, что я законно подавалъ письменныя и словесныя мнѣнія, что я велъ дѣла правдиво и неподкупно. По всему этому какимъ именемъ слѣдовало за мои дѣйствія почтить меня Ктесифонту? Не тѣмъ ли, которымъ, онъ видѣлъ, чтилъ меня народъ, присяжные судьи, которое предъ лицемъ всѣхъ утвердила за мною сама истина? „Но, говоритъ Эсхинъ, прекрасно сказалъ Кефалъ: я никогда не подвергался обвиненію". Да, отлично! Ну что же послѣ этого сказать о томъ, кто много разъ подвергался обвиненіямъ, но никогда не былъ уличенъ? Эсхину, Аѳиняне, на приводимое имъ изреченіе Кефала, можно возразить вотъ чѣмъ: Эсхинъ никогда не обвинялъ меня, и потому, даже по его мнѣнію, я гражданинъ ни чуть не хуже, чѣмъ Кефалъ.

„Изъ всего можно видѣть безсмысленность и ябедливость Эсхина, а особенно изъ словъ его о судьбѣ. Вообще всякаго человѣка, попрекающаго другаго человѣка судьбою, я считаю безумцемъ. Иной воображаетъ себя счастливцемъ, а не увѣренъ, продлится ли счастіе его до вечера: какъ же послѣ этого говорить о судьбѣ или попрекать ею другаго? Такъ какъ Эсхинъ кромѣ всего инаго и объ этомъ предметѣ держитъ такую надменную рѣчь, то посмотрите, посудите, Аѳиняне, на сколько правдивѣе и человѣчнѣе его буду я съ вами говорить о судьбѣ. Я считаю судьбу отчизны счастливою и вижу, что Зевесъ Додонскій [2]) подтверждаетъ мое мнѣніе; но настоящее положеніе всего человѣчества считаю тяжелымъ и страшнымъ; кто изъ Еллиновъ, кто изъ варваровъ не испыталъ въ настоящее время великихъ бѣдствій [3])? И такъ въ то время, когда Еллины воображали, что они, выдавши насъ, будутъ вести жизнь блаженную, вы предпочли выгодѣ доблесть, вы честнѣе ихъ поступили и потому я считаю счастливою судьбу отчизны. А что вы удачи не имѣли, что не все случилось, какъ вамъ желалось, то въ этомъ отношеніи на вашу долю пала, полагаю я, часть общечеловѣческой судьбы. Личную же судьбу каждаго изъ насъ надлежитъ разбирать въ личныхъ нашихъ дѣлахъ. Такъ сужу я о судьбѣ, по моему, да полагаю, и по вашему, вѣрно и правдиво, а онъ личную судьбу мою ставитъ выше общей судьбы отчизны, малое и ничтожное возвышаетъ надъ великимъ и доблестнымъ. Статочное ли это дѣло? Но если все таки угодно тебѣ, Эсхинъ, разбирать судьбу мою, то посмотри на свою судьбу; если найдешь, что моя лучше

---

[1]) Если $^4/_5$ голосовъ оправдывали обвиняемаго, то обвинитель подвергался безчестію.

[2]) Въ Додонѣ было знаменитое прорицалище Зевса.

[3]) Ѳивы были разрушены; Пелопонесъ только что усмиренъ Антипатромъ послѣ возстанія; Александръ завладѣлъ срединою Азіи.

твоей, то перестань ругаться надъ нею. Для того обозри свою жизнь сначала; но да не осудятъ меня слушатели за грубость рѣчи. Не считаю умнымъ ни того, кто топчетъ въ грязь бѣднаго, ни того, кто, выросши въ довольствѣ, гордится богатствомъ. Но клеветы и ябеды этого низкаго человѣка вынуждаютъ меня на такія рѣчи и я по возможности умѣренно отвѣчу ему. Мнѣ, Эсхинъ, довелося въ дѣтствѣ ходить въ приличныя школы и пользоваться тѣмъ, чѣмъ подобаетъ всякому, не видящему впереди нужды; когда вышелъ я изъ дѣтскаго возраста, я дѣйствовалъ сообразно съ первоначальнымъ моимъ воспитаніемъ, поставлялъ хорегіи, тріерархіи [1]), дѣлалъ взносы [2]), не отставалъ ни отъ кого ни въ частныхъ, ни въ общественныхъ пожертвованіяхъ; всегда былъ отчизнѣ и друзьямъ моимъ полезенъ. А когда мнѣ вздумалось приступить къ общественнымъ дѣламъ, я взялся за такую дѣятельность, за которую отчизной и многими Еллинами много разъ былъ увѣнчанъ; и вы, враги мои, не рѣшитесь сказать, что не за доброе дѣло взялся я. Такова моя судьба. Много бы еще могъ сказать объ ней, но опускаю; боюсь какъ бы хвастливость моя не оскорбила кого. А ты, мужъ почтенный, другихъ оплевывающій, посмотри на меня, сличи съ моею твою судьбу.

„Дѣтство провелъ ты въ великой нуждѣ, сидѣлъ подлѣ отца своего въ школѣ, растиралъ чернила [3]), чистилъ скамьи, подметалъ комнату, находился на положеніи раба, а не свободнаго мальчика. Возмужавъ, матери, совершавшей таинства (Елевзинскія), читалъ священныя книжки и занимался разнымъ обиходомъ; по ночамъ надѣвалъ оленью шкуру; разливалъ вино, очищалъ посвященныхъ, вытиралъ ихъ глиной и отрубями...

„Разбери же и сличи, Эсхинъ, покойно, безъ озлобленія, твою и мою жизнь: и потомъ спроси слушателей, чью предпочтутъ они. Ты училъ грамотѣ, я ходилъ въ школу; ты посвящалъ въ таинства, я былъ посвященъ [4]); ты былъ писаремъ, я участвовалъ въ народныхъ собраніяхъ; ты игралъ на сценѣ третьестепенныя роли; я былъ зрителемъ; ты падалъ на сценѣ, я свисталъ; въ общественныхъ дѣлахъ ты былъ всегда за враговъ отчизны, я за отчизну. О прочемъ не стану говорить; но вотъ теперь, сегодня, идетъ дѣло о томъ, быть ли мнѣ увѣнчану (а что я ни въ чемъ не провинился передъ отчизною, въ этомъ всѣ согласны) и считаться ли тебѣ клеветникомъ, позволятъ ли судьи тебѣ впередъ ябед-

---

[1]) Участвовалъ въ устроеніи праздничныхъ увеселеній, въ снаряженіи кораблей.

[2]) «Жертвовалъ государству деньгами». Перев. *К. Ѳ. Нейлисова* (ум. 1888 г., профессоръ Историко-Филологич. Института въ С.-Петербургѣ: Рѣчь Димосѳена о вѣнцѣ. Спб. 1887, стр. 96).

[3]) Растиралъ черную краску и мѣшалъ съ водою.

[4]) «Ты приготовлялъ посвященія, я былъ посвящаемъ» въ Элевзинскія таинства, а не въ тѣ, которыми занимался Эсхинъ. *К. Ѳ. Нейлисовъ:* Рѣчь о вѣнцѣ, стр. 99.

ничать, или уймутъ тебя, не давъ тебѣ и пятой части голосовъ. Хорошую же, какъ видишь, прожилъ ты жизнь! имѣешь полное право обвинять меня!

„Прочту еще вамъ свидѣтельства о понесенныхъ мною литургіяхъ...

„Таковъ я былъ въ дѣлахъ общественныхъ. О частныхъ же, если не всѣ вы знаете, что я общителенъ, радушенъ, помогаю нуждающимся,—я молчу, ничего не скажу и не представлю никакихъ свидѣтельствъ на то, выкупалъ ли я плѣнныхъ, помогалъ ли бѣднымъ выдавать замужъ дочерей [1]), и тому подобное. Мое убѣжденіе въ этомъ случаѣ таково: я полагаю, что получившій благодѣяніе долженъ всю жизнь его помнить, а сдѣлавшій—тотчасъ о немъ забывать, если только первый хочетъ, чтобы его считали честнымъ человѣкомъ, а второй, чтобы его не осуждали за мелочность. Напоминать о своихъ благодѣяніяхъ, говорить о нихъ почти то же, что попрекать. Но я этого не сдѣлаю, ничто меня къ тому не вынудитъ: какое бы ни было обо мнѣ въ этомъ отношеніи мнѣніе, мнѣ все равно.

„Покончивъ съ частными дѣлами, хочу еще сказать вамъ кое-что объ общественныхъ. Если ты можешь, Эсхинъ, указать подъ солнцемъ на человѣка, который бы не подпалъ подъ власть сперва Филлипову, а нынѣ Александрову. Еллинъ ли онъ или варваръ,—то пусть будетъ по твоему; я согласенъ назвать себя виновникомъ того, припишешь ли ты это счастію, или несчастію моему. Но если многіе, не видѣвъ меня, не слыхавъ даже моего голоса, потерпѣли разныя бѣды, и не только отдѣльныя лица, но цѣлые города и народы, то не гораздо ли справедливѣе и вѣрнѣе считать причиною того общую судьбу людей, трудное, не надлежащее теченіе дѣлъ? А ты, забывъ объ этомъ, винишь меня, хотя и знаешь, что если не вся клевета твоя, то часть ея падаетъ на всѣхъ и особенно на тебя. Если бы я самъ по себѣ, самовластительно [2]), распоряжался дѣлами, тогда бы можно было вамъ, прочимъ вѣтіямъ, винить меня. Но если вы присутствовали на всѣхъ собраніяхъ, если отчизна предлагала на общее разсмотрѣніе свои дѣла; если мои предложенія казались лучшими въ то время всѣмъ, и особенно тебѣ (вѣдь не по любви же ко мнѣ отрекался ты отъ надеждъ, почестей, связанныхъ съ моими тогдашними распоряженіями, но очевидно потому, что не могъ спорить противъ истины и не умѣлъ предложить ничего умнѣе моего), то не обидно ли, не возмутительно ли, что ты теперь осуждаешь тѣ мои предложенія, лучше которыхъ въ то время придумать не могъ? Въ подобныхъ случаяхъ всѣ порядочные люди дѣлаютъ строгое различіе; провинился кто-нибудь умышленно,—сердятся, наказываютъ его; погрѣшилъ неумышленно,—прощаютъ и не наказываютъ;

---

[1]) Безъ приданаго не могъ состояться въ Аѳинахъ бракъ; потому для бѣдныхъ невѣстъ приданое сбиралось ближайшими родственниками.

[2]) Какъ Филиппъ.

не провинился и не погрѣшилъ, но жертвуя собою кажущейся общественной пользѣ, не имѣлъ успѣха, — не порицать, не ругаться надъ такимъ человѣкомъ слѣдуетъ, но соболѣзновать о немъ. Все это предписывается не только законами, но и самой природою, руководимой неписанными законами и человѣческимъ чувствомъ. И такъ Эсхинъ на столько превзошелъ всѣхъ людей жестокостію и ябедливостію, что и за то, что онъ самъ называетъ несчастіями, винитъ меня.

„И въ добавленіе ко всему прочему Эсхинъ словно самъ все говорилъ въ простотѣ души, благодушно, просилъ васъ остерегаться, беречься меня, чтобы я не сбилъ васъ, не обманулъ; называлъ меня увлекательнымъ краснобаемъ, чародѣемъ, хитрецомъ, и тому подобное! какъ будто если кто припишетъ другому человѣку свои качества, то такъ они къ нему и пристанутъ! какъ будто слушатели не разберутъ, каковъ самъ-то краснобай! Но я знаю, что всѣ вы его понимаете, увѣрены, что тѣ качества болѣе къ нему идутъ, чѣмъ ко мнѣ. Знаю и то, что моя увлекательность... пусть будетъ по Эсхинову... Впрочемъ я убѣдился, что сила говорящаго зависитъ всего болѣе отъ слушателя: какъ вы примете рѣчь, какое выкажете расположеніе, такое получаетъ оно и значеніе. Потому, если есть во мнѣ какая-либо опытность въ этомъ дѣлѣ, она дѣйствовала въ дѣлахъ общественныхъ всегда за васъ и ни въ какомъ случаѣ, даже въ дѣлахъ лично до меня касающихся, — противъ васъ: Эсхиново же искусство имѣло въ виду пользу враговъ отечества и вредило тѣмъ согражданамъ, которые оскорбляли или имѣли какое-нибудь столкновеніе съ ними. Неправедно, не въ видахъ отечества, онъ имъ пользуется. Доброму и честному гражданину въ судьяхъ, поставленныхъ обществомъ, не слѣдуетъ возбуждать гнѣва, вражды и подобныхъ чувствъ; не для этого онъ долженъ являться передъ ними; онъ долженъ подавить въ себѣ всякое личное чувство, и въ случаѣ только необходимости давать ему нѣкоторую волю. Гдѣ должна обнаруживаться пылкость общественнаго дѣятеля и витій? Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлость народа подвергается опасности, когда ему грозятъ непріятели; вотъ гдѣ! Здѣсь-то обнаруживается благородство и достоинство истиннаго гражданина.

„А Эсхинъ подвергъ меня суду, когда я ничѣмъ не провинился передъ народомъ, ниже лично передъ самимъ; напалъ на меня не за народъ, но за себя; вооружился противъ предложенной мнѣ почести; потратилъ на это бездну краснорѣчія: все это обличаетъ личную вражду, зависть, мелочность, отсутствіе всякаго достоинства; а что онъ, уклонясь отъ прямаго спора со мною, возсталъ противъ Ктесифонта, это уже верхъ низости. Впрочемъ, Эсхинъ, ты, кажется, хотѣлъ похвастаться своимъ краснорѣчіемъ, а не требовать наказанія моего за проступокъ. Но не рѣчь, не звучный голосъ приноситъ честь витіи, а стремленіе къ однимъ цѣлямъ съ отчизною, ненависть и любовь къ однимъ и тѣмъ

же лицамъ. Кто такъ настроитъ себя, тотъ въ каждомъ словѣ выразитъ преданность къ отчизнѣ; а кто ухаживаетъ за тѣмъ, отъ кого грозитъ ей опасность, тотъ находится не на одной съ нею почвѣ, ждетъ спасенія не отъ того, отъ чего отчизна. Не таковъ, какъ видишь, я: благо отчизны—мое благо; у меня нѣтъ ничего съ нею раздѣльнаго, ничего личнаго".

Приведенный отрывокъ показываетъ до нѣкоторой степени силу ораторскаго искусства Димосѳена. Ораторъ прямо говоритъ, что онъ побѣждалъ Филиппа *рѣчами*; здѣсь же видны тѣ препятствія, которыя надлежало преодолѣть Димосѳену; здѣсь знакомимся съ характеристическими пріемами его рѣчей: онъ ссылался на подлинные документы о своей дѣятельности, онъ предлагалъ общія разсужденія о нравственныхъ вопросахъ, онъ не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ; наконецъ въ предложенномъ отрывкѣ находимъ любопытные матеріалы, для біографіи Димосѳена.

Прим. — Переводъ рѣчи «О Вѣнкѣ» въ *полномъ* ея видѣ, въ переводѣ *Ордынскаго*, напечатанъ въ IV-й ч. Христ. *А. Филонова.*—Рѣчь Димосѳена о вѣнцѣ. Съ Греч. перевелъ съ краткимъ объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. *К. Нейлисовъ.* Спб. 1887.—Девятая Димосѳенова Филиппика. Переводы *Карамзина.* Спб. 1835, изд. 4-е, т. VII.—Димосѳеново надгробное слово Аѳинянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при городѣ Херонеѣ, перев. *Евгенія*, (въ послѣдствіи) митр. Кіевскаго 1807, съ Еллино-Греч. подлинникомъ. — Отрывки изъ «Филиппикъ» въ Чтеніяхъ о Словесности. *И. Давыдова.* М. 1838, изд. 2-е, курсъ II.—Вообще о Димосѳенѣ. Всемірная Исторія *Шлоссера.* Русскій переводъ 1868, т. I. стр. 364—66. Всеобщая Исторія Литературы. *В. Ѳ. Корша* и *А. И. Кирпичникова.* Спб. 1894.

§ 64. У Римлянъ самымъ знаменитымъ ораторомъ былъ *Маркъ Туллій Цицеронъ* (въ I в. до Р. Хр.), проходившій общественныя должности квестора, претора, эдила и консула.

Цицеронъ прославился своими рѣчами противъ *Катилины*, *Верреса*, *Антонія*, рѣчами за *Милона*, за *Росція* Америна. Рѣчами противъ Катилины (ихъ четыре) ораторъ подавилъ заговоръ, грозившій Риму страшными бѣдствіями, за что и удостоенъ высокой чести „отца отечества". Рѣчь противъ Верреса, правителя Сициліи, замѣчательна по энергической защитѣ правъ Римскаго гражданина и человѣка вообще. Рѣчи противъ Антонія (числомъ 14-ть) обличаютъ властолюбіе Антонія: онѣ называются „Филиппиками", чѣмъ древность желаетъ указать на ихъ страстный тонъ и патріотическое достоинство; „Филиппиками" Цицеронъ одолѣлъ Антонія съ его войскомъ. Рѣчи за Милона всегда признавались лучшими образцами судебнаго краснорѣчія: въ нихъ ораторъ защищаетъ главнѣйшее изъ правъ человѣка — *самооборону*. Въ рѣчи за Секста Росція Америна мастерски описано жалкое состояніе Римскаго суда, именно—желаніе ораторовъ заводить процессы съ людьми богатыми, для пріобрѣтенія матеріальной пользы.

Вообще всѣ рѣчи Цицерона отличаются удивительнымъ искусствомъ въ построеніи періодовъ и мыслей; онъ облекаетъ въ прекрасныя формы все, что̀ говоритъ,—но рѣчи его лишены сильной простоты Димосѳеновой.

Библіогр.—Рѣчи Цицерона противъ Катилины въ Рус. переводѣ. *А. Клеванова.* 1859.—*А. Малышова.* 1873.—Рѣчь о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ въ Христ. *А. Галахова.* ч. I.—Первая рѣчь противъ Катилины въ IV-й ч. Христом. *А. Филонова.*—М. Т. Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины. Перев. съ Латинскаго. *В. Алексѣевъ.* Спб. 1888. Переводъ г. В. Алексѣева сопровождается предисловіемъ о Цицеронѣ и примѣчаніями.—Всемірная Исторія *Шлоссера.* Рус. перев. 1869, т. II, стр. 69—73.—Лекціи по исторіи Римской Литературы. *В. И. Модестова,* читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ уверситетахъ. Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Спб. 1888.

§ 65. Изо всѣхъ отраслей краснорѣчія у насъ преимущественно развилось духовное витійство. Прекрасные образцы его представляются въ словахъ митрополита Московскаго *Филарета,* архіепископа Херсонскаго *Иннокентія,* протоіерея *Родіона Путятина* и другихъ.

Слова и рѣчи Филарета (1782—1867) отличаются философическимъ направленіемъ: ихъ можно назвать религіозными разсужденіями. Въ словахъ Филарета вездѣ видна глубокая сосредоточенность мысли и послѣдовательное развитіе главной темы. Слова его преимущественно дѣйствуютъ на разумъ слушателя или читателя. Языкъ Филарета долженъ быть признанъ образцомъ совершенства Русской рѣчи. Въ проповѣдяхъ своихъ Филаретъ является глубокимъ знатокомъ Русскаго и Церковно-Славянскаго языка.

Изъ словъ и рѣчей Филарета особенно достойны изученія слѣдующія: „Слово въ Великій Пятокъ“ (о Словѣ), „о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ“, „о безсмертіи души“ (въ день Святителя Алексія), „объ одеждѣ“, „противъ невоздержанія“ (во время Сырной недѣли), „объ обители Св. Сергія и пустынножительствѣ“ (слово по освященіи храма явленія Божіей Матери преподобному Сергію), „о необходимости быть святыми“ (святи будете), „о мудрости“ (въ день столѣтняго юбилея Московскаго Университета), „о неповинномъ страданіи“ (въ день святаго мученика Димитрія Царевича), „рѣчь Императору Николаю I во время холеры“ (§ 62 „Учеб.“), „рѣчь Императору Александру II“ на освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и другія.

Для ознакомленія съ характеромъ проповѣди митрополита Филарета приведемъ его слово: „О безсмертіи души“.

Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежаща. Лук. XXIV, 12.

„Евангеліе, повѣтствуя о воскресеніи Господа Іисуса, излагаетъ между прочимъ сіи обстоятельства, что камень отъ гроба Его былъ отваленъ Ангеломъ, котораго сошествіе для сего съ неба сопровождаемо было землетрясеніемъ; что жены Муроносицы нашли сей гробъ

открытымъ; что Петръ, и послѣ него Іоаннъ, посмотрѣвъ во гробъ, увидѣли лежащія ризы Господа, то-есть, плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь, или платъ, который былъ на главѣ Его, и, вѣроятно, препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. *Петръ же возставъ тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежаща.*

„Чтó значитъ, что Евангельское повѣствованіе такъ занимается ризами Господа, которыя уже не нужны Воскресшему? Что значитъ, что и Воскресшій оставилъ и сохранилъ ризы Свои во гробѣ, чтобы ихъ видѣли?—Сіе значитъ то, что и ризы Господа долженствовали быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Если скажутъ Іудеи, что тѣло Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, какъ на время думала Магдалина, что тѣло Господа перенесено кѣмъ-то: ризы Его вопіютъ противъ клеветниковъ, и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное обнажать оное, когда, напротивъ, и обнаженное одѣть надлежало какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ Іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

И мы, собравшіеся здѣсь нынѣ, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гробъ открытъ впослѣдствіе потрясенія, которое трудно вообразить сбывшимся безъ содѣйствія руки Ангельской: ибо деревянный храмъ, подъ которымъ нѣсколько десятилѣтій скрытъ былъ гробъ сей, внезапно палъ во время священнослуженія, но симъ паденіемъ никто не пораженъ, а только данъ случай къ открытію гроба сего. И что видимъ мы въ открытомъ гробѣ семъ!—Не погрѣшимъ, если скажемъ, что *видимъ ризы лежаща*, не ризы тѣла, но самое тѣло видимъ, какъ ризы только, какъ облаченіе безсмертнаго духа, которое онъ оставилъ здѣсь, восходя въ жизнь небесную, видимъ ризы, лежащія благочинно, не подверженныя и не раздранныя, то-есть видимъ тѣло, не подверженное тлѣнію и разрушенію, но невредимо и мирно почивающее.,

„Чтó же значитъ что подражатель Христу въ жизни, подражаетъ Ему и по смерти въ томъ, что и гробъ Свой открытый, и нетлѣнную ризу плоти Своея видимую, намъ представляетъ?—Какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе; такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни нерѣдко забываемое, приводитъ намъ на память будущее наше воскресеніе.

„О безсмертіи души человѣческой, и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то,

для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъявляетъ свою смертность, поелику очевидно на части дѣлится и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ со свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіи жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію; душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, независимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ до наименѣе образованныхъ, такъ чт- въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свио дѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго, но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина,—та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину; то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями, поелику мысль о бесмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безмертною.

„Можно бы, для удостовѣренія будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только преж-

нюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни, человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

„Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка въ глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на землѣ, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни, кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ напримѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для такъ называемаго безсмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія,—отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня?—Также всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что въ настоящей жизни добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?..

„Но, можетъ быть, погрѣшаю я и въ томъ, что мимоходомъ говорю сіе предъ Христіанами, для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта. *Аще бо вѣруемъ,* говоритъ Апостолъ Павелъ, *яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершыя въ Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV, 14). *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершымъ бысть.* (1 Кор, XV, 20). Если кто, имѣя сей опытъ воскресенія, вздумаетъ самъ себя затруднять сомнѣніемъ, какъ можетъ оно совершиться, когда образъ разрушенія многихъ умершихъ тѣлъ, по видимому, не оставляетъ мѣста для мысли о ихъ возобновленіи: тотъ же Апостолъ уполномочиваетъ меня не только

разрѣшить сіе затрудненіе разсужденіемъ, основаннымъ на естествѣ извѣстныхъ вещей, но притомъ изъявить негодованіе за сомнѣніе, которое и вѣру оскорбляетъ, и разуму, его изобрѣтшему, чести не приноситъ. *Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (I Кор. XV, 36—39).

„Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно намъ безсмертіе, вокресеніе и жизнь будущаго вѣка: но напоминать о сихъ важныхъ предметахъ, которые, какъ можно примѣчать, многихъ, въ продолженіи многаго времени, меньше занимаютъ, нежели самыя мелочи.

„Апостолы называютъ себя *свидѣтелями воскресенія* (Дѣян. II, 32) Хрістова, хотя должность ихъ была свидѣтельствовать не о воскресеніи только, но о всемъ ученіи Его. Такъ важною почитаютъ они истину воскресенія. И подлинно, какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ утверждена истина всего, что творилъ, и чему поучалъ Господь нашъ. Но какъ важна истина воскресенія Хрістова для вѣры: такъ истина воскресенія нашего важна для жизни. Какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ непоколебимо утверждены всѣ правила жизни святой и Богоугодной.

Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ (1 Кор. XV, 32). Сіе правило, которое Апостолъ, отъ лица незнающихъ, или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, произнесъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, если бы они имѣли преимущество философствовать, въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, если бы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити: ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утрѣ умремъ;* то также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, какую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей, и превращаетъ человѣка въ скота или звѣря.

„О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравой и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе не убило тебя на вѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

„Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы не обузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни; говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на землѣ и родимся или на небесахъ или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы

*

питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому, рожденію.

„Что есть начало къ небесному рожденію?—Слово и духъ, и сила воскресшаго Хріста, который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

„Чтобъ истребить въ себѣ плевельныя сѣмена жизни адской, и жить наконецъ чистою и полною жизнію Воскресшаго: умирай всему, кромѣ Его жизни, то есть, не дѣйствуй ни въ какомъ качествѣ, Ему противномъ; не живи міру и плоти, страстямъ и похотямъ; не прилагай сердца къ богатству; не возносись гордостію житейскою. Съ Павломъ вмѣняй вся уметы быти, да Хріста пріобрящешь, то есть, яже вѣрою Іисусъ Хрїстовою, сущую отъ Бога правду, или праведность, въ вѣрѣ, еже разумѣти Его, и силу воскресенія Его и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его, дабы достигнуть въ воскресеніе мертвыхъ (Филип. III, 8—11). Если такъ поживешь и умрешь: то и ты, оставивъ въ гробѣ обветшавшія ризы земныя, получишь на небесахъ новыя, убѣленныя въ крови Агнца, и въ день брака Его облечешься въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: *виссонъ бо оправданія святыхъ есть* (Апок. XIX, 8). Аминь“.

§ 66. *„Разборъ Слова“*. — Слово митр. Филарета „о безсмертіи души“ состоитъ изъ *трехъ* главныхъ частей: *приступа* съ темою, *изложенія* и *заключенія*.

Въ *приступѣ* проповѣдникъ раскрываетъ Евангельскую исторію о воскресеніи Спасителя и примѣняетъ ее ко гробу святителя Алексѣя. Тамъ мироносицы не видѣли самого Христа, а только Его ризы; здѣсь мы видимъ честное тѣло угодника Божія, *бывшее ризою для духа*.

Изложеніе состоитъ изъ *пяти* частей, по числу доказательствъ главной мысли. Въ *первой* части изложенія проповѣдникъ указываетъ на свойства души и тѣла. Тѣло, говоритъ онъ, дѣлится на части, а душа не дѣлится на части, напротивъ представляетъ совсѣмъ особенное свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о предметахъ представляетъ въ единствѣ; тѣло приводится въ движеніе силою духа, а душа продолжаетъ свою независимую дѣятельность даже тогда, когда тѣло или поражено болѣзнію, или спитъ.

Вторая часть изложенія предлагаетъ слушателямъ доказательство отъ общей вѣры народовъ въ загробную жизнь. Проповѣдникъ говоритъ, что самый образованный и самый непросвѣщенный народъ вѣруетъ въ загробную жизнь; тутъ онъ указываетъ на чувственныя представленія о будущей жизни Магометанъ, на грубыя сказанія о ней язычниковъ. Истина загробной жизни, выражается проповѣдникъ, „какъ искра въ

грудѣ пепла", не угасла у самаго грубаго народа. Только Саддукеи отрицаютъ будущую жизнь, но это потому, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями.

Третье доказательство витія почерпаетъ отъ внѣшней природы. Идея безсмертія, говоритъ онъ, явно начертана во внѣшнемъ мірѣ, ибо въ немъ, собственно говоря, ничто не разрушается, а только принимаетъ новую, форму. Это доказательство, по своей наглядности, особенно убѣдительно. (Мы совѣтуемъ учащимся выучить этотъ отрывокъ наизусть).

Четвертое доказательство безсмертія души проповѣдникъ находитъ въ глубинѣ сердца человѣческаго. Въ сердцѣ человѣка есть стремленіе сохранить о себѣ память въ потомствѣ. Это стремленіе, замѣчаетъ витія, не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія? Дальше мы замѣчаемъ: чѣмъ сердце человѣка благороднѣе, тѣмъ оно сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что добро и правда часто въ этомъ свѣтѣ страждутъ отъ зла и неправды. Это сознаніе достоинства добра и правды происходитъ, замѣчаетъ проповѣдникъ, отъ глубочайшаго ощущенія царства добра и правды, которое настанетъ въ будущей жизни.

Пятое доказательство почерпаетъ архипастырь изъ Священнаго Писанія и при этомъ говоритъ о важности истины воскресенія для всего Христіанскаго ученія, а также—о гибельныхъ послѣдствіяхъ отрицанія этой глубокой истины...

Далѣе слѣдуетъ *заключеніе*. Проповѣдникъ обращается къ человѣку и совѣтуетъ ему не забывать безсмертія и воспитывать въ себѣ начало къ небесному рожденію. Началомъ небеснаго рожденія ораторъ называетъ слово, духъ и силу воскресшаго Христа. „Принимай, учитъ проповѣдникъ, сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели".

Итакъ все слово митр. Филарета „о безсмертіи души" состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: приступа съ темою, изложенія и заключенія. Изложеніе ораторъ раздѣлилъ, по числу доказательствъ, на пять частей: — первое доказательство *психологическое*, второе—*историческое*, третье—*естественное*, четвертое—*нравственное* и пятое—изъ *Священнаго Писанія*.

Языкъ этого слова обработанъ съ особенною тщательностію; обороты рѣчи показываютъ глубокаго мыслителя; встрѣчаются слова вновь составленныя, напр.: *воспящается, паутинный, благоучреждать*. Вообще митр. Филаретъ любитъ составлять новыя слова изъ корней роднаго языка, напр.: *обязаніе, домочадство, столпостпны, самовладыка* и пр.

§ 67. Другой знаменитый проповѣдникъ, служащій образцомъ высокаго духовнаго витійства, есть *Иннокентій* (1800—1857), архі-

епископъ Херсонскій и Таврическій. *Проповѣди* Иннокентія носятъ разныя названія, напр.: 1) Страстная Седмица, или рядъ словъ на Страстную Недѣлю; 2) Свѣтлая Седмица, т. е. рядъ бесѣдъ, которыя проповѣдникъ говорилъ въ продолженіи Святой Недѣли; 3) Первая Недѣля Великаго Поста, или слова, произнесенныя во время первой недѣли; 4) Слова и рѣчи его къ паствѣ Вологодской и Харьковской; 5) Бесѣды о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ; 6) Изъясненіе молитвы Великопостной „Господи и Владыко живота моего“; 7) Великій Постъ; 8) Слова и рѣчи, произнесенныя во время войны Русскихъ съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею въ 1854 и 1855 гг. (всѣхъ словъ 38); 9) Три слова о зимѣ.—Извѣстны также *историческія* сочиненія Иннокентія: 1) Жизнь Св. Апостола Павла и 2) Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа [1]).

Характеръ его краснорѣчія. — Краснорѣчіе Иннокентія рѣзко отличается отъ краснорѣчія митроп. Филарета. Слова Иннокентія просты, общедоступны и понятны человѣку, даже мало просвѣщенному. Проповѣди его преимущественно дѣйствуютъ на сердце слушателей или читателей. Иннокентій желаетъ проповѣдью тронуть чувство слушателей, а Филаретъ дѣйствуетъ преимущественно на разумъ. Иннокентій весьма часто въ своихъ сочиненіяхъ представляетъ цѣлый рядъ образовъ и картинъ природы. Эти образы и картины природы увлекаютъ воображеніе читателей, и слово само собою дѣлается убѣдительнымъ. Нѣкоторыя проповѣди этого знаменитаго оратора поражаютъ насъ своею краткостью. Видно, что онѣ какъ бы невольно изливались изъ его сердца. Его проповѣди похожи на отеческія наставленія. По причинѣ простоты и глубокаго чувства, ораторское краснорѣчіе Иннокентія болѣе извѣстно Россіи, нежели проповѣди Филарета. Иннокентія не вполнѣ можно узнать изъ его сочиненій; для этого надобно было видѣть его на каѳедрѣ: проповѣди его походили на импровизацію; видно было, что онъ только заблаговременно обдумывалъ планъ и говорилъ о предметѣ въ минуту вдохновенія. Какъ ораторъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми витіями древняго и новаго міра; какъ писатель Русскій, станетъ на ряду съ лучшими сочинителями Русскими.

Объ Иннокентіи:—Біографія Иннокентія написана преосвящ. *Макаріемъ.* Ученыя Записки 2 Отд. Акад. Наукъ. 1859. Кн. V.—Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія. М. 1864. (Въ этой книгѣ напечатана статья преосв. Макарія, а также собраны воспоминанія разныхъ лицъ объ Иннокентіи и, между прочими,—*М. П. Погодина,*—помѣщено нѣсколько словъ нашего незабвеннаго витіи).

§ 68. Для ознакомленія съ краснорѣчіемъ преосвященнаго Иннокентія представляемъ два его слова „въ Великій Пятокъ“:

---

[1]) Иннокентій составилъ и издалъ нѣсколько акаѳистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятой Богородицы, Живоносному Гробу, Архангелу Михаилу.

„Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ [1]), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: „Братія, давайте плакать“, и всѣ пали на землю и пролили слезы.

„Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?.. И что можно сказать вамъ о Богѣ и о Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *перси своя* (Лук. XXIII, 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

„Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать. Аминь“.

Разборъ „Слова“.—Предлагаемое „Слово“ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя своею краткостію, простотою и своеобразностію.—Краткость „Слова“ очевидна: въ немъ двѣнадцать—четырнадцать строкъ.—Простота заключается въ примѣненіи случая изъ жизни одного благочестиваго пустынника къ настоящему событію—ко Спасителю, почивающему во гробѣ.—Своеобразность „Слова“ состоитъ въ уклоненіи отъ принятыхъ формъ изложенія церковныхъ словъ: ни приступа, ни предложенія, ни доказательствъ, ни другихъ частей ораторской рѣчи нѣтъ, а между тѣмъ впечатлѣніе сильное производится на читателя.

§ 69. Приводимъ другое „Слово“ преосв. Иннокентія „въ Великій Пятокъ“:

„Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! Итакъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2)! есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія Божественнаго всыновленія со креста? есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога,* и не узрѣлъ единаго: *вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 13, 2 и 3). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь

[1]) Антоній Великій, учредитель иноческаго житія, р. 251 г., скончался 356 г.—Сорокъ лѣтъ подвизался въ Ѳиваидской пустынѣ въ Верхнемъ Египтѣ.

приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, распинаяйся Ему въ духѣ. Что же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе ли, лучше ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія: но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиваніе главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся, царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія; но и съ Голгоѳы многіе возвращались, *біюще перси своя* (Лук. 23, 48) и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

„Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12, 31),—судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить разсчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите,* вѣщаетъ Онъ намъ черезъ Пророка, *пріидите и истяжимся* (Ис. 1, 18)!

„Смотрите, что̀ Я сдѣлалъ для васъ! у Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ Духа Св. отъ Отца. Вотъ, что̀ я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся!*

„Можемъ ли, братія, уклониться отъ сего призванія? Итакъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя Святое Святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь ли имъ пути живота? предходишь ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. I, 4) Христовой; если въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу твою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ: лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ

новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи череды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6, 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ Египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

„Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19, 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, Голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличить невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица; побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего: твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

„Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ исканіи истины, въ познаніи таинъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не изчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), пріиде въ міръ и *далъ еси намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго: и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5, 20). Въ пользу ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что есть истина! увѣрился ли ты, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ

токмо въ Томъ, Кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4, 21); что она состоитъ *не въ препрѣтелныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2, 5) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка тлѣющаго въ похотяхъ прелестныхъ и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Если ты право правишь слово истины, *не скрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1, 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины; лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ земныхъ цѣлей: если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба—святое *буйство* (1 Кор. 1, 21) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

„Нужно ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе Святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обязательство со своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то за чѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? У тебя есть другія божества, иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы,—иди, лобызай ихъ.

„Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна

смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражу!

„Но, братія, земные Ангелы, подобно небеснымъ, всегда на Божественной стражѣ: они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6, 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностью сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться ко гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго Тѣла? Дерзнемъ ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6, 68)? *Нѣсть иного подъ небесемъ, о немъ же подабаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей Царствія. Аминь".

Примѣч. По силѣ ораторскаго одушевленія, по стройности изложенія, по своеобразному языку, это «Слово» должно быть поставлено на ряду съ высокими образцами духовной проповѣди.

Библіогр.—Отрывки изъ бесѣдъ Св. Василія Великаго, Св. Іоанна Златоустаго и Св. Григорія Нисскаго напечатаны въ IV ч. Христом. *А. Филонова*, изд. 4-е. Спб. 1896 г. и I ч. Христом. *А. Галахова*.

§ 70. Третьимъ замѣчательнѣйшимъ духовнымъ проповѣдникомъ Русской Церкви былъ *Родіонъ Путятинъ* (1807—1869), протоіерей Рыбинскаго собора. Послѣ святителя *Тихона Задонскаго* (1724—1783 г.), котораго „Сокровище Духовное, отъ міра собираемое", сдѣлалось народною книгою [1]), рѣдко кто былъ такъ понятенъ народу своимъ проповѣднымъ словомъ, какъ Родіонъ Путятинъ, нашъ *народный* проповѣдникъ въ полномъ смыслѣ этого многознаменательнаго слова. Ясность, простота

---

[1]) Сочиненіе Св. Тихона Задонскаго «Сокровище Духовное» неоднократно было издаваемо и представляетъ собою почти *единственный* въ нашей литературѣ примѣръ духовныхъ бесѣдъ, почерпаемыхъ изъ видимаго міра. Эта книга постоянно будетъ вызывать удивленіе мыслящаго человѣка своею понятностію, наблюдательностію, выводами высокихъ мыслей изъ предметовъ самыхъ обыденныхъ и глубоконазидательнымъ тономъ. Творенія иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Задонскаго. Спб. 1875, два тома.—Чтенія о Церковной Словесности. *Я. Амфитеатрова*. Кіевъ, 1846, ч. I, стр. 91,—ч. II, стр. 71, 273.—Святитель Тихонъ. *А. Лебедева*. Спб. 1865.

и краткость изложенія, искренность чувства составляютъ главное достоинство каждаго его поученія [1]).

Для образца приведемъ „Поученіе передъ Св. Причастіемъ":

„Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгарала; онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе; но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ нему говорящій: *Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо, иззуй* прежде *сапоги отъ ногъ твоихъ!* (Исх. 3, 5).

„Слушатели благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно была явленіе чудное и страшное; ибо горѣла и не сгарала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна Св. Чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой Св. Чашѣ подъ видомъ хлѣба преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина—истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой Св. Чашѣ огонь Божественный, чудный, страшный огонь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и сожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины, и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся сѣмо: *иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ;* развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

„Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ твой ангелъ-хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ, я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ. *Вѣрую Господи,* только помози моему невѣрію, вѣрую, *яко ты воистину Христосъ сынъ Бога живаго, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую,* и еще молю Тебя,—помози моему невѣрію, *еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь твоя.* Не даю тебѣ лобзанія Іудина, нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну:

[1]) Доказательствомъ общедоступности простой рѣчи Родіона Путятина и всеобщей его извѣстности служитъ тотъ знаменательный фактъ, что поученія его выдержали съ 1852 года по 1888-я г. *двадцать одно* изданіе.

только помилуй меня, и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ Таинъ.

„Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей Св. Чашѣ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связущихъ его душу, и потому причастится Пречистыхъ Таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай, Господи, такъ причаститься всѣмъ намъ, не только нынѣ, но и всегда. Аминь“ [1]).

Библіогр.—Некрологъ протоіерея Родіона Путятина въ Рус. Архивѣ 1871, № 3, стр. 506.

ГЛАВА III.

О сочиненіяхъ философическихъ.

§ 71. Философическими или учеными называются тѣ сочиненія, въ которыхъ истина *доказывается* путемъ строго-логическимъ. Къ ученымъ сочиненіямъ принадлежатъ изслѣдованія по всѣмъ областямъ науки и искусства.

§ 72. *Изложеніе философическихъ сочиненій.* — Въ философическихъ сочиненіяхъ употребляются два способа изложенія мыслей: *аналитическій* и *синтетическій*. Аналитическій (Греч. ἀναλύω—разрѣшаю) способъ восходитъ отъ явленій къ законамъ, отъ случаевъ къ правиламъ, отъ частнаго къ общему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Такъ, о человѣкѣ мы составляемъ понятіе, замѣчая его отдѣльные поступки. Аналитическимъ способомъ написано разсужденіе *Н. М. Карамзина* „О счастливѣйшемъ времени жизни“ (1803 г.). Сначала писатель говоритъ о старости, которую *Цицеронъ* признаетъ лучшимъ временемъ жизни, но съ чѣмъ онъ не согласенъ. „Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея“, замѣчаетъ Карамзинъ. Затѣмъ писатель не находитъ возможнымъ, вопреки Франц. философу *Жанъ-Жаку Руссо* (1712—1778), хвалить младенчество — „сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію“,—далѣе слѣдуетъ юность, „волнуемая темными желаніями“, мало заботящаяся о здоровьѣ, этомъ истинномъ благѣ „въ лѣтахъ зрѣлости“,—любящая „въ славѣ только шумъ“, счастія нѣтъ (продолжаетъ

---

[1]) Весьма замѣчательны своею простотою поученія высокопреосвящ. *Иннокентія, митроп.* Московскаго (1797—1879), носящія названіе «Указаніе пути въ царствіе небесное». Съ 1839-го года до 1885 г. эта глубоко-назидательная книжка имѣла *сорокъ шесть* изданій.—Творенія Иннокентія, митроп. Московскаго. Собраны Иваномъ Барсуковымъ. М. 1886, кн. I, стр. 168. — Образцы духовнаго нашего краснорѣчія, представленные другими нашими пастырями церкви, можно найти въ *четвертомъ* изданіи *четвертой* части нашей Христоматіи. Спб. 1896 г.

Карамзинъ) „въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ“; разсмотрѣвъ такимъ образомъ—старость, младенчество и молодость, писатель путемъ аналитическимъ доходитъ до главной своей мысли, что счастливѣйшимъ временемъ жизни надо признать мужество: „не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а *въ полномъ* дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!*“—Синтетическій (Греч. σύνθεσις—сложеніе) способъ изложенія представляетъ развитіе частныхъ явленій изъ общаго начала. Здѣсь умъ нашъ переходитъ отъ правила къ примѣру, отъ причины къ дѣйствію, отъ родоваго понятія къ видовому и единичному.—Въ примѣръ синтетическаго способа изложенія можно привести слово митрополита *Филарета* о безсмертіи души (§ 65 „Учеб.“). Проповѣдникъ, сказавъ, что человѣкъ безсмертенъ, доказываетъ это общее положеніе частными выводами, которые онъ беретъ изъ разсмотрѣнія свойствъ души и тѣла, изъ исторіи, изъ природы видимой и нравственной и изъ Священнаго Писанія. Точно такимъ же способомъ написано разсужденіе *Карамзина* „О любви къ отечеству и народной гордости“ (§ 76).

Библіогр.—Обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ изложенія. *А. Свѣтилина.* (По поводу книги *М. Владиславлева*). Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, авг.—Объ анализѣ и синтезѣ. А. Бобынина. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, декабрь.—Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, окт., стр. 307 и д.

§ 73. *Образцы философическихъ сочиненій.—Платонъ*, великій Греческій философъ (р. 429, ум. 345 г. до Р. Хр.), служитъ первымъ образцомъ философическихъ твореній. Съ 20-ти лѣтъ до 81-го года своей жизни онъ всецѣло посвятилъ себя высокому служенію философіи. Ученикъ Сократа, учитель Аристотеля, Ликурга и Димосѳена, любимецъ всей Греціи, названный „божественнымъ“, Платонъ передалъ свои обширныя и глубокія знанія по разнымъ наукамъ и нравственности въ многочисленныхъ разговорахъ (всѣхъ около 40). Покажемъ главные предметы разговоровъ Платона. Ученіе о добродѣтели изложено въ слѣдующихъ разговорахъ: „Протагорѣ“, „Эвтидемѣ“, „Менонѣ“ и „Лахезѣ“,—о разсудительности (Греч. σωφροσύνη) говорится въ „Хармидѣ“, о святости—въ „Эвтифронѣ“, о высочайшемъ благѣ въ „Филебѣ“, о честности—въ „Критонѣ“,—ученіе о безсмертіи раскрыто въ „Федонѣ“, который во всѣ времена почитаемъ былъ *драгоцѣннымъ* литературнымъ произведеніемъ древняго міра. „Горгіасъ“ разсуждаетъ о краснорѣчіи и риторикѣ; „Алкивіадъ первый“—о справедливости и несправедливости, „Алкивіадъ второй“—о молитвѣ, „Федръ“ и „Иппій большой“—о прекрасномъ, „Іонъ“—о поэзіи.

§ 74. Приведемъ ученіе Платона *о происхожденіи поэзіи*, по переводу профессора *В. Н. Карпова* († 1867 г.). Говоритъ Сократъ рапсодисту Іону: „Я намѣренъ высказать тебѣ свое мнѣніе (о поэзіи). Вѣдь

что ты хорошо говоришь объ Омирѣ (Гомерѣ), это, какъ я недавно замѣтилъ, не есть искусство, а божественная сила, движущая тебя и находящаяся въ тебѣ, какъ въ камнѣ, который у Эврипида названъ магнитомъ. Да, этотъ камень не только притягиваетъ желѣзныя кольца сами по себѣ, но и сообщаетъ имъ силу дѣлать въ свою очередь то же самое, что дѣлаетъ камень, то есть притягивать другія кольца; такъ что изъ взаимнаго сцѣпленія желѣзныхъ вещей и колецъ иногда составляется очень длинная цѣпь. Сила же всѣхъ ихъ зависитъ отъ того камня. Такъ-то муза сама творитъ людей вдохновенными; а чрезъ этихъ вдохновенныхъ составляется уже цѣпь изъ другихъ восторженниковъ (по переводу проф. *С. П. Шевырева*[1]) „вдохновенныхъ"). Вѣдь всѣ добрые творцы поэмъ пишутъ прекрасныя стихотворенія, водясь не искусствомъ, а вдохновеніемъ и одержаніемъ (у Шевырева „энтузіазмомъ"). То же и добрые творцы мелоса (т. е. пѣсни, у Шевырева „лирики"). Какъ корибанты (вдохновенные) пляшутъ не въ своемъ умѣ; такъ и творцы мелоса пишутъ эти прекрасные мелосы не въ своемъ умѣ: но лишь только напали на гармонію и размѣръ, то и вакханствуютъ (у Шевырева „преисполняются безуміемъ"), и являются одержимыми (у Шевырева „объемлются восторгомъ"), будто вакханки, которыя, когда бываютъ одержимы (у Шевырева „въ минуты упоенія") черпаютъ изъ рѣкъ медъ и молоко, пришедши же въ себя этого не могутъ. Вѣдь душа творцовъ мелоса (у Шевырева „поэтовъ лирическихъ") дѣлаетъ то, что они говорятъ; а говорятъ намъ поэты именно то, что свои мелосы почерпаютъ изъ источниковъ, текущихъ медомъ въ какихъ-то садахъ и на лугахъ музъ, и несутъ ихъ намъ какъ пчелы, летая подобно имъ. И это справедливо; потому что поэтъ есть вещь легкая (у Шевырева „существо легкое"), летучая (у Шевырева „крылатое") и священная: онъ не прежде можетъ произвесть что-либо, какъ сдѣлавшись вдохновеннымъ и изступленнымъ (у Шевырева „когда онъ выйдетъ изъ себя"), когда въ немъ нѣтъ уже ума; а пока это стяжаніе есть (у Шевырева „но покамѣсть онъ—умъ съ нимъ"), каждый человѣкъ безсиленъ въ творчествѣ и въ изліяніи провѣщаній (у Шевырева „неспособенъ произносить пророчества"). Итакъ, кто говоритъ много прекраснаго о предметахъ, какъ ты, тотъ водится не искусствомъ: всякій можетъ хорошо творить по божественному жребію—и творить только то, къ чему кого возбуждаетъ муза (у Шевырева „призываетъ муза"),—одинъ диѳирамбы[2]), другой—стихотворныя похвалы (у Шевырева „похвальныя оды"), иной—плясовыя стихотворенія, тотъ—эпосы, этотъ—ямбы[3]). Въ противномъ же случаѣ (у Ше-

[1]) См. его книгу: «Теорія Поэзіи» въ историческомъ развитіи. М. 1836.

[2]) «Диѳирамбы—это стихотворенія въ честь Вакха, плоды фантазіи изступленной и кипучей, но притомъ всегда веселой и торжественной». Примѣч. *В. Н. Карпова* (переводчика), бывшаго профессора духовной академіи.

[3]) «Ямбы, т. е. поэтическіе разсказы и вымыслы, особенно назначавшіеся для сцены». Примѣч. *В. Н. Карпова* (переводчика).

вырева „во всякомъ другомъ родѣ“), каждый изъ нихъ слабъ. Явно, что они говорятъ это, водясь не искусствомъ, а божіею (у Шевырева „божественною“) силою; иначе, умѣя по искусству хорошо говорить объ одномъ, умѣли бы и о всемъ прочемъ. Для того-то Богъ и дѣлаетъ ихъ служителями, вѣщунами (у Шевырева „пророками“) и божественными провѣщателями (у Шевырева „гадателями“) не прежде, какъ по отнятіи у нихъ ума, чтобы, то-есть, слушая ихъ, мы знали, что не они говорятъ столь важныя вещи, поколику въ нихъ нѣтъ ума (у Шевырева „ибо они внѣ своего разума“), а говоритъ самъ Богъ, только чрезъ нихъ издаетъ намъ членораздѣльные звуки. Сильнѣйшимъ доказательствомъ этого служитъ Хилькидецъ Тинnихъ, который никогда не написалъ ни одного достойнаго памяти стихотворенія, кромѣ пэана (стихотвореніе въ честь Аполлона); но этотъ пэанъ, всѣми воспѣваемый и лучшій почти изъ всѣхъ мелосовъ, по словамъ самого Тинниха, есть просто изобрѣтеніе музъ. Такъ этимъ-то, мнѣ кажется, Богъ особенно выводитъ насъ изъ недоумѣнія, что прекрасныя стихотворенія суть не человѣческія и принадлежатъ не людямъ, а божіи и богамъ. Что же касается до поэтовъ, то они не иное что, какъ толмачи боговъ, одержимые — каждый тѣмъ, чѣмъ одержится. Съ этою цѣлію Богъ иногда нарочно воспѣвалъ прекраснѣйшій мелосъ устами самаго плохаго поэта. Или тебѣ кажется, Іонъ, что я говорю неправду?

„*Іонъ.* Нѣтъ, клянусь Зевсомъ. Ты своими словами, Сократъ, какъ-то трогаешь душу. Я и самъ полагаю, что добрые поэты истолковываютъ намъ эту волю боговъ, по божественному жребію“. (Іонъ, разговоръ Платона, перев. проф. *В. Н. Карпова*. Спб. 1863, ч. IV, стр. 373—375).

Библіогр.—Сочиненія Платона, переведенныя съ Греческаго и объясненныя профессоромъ *В. Н. Карповымъ*. Спб. 1863, изд. 2-е, четыре части. — Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Соч. Адъюнкта Московскаго Университета *Степана Шевырева*. М. 1836, стр. 20—49.— О философскихъ произведеніяхъ классической литературы. Мнѣніе *Джона Стюарта Милля* (Англ. ученый). Журн. Мин. Нар. Просв. 1873, іюнь, стр. 65 «Преподаваніе Логики» (Милль высоко ставитъ эти произведенія). Здѣсь же разборъ трехъ діалоговъ Платона: «Менонъ», «Критонъ» и «Федонъ»; стр. 67—91.—Діалоги Платона «Тимэй» (или о природѣ вещей) и «Критій». Перев. съ примѣч. и введеніемъ. *Г. В. Малеванскаго*. Кіевъ, 1883.

§ 75. *Виды философическихъ сочиненій.*—Къ философическимъ сочиненіямъ относятся *разсужденія*, въ собственномъ смыслѣ, и *критика*.

Разсужденіемъ, въ собственномъ смыслѣ, называется стройное и связное сочиненіе, въ которомъ заключается полное изложеніе какой-либо истины, теоретической или практической. Каждое разсужденіе содержитъ въ себѣ логическій элементъ, т. е. отвлеченныя понятія, подъ которыя подходятъ всѣ факты, приводимые сочинителемъ. Такъ, напримѣръ, въ

разсужденіи Карамзина „О любви къ отечеству“ встрѣчаются раздѣленіе понятія на виды, опредѣленіе каждаго вида, причина, слѣдствіе, условіе, примѣръ и тому подобные предметы, раскрывающіе содержаніе темы. Отъ разсужденія въ особенности требуется единство мысли и послѣдовательность въ развитіи ея, такъ какъ этотъ родъ сочиненій служитъ выраженіемъ преимущественно разсудочной дѣятельности человѣка. Самое изложеніе должно отличаться ясностію, простотою и сжатостію. Всѣ дѣленія и дробленія частей должны истекать изъ одной главной мысли, ею проникаться и представлять одно непрерывное цѣлое. Такъ какъ весьма трудно уму человѣка держать въ постоянномъ напряженіи свою мысль, склоняя ее къ одной и той же цѣли, не давая ей уклоняться въ сторону ни на шагъ,—то разсужденія обыкновенно излагаются, сравнительно судя, въ краткомъ видѣ. Разсужденія, въ собственномъ смыслѣ, представляютъ собою примѣръ небольшихъ сочиненій.

Образцами разсужденій, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, могутъ служить слѣд. сочиненія: *М. В. Ломоносова* „О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ“, *Н. М. Карамзина* „О любви къ отечеству и народной гордости“, „О счастливѣйшемъ времени жизни“, „Предисловіе къ исторіи Государства Россійскаго“, *В. А. Жуковскаго* „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“, митр. *Филарета* „О нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года“, *Е. А. Баратынскаго* „О нравственной цѣли литературныхъ произведеній“, *Н. В. Гоголя* „О томъ, что такое слово“, *М. Н. Каткова* „Практическое значеніе искусства“ (въ его статьяхъ о *Пушкинѣ* „Русск. Вѣстн.“ 1856 г.), *Ѳ. И. Буслаева* „Общія понятія о свойствахъ эпической поэзіи“ (см. его книгу: „Историческіе Очерки Рус. Народной Словесности и искусства, т. I, стр. 55 и IV ч. нашей Христом.) и др.

§ 76. Для примѣра приведемъ разсужденіе *Н. М. Карамзина* „О любви къ отечеству и народной гордости“.

„Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, нравственная* и *политическая*.

„Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло Природы и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое щастіе—[1]), а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапланецъ, рожденный почти въ

[1]) Соблюдаемъ правописаніе подлинника.

гробѣ Природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ щастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество.— Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи (Швейцаріи), удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ Природы и для человѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя Природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

„Съ кѣмъ мы расли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы расли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.—На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой Натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго Патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру [1]) и Оранистамъ [2]), выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій Кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ пе-

---

[1]) Намѣстникъ.
[2]) Приверженцы Вильгельма III, изъ дома Оранскаго,—или протестанты.

редъ собою великолѣпнѣйшую картину Природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть щастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, я живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ, и мнѣ скучно!"

„Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе Натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

„Самая лучшая Философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его щастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава: и есть-ли оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе—гордость народную, которая служитъ опорою Патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

„Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного Патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

„Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ щастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостію.

„Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелію народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны.

Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ Сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ, въ десятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на Славянской языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

„Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приготовили торжество Чингисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ нещастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими нещастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

„Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

„И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому Государю: народная сила и храбрость послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

„Время Самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца—граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Древняя и новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго Патріотизма. Въ царствованіе Александра (І-го) позволено желать Русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ-Новгородѣ (гдѣ

раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *Его щастливое* время.

„Петръ Великій, *соединивъ* насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ—и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

„Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни, удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмаго-на десять вѣка считался варварскимъ.

„Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость;* но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители *Лейбница* [1]) находили въ немъ также одну *переимчивость*.

„Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Есть-ли бы наши молодые дворяне *учась могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ *Линнеевъ* [2]), *Галлеровъ* [3]), *Боннетовъ* [4]). Успѣхи Литтературы нашей (которая

[1]) *Лейбницъ*, великій Германскій мыслитель (1646—1716).

[2]) *Линней* (1707 — 1778) — знаменитый Шведскій естествоиспытатель. Главное его сочиненіе: *Systema naturae*. Изд. 1735 г.

[3]) *Галлеръ* (1708 — 1777) род. въ Берлинѣ; извѣстнѣйшій литераторъ, физіологъ и ботаникъ.

[4]) *Боннетъ Карлъ* (1720—1793)—естествоиспытатель и философъ. Род.

требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ, и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ *Монтань* [1]): чудно-ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно-ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять па ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ, и славны чужою славою. Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе Русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу, но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской Литтературы, не хотятъ и взглянуть на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе Журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ [2]). Кому не будетъ обидно походить на *Даламбертову* [3]) мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему, услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русской языкъ грубъ и не пріятенъ; что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что они ошибаются? Но мущины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ

въ Женевѣ. Во всей силѣ геній его раскрылся въ сочиненіи: «Созерцаніе Природы» (Contemplation de la Nature). На Р. языкъ переведено *Виноградовымъ* 1792—1804 г..

[1]) *Монтань* (Montaigne) 1533—1592—Фран. философъ. Извѣстно его сочиненіе: *Essais* и пр.

[2]) Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ *Ломоносова* Одъ и разныхъ мѣстъ изъ *Сумарокова* заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ. *Примѣч.* Карамзина.

[3]) *Даламбертъ*—Франц. философъ XVIII в.

собственнаго языка: мудрено-ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный Министръ сказалъ при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому". Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ?—Языкъ важенъ для Патріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть* по-Англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

„Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

„До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ—и мы еще въ срединѣ нашегославнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли* и *раскрытія;* видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды* и *надежда!* — Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на щастіе". (Пис. 1802 г.).

Разборъ.—Раздѣленіе (divisio) разсужденія на двѣ части: *первая* часть о любви къ отечеству; *вторая*—о народной гордости. *Первая* часть подраздѣляется (partitio) на три отдѣла: *первый*—любовь физическая: здѣсь Карамзинъ говоритъ о ея происхожденіи и причинахъ; *второй* отдѣлъ—любовь нравственная: здѣсь авторъ представляетъ опредѣленіе любви нравственной, причину и подтверждаетъ свои мысли примѣрами, свидѣтельствомъ; *третій* отдѣлъ первой части разсуждаетъ о любви политической. Какъ онъ называетъ эту любовь? Что онъ говоритъ о патріотизмѣ?

Вторая часть разсужденія излагаетъ понятія Карамзина о народной гордости. Указаніе на недостатокъ въ насъ чувства собственнаго достоинства. Желая пробудить въ насъ это чувство, авторъ перечисляетъ главнѣйшія славныя событія нашего отечества: храбрость и рыцарское добродушіе Славяно-Руссовъ, просвѣщеніе на Руси въ XI вѣкѣ, самостоятельность ея при Ярославѣ, гибель со славою во время потомковъ Чингисъ-Хановыхъ, сверженіе Татарскаго ига, самопожертвованіе во время Самозванцевъ, присвоеніе плодовъ Европейскаго просвѣщенія при Петрѣ

Великомъ, мужество Русскихъ. Это *первый* отдѣлъ второй части.—Во *второмъ* отдѣлѣ Карамзинъ разсматриваетъ наше военное искусство, гражданскія учрежденія, людкость, тонъ общества и пр., въ *третьемъ*— переимчивость, въ *четвертомъ*—науку, литературу и языкъ. Въ заключеніе авторъ вооружается противъ нашего рабскаго подражанія иноземцамъ.

Это разсужденіе Карамзина, краткое по объему, значительное по содержанію и ясное по плану, даетъ прекрасный матеріалъ для сообщенія ученикамъ понятій о главныхъ *логическихъ* пріемахъ мышленія: индукціи и дедукціи, а также о частныхъ логическихъ способахъ мысли: родовомъ и видовомъ понятіи, опредѣленіи, раздѣленіи, причинѣ, примѣрѣ, свидѣтельствѣ (о чемъ уже выше было сказано). — „Любовь" родовое понятіе, „къ отечеству"—опредѣленіе къ нему, видовое отличіе. Въ этомъ граматич. опредѣленіи и въ логическомъ разграниченіи его заключается вся суть темы. — Размышленіе обращается къ раскрытію объема (divisio) главнаго понятія темы и основываясь на признакахъ, составляющихъ содержаніе видоваго отличія (мѣсто рожденія и воспитанія, сограждане, общее благо), признакахъ, добытыхъ путемъ *развлеченія* (partitio) видоваго признака, находитъ слѣдующіе виды любви къ отечеству: физическую, нравственную и политическую.—Такимъ образомъ уже дѣленіемъ указывается три части разсужденія.—Онованіемъ для перваго вида любви къ отечеству—служитъ природа, для втораго привычка, для третьяго—нравственное развитіе.

Самъ Карамзинъ называетъ третій видъ любви къ отечеству „великою добродѣтелію", какъ слѣдствіе духовныхъ усилій. Вотъ почему здѣсь расчленяется духовное существо человѣка на сердце, откуда любовь ко благу и славѣ отечества,—на волю, откуда стремленіе способствовать благу и славѣ отечества,—на разумъ, откуда вытекаетъ, что этимъ видомъ любви проникаются лишь люди развитые.

Карамзинъ строго различилъ „родину", „мѣстожительство" и „отечество", откуда почерпнулъ основы каждаго вида любви: натуру, привычку, долгъ; натура проявляется ощущеніями и настроеніемъ, привычка— привязанностями и наклонностями, долгъ—стремленіемъ и дѣйствіемъ; первое дѣлается безсознательно, второе—по чувству, сердцемъ, третьимъ правитъ развитый разумъ и твердая воля. Все это и лежитъ въ основѣ разсужденія.

Въ третьей части разсужденія доказательство *дедуктивное* (т. е. отъ общаго къ частному идущее). Оно должно подтвердить нравственную истину: „любовь къ собственному благу производится въ насъ любовію къ отечеству". Для оправданія этой истины *индуктивныхъ* доказательствъ (т. е. выходящихъ отъ частнаго къ общему) недостаточно. Карамзинъ говоритъ: „самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности (долгъ) человѣка на его щастіи": это бо́льшая

посылка. Меньшая посылка: „Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразлучна наша собственная“ (т. е. наше личное счастіе зависитъ отъ счастья отечества“, слѣдуетъ изъясненіе).— Заключеніе: „Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производится въ насъ любовію къ отечеству“. Затѣмъ, какъ и въ первомъ отдѣлѣ, слѣдуютъ *индуктивныя* доказательства. (См. Ж. М. Н. Пр. 1883, іюль, стр. 84—89. Разборъ „Методич. Хрестоматіи“).

Примѣч.—Прекраснымъ примѣромъ *разсужденія* могутъ служитъ слѣд. сочиненія Нѣмецкаго поэта *Шиллера*: «О наивной и сентиментальной поэзіи», «О трагическомъ искусствѣ», «Основанія удовольствія, ощущаемаго отъ трагическихъ предметовъ», »Мысли объ употребленіи пошлаго и низкаго въ искусствѣ», «О патетическомъ». Всѣ статьи переведены на Рус. языкъ. Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ Рус. писателей. *Н. Гербеля*, изд. 6-е. Спб. 1884, т. III.

§ 77. *Критика* есть разборъ произведеній науки и искусства, основанный на общихъ началахъ разума. Слово „критика“ Греческое; оно происходитъ отъ глагола κρίνω—сужу, оттуда—прилагательное: κριτικός, судящій, разбирающій, оцѣнивающій. Званіе критика и весьма важно и весьма трудно. Истинный критикъ долженъ имѣть проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть, во всѣхъ ея оттѣнкахъ; разсудокъ опредѣляетъ истинную цѣну ея и не даетъ ему ослѣпляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо изящное (прекрасное). Онъ знаетъ всѣ правила искусства, изучилъ превосходнѣйшіе его образцы, но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ: въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ (образецъ, § 79-й „Учебн.“) совершенства, составленный изо всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго;—идеалъ съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника. Само собою разумѣется, что критиковъ, близкихъ къ этому понятію, весьма немного; они такъ же рѣдки, какъ и великіе художники, твореніямъ которыхъ они научили удивляться.

Въ новомъ Европейскомъ мірѣ Германія представила глубокомысленнаго критика въ лицѣ *Лессинга* (1724—1781). Онъ оказалъ важную услугу всему образованному міру своими критическими статьями о драматическихъ піесахъ, даваемыхъ на театрѣ въ Гамбургѣ, при чемъ писателемъ высказано много глубокихъ истинъ о драматическомъ искусствѣ, а особенно о Французской трагедіи (§ 127 „Учебн.“): эти статьи собраны въ его критическомъ сочиненіи „Гамбургская Драматургія“ (отдѣльное изд. въ переводѣ *И. П. Разсадина*. М. 1883 г.).

Другое, не менѣе знаменитое, сочиненіе Лессинга „Лаокоонъ“ [1])

[1]) Оно переведено на Рус. языкъ *Е. Эдельсономъ* и издано отдѣльно. М. 1859.

опредѣлило границы между поэзіею и живописью. Лессингъ признается образцомъ самой здравой научной критики.

Вильгельмъ Гумбольдтъ (1767—1835)—лингвистъ и государственный человѣкъ можетъ служить другимъ образцомъ глубокой эстетической (§ 79 „Учеб.“) критики. Его тонкая критика имѣла самое благотворное вліяніе на *Гете* и еще болѣе—на *Шиллера* въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Оцѣнка поэмы (§ 93 „Учебн.“) Гете „Германъ и Доротея“ (1797 г.), написанная *Вильгельмомъ* Гумбольдтомъ, представляетъ собою классическій образецъ художественной критики. (Всеобщая Исторія Литературы. *І. Шерра*. Рус. перев. *А. Н. Пыпина*. Спб. 1863, стр. 577 и 579).

Примѣч.—Весьма было бы желательно, чтобы ученики высшихъ классовъ познакомились съ указанными капитальными сочиненіями по теоріи Словесности. Такъ какъ Лессингъ часто ссылается на *Аристотеля*, то надо прочитать знаменитое произведеніе этого великаго ученаго древности «О поэзіи». Оно переведено на Рус. языкъ и объяснено *Б. И. Ордынскимъ*. М. 1854, *В. И. Захаровымъ*. Варшава. 1885 г. [1]).

Истинное понятіе о критикѣ въ нашей Словесности возникло недавно. Въ прошломъ вѣкѣ и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго подъ критикою разумѣли обыкновенный отчетъ о томъ, что намъ нравится и что не нравится,—и разборъ грамматико-стилистическій. Такъ *Сумароковъ*, первый, по времени, нашъ критикъ, разбирая Ломоносова, дѣлилъ такъ его оды: прекрасныя, очень хорошія, хорошія и такія, о которыхъ онъ ничего не можетъ сказать.

А. Ѳ. Воейковъ (1773—1839), считавшійся въ свое время замѣчательнымъ критикомъ, нападалъ на Пушкина, въ двадцатыхъ годахъ, за отдѣльныя выраженія и находилъ, что слова „фонтанъ“ и „каскадъ“ неумѣстны въ эпическихъ (§ 81-й „Учебн.“) твореніяхъ и должны быть замѣнены реченіями „водометъ“ и „водопадъ“. (*А. Д. Галаховъ*. Ж. М. Нар. Пр. 1863, ч. СХХ, стр. 645).

Послѣ Сумарокова было много критическихъ писателей, но выдѣлился изъ среды ихъ особенно *Н. И. Надеждинъ* (1804—1856), издатель журнала „Телескопъ“ (1830—1836) и профессоръ логики, Рос. Словесности и миѳологіи при Москов. Университетѣ. Его критическія статьи показывали глубокое знаніе литературнаго дѣла и много содѣйствовали развитію вкуса публики къ изящному. Надеждинъ писалъ во время *Пушкина* и первый изъ Русскихъ критиковъ уяснилъ тогдашнему обществу разницу между классицизмомъ и романтизмомъ. (Журн. М. Н. Пр. 1880 г. № 1).

Въ сороковыхъ годахъ поднялся на критическое поле *В. Г. Бѣлин-*

---

[1]) Къ вопросу объ истолкованіи «Поэтики» *Аристотеля*. Жур. Мин. Нар. Просв., 1887, мартъ.—О томъ же. Жур. Мин. Нар. Просв. 1875, № 1.

скій (1810 — 1848), ученикъ Н. И. Надеждина, многими своими свѣтлыми идеями ему обязанный. Своими умными и энергическими статьями, не щадившими никакого авторитета, онъ увлекъ за собою читающее общество. Мысли его о законахъ словеснаго искусства и теперь имѣютъ значеніе. Бѣлинскій требовалъ отъ произведенія писателя—идеи, изящества формы, а также выраженія жизни. Сочиненія его изданы въ двѣнадцати частяхъ. Мы не перечисляемъ критическихъ статей Бѣлинскаго, потому что онѣ многочисленны; но назовемъ нѣкоторыя, болѣе выдающіяся по своей мысли и занимательности содержанія: о Марлинскомъ (ч. III), о дѣтскихъ книгахъ (ч. II и III: ч. II, стр. 220, 337—354, ч. III, стр. 483—543), о Пушкинѣ (ч. VIII), Лермонтовѣ (ч. III и IV), Гоголѣ (ч. I и VI), А. Майковѣ (ч. VI), о критикѣ по поводу рѣчи профессора А. В. Никитенко (ч. VI, стр. 193 и д.), народныхъ Русскихъ пѣсняхъ (ч. V), о сочиненіи Котошихина (ч. IV), о дѣленіи поэзіи на роды и виды (ч. XII)и пр.

Библіогр.—В. Г. Бѣлинскій. *Д. Свіяжскаго.* Спб. 1860.—*Я. К. Грота* въ Спб. Вѣдомост. 1861, № 109.—Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. *А. Н. Пыпина.* Спб. 1876, двѣ части.—Рус. Вѣстн. 1874, № 8 «по поводу одной литературной репутаціи».

Примѣч.—Въ собраніи сочиненій *П. А. Плетнева* (Спб. 1885, три части) можно найти много хорошихъ образцовъ умной и сдержанной критики. Въ собраніи сочиненій *И. А. Гончарова* (Спб. 1884, т. VIII) есть статья «Мильйонъ терзаній», представляющая замѣчательный критическій разборъ комедіи (§ 130 «Учебн.») *А. С. Грибоѣдова* «Горе отъ Ума».—Въ сочиненіяхъ *Н. Н. Страхова* (1828—1896 г.) можно читать образцы хорошей критики, отличающейся философическимъ направленіемъ мысли и самостоятельностію воззрѣній—рѣдкое качество между критиками. Мы разумѣемъ здѣсь слѣд. его сочиненія: 1 Критическія статьи объ И. С, Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. второе. Спб. 1887.—2. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Спб. 1888. (Здѣсь говорится о Пушкинѣ—нѣсколько статей, о Некрасовѣ и Полонскомъ, объ ироніи въ Русской литературѣ, о А. Н. Майковѣ, гр. А. К. Толстомъ, А. А. Фетѣ, гр. А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ, Ѳ. И. Тютчевѣ и Д. Д. Минаевѣ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ.

§ 78. *Опредѣленіе поэзіи.*—Изображеніе прекраснаго (или изящнаго) въ словѣ называется *поэзіею*. „Поэзія“ — слово Греческое (ποίησις): оно происходитъ отъ глагола „ποιέω“, дѣлаю, творю. Поэзія, по прямому значенію слова, есть *творчество*; поэтъ (ποιητής) силою своего воображенія творитъ новый міръ на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ жизни; можетъ и *вымышлять* событія, но только похожія на правду. *Правдоподобіе*—существенная черта поэтическаго вымысла.

§ 79. *Развитіе понятія о поэзіи.*—Прекрасное, изображаемое поэзіею, является въ двухъ видахъ: *положительно*-прекрасное и *отрицательно*-прекрасное. Положительно-прекрасными называются такіе предметы и явленія, которые обнаруживаютъ согласіе съ законами истины, блага и красоты; изображая положительно-прекрасное, поэтъ показываетъ, какимъ *долженъ* быть человѣкъ, по своей божественной природѣ. Отрицательно-прекрасными именуются такіе предметы и явленія, которые уклонились отъ законовъ истины, добра и красоты; изображая отрицательно-прекрасное, поэтъ имѣетъ цѣлію представить, какимъ человѣкъ *не долженъ быть*.—Пояснимъ эти мысли примѣромъ. *А. С. Пушкинъ* въ повѣсти „Капитанская Дочка“ изображаетъ Императрицу Екатерину II доброю, милосердою, внимательною къ подданнымъ, заботливою, простою и справедливою,—это примѣръ положительно-прекраснаго,—съ такими свойствами, *долженъ быть* каждый государь. *Н. В. Гоголь* въ сочиненіи своемъ „Мертвыя Души“ выводитъ Плюшкина и показываетъ намъ его въ безобразномъ видѣ: Плюшкинъ ѣстъ гнилой сухарь, а самъ весьма богатъ,—хлѣба и сѣна у него въ изобиліи, а онъ говоритъ, что у него и клока сѣна нѣтъ,—живетъ онъ въ углу, а у самого цѣлый домъ пустуетъ,—дѣтей своихъ проклялъ, внукамъ не далъ ни гроша, не смотря на ихъ бѣдность,—это примѣръ отрицательно-прекраснаго,—такихъ дурныхъ чертъ *не долженъ имѣть* человѣкъ, су-

щество разумное, созданное по образу и подобію Божію.—И у Пушкина и у Гоголя идея одна—изобразить *истинный* образъ человѣка,—но одинъ осуществляетъ ее путемъ положительнымъ, а другой—путемъ отрицательнымъ.

Цѣль поэзіи, какъ всякаго искусства и какъ науки, есть *истина*. Но этой цѣли она достигаетъ иными средствами, нежели наука. Свои идеи поэзія облекаетъ въ *образы*, т. е. въ чувственныя, наглядныя представленія. Такъ идею о могущественномъ дѣйствіи Евангелія на сердце человѣка *В. А. Жуковскій* изобразилъ въ лицѣ капитана Боппа, идею скупости *Пушкинъ* представляетъ въ образѣ скупаго рыцаря. Для поэта не существуетъ случайныхъ явленій, но только одни *типическіе* образы [1]), которые заключаютъ въ себѣ примѣты, свойственныя цѣлому роду явленій, выражающихъ собою одну извѣстную идею. Каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель (типъ) безчисленнаго множества лицъ одного рода. Такія имена, какъ Онѣгинъ, Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Репетиловъ суть какъ бы не собственныя, а нарицательныя имена, общія характеристическія названія извѣстныхъ явленій дѣйствительности.

Но поэтъ не есть *рабъ* дѣйствительности; онъ включаетъ въ свое произведеніе только тѣ черты изъ жизни героя, тѣ факты изъ событія, которые имѣютъ прямое отношеніе къ идеѣ его созданія. Поэтъ не обязанъ описывать, какъ герой его, положимъ, обѣдалъ каждый день,—но можетъ изобразить одинъ изъ его обѣдовъ, если этотъ обѣдъ имѣлъ вліяніе на его жизнь, или если въ этомъ обѣдѣ можно представить характеристическія черты быта. Такъ *И. А. Гончаровъ* разсказываетъ только *одинъ разъ*, какъ на Обломовкѣ пекли праздничный пирогъ, а не говоритъ, какъ совершалось то же самое дѣло въ каждое воскресенье.

Прекрасное, служащее основаніемъ поэзіи, есть въ то же время нравственно-истинное и благое; и потому, олицетворяя его въ живыхъ образахъ, поэтъ увѣренъ, что этимъ путемъ онъ можетъ болѣе всего содѣйствовать *облагороженію* людей и *возвышенію* ихъ *человѣческаго* и національнаго *достоинства*. *Пушкинъ* говоритъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства *добрыя* я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ *полезенъ*
И *милость* къ падшимъ призывалъ.

Поэтъ долженъ вѣровать въ нравственные и общественные идеалы [2]) человѣчества,—безъ чего нельзя представить себѣ нормальнаго состоянія

---

[1]) Греч. слово τύπος—отпечатокъ, образъ, видъ, очертаніе. Въ Словесности типомъ называется обобщеніе частныхъ чертъ въ одномъ живомъ образѣ. Сочиненія *В. Г. Бѣлинскаго*. О типѣ, ч. III стр. 36. См. ниже. § 100 «Учеб.».

[2]) *Идеалъ* мысленный образъ того, чѣмъ долженъ быть извѣстный предметъ.

ни человѣка въ отдѣльности, ни человѣческихъ обществъ. Въ истинно-поэтическихъ созданіяхъ необходимо сочетаніе идеальнаго настроенія духа и міросозерцанія съ реальнымъ ходомъ вещей въ жизни, въ законахъ природы и человѣка. Такое идеально-реалистическое направленіе составляетъ *основное начало* (принципъ) и назначеніе искусства. Поэтому истинный поэтъ рѣзко отдѣляется отъ того описательнаго, фотографическаго рода, столь распространеннаго въ литературѣ, въ которомъ, подъ видомъ вѣрнаго сообщенія фактовъ и нравовъ, преимущественно рисуются картины всевозможныхъ ничтожествъ и искаженія людей. Наука объ изящномъ (прекрасномъ) называется *эстетикою* (отъ греч. глагола „αἰσθάνομαι“—чувствую).

„Верховная цѣль науки—истина; верховная цѣль искусства—*прекрасное*. Искусство своею спеціальностью признало распространять, поддерживать, охранять прекрасное въ обществѣ; приложенія его въ намѣреніяхъ людей, въ дѣяніяхъ, въ нравахъ и жизни окажутся сами собою“. Профес. *А. В. Никитенко* (1805—1877) въ статьѣ „Мысли о реализмѣ въ искусствѣ“ (Ж. М. Н. П. 1872, ч. 159).

„И пусть изъ царства зорь, изъ мира благовоній,
И вѣчной истины, и свѣта, и гармоній,
На землю падаетъ святая пѣснь твоя,
Какъ въ знойный день роса, свѣжащая поля,
Какъ лучшей жизни вѣсть, какъ пѣнье вольной птицы,
Мелькнувшей узнику въ отверстіи темницы,
Блаженствомъ чистыхъ слезъ смягчивъ сердца людей,
Та пѣснь ихъ возродитъ для новыхъ, лучшихъ дней“.

А. Майковъ. Изъ стихотворенія „Сны“ (1859 г.).

Винкельманъ (XVIII в.) о вліяніи искусства говоритъ: „я забываю вселенную, взирая на Аполлона (Бельведерскаго); я самъ принимаю благороднѣйшую осанку, чтобы достойнѣе созерцать его. (См. въ сочиненіяхъ *К. Н. Батюшкова* статью „О легкой поэзіи“). „Въ прекрасномъ есть *божественное*“, говоритъ древній греч. философъ *Платонъ*. (См. статью профес. *С. П. Шевырева* „Христіанская Философія“ въ журналѣ „Москвитянинъ“ 1841, ч. III, № 6, стр. 389). „Что вообще есть сущность красоты“ (спрашиваетъ *В. А. Жуковскій* и отвѣчаетъ такъ) „*Правда*, т. е. тѣсное сродство съ тѣмъ, что составляетъ сущность души человѣческой; не съ тѣмъ, что мы бываемъ въ ту или другую минуту нашей жизни, но съ тѣмъ, что есть основаніе нашего бытія, что въ великую минуту жизни присутственно, что служитъ масштабомъ всѣхъ возможныхъ модификацій нашего бытія“. (См. его „Дневникъ 1821 года“.

Рус. Вѣстн. 1890, январь, стр. 293 „Сообщенія и Извѣстія"). „Поэзія отъ Бога", сказалъ Римскій поэтъ *Овидій.* (Словарь Древней и Новой Поэзіи. *Н. Остолопова.* Спб. 1821, ч. 2, стр. 413). „Поэзія и искусство—пишетъ профессоръ *Ѳ. И. Буслаевъ,*—имѣютъ высшее значеніе: они обращаютъ свое дѣйствіе прямо на совѣсть человѣка, возвышаютъ надъ дѣйствительностію его разумъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствуютъ его поступками въ дѣятельности практической". (Историческіе Очерки Народной Словесности и Искусства. Спб. 1861, т. 2, стр. 144. Сказано по поводу разбора изображеній Страшнаго Суда въ живописи). Жуковскій называетъ поэзію „крыломъ могучимъ, подъемлющимъ наши души на высоту" (См. его поэму „Камоэнсъ"). *Прекрасное*—есть задача всѣхъ искусствъ, говорятъ позднѣйшіе мыслители (см. книгу *Ферріери* объ искусствѣ, перев. *В. Яковлева.* Спб. 1888).

Библіогр.—Разговоръ *Платона* «Іонъ». Сочиненія Платона, переведенныя съ Греческаго и объясненныя профессоромъ *Карповымъ.* Спб. 1863, ч. IV.—О поэзіи, соч. *Аристотеля.* Перевелъ, изложилъ и объяснилъ Б. Ордынскій, стр. 13 и 86. М. 1854.—Поэтика Аристотеля. Перев. *В. И. Захарова.* Варшава. 1885. Разборъ въ Ж. М. Н. Пр. 1887, мартъ. *А. Н. Кирѣева.*—Лаокоонъ, соч. *Лессинга,* перев. Эдельсона. Спб. 1859.—Наивная и сантиментальная поэзія *Шиллера; его же:* Мысли объ употребленіи пошлаго и низкаго въ искусствѣ. Полное собраніе сочиненій Шиллера, изд. *Н. Гербеля.* Спб. 1884, т. III.—Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. *С. Шевырева.* М. 1836, стр. 59.—О назначеніи искусства. *А. Н. Майкова.* Отеч. Зап. 1853, ноябрь.—Сочиненія *В. Бѣлинскаго.* М. 1859, ч. IV. стр. 248 и д. (о стихотвореніяхъ Лермонтова).—Поэзія, какъ предметъ науки. *П. Аландскаго.* Кіевъ 1875.—*А. Никитенко* о поэзіи. Спб. Вѣдом. 1876, № 5 «стихотворенія гр. А. Толстого».—*Тэнъ.* Чтенія объ искусствѣ. Перев. *А. Чудинова.* Спб. 1889.—*Гольцевъ В. А.* Объ искусствѣ. М. 1890.

§ 81. *Раздѣленіе поэзіи на главные роды.*—Въ теоріи поэтическихъ произведеній признается три главныхъ рода: *эпическій, лирическій* и *драматическій.* Въ основѣ эпическаго рода поэтическихъ произведеній лежитъ разсказъ о внѣшнемъ мірѣ, въ основѣ лирическаго—личное чувство поэта, въ основѣ драматическаго рода—дѣйствіе.

Библіогр.—Обстоятельное изложеніе основаній для дѣленія поэзіи на роды и виды можно читать въ сочиненіяхъ *В. Г. Бѣлинскаго.* М. 1862, ч. XII, стр. 277—364.—*А. Бэнъ.* Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго.* М. 1866. (Эту книгу хвалитъ *Ѳ. И. Буслаевъ* въ своей программѣ по Русской Словесности. Пантеонъ Литературы. Спб. 1889.) Три главы изъ исторіи поэтики. *А. Н. Веселовскаго.* Ж. М. Н. Просвѣщ. 1890, № 1 и слѣд.—*Карла Фойгта* въ журналѣ: Семейные Вечера. 1867, стр. 459—468, подъ названіемъ: «Опытъ системы теоріи поэзіи».—Основы поэтики. Профессора *Сумцова.* 1895.

ГЛАВА I.
Эпическая поэзія.

§ 81. *Понятіе.*—Поэтическія произведенія, въ которыхъ *разсказывается* о томъ или другомъ событіи, о томъ или другомъ лицѣ, называются *эпическими.* Эпосъ—слово Греческое (ἔπος), по-Русски значитъ: разсказъ, сказаніе, рѣчь, слово.

§ 82. *Виды эпическихъ произведеній.*—Главнѣйшіе виды эпическихъ произведеній слѣд.: сказка, былина, легенда, басня, идиллія, баллада, поэма, романъ, повѣсть и разсказъ.

§ 83. I. *Сказка* составляетъ одинъ изъ обширныхъ отдѣловъ народной эпической поэзіи. Сказка „складка", говоритъ народъ, т. е. выдумка, вымыселъ: но при внимательномъ разборѣ, мы увидимъ, что сказка имѣетъ важное значеніе въ жизни народа. Сказки, во-первыхъ, суть остатки *миѳовъ*, т. е. сказаній о богахъ. Сказочныя существа служатъ олицетвореніемъ явленій природы. Олицетворять природу человѣкъ сталъ потому, что не понималъ ея могущественныхъ силъ и непреложныхъ законовъ. Зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе представлены въ сказкѣ „Окаменѣлое Царство". Солнце изображено въ цѣломъ рядѣ сказокъ. „Василиса Царевна", „Марья Моревна", „Анастасія Прекрасная", „Жаръ-Птица"—все это миѳы солнца. Солнце, удаляющееся на зиму, представляется въ сказкѣ спящею царевною, заколдованною или похищенною насильно злымъ существомъ. Кощей уноситъ Марью Моревну. Кощей—миѳическій образъ тучи, окованной зимнимъ холодомъ и скрывающій отъ насъ царевну-солнце. Во многихъ сказкахъ говорится о чудесной живой водѣ, воскрешающей героя: живая вода—олицетвореніе весенняго дождя, который оживляетъ природу и облекаетъ ее въ новый, свѣтлый видъ. Облака принимаютъ въ природѣ разныя формы, производятъ разное на человѣка впечатлѣніе,—и въ сказкахъ они являются подъ различными живыми или метафорическими образами. Шапка-невидимка, скатерть-самобранка, коверъ-самолетъ, крылатый конь, быстрая птица, летучій корабль суть не иное что, какъ метафорическія названія облаковъ, покрывающихъ сводъ небесный, подобно шапкѣ-невидимкѣ и скатерти-самобранкѣ [1]), или несущихся по небосклону съ быстротою коня и птицы. Облака представляются въ сказкахъ то въ видѣ скалъ, то какъ башни и стѣны, смотря по впечатлѣнію, производимому на глазъ нашъ. Сказки о мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ царствѣ—наглядныя изображенія тѣхъ яркихъ цвѣтовъ, которыми окрашивается небесный шатеръ при восходѣ и закатѣ солнца. Грозныя явленія природы—громъ, молнія опять въ сказкахъ

[1]) По объясненію *Ореста Ѳ. Миллера* (1833—1889) «скатерть-самобранка означаетъ изобиліе лѣтнихъ даровъ вообще». Опытъ Истор. Обозр. Рус. Словесности. Спб. 1865, изд. 2-е, стр. 152.

облеклись въ образы живыхъ существъ, олицетворились. Мужичекъ съ-ноготокъ, или самъ съ-перстъ, борода на семь верстъ, мальчикъ-съ-пальчикъ—осязательное представленіе молніи: мужичекъ-съ-ноготокъ—молнія, а борода съ локотокъ—туча. „Мгновенно блещущая и быстро-исчезающая молнія—объясняетъ *А. Н. Аѳанасьевъ* (ум. 1871 г.)—относительно грозныхъ тучъ, обнимающихъ все безпредѣльное небо, казалась малюткою въ нѣдрахъ великана и была уподоблена пальцу на его рукѣ“. Баба-Яга, которая ѣдетъ въ ступѣ, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ,—Баба-Яга, управляющая вѣтрами буйными, столь сильно дующими, что и дома и деревья ниспровергаются, эта Баба-Яга указываетъ на бурю и мятели. Мальчикъ съ-пальчикъ, какъ и добрый молодецъ, иногда (говорится въ сказкахъ) залѣзаетъ въ ухо коня, „сивки бурки, вѣщей каурки“; въ одно ухо влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ и является тогда прекраснымъ, сильнымъ, непобѣдимымъ. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ такой разсказъ значитъ: молнія скрывается въ головѣ гигантскаго коня-тучи и, выходя оттуда, является глазамъ человѣка во всемъ блескѣ своей поразительной красоты и всесокрушающей силы. „Морозко“—миѳическій образъ тучи, вѣющей холодомъ, стужею и покрывающей природу инеемъ, ледяными сосульками. Богатыри сказокъ, владѣющіе громадными силами, воплощаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ грозныя, потрясающія явленія природы, оттого они (богатыри) и растутъ не по днямъ, а по часамъ и минутамъ, подобно тому, какъ и въ природѣ грозная туча подымается быстро, мгновенно.

Смотря на сказки, какъ на остатки миѳовъ, мы должны помнить, что не всякая въ нихъ подробность можетъ быть толкуема съ этой точки зрѣнія. Въ сказкѣ *уцѣлѣло только зерно миѳа,* главный его мотивъ,—вся же чудесная обстановка ея принадлежитъ фантазіи народа, нанизывавшей чудо на чудо и приключеніе прибавлявшей къ приключенію.

Во-вторыхъ, сказка имѣетъ *бытовое* значеніе. Дѣйствительная жизнь создала тотъ взглядъ на семейную жизнь, какой мы находимъ въ сказкѣ. Строгое повиновеніе волѣ отца считается нерушимымъ закономъ, отступленіе отъ котораго сопровождается несчастіемъ, а покорность ему вѣнчается счастіемъ. Любовь матери къ дѣтямъ, сестры къ братьямъ довольно ясно обрисовывается въ сказкѣ; отношенія отца къ дѣтямъ не обнаруживаютъ особенной мягкости, но они таковы и въ жизни простаго человѣка. Какъ въ жизни, такъ и въ сказкѣ, братья спорятъ и преслѣдуютъ одинъ другаго изъ-за отцовскаго наслѣдства. Цѣлый рядъ сказокъ изображаетъ нелюбовь и ненависть мачехи къ падчерицамъ и излишнюю зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачехи составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чужой для нея семьи. Въ сказкахъ находимъ не мало указаній, на древ-

нѣйшій нашъ бытъ, такъ, между прочимъ, онѣ говорятъ объ особенномъ родѣ смертной казни—*размычкѣ конями:* преступника привязывали къ хвосту дикой лошади и пускали въ чистое поле. Въ сказкахъ говорится о томъ, что иногда выбрасывали тѣло умершаго на съѣденіе звѣрямъ, что иногда оставляли кости безъ погребенія, а это, по взгляду языческой старины, считалось величайшимъ несчастіемъ для души усопшаго. Немногіе примѣры, указанные нами, ясно свидѣтельствуютъ, что сказка не есть пустой вымыселъ, а важный памятникъ народной жизни.

Въ-третьихъ, сказки составляютъ отрывки стариннаго *животнаго* эпоса. Есть много сказокъ о лисѣ, волкѣ, медвѣдѣ, въ которыхъ эти животныя представляются главными дѣйствующими лицами. Имъ присвоенъ умъ, чувство, даръ слова. Животныя похожи на людей: такъ, лисица просится къ мужику ночевать, она идетъ на пріемъ новорожденнаго, собирается оплакивать покойника; волкъ и заяцъ живутъ въ избушкахъ; медвѣдь съ мужикомъ сѣетъ рѣпу. Представляя животныхъ похожими на людей, сказка не забываетъ и природныхъ склонностей ихъ: лисица любитъ куръ и гусей, пугается собаки, медвѣдь угрожаетъ мужику, что онъ съѣстъ его. Сказки о волкѣ, медвѣдѣ, лисѣ, пѣтухѣ исполнены большой прелести и достойны полнаго вниманія.

Въ-четвертыхъ, сказки имѣютъ значеніе по своему *нравственному* направленію. Сказки воспитываютъ въ народѣ чувство правды и законности. Сказки всегда на сторонѣ добра, простодушія, незлобія. Для примѣра укажемъ на сказку „Норка-Звѣрь". Три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаруживаютъ на пути всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ; но когда третій братъ смѣлостью преодолѣваетъ всѣ опасности—они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ уже подняться на Русь по нарочно-опущенному канату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердцѣ бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія, даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря, заблистала молнія, загремѣлъ громъ и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ: а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія птички и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одежду и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и, какъ увидала своихъ дѣтей покрытыми—спросила: „Кто покрылъ этихъ пташечекъ? Это—ты? Спасибо тебѣ, проси отъ меня, чего

хочетъ", и, по просьбѣ бѣдняка, выноситъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больнаго дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго!

Въ-пятыхъ, съ точки зрѣнія *педагогической* народныя сказки, своимъ элементомъ чудеснаго, представляютъ богатый матеріалъ для развитія воображенія дѣтей. Еще древній философъ *Платонъ* (V в. до Р. Хр.) въ сочиненіи своемъ „Государство" говорилъ, что дѣтямъ „мы прежде всего разсказываемъ сказки". (Перев. В. Н. Карпова. Спб. 1863 г. ч. III, стр. 127 и д.). Это было началомъ воспитанія. Занимательность разсказа и соотвѣтствіе его понятіямъ дѣтей составляетъ первое условіе каждой педагогической книги: такому разумному требованію вполнѣ удовлетворяетъ сказка. Воспріимчивое воображеніе дѣтей легко усвояетъ сказку, потому что въ ней передается простая, безъискусственная исторія. Шестилѣтнее дитя уже въ силахъ передать своими словами содержаніе сказки, слышанной имъ отъ старшихъ: такъ сказка доступна дѣтскому уму и силамъ. Братья *Гриммы* (XIX в.) въ предисловіи къ своему изданію Нѣмецкихъ сказокъ говорятъ: „Нашимъ намѣреніемъ было и то, чтобы эти сказки служили также *воспитательною книгою*".

Примѣч. Всѣ высказанныя мысли о сказкѣ подкрѣпляются чтеніемъ слѣд. сказокъ: «Окаменѣлое Царство», «Марья Моревна», «Живая и Мертвая Вода», «Баба-Яга», «Жаръ-Птица», «Морозко», «Чудесная Дудка», «Мужикъ, Медвѣдь и Лиса», «Лиса». (См. I ч. нашей Христоматіи, изд. 8-е. Спб. 1897 г.).

Примѣч. 2-е.—Есть сказки *историческаго* содержанія, напр. «Горшеня», «Шибарша»: и та и другая говоритъ объ Іоаннѣ Грозномъ [1]). Наконецъ существуютъ сказки *сатирическія*, т. е. осмѣивающія наши старинные (судейскіе) порядки, напр. «Ершъ Щетинниковъ».

Библіогр.—Лучшій сборникъ Рус. народныхъ сказокъ изданъ *А. Н. Аѳанасьевымъ*. Восемь частей. М. 1855—1863. Напечатано болѣе 300 сказокъ, съ объясненіями разнаго рода.—Лучшія изслѣдованія о сказкахъ принадлежатъ *Ѳ. И. Буслаеву*, *А. Н. Аѳанасьеву*, *А. Н. Пыпину*, *А. Котляревскому и А. Н. Веселовскому*. Филолог. Записки 1864, вып. I и II «Сказка и Миѳъ», «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», три книги. Москва 1865, Отечеств. Зап. 1856, № 4 и 5 «о Рус. народныхъ сказкахъ». Спб. Вѣд. 1864, № 84, 100 и 108 и Сборникъ Отдѣленія Рус. языка и Словесности Академіи Наукъ 1889, т. 45-й «Рус. народная сказка». Историческіе Очерки Рус. Народной Словесности и Искусства. Ѳ. И. Буслаева. Спб. 1861, т. I, стр. 308 и д. «Славянскія Сказки». *Его же*: Народная Поэзія. Спб. 1887. Сказки о вѣщей дѣвѣ. Журн. Мин. Нар.

[1]) Сказки объ Иванѣ Грозномъ, ст. *А. Н. Веселовскаго*. Древняя и Новая Россія 1876, № 4.—Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. *Ив. Бѣляева*. М. 1866, стр. 74.

*

Просв. 1871, № 4 и 1895, декабрь.—Другія библіограф. указанія см. въ I ч. Христом. *А. Филинова*. Спб. 1897, изд. 8-е, стр. 10—11.

Образцы искусственной сказки.—Многіе иностранные и Русскіе писатели пробовали составлять сказки въ народномъ духѣ. Между чужеземными писателями особенно извѣстенъ въ этой отрасли Словесности Датскій писатель *Андерсенъ* (1805—1875). Сказки его извѣстны во всемъ образованномъ мірѣ. (На Русскій языкъ онѣ переведены *Трубниковой* 1865 г., *Вейнбергомъ* 1868 г., *Стасовой* 1889 г., *Майковой* 1890 г. и др. Любопытная автобіографія Андерсена въ Филолог. Запискахъ, издав. въ Воронежѣ 1876—78 г.). Занимательны сказки *Карменъ-Сильвы* (королевы Румынской *Елисаветы*). Изд. отдѣльными книжками 1888 г.—Многіе изъ Русскихъ писателей испытывали свои силы въ сочиненіи сказокъ. Укажемъ на нѣкоторые образцы: „Золотой Мѣшокъ" *Н. А. Полеваго* (1796—1845), „Жаръ-Птица› *Н. М. Языкова* (1803--1846), „Илья Муромецъ", „Соловей Разбойникъ", „Коровушка Буренушка", „Емеля Дурачекъ" и многія другія *В. И. Даля* (казака Луганскаго). „Городокъ въ Табакеркѣ" князя *В. Ѳ. Одоевскаго* [1]), „Конекъ Горбунокъ" *П. П. Ершова* (1815—1869). Замѣчательно то, что вожди нашей литературы, *В. А. Жуковскій* и *А. С. Пушкинъ*, любили обращаться къ народнымъ Рус. сказкамъ и въ нихъ искать идеаловъ высокой поэзіи. Жуковскій *въ* 1816 г. писалъ изъ Дерпта къ роднымъ въ Бѣлевъ (уѣздный городъ Тульской губ.): „Я давно придумалъ для васъ всѣхъ работу, которая можетъ быть для меня со временемъ полезна. Не можете ли вы собирать для меня Рус. сказки и Рус. преданія: это значитъ заставлять себѣ разказывать деревенскихъ нашихъ разказчиковъ и записывать ихъ росказни. Не смѣйтесь. Эта національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія; суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени просвѣщенія и о старинѣ". (Русскій Архивъ 1864, изд. 1, стр. 468). *Пушкинъ* питалъ глубокую любовь къ народному сказочному міру. О сказкахъ онъ такъ говоритъ въ письмѣ отъ 1824 г. къ брату: „Знаешь ли мои занятія (въ деревнѣ)? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ; вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма". (Библіографич. Записки, изд. *М. Лонгинова*. 1858. Т. I, стр. 46). Добрую няню свою, Арину Родіоновну, онъ по гробъ своей жизни любилъ за то, что она посвятила поэта въ Рус. сказочный міръ.

---

[1]) Сказки кн. *В. Ѳ. Одоевскаго* (1803—1869) изд. отдѣльною книгою, подъ названіемъ «Сказки Дѣдушки Иринея». М. 1871 и *А. С. Суворинымъ* («Дешевая библіотека») 1889 г.—Прекрасная книжка для дѣтей!

„Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя“.

Такими лестными словами благородный поэтъ увѣковѣчилъ память о своей почтенной нянѣ. Сказки Пушкина—„Женихъ“, „О царѣ Салтанѣ“, „О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ“, „О золотомъ Пѣтушкѣ“, „О мертвой Царевнѣ и о семи богатыряхъ“, „О Рыбакѣ и Рыбкѣ“, всѣ взяты изъ разсказовъ Арины Родіоновны. Не приводимъ сказокъ *Жуковскаго* и *Пушкина,* потому что лучшія между ними помѣщаются обыкновенно въ хрестоматіяхъ, назначенныхъ для низшихъ классовъ училищъ. Вмѣсто того печатаемъ прекрасное введеніе къ поэмѣ Пушкина „Русланъ и Людмила“, весьма подробно изображающее намъ сказочный міръ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ:
Тамъ Русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.

§ 84. II. *Былина.*—Былина есть народный разсказъ (или пѣсня) *историческаго* содержанія; она передаетъ *былое* съ точки зрѣнія народа. Былина свидѣтельствуетъ, что народъ принималъ живое участіе въ исторіи своего отечества. Повѣримъ эту мысль разсмотрѣніемъ главнаго содержанія былинъ.

Исторія представляетъ намъ первыхъ Русскихъ князей боевыми людьми, любящими тревожную походную жизнь, дѣлающими набѣги на Византію: такими же изображаются они и въ былинахъ. У *П. Н. Рыбникова* (ум. 1885) записана старина, гдѣ разсказывается о набѣгѣ Олега на Византію: старина эта носитъ названіе „Вольга Буслаевичъ“ (т. е. Олегъ Святославичъ). Народъ прозвалъ Олега вѣщимъ, мудрымъ, хитрымъ: въ старинѣ въ томъ же образѣ онъ и воспроизводится. Лѣтопи-

сецъ говоритъ, что Олегъ на корабляхъ подъѣхалъ по-суху къ Цареграду: старина показываетъ, что Олегъ „повернулся птицею-пташицей и полетѣлъ по подоблачью въ Турецъ-землю, сѣлъ противъ самыхъ окошечекъ царя Турецкаго и подслушалъ всѣ рѣчи царя съ царицею“... Подслушавши рѣчи Турецъ-Сантала, Вольга *повернулся* добрымъ молодцемъ,—

И тугіе луки перёломалъ,
И шелковыя тетивочки пѐрервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перѐзалилъ.

Богатыри временъ Владиміра сражаются съ врагами басурманами, которые постоянно тревожатъ Кіевъ несмѣтными своими полчищами. Богатырь Сухмантій Дихмантьевичъ дубиночкой поколотилъ Татаръ поганыхъ; Иванушка Дубровичъ желѣзною осью побилъ Татаръ; въ другой былинѣ передается, что Ермакъ Тимоѳеевичъ „сталъ силушку великую-поганую (т. е. Татаръ) конемъ топтать“, а силы было видимо-невидимо:

Онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганаго:
Нагнано-то силушки черным черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона,
И не можетъ пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Вѣшнiимъ долгiимъ денечкомъ
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Черну ворону этой силы не обграяти.
Осеннiимъ долгiимъ денечкомъ
Сѣрой птицѣ вокругъ не облетѣть.

Илья Муромецъ освободилъ Кіевъ отъ Калины, царя Золотой орды, который привелъ съ собою силы „на сто верстъ во всѣ четыре стороны“,—убилъ Соловья-Разбойника; Добрыня Никитичъ очистилъ дороги прямоѣзжія, вырубилъ Чудь бѣлоглазую, прекратилъ Сорочину долгополую, Черкесъ Пятигорскiихъ, Калмыковъ съ Татарами, Чукши и Алюторы; онъ же сразилъ Змѣище-Горынчище о двѣнадцати хоботахъ; Василій Казиміровичъ побѣдилъ царя Батыя, который хвалился, что онъ выжжетъ, вырубитъ Кіевъ и Божіи церкви. Вообще, всѣ богатыри стоятъ грудью за своего князя Владиміра-красное солнышко и являютъ чудеса храбрости. Въ ихъ дѣяніяхъ народная поэзія запечатлѣла историческіе моменты бытія перваго періода Русской исторіи, это—постоянную борьбу съ варварскими племенами: Печенѣгами, Половцами и Татарами, столь часто опустошавшими Кіевъ,—и съ языческими вѣрованіями народа [1]). Мысль

[1]) «Упоминаются еще подвиги богатырей противъ разбойниковъ: лѣтопись также говоритъ объ умноженіи разбойниковъ, и сохранилось имя одного изъ нихъ, *Могута*, который былъ пойманъ въ 1008 г. и покаялся въ домѣ у митрополита». Исторія Россіи. *С. М. Соловьева*, изд. 3-е, т. I, стр. 207.

у лѣтописца и народнаго поэта одна; только названія, краски и образы различны.

Частыя сношенія Кіева съ чужими землями и соперничество между городами и областями представлены въ былинѣ о заѣзжемъ богатырѣ Дюкѣ Степановичѣ. Хорошъ былъ городъ Волынь, Красенъ Галичій, родина богатыря: у жителей того города—„крышечки въ домахъ золоченыя, у нихъ маковки въ церквахъ самоцвѣтныя, мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны, Сорочинскія суконца приразостланы“.

Василій Буслаевъ и Садко купецъ, богатый гость, въ живыхъ и выразительныхъ краскахъ рисуютъ жизнь Новгорода: его богатство, предпріимчивость, религіозность, борьбу партій (двухъ сторонъ Новгорода, раздѣленныхъ рѣкою).

Татарскій погромъ изображается и въ пѣсняхъ, касающихся Владиміра, и въ другихъ („Калинъ Царь“, „Татарскій полонъ“, „Щелканъ Дудентьевичъ“).

Бурный вѣкъ Іоанна Грознаго отразился въ нашихъ былинахъ и пѣсняхъ весьма ярко. Взятіе Казани и Астрахани, завоеваніе Сибири Ермакомъ — вотъ тѣ событія, которыя составили, между прочимъ, славу и блескъ царствованія Грознаго; опричники и казни, убіеніе сына—вотъ тѣ мрачные факты, которые дѣлаютъ жизнь Іоанна страшною. И та и другая стороны царствованія одинаково вѣрно изображены въ былинахъ и пѣсняхъ народнымъ творчествомъ. Вотъ одна изъ былинъ, описывающая свадьбу Грознаго! Въ началѣ представленъ плачъ всѣхъ по умершей государевой царицѣ, благовѣрной Софьѣ Романовнѣ (т. е. Анастасіи): плачъ изображенъ истинно-поэтическими красками (*Кирѣевск.*, вып. VI):

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядючись-смотрючись со черныхъ корраблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,
И на тѣ на круты-красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты-красны бережки,
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ:
Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.

Умирая, царица заклинаетъ своего мужа не быть *ярымъ*, а быть *милостивымъ* къ дѣтямъ своимъ и боярамъ, къ солдатушкамъ и ко всему народу православному; проситъ его не жениться на Литвинкѣ, а жениться въ каменной Москвѣ. Грозный не послушался совѣта усопшей супруги своей,

Прошло времени *три* мѣсяца и—
Похотѣлъ сударь Грозенъ Царь,
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ,
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.

Вѣнчается царь, пируетъ съ боярами и могучими богатырями до поздняго вечера. Все идетъ прекрасно, только одинъ случай приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, и пѣсня оканчивается ужасною картиною. Шуринъ Грознаго, Кострюкъ сынъ Темрюковичъ, вызываетъ себѣ борца между Москвичами: является „Васенька хромоногенькой"; начинается состязаніе. Вася поборолъ Кострюка, металъ шурина царскаго о кирпичный полъ:

Бралъ Царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ въ далече-чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, на Святой Руси.

Эта пѣсня даетъ новое сильное доказательство, что народная поэзія отражаетъ въ себѣ историческія эпохи.

Смутное время, время Самозванцевъ, увѣковѣчено народомъ въ его устной поэзіи. Гришка Растригинъ описанъ въ духѣ лѣтописцевъ и современныхъ разсказовъ. Ясно выражено, чѣмъ не понравился Самозванецъ въ Москвѣ, какъ оскорблялось чувство народное отступленіями отъ обычаевъ, утвержденныхъ вѣками (*Рыбник.*, ч. I).

Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака поженитися:
Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвы,
Поженился воръ-собака во хороброй Литвы,
У Юрья пана Сердополскаго,
На самой на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушки Юрьевной.
Оны свадьбу играли во Филиповъ постъ.
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день.
Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ большій во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Которы ко Христосьской заутрени, —
Воръ Гришка Разстрижка во мыльну пошелъ.

Скопинъ-Шуйскій, одинъ изъ доблестныхъ защитниковъ родины отъ иноплеменныхъ враговъ, воспѣтъ народнымъ стихомъ.

Русская народная поэзія касалась иногда частныхъ явленій исторической жизни, если эти явленія имѣли въ свое время громкое значеніе и приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе. Тутъ мы разумѣемъ пѣсни Англичанина Джемса, относящіяся къ событіямъ Московскимъ 1618—1620 годовъ. Въ одной изъ нихъ описывается въѣздъ патріарха Филарета въ Москву; разсказывается про ту радость, которою были полны и самъ государь и вся земля святорусская.

Есть былины про осаду Соловецкаго монастыря—одно изъ важныю событій временъ царя Алексѣя Михайловича, о борьбѣ его съ Польшехъ

Слѣдя далѣе за выраженіемъ историческихъ эпохъ въ народныхъ былинахъ, мы можемъ указать на былины, въ которыхъ представляются Петръ Первый [1]), графъ Румянцевъ, Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ,—дѣятели вѣка Императрицы Екатерины II, графъ Платовъ и другіе.

Существуетъ пѣсня про двѣнадцатый годъ:

Французъ съ арміей валитъ,
Самъ подваливаетъ;
Рѣчь выговариваетъ:
Еще много генераловъ—
Всѣхъ въ ногахъ стопчу:
Всею матушку Россеюшку
Во полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду.

Изъ этихъ фактовъ видно, что былины представляютъ довольно полную картину историческихъ свѣдѣній и взглядовъ простаго народа.

Для образца приведемъ былину объ Ильѣ Муромцѣ (встрѣча съ разбойниками. Изъ сборника *Кирши Данилова):*

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ—
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей,
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
По чему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему Русскому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душой съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есть вы, братцы станишники!
Убить меня стараго вамъ не за что,
А взяти у стараго нечего“.
Вымалъ онъ изъ налушна (чехла) крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу,
А спѣла тетивка у туга лука,

[1]) О Петрѣ Великомъ народъ сложилъ много былинъ. См. VIII-й вып. «Пѣсенъ», собранныхъ *П. В. Кирѣевскимъ*. М. 1870.—Графъ *А. К. Толстой* (1817—1875) написалъ нѣсколько замѣчательныхъ былинъ въ подражаніе народнымъ былинамъ, напр.: «Илья Муромецъ», «Алеша Поповичъ» и др. См. полное собраніе его сочиненій. У *А. Н. Майкова* есть прекрасныя былины, напр.: «Сербская Церковь», «Любуша и Премыслъ» (Полное собр. сочиненій его. Спб. 1894, т. II).

Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистой
дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые
дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго,
Того-то станишники испужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ —
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
„Ты старой козакъ, Илья Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
Дадимъ рукописанье служить довѣку“.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есть вы, братцы, станишники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго козака Илью Муромца“.

Примѣч.—Для болѣе обстоятельнаго знакомства съ былинами надо прочитать о Святогорѣ (старшій богатырь), Вольгѣ, Микулѣ Селяниновичѣ (богатырь-земледѣлецъ), о разныхъ подвигахъ Ильи Муромца (спасеніе Чернигова, пораженіе Соловья-Разбойника, побѣда надъ Жидовиномъ, Идолищемъ и Калиною-Царемъ), о Добрынѣ Никитичѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Садкѣ купцѣ и пр. Въ хрестоматіяхъ помѣщено не мало былинъ.

Библіогр.—Сборники былинъ: *Кирши Данилова* 1818 г., *П. В. Кирѣевскаго* 1862—1870 (восемь выпусковъ), *П. Н. Рыбникова* 1862—1868 (четыре части), Онежскія былины *А. Гильфердинга* 1873 (томъ въ 668 стран.) и новое ихъ изданіе, Академіею Наукъ выпущенное 1896 и 1898 г.г.—Изслѣдованія о былинахъ: *П. Безсонова* (при сборникѣ Кирѣевскаго, преимущественно выпускъ VIII-й, М. 1870, стр. I—CXIX «Замѣтка», при вып. V-мъ «Замѣтка отъ LIV стр. до CXLIII и при др. выпускахъ), *Ѳ. И. Буслаева* (Историческіе Очерки Рус. народной Словесности, т. I и Русскій богатырскій эпосъ въ книгѣ: Народная Поэзія. Спб. 1887), *Ор. Ѳ. Миллера* (обширное изслѣдованіе объ Ильѣ Муромцѣ, вышедшее 1870 г.).—Другія библіографф. указанія см. въ I ч. Христ. *А. Филонова*, изд. 8-е. Спб. 1897, стр. 82 и 154.

Заключительное примѣчаніе о былинахъ.—Вопросъ о былинахъ въ настоящее время получилъ новое движеніе. Ученые наши стали разработывать этотъ вопросъ съ особою настойчивостью и съ новыхъ точекъ зрѣнія. Въ послѣднее время написанъ рядъ статей о былинахъ и сходятся наши ученые, какъ кажется, въ одномъ воззрѣніи на эту отрасль народнаго творчества: наши былины не есть что-нибудь самостоятельное, наше собственное; содержаніемъ былинъ служатъ *общіе* предметы (сюжеты), «странствующіе» по всему свѣту, къ намъ «захожіе» вслѣдствіе сношеній съ разными народами;—къ *общему* для всего человѣчества содержанію каждый народъ присоединялъ и свое родное, пріурочивая общее содержаніе къ извѣстнымъ своимъ героямъ.

Въ развитіи этой общей мысли особенно много оказалъ услугъ неутомимый академ. и профес. *А. Н. Веселовскій* во множествѣ своихъ статей. Высказывается учеными и то сужденіе, что наши Кіевскія былины неправильно такъ называются: имъ всего основательнѣе называться Новгородскими; такое мнѣніе развиваетъ въ своихъ статьяхъ проф. *Всев. Ѳед. Миллеръ*. По этому взгляду и Микула Селяниновичъ и Вольга Святославовичъ—Новгородскаго происхожденія. Изученіемъ внутренней исторіи Новгорода, а равно и природы края указанный ученый подтверждаетъ свое убѣжденіе. Выражена въ послѣднее время и та мысль,

что наши Кіевскія былины относятся къ періоду созиданія Московскаго царства: такой взглядъ проводитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. *М. Халанскій*: «Владиміръ былинъ—говоритъ онъ,—чисто-эпическая личность съ чертами *Московскаго* грознаго царя-батюшки». И Святогора онъ называетъ *Московскимъ* богатыремъ. Профессоръ *Ив. Н. Ждановъ* находитъ въ нашихъ былинахъ (напр. о Святогорѣ) пересказъ библейскихъ повѣствованій о Самсонѣ.—А. Н. Веселовскій считаетъ Чурилу Плевковича — «Греко-Романскимъ гостемъ», т. е. заѣзжимъ гостемъ, а проф. Халанскій помѣщаетъ Чурилу въ число богатырей Московскаго періода вмѣстѣ съ Микулою Селяниновичемъ и Святогоромъ.

Не въ *учебникѣ* заниматься разборомъ высказанныхъ разнообразныхъ сужденій. Мы повторимъ мысль академика Веселовскаго, что былины наши представляютъ еще много «запутаннаго и загадочнаго». (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1884, февр., стр. 396 и д.—См. еще: къ Литературной Исторіи Русской Былевой поэзіи. *И. Жданова*. Кіевъ. 1881.—Мелкія замѣтки къ былинамъ *А. Веселовскаго*. Ж. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ.—Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ. *Всев. Ѳ. Миллера*. Ж. М. Нар. Просв. 1891, ноябрь.—Другія библіографич. указанія на новое теченіе вопроса о былинахъ см. въ первой части нашей «Христоматіи», изд. *восьмое*. Спб. 1897 г., стр. 154—155 и вообще—*весь* отдѣлъ о былинахъ.

§ 85. III. *Легендою* называется небольшая повѣсть религіознаго содержанія, проникнутая народнымъ вымысломъ. Легенда повѣствуетъ о разныхъ событіяхъ, какъ-то: созданіи міра, потопѣ,—о разныхъ лицахъ: Ноѣ праведномъ, Ильѣ-пророкѣ, Соломонѣ премудромъ, Николаѣ-Чудотворцѣ и другихъ святыхъ. Легенда даже раскрываетъ передъ нами цѣлый рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя,—но въ этихъ разсказахъ нельзя искать *истинныхъ* религіозныхъ понятій народа: здѣсь перемѣшиваются идеи христіанскія съ народнымъ вымысломъ.

У насъ на Руси, въ формѣ *легенды* излагалось разнообразное содержаніе: и подвиги святыхъ, и важныя историческія событія, и разныя занимательныя похожденія. Это была особенная *художественная* форма, религіознаго характера, служившая выраженіемъ нравственныхъ чувствъ народа. Для образца представляемъ Смоленскую легенду о *св. Меркуріи*:

„Въ городѣ Смоленскѣ жилъ нѣкто молодой человѣкъ, по имени Меркурій; былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда Богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душою и слезенъ, часто приходилъ къ кресту Господню молиться за міръ. А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ Русскую землю и мучилъ христіанъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ великою ратью на Богоспасаемый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ него за 30 поприщъ; много святыхъ церквей пожегъ и христіанъ побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, неисходно пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы, и умильно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слеза-

ми ко Всемогущему Богу и ко Пречистой его Богоматери и ко всѣмъ святымъ, о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

„И было нѣкое смотрѣніе Божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города за Днѣпръ-рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно явилась Пречистая Богородица понамарю и сказала: „о человѣче Божій! скоро изъиди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ мой Меркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь!" Понамарь отправился, нашелъ его молящимся у креста, и назвалъ его по имени: „Меркуріе!"—А тотъ отвѣтствовалъ: „что ти есть, господине мой?"—И сказалъ ему понамарь: „иди скоро, брате! тебя зоветъ Божія Матерь въ Печерскую церковь!"—И пошелъ Богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидѣлъ тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ къ ногамъ ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: „Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя! иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицемъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви". Меркурій сильно востужилъ о томъ и восплакалъ, и говорилъ: „О Пречистая Госпожа Богородица, Мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой, могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ недостало Тебѣ небесныхъ силъ, о, Владычица, побѣдить злочестиваго царя?" Потомъ взялъ отъ нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашелъ тамъ прехрабраго коня; сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, Божіею помощію и Пречистой Богородицы, побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіанъ и отпущая ихъ въ свой городъ; и скакалъ по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

„Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ, блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ устцы, пришелъ въ свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись Божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологинскихъ воротъ [1]). Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидала, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его нелѣпо

---

[2]) Мѣстная черта.

бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

„И пришелъ архіепископъ того города съ крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдавался имъ святой. Великій плачъ былъ тогда въ людяхъ и рыданье, что не восхотѣлъ святой подняться; архіепископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: „О слуга Господень! не скорби о семъ! Кто послалъ его на побѣду, тотъ и погребетъ". И три дня лежалъ святой непогребенъ. Архіепископъ всю ночь безъ сна пребывалъ, моляся Богу, да явитъ ему эту тайну. И смотря въ оконце свое, прямо къ соборной церкви, видитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ Архистратигами Господними, съ Михаиломъ и Гавріиломъ и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла оное Пречистая Богородица въ полу свою, и принесла въ свою соборную церковь, и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ всѣми, творитъ чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вшедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошелся народъ, и, видя то чудо, прославилъ Господа Бога".

Примѣч. Эта легенда принадлежитъ эпохѣ Татарской. Меркурій есть побѣдоносный герой того времени. Вся легенда проникнута враждою къ невѣрнымъ и мужественнымъ сознаніемъ возможности побѣды надъ ними. (Подробный разборъ у *Ѳ. И. Буслаева.* Историч. Очерки Р. Народной Словесности. Спб. 1861, т. II, стр. 155 и д.).

Библіографія.—Народныя Русскія Легенды, собр. *А. Н. Аѳанасьевымъ.* М. 1859.—Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. *А. Веселовскаго.* Ж. М. Нар. Просв. 1875, № 3, 4 и 5, 1876, № 3, 4, 6, 8 и 1877, № 2 и 3.—Историческіе Очерки Рус. Народной Словесности и Искусства. *Ѳ. И. Буслаева.* 1861, т. II, стр. 109; т. I, стр. 269 и д.—Другія указанія въ I ч. Христ. А. Филонова, въ отдѣлѣ «легендъ».

§ 86. IV. *Басня.*—Слово „басня" происходитъ отъ глагола „баять", т. е. говорить, разсказывать. Баснею называется аллегорическій *(иносказательный)* разсказъ, изображающій дѣйствительную жизнь. Всѣ царства природы и многоразличные предметы общежитія выводятся въ баснѣ, дабы служить вымыслу поэта и его цѣлямъ. Цѣли современнаго баснописца весьма разнообразны: то онъ увѣковѣчиваетъ въ баснѣ историческій фактъ, то мѣтитъ на извѣстную слабость общества, то беретъ на себя попытку разрѣшить вопросъ общественный, то желаетъ дать назидательный урокъ.—Далѣе: современная басня изображаетъ выводимыя въ ней царства природы согласно съ дѣйствительностью, т. е. животныя, растенія, ископаемыя и разныя стихіи (вода, огонь) надѣляются отъ баснописца тѣми свойствами, которыя имъ даны природою. Медвѣдь представляется плотояднымъ, лиса—хитрою, охотницею до куръ, волкъ—

алчнымъ, ненасытнымъ, оселъ—терпѣливымъ, длинноухимъ, свинья—нечистоплотною, обжорливою, кошка—сбродливою, склонною къ хищничеству, ворона—тяжелою на подъемъ, каркающею, пчела—собирающею медъ и несущею его въ улей; ягненокъ задушается волкомъ, мышенокъ—кошкою; дерево изображается согласно съ тѣмъ, какъ оно является въ природѣ: корни питаютъ растеніе, а вѣтви даютъ ему покровъ; цвѣты на волѣ живутъ привольнѣе, а въ теплицахъ скоро увядаютъ; василекъ хирѣетъ и склоняетъ головку безъ солнца; алмазъ рисуется драгоцѣннымъ камнемъ, а булыжникъ обыкновеннымъ; червонецъ и въ баснѣ выводится столь же цѣннымъ, какъ и въ жизни. Короче:—басня беретъ предметы изъ природы и представляетъ ихъ согласно съ природою. Это правило нарушается только по требованіямъ чисто-историческимъ. Баснописецъ приноситъ въ жертву вымыслу научныя требованія только тогда, когда самое событіе, давшее поводъ къ написанію басни, заключаетъ въ себѣ несообразность, отступленіе отъ закона. Такъ басня Крылова „Щука и Котъ" представляетъ щуку не согласно съ ея естественными свойствами: на самомъ дѣлѣ щука не ловитъ мышей. Это несогласное съ природою дѣйствіе приписано поэтомъ щукѣ по причинамъ чисто-историческимъ. Еще одна черта въ современной баснѣ, на которую мы должны обратить вниманіе: эта черта—*дидактизмъ.* Дидактизмомъ называется нравоученіе басни. Въ современной баснѣ нравоученіе считается несущественною ея частію: оно можетъ быть, можетъ и не быть. Лучшіе баснописцы представляютъ иногда самому читателю извлечь поученіе изъ разсказа. Поученіе, какъ идея, должно выражаться самымъ басеннымъ вымысломъ. Каждый можетъ, по мѣрѣ надобности, черпать изъ басни назиданіе для себя. Потому въ образцовыхъ басняхъ поученія или вовсе нѣтъ, или оно высказывается одной или двумя строками. Въ баснѣ, художественно-составленной, мы любуемся самымъ вымысломъ, живостію дѣйствія, картинностію описанія, игривостію разсказа, силою насмѣшки, согласіемъ между вымысломъ и дѣйствительностію и бойкимъ языкомъ.

Басня до современнаго своего состоянія дошла самымъ медленнымъ путемъ. Мы здѣсь укажемъ главные факты въ *исторіи развитія* басни.

На первой степени своего развитія басня была разсказомъ о жизни животныхъ, или животнымъ эпосомъ (§ 83 „Учеб."). Отличительными чертами первоначальной басни, или сказки о животныхъ, были: эпическое спокойствіе, простодушіе, наивность и занимательность разсказа. Она не имѣла никакого отношенія къ быту человѣческому, не заключала въ себѣ никакихъ намековъ на дѣйствительное событіе, въ ней не было никакой насмѣшки или порицанія, она чужда была всего дидактическаго.

На второй степени своего развитія басня дѣлается произведеніемъ *дидактическимъ.* Съ давнихъ временъ усвоено баснѣ направленіе дидактическое; уже нѣсколько вѣковъ стали находить въ разсказахъ о

жизни животныхъ поучительную цѣль, начали выводить изъ нихъ тотъ или другой нравственный урокъ. Дидактическое направленіе впервые сказалось въ баснѣ *восточной*, а за тѣмъ—въ баснѣ *классической* и *средневѣковой*. Басня восточная полагала нравоученіе во главѣ разсказа, дѣлая сей послѣдній только дальнѣйшимъ развитіемъ и осязательнымъ доказательствомъ назидательной мысли. Образцомъ восточной басни служитъ сборникъ разсказовъ о жизни животныхъ, называющійся „Гитопадеса" (врачъ—другъ), который составляетъ собственно передѣлку древняго животнаго эпоса Индѣйской литературы, носящаго названіе „Панча-Тантра", т. е. пять отдѣленій (пятокнижіе). „Панча-Тантра" была составлена (V в. по Р. Хр.) для сыновей одного Индѣйскаго царя мудрецомъ Вишну-Сармою. Въ „Гитопадесѣ" надъ всѣмъ господствуетъ нравственная идея; всѣ разсказы и притчи приводятся въ ней, какъ доказательство нравственной истины. „Гитопадеса" раздѣлена на четыре книги; въ первой разсказывается о пріобрѣтеніи друзей,—о томъ, какимъ образомъ воронъ, крыса, черепаха и антилопа вступили между собою въ дружбу и спасали другъ друга отъ бѣдъ. Во второй книгѣ говорится о разрывѣ дружбы. Тутъ дѣйствующими лицами выведены левъ, шакалъ и быкъ.—Третья книга „Гитопадесы" представляетъ войну царства гусей съ царствомъ павлиновъ. Царь павлиновъ объявляетъ войну гусямъ черезъ посланника попугая. По случаю измѣны коршуна, союзника, гуси были побѣждены. „Здѣсь,—пишетъ проф. *С. П. Шевыревъ*,—изложены всѣ правила Индѣйской войны: распредѣленіе войскъ, военныя движенія, строеніе крѣпостей, обряды объявленія войны". (Исторія Поэзіи. М. 1835, т. I, стр. 174). Четвертая книга посвящена разсказу о мирѣ. *С. П. Шевыревъ* дѣлаетъ слѣдующую характеристику восточной басни, какъ она является въ „Гитопадесѣ": „Въ баснѣ о львѣ, быкѣ и шакалѣ мы видимъ всю придворную жизнь, расписанную глубокими чертами. Ясно, что это—исторія подъ именемъ звѣрей,—сатира, написанная умнымъ, наблюдательнымъ царедворцемъ. Словомъ, во всѣхъ этихъ басняхъ олицетворяется для насъ міръ человѣческій, міръ страстей и слабостей нашихъ подъ личиною животною. Правда, что всѣ эти животныя, разсказывая другъ другу басни, безпрестанно мудрствуютъ, припоминаютъ притчи и сказанія изъ Ведъ и другихъ священныхъ писаній Индіи. Но они сами отъ этого не дѣлаются божественнѣе, а дѣйствуютъ какъ люди". (Тамъ же, стр. 176).

Примѣч.—«Панча-Тантра», источникъ «Гитопадесы», была переведена въ VIII в. по Р. Хр. на Арабскій языкъ и приписана баснописцу *Бидпаю*. Басни Бидпая сдѣлались извѣстны въ Россіи въ XVII в., подъ заглавіемъ «Стефанитъ и Ихнилатъ» (т. е. «Увѣнчанный и Слѣдящій»—это названіе двухъ дѣйствующихъ лицъ). «Стефанитъ у насъ изданъ Обществомъ Любителей Древней Письменности въ 1879 году.—Значительныя выписки изъ этого сборника басенъ помѣщены въ сочиненіи *А. Н. Пыпина*: «Очеркъ Литературной Исторіи старинныхъ повѣстей

и сказокъ Русскихъ». (Ученыя Зап. 2-го Отдѣл. Акад. Наукъ. Спб. 1858, кн. IV, стр. 161—8). См. еще статью *С. Смирнова* въ Филологич. Зап. 1879, издаваемыхъ въ Воронежѣ.

Басня *классическая*, существовавшая у Грековъ и Римлянъ, отличалась также дидактическимъ направленіемъ; но въ ней поученіе приводилось, какъ слѣдствіе изъ разсказа. Представителями классической басни считаются *Эзопъ* и *Федръ*. Эзопъ, Греческій баснописецъ, жившій въ VI в. до Р. Хр., признается учеными за миѳическую личность. Біографія Эзопа, написанная Константинопольскимъ монахомъ *Планудомъ* (XIV в.), представляетъ баснописца физически-безобразнымъ, но необыкновенно острымъ и находчивымъ. Эзопъ родился во Фригіи, въ Малой Азіи. Сначала онъ былъ рабомъ Аѳинянина Демарха, потомъ Ксанѳа на островѣ Самосѣ, а наконецъ получилъ свободу. Эзопъ пользовался особенно любовью Креза, царя Лидійскаго. Отправившись отъ Креза, Эзопъ странствовалъ по востоку, бесѣдуя съ разными мудрецами. Онъ посѣтилъ Вавилонъ, гдѣ, благодаря своей мудрости, получилъ большое значеніе при дворѣ царя Ликера (или Ликурга). Эзопъ разрѣшалъ загадки, которыя цари восточные присылали другъ другу для разрѣшенія. Такъ какъ Эзопъ не имѣлъ дѣтей, то усыновилъ себѣ Эна (Αἶνος—притча, басня), который однакожъ оказался неблагодарнымъ. Энъ оклеветалъ своего благодѣтеля передъ царемъ. Эзопъ погибъ бы (царь осудилъ его на казнь), еслибы не заступился за него одинъ придворный. Эзопъ опять является къ царю, когда сей послѣдній устрашенъ былъ письмомъ Египетскаго царя Нектанеба. Энъ былъ Эзопу выданъ, который не сталъ мстить своему клеветнику, а только сдѣлалъ ему приличное наставленіе; наставленіе сильно подѣйствовало на юношу: онъ умеръ отъ угрызеній совѣсти... Эзопъ отправился въ Египетъ, разрѣшилъ мудреныя загадки Нектанеба, получилъ дань и опять прибылъ къ Ликеру. Очарованный личностію Эзопа, Ликеръ велѣлъ воздвигнуть въ честь его золотую статую. Наконецъ Эзопъ ѣдетъ въ Грецію и тамъ погибаетъ отъ Дельфійцевъ, которыхъ онъ оскорбилъ своими шутками. Дельфійцы сбросили его со скалы, но скоро послѣ раскаялись и воздвигли ему статую. Между баснею Индѣйскою и баснею Эзоповою большое сходство, но ученые окончательно не опредѣлили ихъ взаимныхъ отношеній. Больше придерживаются того мнѣнія, что Эзоповы басни составлены подъ вліяніемъ Индѣйскаго эпоса.

Примѣч.—Басня Эзопа походитъ *на примѣръ* (или уподобленіе), вымышленный съ тою цѣлію, чтобы научить читателя,—примѣръ, взятый изъ міра животныхъ. Въ продолженіи вѣковъ басни Эзоповы такъ часто передѣлывались, что нѣтъ возможности уяснить себѣ первоначальнаго ихъ матеріала. Но какъ бы то ни было, а уже *Платонъ*, Греческ. философъ V в., и *Геродотъ* упоминаютъ въ своихъ сочиненіяхъ о басняхъ Эзопа. (См. разговоръ «Алкивіадъ Первый» и «Федонъ», въ Рус. переводѣ профес. *В. Н. Карпова*,—«Исторія» Геродота, перев. *Ѳ. Мищенко* 1888, изд. 2-е, т. I, стр. 188). Въ Европѣ усилилось

изученіе Эзопа преимущественно въ концѣ XV вѣка.—Латинскіе проповѣдники пользовались баснями Эзопа. На Русск. языкѣ явились басни Эзопа въ XVII в. въ рукописи. У *А. Н. Пыпина* въ сочиненіи его «Очеркъ Лит. Исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Р.», на стр. 171—173 напечатаны двѣ басни Эзопа по рукописямъ XVII вѣка. Въ царствованіе Петра Великаго, у насъ Эзопъ былъ переведенъ дважды: разъ въ Амстердамѣ 1700 г., другой въ Санктъпітербурхѣ» 1717 г.; послѣдній переводъ дѣланъ «повелѣніемъ Царскаго величества». Потомъ Эзопъ переводился у насъ нѣсколько разъ. *И. А. Крыловымъ* заимствовано у Эзопа, по догадкамъ *В. Кеневича*, *девять* басенъ: «Алкидъ» (у Эзопа «Геркулесъ и Аѳина»), «Дикія Козы», «Левъ и Лисица», «Мотъ и Ласточка», «Пловецъ и Море», «Мальчикъ и Змѣя», «Медвѣдь въ сѣтяхъ», «Левъ и Мышь»,—даже «Свинья подъ дубомъ» считается баснею, содержаніе которой заимствовано у Эзопа.—Лучшіе переводы басенъ Эзопа принадлежатъ *И. И. Мартынову* (съ греческимъ текстомъ) 1823 г. и г. *Алексѣеву* 1893 г.—Подробнѣе о баснѣ и баснописцахъ см. въ сочиненіи: «Всеобшая Исторія Литературы». *В. Ѳ. Корша* и *А. И. Кирпичникова*. Спб. 1880—1892 г.

Федръ, Римскій поэтъ, передѣлываетъ сюжеты басенъ Эзопа. Онъ писалъ въ продолженіи царствованія Августа и его преемника Тиверія[1]). Федръ значительно уступаетъ Греческому поэту, сухостію и блѣдностію разсказа. Сухость разсказа ясно видна въ особенности въ тѣхъ басняхъ, которыя состоятъ изъ шести-семи строкъ. Есть даже басни изъ *четырехъ* строкъ, напр. „Vulpes ad Personam tragicam“. Толкователи Римскаго поэта находятъ въ его басняхъ картину современныхъ ему нравовъ; такъ басня „Lupus et Agnus“ написана, говорятъ, въ укоризну правленія Тиверія; „Canis Natans“—противъ Сеяна, любимца Тиверія, который слишкомъ далеко простиралъ свои честолюбивыя желанія; басня „Apes et Fuci, Uespâ judice“ (Пчелы и Трутни на судѣ передъ Осою) представляетъ тяжебное судопроизводство Римлянъ: тутъ много внесено судебныхъ выраженій. Языкъ басенъ Федра отличается точностію и легкостію для пониманія. Федръ въ средніе вѣка сталъ извѣстенъ раньше Эзопа, потому что вообще въ это время начали изучать Латинскую литературу прежде Греческой. Въ развитіи басни онъ имѣетъ важное значеніе, потому что онъ узаконилъ въ ней *нравоучительное* направленіе.

Средневѣковая басня—чисто *дидактическая*. Старательное изученіе Греческихъ и Римскихъ писателей утвердило въ средніе вѣка господство классической басни. Эзопъ и преимущественно Федръ стали

---

[1]) *Федръ* р. почти за 60 лѣтъ до Р. Х. во Ѳракіи. Въ то время Ѳракійцы возстали противъ Римлянъ, но были усмирены Октавіемъ. Федръ, взятый въ плѣнъ, отвезенъ въ Римъ. Потомъ, благодаря своимъ дарованіямъ, онъ получилъ отъ Августа свободу. Послѣ смерти своего покровителя, онъ навлекъ на себя гнѣвъ Сеяна, любимца Тиверія, и вынужденъ былъ искать спасенія въ неизвѣстности и уединеніи. Въ преклонныхъ лѣтахъ Федръ видѣлъ паденіе своего гонителя: въ 31 г. по Р. Хр. Сеянъ былъ казненъ. Умеръ Федръ въ концѣ царствованія Тиверія.

законодателями басни. Тогда каждый поэтическій разсказъ сопровождался поученіемъ, что видно въ сборникѣ „Gesta Romanorum [1]“. Нравоученію даны были обширнѣйшіе размѣры. Замѣчательный Нѣмецкій баснописецъ XIV вѣка, *Бонеръ*, дѣйствуя въ духѣ литературныхъ идей вѣка, распространилъ нравоученіе басни на счетъ самаго разсказа; поученіе онъ подкрѣплялъ пословицами, подобіями, сравненіями, съ тою цѣлью, чтобы читатель легче усвоилъ сущность поученія. Въ басняхъ Бонера поученіе весьма часто не прикладывается къ разсказу, оно не есть слѣдствіе вымысла, а чистѣйшая натяжка. Такъ въ баснѣ объ обезьянѣ, не могшей раскусить орѣха, Бонеръ дѣлаетъ такой выводъ: „кто посвящаетъ себя Богу, тотъ долженъ вынести много страданія, какъ не долженъ бояться дыму тотъ, кто хочетъ раздуть огонь“. Вообще средневѣковая басня, съ одной стороны, была очень близка къ чистой проповѣди и поученію, съ другой поученіе и сатира пользовались басней, какъ матеріаломъ. Въ то время, когда нравоучительное примѣненіе аполога достигло крайняго развитія, обнаружился и совершенный упадокъ первобытнаго эпическаго сюжета; не довольствуясь нравственными выводами и разсужденіями, баснописцы стали присоединять къ баснѣ и примѣры историческіе, которыми бы подтверждалась нравственная идея.

Въ новой Европѣ дидактическое направленіе басни значительно ослабѣло, но все-таки его строго придерживались нѣкоторые писатели.

Лессингъ (1724—1781), знаменитый Германскій ученый, философъ, критикъ и поэтъ, силился проложить новый путь въ исторіи развитія басни. Принявъ за образецъ Эзопа, онъ сталъ учить, что въ баснѣ главное — нравоученіе, а разсказъ — дѣло не существенное. Лессингъ самъ писалъ басни, но его басни не могутъ служить образцами художественныхъ созданій въ этомъ родѣ, потому что онѣ похожи на ученыя разсужденія, на отрывки изъ нравственной философіи. Звѣри Лессинга такъ же утонченно, образованно и остро разсуждаютъ, какъ и самъ великій критикъ Германіи. Такимъ образомъ и басню Лессинга надо отнести къ тому же разряду, къ которому относится Эзопъ и Федръ. Дидактизмъ — существенное отличіе басни всѣхъ этихъ трехъ писателей.

Переходя къ баснѣ современной, къ баснѣ, созданной Августомъ *Лафонтеномъ* (1621—1685), *И. А. Крыловымъ* и его лучшими предшественниками, — *И. И. Хемницеромъ* и *И. И. Дмитріевымъ*, мы опять должны повторить, что въ ней иносказательно (аллегорически) представляется то, что на самомъ дѣлѣ происходитъ въ человѣческомъ

---

[1]) Это — сборникъ разнаго рода поучительныхъ повѣстей, легендъ, анекдотовъ, сказокъ. Онъ первый разъ изданъ въ 1472 г. Имѣлъ блестящій успѣхъ. Ученые насчитываютъ 50-тъ изданій Латинскаго текста. Р. переводъ, рукописный, относится къ XVII в. *А. Н. Пыпина*: Очеркъ Лит. Ист. сказокъ стр. 180.— Изданъ Обществомъ Любителей Древней Письменности въ 1877 г., подъ названіемъ «Римскія Дѣянія».

обществѣ. Желая изобразить то или другое общественное или историческое явленіе въ жизни народа, поэтъ выбираетъ предметы въ природѣ, которые своими свойствами похожи на свойства людей. Разсказъ—самая существенная часть въ современной баснѣ; чѣмъ онъ игривѣе представленъ, тѣмъ лучше; чѣмъ болѣе сходства находится между вымысломъ поэта и предметами, взятыми изъ природы, тѣмъ басня становится завлекательнѣе для читателя. Предметы, взятые изъ природы для басеннаго разсказа, образуютъ изъ себя родъ сцены, маленькій театръ, гдѣ человѣкъ узнаетъ свои собственные недостатки.—Поученіе, какъ уже сказано, не составляетъ необходимой части басни: оно бываетъ прямымъ слѣдствіемъ самого разсказа. „Про взятки Климычу читаютъ, а онъ украдкою киваетъ на Петра“: таковъ прямой исходъ большей части современныхъ басенъ.

Примѣтить надобно, что басня, какъ создалъ ее Крыловъ, геніальнѣйшій представитель этого вида поэзіи,— не *всегда* имѣетъ въ виду карать, или осмѣивать слабости человѣка. У него есть басни, которыя изображаютъ возвышенныя стороны духа человѣческаго, напр.: „Василекъ“, „Чижъ и Ежъ“. Въ первой увѣковѣчена благотворительность Императрицы Маріи Θеодоровны подъ образомъ солнца; во второй—представлена восторженная радость Россіи по случаю возвращенія изъ Парижа Императора Александра I, побѣдителя Наполеона.—Но такихъ басенъ не много.

Библіогр.—О баснѣ и басняхъ Крылова. *В. А. Жуковскаго.* Спб. 1878. Т. V.—Исторія Поэзіи. *С. Шевырева.* М. 1835, т. I, стр. 171—177.—Очеркъ Литерат. Исторіи повѣстей и сказокъ Русскихъ. *А. Пыпина.* Спб. 1858, стр. 148—168.—Примѣчанія къ полной Рус. Христоматіи. *А. Галахова.* М. 1852. ч. III, стр. 202—206.—*Его-же*: Исторія Русской Словесности. Спб. 1880, т. II, стр. 303—315 (мнѣніе Гримма и Гервинуса о баснѣ).—Другія библіогр. указанія см. въ I ч. Христ. *А. Филонова.* Спб. 1897, изд. 8-е, стр. 167, 175, 178, и 179.

§ 87. Приведемъ образцы басенъ.

Пушки и Паруса.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
О, боги, видано-ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Чтò дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по Океану,

И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами-ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы-ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могучій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!“
Борей послушался—летитъ, дохнулъ и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море,
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но чтожъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ: сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.
Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

И. Крыловъ.

Волкъ на Псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— „Огня!“ кричатъ: „огня!“—Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,

И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я“...—„Послушай-ка, сосѣдъ“,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.—
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

Примѣч.—Басня историческаго происхожденія. Она написана по поводу событій 1812 года. «Волкъ», попавшій на псарню, есть Наполеонъ, пришедшій въ Россію. Самъ Кутузовъ примѣнялъ разсказъ Крылова къ себѣ. Вотъ что передаетъ историкъ *Михайловскій-Данилевскій:* «По окончаніи сраженія подъ Краснымъ (въ Смоленской губ.), вечеромъ 5-го ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивакамъ гвардейскаго корпуса и былъ встрѣченъ генералами, офицерами и солдатами. Поздравивъ отборное войско съ побѣдою, онъ сказалъ: «Дѣти! знаете ли, сколько взято орудій? *сто шестьдесятъ*,—и, указывая на везенные за нимъ Французскіе орлы, присовокупилъ: «какъ ихъ бѣдняжекъ жаль! они и головки повѣсили, вѣдь имъ холодно и голодно». Во время чая, собравшимся гвардейцамъ онъ сказалъ: «Крыловъ сочинилъ басенку и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: *ты сѣръ*»... при сихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку, и потрясая наклоненною головою, продолжалъ: «*а я, пріятель, сѣдъ!*» Воздухъ потрясался отъ восклицаній гвардіи». (Описаніе войны 1812 года, ч. IV, стр. 30—31). По поводу тѣхъ же событій 12-го года написаны Крыловымъ басни: «*Обозъ*», «*Ворона* и *Курица*». Въ первой оправдываются благоразумныя мѣры Барклая-де-Толли и Кутузова—ихъ медлительность въ отраженіи непріятеля; вторая происхожденіемъ своимъ обязана слѣдующему случаю: «Очевидцы разсказываютъ,—пишется въ «Сынѣ Отечества» 1812 года, на стр. 44, части 2-й,—что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту—стрѣлять *воронъ* и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь,—замѣчается въ томъ же журналѣ,—можно дать отставку старинной Русской пословицѣ: *попалъ, какъ куръ во щи*, а лучше говорить: «*попалъ, какъ ворона во Французскій супъ*». Въ баснѣ Крылова дѣйствительно такъ и говорится: *попался, какъ ворона въ супъ*. Обѣ басни напечатаны были въ «Сынѣ Отечества» 1812 г., ч. 2.—Замѣтимъ, что весьма было бы любопытно знать

историческое происхожденіе каждой басни Крылова: при такомъ знаніи онѣ получили бы свой особенный смыслъ, возрасло бы ихъ значеніе.

Въ сочиненіи *В. Ѳ. Кеневича* (ум. 1879 г.) «Библіографическія и Историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова» (Спб. 1868 г.), можно читать историческія объясненія нѣкоторыхъ басенъ Крылова. Въ I ч. Христ. *А. Филонова* показано историческое происхожденіе слѣд. басенъ: «Квартетъ», «Оселъ и Соловей», «Волкъ на Псарнѣ», «Щука и Котъ», «Василекъ». (См. также наше народное чтеніе «Дѣдушка Крыловъ». Спб. 1874 г., изд. 3-е въ 1887 году, изд. 6-е въ 1898 г.).

§ 88. Для сравненія приводимъ басню „Воронъ и Лисица“ четырехъ баснописцевъ: *Эзопа*, *Федра*, *Лафонтена* и *Крылова*.

Воронъ и Лисица *(Эзопа)*.

Воронъ, схвативши мясо, сѣлъ на одномъ деревѣ. Лисица, увидѣвъ его и желая отъ него достать мясо, стала хвалить его, какъ онъ статенъ, прекрасенъ и что болѣе всѣхъ ему пристало быть царемъ надъ птицами, что непремѣнно бы и сталось, еслибъ у него былъ голосъ. Воронъ, бросивъ мясо, началъ громко кричать, и Лисица, подбѣжавши, сказала: о! Воронъ, еслибъ у тебя еще былъ разумъ, то бы ничего тебѣ не доставало, чтобы быть царемъ.

И. Мартыновъ.

Vulpes et Corvus *(Федра)*.

Qui se laudari gaudent verbis subdolis [1]),
Seræ dant poenas turpes poenitentiæ [2]).
Qum de fenestrâ Corvus raptum caseum
Comesse [3]) vellet, celsâ [4]) residens arbore,
Hunc vidit Vulpes, deinde sic coepit loqui:
O qui [5]) tuarum, Corve, pennarum est nitor!
Quantum decoris corpore et vultu geris!
Si vocem haberes, nulla prior [6]) ales foret.
At ille stultus, dum vult vocem ostendere,
Emisit ore caseum, quem celeriter
Dolosa Vulpes avidis rapuit dentibus.

---

[1]) Кто радуется, когда его хвалятъ льстивыми словами.
[2]) Бываетъ постыдно наказанъ позднимъ раскаяніемъ.
[3]) Вм. *comedere*.
[4]) Вм. *in celsa*.
[5]) Вм. *qualis*, quantus.
[6]) Превосходнѣе.

Tum demum ingemuit Corvi deceptus stupor [7]).
Hac re probatur, quantum ingenium valet,
Virtute et semper praevalet sapientia [8]).

Le Corbeau et le Renard.

Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.
Maître renard, par l'odeur alléché,
Lui tint à-peu-prés ce langage:
„Hé! bonjour, monsieur le corbeau,
Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!
Sans mentir, si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phenix des hôtes de ces bois“.
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie;
Et, pour montrer sa belle voix,
Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie.
Le renard s'en saisit, et dit: „Mon bon monsieur,
Apprenez que tout flatteur
Vit aux dépens de celui qui l'écoute:
Cette leçon vaut bien un fromage, sans doute“.
Le corbeau, honteux et confus,
Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus.

La Fontaine.

Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—Лисицу сыръ плѣнилъ,
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!

---

[7]) *stupor corvi* вм. stupidus corvus: тогда обманутая глупая ворона застонала.
[8]) И сколько искусство (sapientia вм. astutia), благоразуміе превосходитъ силу, врожденную способность.

Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!"
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье спёрло—
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

И. Крыловъ.

§ 89. V. *Идиллія.*—Греческое слово „εἰδύλλιον" происходитъ отъ „εἶδος"—видъ, и есть уменьшительное слово, такъ сказать, *видикъ*, картинка, сцена жизни. Идилліею называется эпическое произведеніе, представляющее видикъ, *картинку* жизни, будетъ ли то жизнь пастушеская, гражданская, или героическая, городская, царская. Главная мысль идилліи—представить человѣчество въ его невинномъ и счастливомъ состояніи на лонѣ природы, вдали отъ всякихъ житейскихъ треволненій. Историческій обзоръ идилліи яснѣе всего покажетъ сущность этой отрасли поэзіи.

Первымъ образцовымъ писателемъ идиллій былъ Греческій поэтъ *Ѳеокритъ*, жившій въ III в. до Р. Хр. Онъ родился въ Сиракузахъ (въ Сициліи); былъ человѣкъ образованный, чѣмъ и пріобрѣлъ уваженіе государей: Птоломея Филадельфа Александрійскаго (въ Египтѣ) и Гіерона Сиракузскаго. Ѳеокритъ попеременно жилъ при томъ и другомъ дворѣ. Чтобы пышному, изнѣженному и роскошному двору Александрійскому показать удовольствія жизни, болѣе простой и скромной, онъ бралъ матеріалъ для своихъ идиллій изъ быта пастуховъ Сицилійскихъ. Новостію предмета и противоположностію быта, Ѳеокритъ плѣнилъ своихъ читателей, жившихъ при дворѣ Александрійскомъ. Въ собраніи произведеній Ѳеокрита, ему безспорно принадлежатъ XVIII-ть идиллій. Онъ бралъ содержаніе для своихъ идиллій большею частію изъ быта простаго, народнаго. Но однимъ этимъ матеріаломъ онъ не ограничился. Ѳеокритъ почерпалъ содержаніе для идиллій изъ разныхъ областей жизни; идилліи „Дѣтство Алкида" (Геркулеса) и „Похищеніе Гиласа" [1]) заимствованы изъ быта героическаго, „Сиракузянки"—изъ быта царскаго и народнаго, идиллія VII-я—изъ его собственной жизни на островѣ Косѣ, гдѣ поэтъ провелъ свою молодость,—XVI-я идиллія—изъ городской жизни,—

[1]) Любимецъ Геркулеса, участникъ въ походѣ Аргонавтовъ.

XXI-я—изъ жизни рыбаковъ (единственная идиллія, говорящая объ этомъ бытѣ),—нѣсколько идиллій разсказываютъ о жизни пастуховъ.

Изъ обзора содержанія идиллій Ѳеокрита видно, что не одни пастухи, но *разныя состоянія* людей, по образу жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами этого вида поэзіи.

Первымъ подражателемъ Ѳеокрита былъ Римскій писатель Августова вѣка *Виргилій*. Идилліи его замѣчательны прелестію стиховъ, живыми картинами природы, но въ его идилліяхъ нѣтъ простоты и естественности Ѳеокрита: пастухи Виргилія—не простые селяне, а ораторы; въ нихъ пастушескаго только одежда да имена, это—переодѣтые горожане, знающіе всѣ тонкости Римской образованности. Кромѣ того, подражательность Римскаго поэта слишкомъ уже даетъ себя чувствовать: онъ беретъ изъ Ѳеокрита не только отдѣльныя фразы и мѣста, но даже цѣлые отрывки.

Примѣч.—Идиллическія произведенія Виргилія носятъ названіе «Буколикъ». Буколиками Βουκολικά (отъ βοῦς—быкъ) назывались у древнихъ пастушескія стихотворенія. У Виргилія есть десять такихъ Буколикъ, называемыхъ обыкновенно *Эклогами* (ἐκλογή), т. е. отборными піесами. Въ «Буколикахъ» Виргилій выводитъ пастуховъ. Но при всякомъ удобномъ случаѣ выставляетъ или себя, или своихъ покровителей: Октавія, Полліона, Вара и другихъ.

Ѳеокритъ и Греки поняли, что главная отличительная черта идиллій—есть простота быта и естественность картинъ, взятыхъ изъ него. Послѣдователи Ѳеокрита не поняли этой истины. Они замѣнили естественное чувство притворной чувствительностью, простоту—изысканностью. Новые Европейскіе идиллисты начали облагораживать природу, они обманывали воображеніе читателя картиной небывалыхъ блаженствъ и быта, никогда не существовавшаго на землѣ; пастухи и пастушки носили имена вымышленныя, напр.: Филлида, Хлоя, Адонисъ, Дамонъ, Палемонъ, Дафнисъ и пр. Представителями подобнаго направленія въ идилліи были: Нѣмецкій поэтъ *Соломонъ Геснеръ* (1730—1787), Французскіе писатели: M-me *Дезульеръ* (1634—1664), названная въ свое время Сафою, *десятою* музою, Французскою Калліопою,—*Делиль* (1738—1813) и другіе.

Примѣч.—Направленіе сентиментальное столь сильно дѣйствовало на общество, что королева Марія-Антуанета сама разыгрывала идиллію въ своемъ Тріанонѣ, гдѣ устроила особый сельскій пріютъ. Она жила тамъ въ крошечныхъ домикахъ вмѣстѣ съ королемъ, принцами и ближайшими изъ придворныхъ, носила пастушескій нарядъ изъ *шелку* и высокій головной уборъ, думая, что она въ полномъ смыслѣ слова воскрешаетъ простоту золотаго вѣка...

Съ половины прошлаго столѣтія и у насъ появилась пастушеская поэзія. Писалъ идилліи *А. П. Сумароковъ* (1718—1777). Въ его идилліяхъ видна мечтательность, искусственность, чувствительный тонъ. *Я. Б. Княжнинъ* (1742—1791) переводилъ изъ Геснера. Владиміръ

Панаевъ (1792—1859) въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія довелъ искусственность Сумарокова до крайней степени.

Примѣч.—Критика двадцатыхъ годовъ съ радушіемъ встрѣтила пастушескія стихотворенія Панаева. Въ журналѣ «Благонамѣренный», изданіи *А. Измайлова*, Панаевъ названъ замѣчательнымъ поэтомъ, изображающимъ не мечты, а человѣка, какимъ онъ долженъ быть при патріархальной красотѣ. (Благонамѣренный, 1823, № 23 и 25).

Противъ ложнаго направленія въ идилліи возсталъ Англійскій поэтъ *Георгъ Краббъ* (1754—1830). Его идиллическое сочиненіе „Деревня" (1783 г.) было бичемъ ложноклассической идиллической музы. Авторъ „Деревни" старался свести поэзію въ міръ правды и неприкрашенной истины. „Я воспѣваю, говоритъ Краббъ, истинную, дѣйствительную жизнь бѣднаго человѣка". Потому не однѣ свѣтлыя стороны изображаются, но и темныя. Изобразивъ страшныя картины заблужденій, поэтъ говоритъ, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобы люди не строили себѣ вредныхъ призраковъ и разумѣли правду жизни,—для того, чтобы бѣдный селянинъ принималъ свою долю горя и видѣлъ въ богатомъ одинаковые съ собою грѣхи и не завидовалъ бы его богатству,—для того, что они оба есть часть одного бѣднаго, неразумнаго, заблуждающагося племени, которое умираетъ равно и равно успокаивается, сравнявшись во прахѣ. Краббъ былъ священникомъ и написалъ „Приходскіе Списки", „Мѣстечко". „Приходскіе Списки" (1807 г.) имѣютъ цѣлію—описаніе сельскихъ нравовъ и обычаевъ. Авторъ, какъ священникъ, дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ браковъ, крестинъ и похоронъ въ его приходѣ за послѣдній годъ. При этомъ онъ изображаетъ намъ приключенія своихъ героевъ. Все сочиненіе состоитъ изъ ряда портретовъ, снятыхъ съ оригиналовъ изъ простаго и средняго класса.

Германскіе поэты—*Фоссъ* (1751—1826), знаменитый переводчикъ Гомера, Горація и Тибулла,—*Броннеръ* (1758—1850), авторъ „Рыбацкихъ стихотвореній", и *Гебель* (1750—1826), славный поэтъ Швабіи, изображавшій природу и народные нравы, развивали истинный взглядъ на идиллію. Они описываютъ въ своихъ идиллическихъ произведеніяхъ не однихъ пастуховъ, но всѣ сословія, по образцу жизни близко стоявшія къ природѣ, главной нашей матери. Произведенія ихъ возбуждаютъ въ насъ любовь къ природѣ, переселяютъ въ ея нѣдра и заставляютъ тамъ находить спокойствіе и миръ отъ земныхъ суетъ. *Шиллеръ* изложилъ исторію идилліи въ замѣчательномъ своемъ разсужденіи о „наивной и сентиментальной поэзіи".

У насъ основателемъ истиннаго взгляда на идиллію былъ *Н. И. Гнѣдичъ* (1784—1833), знатокъ Греческаго языка, переводчикъ „Иліады" Гомера. Онъ написалъ образцовую статью объ идилліи (въ предисловіи къ переводу идилліи „Сиракузянки"),—гдѣ ясно говоритъ, что не одни пастыри съ ихъ занятіями и обычаями могутъ быть пред-

метомъ идилліи, но *всѣ состоянія людей*, имѣющія *прямое отношеніе къ природѣ*. „Гдѣ, если не въ Россіи—пишетъ Гнѣдичъ, — болѣе состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь такъ просты, такъ близки къ природѣ?... У простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего домашняго быта и своей Русской природы? Наши многообразныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные суть *живыя народныя идилліи*, ожидающія своихъ поэтовъ". Не только въ теоріи, но и на дѣлѣ Гнѣдичъ проводилъ свои идеи. Въ его идилліи „Рыбаки" нѣтъ Греческой миѳологіи: ни Дафнисовъ, ни Флой, — за что въ свое время онъ былъ осужденъ критикою. Гнѣдичъ превосходно перевелъ идиллію Ѳеокрита „Сиракузянки", сохранивъ духъ подлинника.—И другіе наши писатели содѣйствовали установленію правильнаго взгляда на идиллію; въ 1808 г. *Сферинъ* перевелъ Ѳеокрита; въ 1818 г. появились прекрасныя сельскія стихотворенія Гебеля въ образцовомъ переводѣ Жуковскаго, въ 1820 г. *Теряевъ* перевелъ знаменитую идиллію Фосса „Луиза"; далѣе—*А. Ѳ. Мерзляковъ* и баронъ *А. А. Дельвигъ*[1]) трудились на томъ же литературномъ поприщѣ. Такимъ образомъ истинный взглядъ на идиллію окончательно былъ усвоенъ нашей Словесности.

Н. В. Гоголь написалъ прекрасную повѣсть въ идиллическомъ родѣ „Старосвѣтскіе Помѣщики". Тамъ найдемъ простой бытъ помѣщиковъ въ его наивной и патріархальной прелести. Здѣсь выступаютъ и поющія на разные звуки двери, и глиняные полы и экипажъ, дающій своимъ цвяканьемъ прикащику знать о приближеніи господъ, и продавленные стулья, внушившіе писателю такой чудный разговоръ Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріею Ивановною,—изъ этой идилліи узнаемъ, что кошечка, сбѣжавшая отъ хозяйки дома, уложила ее во гробъ, — короче: въ повѣсти Гоголя мы видимъ *настоящую идиллію*.

Нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ поэтовъ писали идилліи, напр.: *А. Н. Майковъ* („Дурочка Дуня") и *Л. А. Мей* (1822—1882). Послѣдній перевелъ семь идилій Ѳеокрита: „Рыбаки", „Дѣтство Алкида", „Алкидъ-побѣдитель льва", „Волшебница", „Сиракузянки" и др. Въ недавнее время переведены съ образцовою вѣрностію подлиннику идилліи Ѳеокрита *В. В. Латышевымъ* (академикъ) и г. *Сиротининымъ*, со множествомъ примѣчаній.

Библіогр.—Наивная и сентиментальная поэзія (написана 1795 г.) *Шиллера.* Полное Собраніе сочиненій Шиллера, изд. *Н. Гербеля.* Спб. 1884, т. III.—Ложноклассическое направленіе въ идилліи. Современникъ 1850, № 10, — 1857 № 1.—О Георгѣ Краббѣ. *А. Дружинина* въ Собраніи его сочиненій. Спб. 1865, т. IV.—Примѣч. къ Христ. *А. Галахова*, ч. III. М. 1852.—Идилліи

[1]) *Мерзляковъ* (1772—1830) перевелъ нѣкоторыя идилліи Греч. поэтовъ,—у *Дельвига* (1793—1831) есть замѣчательная идиллія изъ народнаго быта: «Отставной Солдатъ».

Θеокрита, съ предисловіемъ и разными обясненіями. Пер. *Г. А. Янчевецкаго.* Переводъ размѣромъ подлинника. 1877,—*В. А. Латышева* 1891, *А. Н. Сиротинина* 1890 (перевелъ тридцать одну идиллію).—Броннеровы избранныя идилліи, перев. *В. Перевощикова.* Опыты В. Перевощикова. Дерптъ. 1822.—Другія библіогр. указанія см. въ I ч. Христом. *А. Филонова*, изд. 8-е, стр. 215—216 и 670. (Здѣсь же напечатаны идилліи Θеокрита въ новѣйшихъ переводахъ).

§ 90. Для образца приводимъ идиллію Θеокрита „Сиракузянки“ въ переводѣ *Н. И. Гнѣдича.*

Сиракузянки, или праздникъ Адониса.

XV-я идиллія Θеокрита.

ЛИЦА: **Горго, Праксиноя**—Сиракузянки; **Эвноя, Эвтихида**—ихъ служанки; **Старуха; Незнакомецъ первый. Незнакомецъ второй.**

Горго. Дома, иль нѣтъ Праксиноя?
Эвноя. Ахъ, Горго, какъ поздно ты... дома.
Праксиноя. Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей креселъ, Эвноя;
Брось и подушку.
Горго. Не надо и такъ хорошо!
Пракс. Ну, садися жъ.
Горго. Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спаслася,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четвёрокъ, народу!
Все сапоги, да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты, мой другъ, поселилась.
Пракс. Это все онъ, дуралей (мужъ): на краю мнѣ свѣта здѣсь нанялъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!..
Горго. Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа,
Въ слухъ при ребенкѣ; смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.
Пракс. *(къ дитяти).* Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой милый!
Горго *(въ сторону).* Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ: *(въ слухъ)* твой тятя прекрасенъ!
Пракс. Этотъ тятя вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю):
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры.
Что же принесъ онъ мнѣ?.. соли!—въ тринадцать локтей мужчина!
Горго. То же сдѣлалъ, точь въ точь, Діоклидъ мой, пагуба денегъ:
Далъ семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну шкуры собачьи,
Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну гадость!—
Но, надѣвай же ты платье, и плащъ твой съ застежками новый;
Время; пойдемъ-ка въ палаты Царя-богача, Птоломея,
Вѣдь Адониса праздникъ; я слышу, Царица готовитъ
Много прекраснаго.
Пракс. Дивно-ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Горго. Время однако отправиться: *празднымъ всякій день праздникъ.*

Пракс. Эвно, воды ключевой, и поставь посрединѣ: скорѣе-жъ:
Ахъ-ты, нѣженка!.. *спать спокойно хотятъ ужъ и кошки!*
Двигайся-жъ, мигомъ воды! вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай; безтолковая, тише
На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!
Полно!—Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась.—
Ключъ отъ шкатулки большой? поскорѣе сама принеси мнѣ.

Горго. Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

Пракс. Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или двѣ; а работа? сама приложила всю душу.

Горго. Вышло за то по желанію.

Пракс. Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу. Приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ.—*(Къ ребенку).* А дитя не возьму я: тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ...
Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калѣкой.
Горго, идемъ.—Ну возьми же дитя, забавляй его, няня,
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты.—
Боги, какая тьма!.. неужели должны перейти мы
Эту бѣду? Муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птоломей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣе не страшны Египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти,
Всѣ на единую стать, негодяи, карманные воры...
Милая Горго... что съ нами будетъ? Всадники сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой, меня ты задавишь!
Сталъ на дыбы его рыжій!.. Онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!..
Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?.. убьетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

Горго. Ну, ободрись, Праксиноя! теперь мы позади всѣхъ конныхъ;
Строй ихъ пошелъ на площадь.

Пракс. Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я боюся
Съ самаго дѣтства.—Пойдемъ, приближаются волны народа.

Горго (къ старухѣ, идущей на встрѣчу). Ты изъ дворца, моя матушка!

Старуха. Да, мои дѣти.

Горго. Легко-ли
Будетъ войти намъ?

Стар. Съ попыткою въ Трою вошли Аргивяне.
Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

Горго. Слышишь? Старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ.
Пракс. Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.
Горго. Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!
Пракс. Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми, и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися же насъ ты, Эвноя.
Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго.
Точно разорвано!.. *(Къ незнакомцу)* Ради Зевеса, да будешь ты счастливъ
Добрый мой человѣкъ, я прошу—охраняй мое платье.
Незнакомецъ. 1-й. Здѣсь я не властенъ; но буду стараться...
Пракс. Ужасная давка!
Лѣзутъ, какъ свиньи.
Незнакомецъ 1-й. Спокойтеся, женщины, мы на просторѣ.
Пракс. Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!
Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!..
Давятъ, Эвноя! впередъ, несчастная... силой ломися:
Славно! *всѣ дома:* какъ тотъ говоритъ, кто жену молодую,
Введши въ свой домъ, запираетъ [1]).
Горго. Здѣсь остановимся прежде,
Здѣсь, Праксиноя, на эти мы тканія прежде посмотримъ:
Какъ они тонки, прекрасны! твореніе божіе, скажешь.
Пракс. Дѣва Аѳина! какія работали ихъ мастерицы?
Кто живописецъ, чертившій прекрасные эти рисунки?
Точно какъ будто стоятъ, и какъ будто движутся люди!
Это живое, не тканое!—много ума въ человѣкѣ!
Самъ же, о, какъ онъ прекрасенъ лежитъ на серебряномъ ложѣ,
Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ,
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!
Незнак. 2-й. Вы перестанете-ль, жалкія, вздоръ болтать безконечный?
Горлицы... каждую рѣчь во весь родъ распѣваютъ несносно!
Горго. Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай; намъ Сиракузянкамъ ты не указчикъ.
Да, Сиракузянки мы, чтобъ зналъ ты, Коринѳянки родомъ,
Такъ какъ и Беллерофонъ [2]). Нашъ выговоръ Пелопонезскій;
Но, говорить по-Дорически, чаю, Доріянкамъ можно.
Пракс. Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая [3]), насъ отъ владыки другаго!
Есть онъ одинъ.—На тебя не смотрю и въ обиду не дамся
Даромъ...
Горго. Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить

[1]) Свадебный обрядъ.
[2]) Сынъ Коринѳскаго царя Главка. Онъ убилъ чудовище Химеру.
[3]) Эпитетъ Прозерпины.

Дѣва Аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ.
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ она приступаетъ.
Аргивянка (поетъ). О, владычица Голгоса, ты, что Идалію [1]) любишь,
Холмный Эриксъ [2]) посѣщаешь, Киприда, играюща златомъ!
Вотъ какова Адониса [3]) съ мрачныхъ бреговъ Ахерона,
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжноногія горы,—
Тихія въ шествіи дщери боговъ, но желанныя всѣмъ намъ.
Горы, всегда приносящія что-либо новаго смертнымъ.
Дщерь Діонеи [4]), Киприда [5]) могучая, ты Береникѣ [6]),
Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,
Въ перси жены земнородной амврозію капая неба.
Днесь, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множествѣ храмовъ,
Дочь Береники, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя [7]) Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ.
Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви приносятъ,
Все предъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго, блещетъ
Въ серебряныхъ кошахъ, и Сиріи мѵро въ златыхъ алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя травы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ иль свѣтлымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь, передъ гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ анеѳомъ (анисомъ),
Окрестъ устроены; сверху летаютъ малютки Эроты,
Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ кудрявымъ

---

[1]) *Идаліумъ*—мысъ и гора на островѣ Кипрѣ, съ храмомъ и священною рощею Венеры.

[2]) Гора въ Сициліи.

[3]) *Адонисъ*—любимецъ Венеры, извѣстный красотою своею пастушокъ. Когда онъ погибъ на охотѣ отъ дикаго вепря, Афродита (Венера) впала въ такое отчаяніе, что не имѣла силъ оторваться отъ мертваго. Боги въ утѣшеніе ей опредѣлили Адонису ежегодно на весну и лѣто покидать мрачную обитель Персефоны (Прозерпины), дабы видѣть Афродиту. Въ этомъ миѳѣ олицетворено расцвѣтанье природы до самой поры созрѣванья и конечной жатвы (осени и зимы: возвращенія къ Персефонѣ). Эта ежегодная естественная перемѣна въ природѣ была поводомъ къ особому празднеству въ честь Адониса.—Ахеронъ одна изъ адскихъ рѣкъ.

[4]) Венера, по нѣкоторымъ сказаніямъ, произошла отъ Зевеса и Діаны,—почему и называлась *Діонея*.

[5]) На островѣ Кипрѣ у Венеры было нѣсколько храмовъ, но блистательнѣйшій изъ всѣхъ—въ городѣ Паѳосѣ. Сюда стекались тысячами, чтобы праздновать ежегодный праздникъ въ честь Афродиты. Тутъ былъ и оракулъ богини. По острову Кипру, Венера называлась *Кипридой*.

[6]) *Береника*—жена Птолемея Эвергета.

[7]) Жена Птолемея Филадельфа.

Силу ихъ крылъ испытуя, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.
Злато, эбенъ и слоновая кость—изъ васъ образованъ
Быстрый орелъ, виночерпца младаго Крониду несущій.
Вотъ ковры пурпуровые: сладостнѣй сна ихъ поверхность,
Скажетъ про нихъ восхищенный Милетянинъ, или Самосецъ.
Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа:
Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлорукій Адонисъ.
Юный супругъ девятнадцати-лѣтній: его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.
Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
Къ берегу мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія,
И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣснопѣнье:
„Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ, и отъ насъ къ Ахерону,—
Доля, какой ни единый земной полубогъ не сподобленъ;
Ни изъ Гекубиныхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій Гекторъ,
Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Теламонидъ [1]),
Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапиѳы, или Девкалиды,
Ни Пелопиды, ни родоначальники Грековъ Пелазги,—
Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ!"
Горго. Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость.

Разборъ.—Краткій разсказъ содержанія идилліи.—Раздѣленіе ея на части главныя и второстепенныя.—Черты быта древнихъ, представленныя въ идилліи:— а) образъ жизни: убранство жилища, одежда, обувь, омовеніе, притиранія; б) семейные нравы: отношеніе жены къ мужу, воспитаніе дѣтей, прислуга; в) народные обычаи: свадебный обрядъ, положеніе женщины, отношеніе между народомъ и царемъ; г) великолѣпіе народныхъ празднествъ: всеобщее участіе въ торжествѣ, гимны, тканье, плоды, муро, разныя яства, кущи, эроты, орелъ, ковры: что говорится о каждомъ предметѣ?—Главныя дѣйствующія лица и характеристика ихъ: образованность, пониманіе искусства, сознаніе своего достоинства, наивность, любовь къ народнымъ пословицамъ и пр.—Опредѣлите, почему эта піеса названа идилліею?

---

[1]) Аяксъ.

Примѣч. —Другіе образцы идиллій можно читать въ I ч. Христом. *А. Филонова*, изд. 1897 г., 2 ч. Христом. *А. Галахова*, 2 ч. Христом. *Л. Поливанова.*

§ 91. VI. *Баллада.*—Баллада (ballada—balade) въ смыслѣ первоначальномъ означала пѣсню, сопровождаемую пляскою; самое названіе ея происходитъ отъ Греч. глагола βαλλίζω—пляшу. Въ послѣдствіи этотъ первоначальный смыслъ утратился, и баллада стала небольшимъ разсказомъ о событіи чудесномъ, сверхъ-естественномъ.

Примѣч.—Баллада и «романсъ» весьма близки другъ къ другу. Нѣмецкій ученый *Гетцингеръ* указываетъ слѣд. различіе между ними: баллада почерпаетъ матеріалъ свой изъ исторіи, или изъ народныхъ преданій, излагаетъ его въ *спокойномъ* эпическомъ разсказѣ; романсъ же, нарушая эпическое спокойствіе, вноситъ *лирическій* или драматическій элементъ въ свое содержаніе: онъ обращаетъ читателя отъ событій къ міру внутреннему. (Всеобщая Исторія Литературы *І. Шерра.* Спб. 1863, стр. 578).

Баллада особенно развилась во времена рыцарства. Разныя приключенія и подвиги рыцарей, выходящіе изъ ряда обыкновеннаго порядка явленій, давали обильный матеріалъ для балладъ и романсовъ. Въ романахъ (§ 102) Англ. писателя *Вальтера-Скотта* пилигримы разсказываютъ баллады въ зáмкахъ бароновъ и рыцарей, напримѣръ въ романѣ „Айвенгô", изображающемъ средневѣковое общество.—Въ XVIII вѣкѣ Нѣмецкіе поэты пробудили любовь къ изученію народныхъ преданій и старины; слѣдствіемъ такого направленія поэзіи было возрожденіе баллады. Многіе Нѣмецкіе поэты, даже вожди литературы, писали баллады, напримѣръ *Гёте* (1748—1832) и *Шиллеръ* (1759—1805). Кромѣ того извѣстны баллада *Уланда* (1787—1861), *Бюргера* (1748—1794), и другихъ (см. собраніе стихотвореній *В. А. Жуковкаго*).

У насъ создателемъ этого вида поэзіи былъ *В. А. Жуковскій*. Онъ извѣстенъ, какъ превосходный писатель балладъ. Литературную знаменитость прежде всего поэтъ пріобрѣлъ балладами. Въ одномъ своемъ посланіи *К. Н. Батюшковъ* называетъ Жуковскаго балладникомъ. Первая баллада Жуковскаго называлась *Людмила*: передѣлана имъ изъ Бюргера. Баллада явилась въ 1806 году и произвела сильное впечатлѣніе на общество. „Было время", говоритъ *В. Г. Бѣлинскій*, „когда эта баллада доставляла намъ какое-то сладостно-страшное удовольствіе, и чѣмъ болѣе ужасала насъ, тѣмъ съ большею страстію мы читали ее. Она коротка казалась намъ во время оно, не смотря на свои 252 стиха". (Соч. В. Г. Бѣлинскаго. М. 1860. VIII—185), „Свѣтлана", оригинальная баллада Жуковскаго, была признана за его chef-d'oeuvre, такъ что критики и словесники того времени (баллада напечатана въ 1813 г.) называли Жуковскаго „пѣвцомъ Свѣтланы", и самъ онъ въ Арзамасскомъ литературномъ обществѣ подписывался „Свѣтланою". Лучшее мѣсто въ этой балладѣ—ея начало, гдѣ описываются святочныя гаданья. У Жуковскаго много балладъ. Лучшія: „Ахиллъ", „Иви-

ковы Журавли", „Кубокъ", „Графъ Габсбургскій", „Зáмокъ Смальгольмъ", „Рыцарь Тогенбургъ", „Лѣсной Царь", „Ночной Смотръ".

Есть превосходныя баллады и у другихъ нашихъ поэтовъ. *А. С. Пушкинъ* написалъ три образцовыя баллады: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ", „Бѣсы" и „Утопленникъ"; *М. Ю. Лермонтовъ*—„Воздушный Корабль" (изъ *Зейдлица*), *Я. П. Полонскій*—„Солнце и Мѣсяцъ", „Разсказъ волнъ", „Рыбакъ", „Лѣсъ"; у *А. А. Фета* мы находимъ цѣлый отдѣлъ балладъ въ собраніи его стихотвореній, напримѣръ: „Тайна", „Воротъ", „На дворѣ не слышно вьюги"; Графъ Алексѣй Константиновичъ *Толстой*, одинъ изъ даровитѣйшихъ и самостоятельныхъ нашихъ поэтовъ, подарилъ нашей Словесности нѣсколько прекрасныхъ балладъ: „Василій Шибановъ", „Князь Михайло Рѣпнинъ", „Старицкій Воевода", „Богатырь" и пр. (см. собраніе его стихотвореній).

Содержаніе для баллады поэтъ почерпаетъ изъ разныхъ источниковъ: изъ исторіи міра древняго („Ивиковы Журавли" *Шиллера*), изъ исторіи отечественной („Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ", „Василій Шибановъ"), изъ народныхъ сказаній и суевѣрій („Лѣсной Царь *Гёте*, „Бѣсы" и „Утопленникъ"), изъ разсказовъ о рыцарскихъ временахъ („Кубокъ", „Графъ Габсбургскій", Рыцарь Тогенбургъ" *Шиллера*, „Зáмокъ Смальгольмъ" *Вальтера-Скотта*), изъ новѣйшей исторіи („Воздушный Корабль"), короче:—изъ всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые заключаютъ въ себѣ элементы чудеснаго, сверхъ-естественнаго, необычайнаго.

Библіогр.—Всеобщая Исторія Литературы *I. Шерра*. 1863, стр. 136, 305, 578 и др. Всеобщая Исторія Литературы. *В. Ѳ. Корша* и *А. И. Кирпичникова*. Спб. 1880—1892. Исторія Испанской Литературы, по *Тикнору*, сост. *П. Кулишъ*. Спб. 1861, стр. 10—18.—Чтенія о Словесности. *И. Давыдова*. М. 1839, курсъ III, стр. 161—168.—Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1857, сент. и окт. «Историч. очерки поэзіи». *Ор. Миллера*.—Другія указанія въ I ч. Христом. *А. Филонова*, 1897, изд. 8-е, стр. 233, 240, 244, 247.

§ 92. Для образца приведемъ балладу *А. С. Пушкина* „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ".

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?

И скоро ль, на радость сосѣдей-
враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся
меня:
Въ награду любаго возьмешь ты
коня".
— „Волхвы не боятся могучихъ вла-
дыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ,
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій
языкъ,
И съ волей небесною дружен.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ
челѣ.
„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царя-града;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной
судьбѣ.
„И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла и лукавый
кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь
ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.
„Твой конь не боится опасныхъ
трудовъ,
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами
враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня
своего".—
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на
сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой
вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся; да помни меня!
Вы, отроки-други, возьмите коня!
„Покройте попоной, мохнатымъ
ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите!".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.
Пируетъ съ дружиною Вѣщій
Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній
снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промол-
вилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? все также ль легокъ
его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игри-
вый?"
И внемлетъ отвѣту: „на холмѣ кру-
томъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ
онъ сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный
старикъ!

*

Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости:
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь!
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“..
Изъ мертвой главы гробовая змія
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Примѣч.—О смерти Олега сдѣлаемъ выписку изъ Лѣтописи *Нестора*: «И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не всѣдати на нь, бѣ бо преже въпрашалъ волъхвовъ и кудесникъ: «отъ чего ми есть умрети?» И рече ему одинъ кудесникъ: «княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети». Олегъ же приимъ въ умѣ, си рече: «николиже всяду на нь, ни вижу его боле того»; и повелѣ кормити *и* (его) и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣтъ не дѣя (не видя) его, дондеже на Грекы иде. И пришедшему ему к Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умрети, и призва старейшину конюхомъ, рече: «где есть конь мъй, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» Онъ же рече: «умерлъ есть». Олегъ же посмѣася и укори кудесника, река: «то ти неправо глаголють волъсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «а то вижю кости его». И приде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и сѣде с коня, и посмѣяся рече: «отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?» и въступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу, и с того разболѣся и умре. И плакашася вси людие плачемъ великимъ, и несоша и погребоша *и* на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ княжениа его 33. (Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, изд. 1872, лѣто 6420, стр. 37—8).

Разборъ.—Почему это стихотвореніе называется балладой?—Раздѣлить балладу на части.—Черты древней Русской жизни на основаніи «Олега»: воинственность, религіозныя вѣрованія, значеніе волхва, народные обычаи, отношенія князя къ дружинѣ, древнее вооруженіе, набѣги дикихъ народовъ и расплата за нихъ.—Укажите, въ какихъ именно мѣстахъ баллады говорится объ этихъ сторонахъ древней Русской жизни?—Старинныя слова (напр.: сѣча, отроки, дружина, тризна и пр.).—Сравните съ разсказомъ Нестора: гдѣ больше содержанія—у

Пушкина или у Нестора?—Какихъ подробностей нѣтъ—у Нестора, а есть у Пушкина?—Историческія лица и мѣста, упоминаемыя въ балладѣ: что говорится о нихъ?—Характеристика Олега.—Идея баллады.

Примѣч.—Другія баллады (напр.: «Ивиковы Журавли», «Кубокъ», «Графъ Габсбургскій», «Приговоръ», «Василій Шибановъ», «Лѣсной Царь», «Бѣсы», «Воздушный корабль» и др.) можно найти въ I ч. Христом. *А. Филонова.*

§ 93. VII. *Поэма.*—Поэмою (Ποίημα) въ древности называлось обширное эпическое твореніе, въ которомъ разсказывалось о *важномъ* для народа событіи. Таковы поэмы [1]) *Гомера* (X. в. до. Р. Хр.): „Иліада" и „Одиссея". Въ „Иліадѣ" поэтъ воспѣваетъ осаду и взятіе Трои, въ „Одиссеѣ"—странствованія Одиссея, царя Итаки, послѣ разоренія Трои.—Въ поэму вводилось много *чудеснаго.* Подъ чудеснымъ надо понимать непосредственное участіе боговъ въ дѣйствіяхъ людей. Такъ въ „Иліадѣ" Юпитеръ и всѣ боги вліяютъ на ходъ битвы; Ахиллесъ пускаетъ копье, а божество возвратило его герою; Менелай выпустилъ бичъ изъ рукъ, а Минерва поднимаетъ его. Въ „Одиссеѣ" говорится, что Аѳина постоянно сопутствуетъ Одиссею; богиня окружила героя туманомъ, при входѣ его во дворецъ Алкиноя, она несказанной красотой одѣла Одиссея, чтобы вселить къ нему пріязнь Феаковъ:

„Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣе
И густыми кольцами кудри, какъ цвѣтъ
Гіацинта, ему закрутила;

подъ видомъ старца Аѳина возвѣстила Одиссею, что его камень брошенъ дальше другихъ. Она является Телемаку, сыну Одиссея,—является его женѣ, Пенелопѣ. Аѳина научила женъ Феакійскихъ ткать.—Главными *дѣйствующими* лицами поэмы были цари и герои, а не обыкновенные люди. Въ „Иліадѣ" выведены героями: Ахиллесъ—царь Фтіотиды, Гекторъ—сынъ царя Пріама, Агамемнонъ—царь Микенъ, прозванный „царемъ царей", Менелай—царь Лакедемона, Діомедъ—царь Аргосскій; въ „Одиссеѣ" главнымъ героемъ выступаетъ Одиссей—царь Итаки, за нимъ Алкиной—царь Феаковъ.—Герой поэмы встрѣчалъ разныя *препятствія* на пути къ своей цѣли. Такъ въ „Иліадѣ" ссора съ Агамемнономъ удаляетъ Ахиллеса отъ поля битвы; онъ борется съ рѣкою Ксанѳомъ. Одиссею мѣшали возвратиться на родину разныя препоны: то волшебница Цирцея, то нимфа Калипсо, то богъ Посидонъ, воздвигшій противъ героя бурное море,—то опасные водовороты—Сцилла и Харибда.—Вслѣдствіе разныхъ препятствій, преодолѣваемыхъ героемъ, поэма древняя заключала въ себѣ много *эпи-*

---

[1]) Поэмы Гомера называются еще *эпопеями.* Но слово «эпопея»—позднѣйшее. Самъ Гомеръ называетъ свои творенія «эпосомъ», т. е. разсказомъ, ἔπος—ἔπεα (разсказы).

зодовъ, т. е. отступленій отъ главнаго событія, разсказовъ побочныхъ. Такъ въ „Одиссеѣ“ повѣствуется о сошествіи Одиссея во адъ, о пребываніи на островѣ Циклоповъ.

§ 94. *Образцы древней поэмы.*—Образцомъ древней поэмы служитъ „Иліада“ и „Одиссея“. Ни одно произведеніе ума человѣческаго—ни въ древнее, ни въ новое время—не имѣло столь великаго успѣха, какъ поэмы *Гомера*.

Произведенія Гомера имѣютъ огромныя преимущества надъ всѣми сочиненіями древнихъ, содержанія исключительно историческаго. Ни одно изъ этихъ послѣднихъ не характеризуетъ такъ вѣрно, живо и отчетливо современной эпохи, какъ творенія *Гомера*, въ которыхъ мы видимъ въ дѣйствіи современное ему общество съ его вѣрованіями и убѣжденіями, нравами и обычаями. „Онѣ“, говоритъ *Н. И. Гнѣдичъ*, „подобно книгамъ Бытія, суть печать и зерцало вѣка“. Этотъ вѣкъ со всѣми его совершенствами и слабостями схваченъ поэтомъ съ природы и художнически изображенъ въ самыхъ яркихъ картинахъ. Въ *Ахиллесѣ*, *Одиссеѣ*, *Патроклѣ*, *Агамемнонѣ*, *Несторѣ*, *Діомедѣ*, *Аяксѣ*, *Пенелопѣ*, *Навзикаѣ* и другихъ очерченъ характеръ Грековъ героической эпохи: въ *Ахиллесѣ*—физическая сила, геройская храбрость и неустрашимость; въ *Одиссеѣ*—благоразумная хитрость, изобрѣтательность и терпѣніе; въ *Патроклѣ*—искреннее дружество; въ *Агамемнонѣ*—царскія качества: бодрость, заботливость; въ *Несторѣ*—старческая мудрость; въ *Діомедѣ* и *Аяксѣ*—неудержимое мужество; въ *Пенелопѣ*—вѣрность супруги и нѣжная любовь матери; въ *Навзикаѣ*—типъ древней Греческой дѣвушки. Въ ихъ чувствованіяхъ и поступкахъ отражается образъ мышленія и дѣйствія всѣхъ Грековъ. Изъ произведеній *Гомера* мы можемъ составить ясное понятіе о гражданскомъ устройствѣ Греческаго міра, о религіозныхъ убѣжденіяхъ Грековъ, семейной ихъ жизни, объ эстетическомъ ихъ развитіи, о положеніи странъ, народовъ и городовъ. На этомъ основаніи Иліада и Одиссея служили источникомъ, изъ котораго Греки почерпали все свое умственное, нравственное и общественное образованіе. Нѣкоторые знали наизусть всю Иліаду и всю Одиссею. Значеніе Иліады и Одиссеи особенно усилилось, когда въ VI вѣкѣ до Р. Хр. Солонъ, Пизистратъ и дѣти его различными постановленіями усыновили, такъ сказать, Аѳинамъ эти поэмы, возникшія, безъ сомнѣнія, въ Малоазійскихъ колоніяхъ. *Солонъ* предписалъ, чтобы творенія Гомера, какъ и законы, читались въ общественныхъ собраніяхъ. Во времена Солона, Гомеровы поэмы болѣе и болѣе входили въ Греческую жизнь вообще. Не только съ Гомера начиналось воспитаніе Аѳинскаго юношества, но даже въ зрѣломъ возрастѣ Гомеровы поэмы были любимымъ чтеніемъ. Изъ нихъ возникла Греческая трагедія: она и содержаніемъ, и воззрѣніемъ и даже языкомъ обязана Гомеру. Вотъ почему Аѳиня-

не называли Гомера первымъ трагикомъ. Далѣе:—изъ Иліады и Одиссеи скульпторы брали содержаніе для своихъ произведеній. Фидій самъ сознавался, что свою статую Юпитера Олимпійскаго онъ создалъ по идеямъ *Гомера*. На поэмы ссылались Греческія государства, какъ въ наше время ссылаются на трактаты и договоры. Нѣкоторыя государства нарочно поддѣлывали, вставляли стихи въ свою пользу; историки и географы опирались на Гомера, какъ на правдиваго свидѣтеля. Многіе стихи изъ поэмъ Гомера приводились въ обыденной жизни какъ пословицы. Гомеръ былъ идеаломъ мудрости [1]), былъ *поэтомъ* по преимуществу (ὁ ποιητής). Послѣ этого неудивительно, что Гомера въ школахъ изучали болѣе, чѣмъ другихъ поэтовъ. Значеніе его не утратилось даже до паденія Византійской Имперіи. Такъ извѣстно, что въ христіанскихъ школахъ Гомера изучали наравнѣ съ Библіею. Къ твореніямъ его дѣлались для школъ рисунки и до насъ дошли такіе рисунки: такъ называемыя Tabula Iliaca.

§ 95. *Свойство Гомеровскаго эпоса.*—Главнѣйшія свойства Гомеровскаго эпоса слѣдующія: 1. *Спокойствіе.* О самыхъ потрясающихъ событіяхъ и самыхъ обыкновенныхъ Гомеръ говоритъ одинаковымъ тономъ, нигдѣ не выражая личнаго своего впечатлѣнія. Страшное мщеніе Ахиллеса Гектору, выразившееся въ истязаніяхъ надъ мертвымъ Троянскимъ героемъ, разсказано точно также, какъ угощеніе Одиссея царемъ Алкиноемъ на островѣ Феаковъ. Разсказъ о посѣщеніи Пріамомъ кущи Ахиллеса, гдѣ лежало истерзанное тѣло Гектора, сына Пріама, дышитъ тѣмъ же спокойнымъ, безстрастнымъ тономъ, чуждымъ всякаго личнаго ощущенія, какъ и повѣствованіе о царицѣ Аретѣ, женѣ Алкиноя, которая учитъ Одиссея завязывать узелъ на ящикѣ съ подарками. Спокойствіе, ровный тонъ, отсутствіе личныхъ впечатлѣній составляютъ отличительную черту всѣхъ *народныхъ* эпическихъ сказаній.

2. *Разнообразіе* характеровъ и предметовъ—второе главнѣйшее свойство Гомеровскаго эпоса. Недовольный вождями Ѳерситъ, каркающій подобно воронѣ и всѣми презираемый за свои дерзкія рѣчи, выводится тамъ же, гдѣ и Одиссей, увлекающій всѣхъ своимъ дивнымъ словомъ и умомъ,—пламенный Ахиллесъ и кроткій Несторъ представлены въ одной и той же поэмѣ. Гомеръ то переноситъ насъ на Олимпъ, гдѣ обитаютъ боги, то рисуетъ обыкновенную игру въ мячъ у рѣчнаго потока, то поставляетъ насъ лицемъ къ лицу съ общественнымъ управленіемъ Грековъ, и мы присутствуемъ на общемъ совѣщаніи царя съ народомъ, то изображаетъ передъ нами споры героевъ, часто грубые; то разсказываетъ о гимнастическихъ играхъ, борьбѣ, кулачномъ боѣ, бѣганьѣ, пляскѣ, метаньѣ диска, то передаетъ, какъ Ахиллесъ терзается отчаяніемъ по другѣ Патроклѣ,

---

[1]) Семь городовъ Греческихъ спорили о мѣстѣ рожденія Гомера: въ такомъ онъ былъ почетѣ...

лежа ницъ на берегу неумолкающаго моря. Есть у Гомера разсказы печальнаго свойства (прощанье Гектора съ Андромахой), есть веселыя картины (пиръ боговъ на Олимпѣ) и потрясающія (мщеніе Ахиллеса).

3. *Простодушіе* проходитъ черезъ все твореніе Гомера. Передъ нами старецъ, говорящій дѣтямъ про старину. Простодушіе является необходимымъ слѣдствіемъ того быта, о которомъ разсказываетъ Гомеръ. Цари и герои Гомера, даже боги, похожи на простыхъ смертныхъ. Царица Арета, жена Алкиноя, сучитъ нитки, прядетъ; царица Елена прядетъ, царица Пенелопа ткетъ, царевна Навзикая запрягаетъ лошадей, сама правитъ ими, ѣдетъ со служанками мыть бѣлье, и нимфа Калипсо занимается тканьемъ; богиня Ириса отрѣшаетъ лошадей отъ ярма; Ахиллесъ, царь и герой, разсѣкаетъ хребты овцы, козы, окорокъ борова, разгребаетъ угли и жаритъ мясо на вертелѣ; царь Алкиной и его гости сами обдираютъ животныхъ себѣ въ пищу; Алкиной и Одиссей, пришедши на площадь, садятся на гладко-обтесанныхъ камняхъ; боги на Олимпѣ пьютъ нектаръ, Меркурій у Калипсы вкушаетъ пищу, какъ простой смертный; боги страдаютъ и смѣются подобно людямъ. Въ „Иліадѣ“ разсказывается, что герой Діомедъ во время битвы поразилъ стрѣлою Венеру и самого бога войны, Марса. Такая плѣнительная простота быта требовала и разсказа патріархально-простаго. Гомеръ простъ и въ томъ, что любитъ повторенія одного и того же разсказа. Герои его прежде скажутъ, что они намѣрены дѣлать, а потомъ дѣлаютъ по сказанному—и Гомеръ поступаетъ точно также.

Сѣлъ Ахиллесъ приподнявшись, и такъ говорилъ воеводамъ:
„Царь Агамемнонъ, и вы, предводители воинствъ Ахейскихъ!
Время костеръ угасить; виномъ оросите багрянымъ
Все пространство, гдѣ пламень пылалъ, и на пеплѣ костерномъ
Сына Менетія (Патрокла) мы соберемъ драгоцѣнныя кости,
Тщательно ихъ отдѣливъ отъ другихъ: распознать же удобно:
Другъ нашъ лежалъ на срединѣ костра; но далеко другіе
Съ краю горѣли набросаны кучей, и люди и кони.
Кости въ фіалъ золотой, двойнымъ окруживши ихъ тукомъ,
Вы положите, доколѣ я самъ не сойду къ Аидесу.
Гроба надъ другомъ моимъ не хочу я великаго видѣть;
Такъ, лишь пристойный курганъ, но широкій надъ нимъ и высокій
Вы сотворите, Ахеане, вы, которые въ Троѣ
Послѣ меня при судахъ мореходныхъ останетесь живы“.
Такъ говорилъ, и они покорились герою Пелиду.
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ поливая пространство
Все, гдѣ пламень ходилъ; и обрушился пепелъ глубокій;
Слезы ліющіе, друга любезнаго бѣлыя кости
Въ чашу златую собрали, и тукомъ двойнымъ обложили,
Чашу подъ кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;

Кругомъ означили мѣсто могилы, и, бросивъ основы
Около сруба, поспѣшно насыпали рыхлую землю.
Свѣжій насыпавъ курганъ, разошлися они. (Пѣснь XXIII, стих. 235—255).

Изъ этого примѣра видно, какъ Гомеръ любитъ повторенія. Въ обращеніи Ахиллеса къ Агамемнону и въ описаніи дѣйствія Ахейскаго войска говорится одно и то же. Такъ простъ Гомеръ повсюду.

4. Въ эпосѣ Гомера самая употребительная форма разсказа — *разговоръ* между дѣйствующими лицами. Обѣ поэмы Гомера представляютъ множество образцовъ разговора: боги держатъ рѣчи другъ къ другу, Ахиллесъ обращаетъ крылатое слово къ Гектору, Гекторъ къ Ахиллесу, Діомедъ говоритъ съ Афродитой, Зевесъ съ Юноной и другими богами. Если выбросить между рѣчами связующіе стихи, то выйдетъ родъ драматическаго произведенія, гдѣ дѣйствующія лица своими рѣчами характеризуютъ себя.

5. Замѣчательны Гомеровскія *описанія*. Описывая предметъ, онъ разсказываетъ или исторію его происхожденія, или рядъ послѣдовательныхъ его дѣйствій, показываетъ части предмета однѣ за другими, а не подлѣ другихъ. „Я нахожу (говоритъ Германскій критикъ *Лессингъ* XXIII в.), что Гомеръ не изображаетъ ничего кромѣ послѣдовательныхъ дѣйствій"; онъ умѣетъ показать предметъ въ цѣломъ ряду моментовъ. Таковы Гомеровскія описанія скипетра Агамемнона (Иліад., пѣснь II, стих. 101—108, перев. Н. И. Гнѣдича) и Ахиллеса (Иліад., пѣснь I, стих. 234—239), лука Пандара (Иліад., пѣснь IV, стих. 105—111), таково знаменитое описаніе щита Ахиллеса (Иліад. XVIII, 468—608). „Мы видимъ у него не щитъ (пишетъ Лессингъ), но божественнаго мастера, дѣлающаго щитъ. Мы видимъ, какъ подходитъ онъ съ молоткомъ и клещами къ своей наковальнѣ; выковываетъ сначала полосы изъ грубаго металла, и затѣмъ передъ нашими глазами начинаютъ являться одинъ за другимъ образы, возникающіе изъ металла подъ его мастерскими ударами". — Тѣлесную красоту Гомеръ никогда не описываетъ подробно, а между тѣмъ содержаніемъ всей Иліады служитъ красота Елены; онъ мимоходомъ упоминаетъ, что у ней были бѣлыя руки (Иліад. II—121 „къ Еленѣ лилейно-раменной"), прекрасные волосы (Иліад. II—329 „супругъ лѣпокудрой Елены"), но даетъ понятіе о чарующей прелести Елены по тому *впечатлѣнію*, которое она производитъ на почтенныхъ старцевъ Троянскаго народа. Увидѣвъ ее, старцы говорили другъ другу:

„Нѣтъ, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна" [1]).

[1]) Иліад., пѣснь III, стих. 154—158. «То, чего нельзя описать по частямъ и въ подробностяхъ, Гомеръ умѣетъ показать намъ другимъ образомъ—именно *дѣйствіемъ* его на другихъ». *Лессингъ* въ «Лаокоонѣ», Рус. перев. Е. Эдельсона. М. 1859, стр. 146,—сравн. *Ѳ. И. Буслаева*: «Историч. Очерки Рус. Народ. Словесности». Спб. 1861, т. I, стр. 65.

6. *Языкъ* Гомеровскаго эпоса отличается особенною живописью. Онъ обиленъ богатыми сравненіями и выразительными эпитетами.

Примѣры:

1. Пламень ему (Діомеду) отъ щита и шелома зажгла неугасный,
Блескомъ *подобный* звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, омывшись въ волнахъ Океана.

2. И запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога.
Объ Ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство.
Видя, какъ онъ содрагается въ смертной борьбѣ и, прижавшись
Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ,
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.

Подобными сравненіями [1]) наполнены обѣ великія поэмы Гомера. Эпитеты Гомеровскіе отличаются картинностію: они рисуютъ предметъ съ двухъ сторонъ, напр.: Гера *волоокая*, Аполлонъ *сребролукій*, Зевесъ *тучегонитель*, Арей мѣднобронный, Ириса златокрылая, Аѳина свѣтлоокая, Ахиллесъ *быстроногій*, Одиссей *хитроумный*, Гекторъ шлемоблещущій, пика длиннотѣнная, суда многомѣстныя, страна плодоносная, щитъ круговидный, кони звуконогіе, пышногривые, златосбруйные, долгогривые, гордовыйные,—дружины мѣднолатныя, корабли мореходные, Ѳивы *высоковоротныя*, море неумолкношумящее, заря *разоперстая,* топоры древорубные, дубы высоковершинные и пр.

Библіогр.—«Иліада» переведена на Рус. языкъ *Н. И. Гнѣдичемъ* (въ 1826 г.), *Ордынскимъ* (не вся), *Минскимъ* (1896 г.) и другими, и «Одиссея»—*В. А. Жуковскимъ* (въ 1849 г.), *Г. А. Янчевецкимъ* (переводится съ 1893 г. въ журналѣ «Гимназія») и другими.—Древнѣйшій текстъ Иліады. Ж. М. Нар. Пр. т. LXV.—Предисловіе *Гнѣдича* къ переводу Иліады. Напечатано при самомъ изданіи Иліады.—Объ Одиссеѣ. Жуковскаго. *Н. В. Гоголя,* въ «Перепискѣ съ друзьями».—Сравненіе Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ. *Н. Лавровскаго.* Отеч. Зап. 1849, № 8.—О переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскимъ. *Г. С. Дестуниса.* Ж. М. Нар. Просв. 1850, № 8.—Лаокоонъ или о границахъ живописи и поэзіи. Соч. *Лессинга.* Перев. *Е. Эдельсона.* М. 1859, стр. 108, 109, 123, 135, 146.—Историческіе Очерки Рус. Народной Словесности и Искусства. *Ѳ. И. Буслаева.* Спб. 1861, т. I, стр. 64 и д. Друг. библ. указазанія см. въ I ч. Христом. *А. Филонова,* 1897, изд. 8-е, стр. 276—277.

---

[1]) См. еще § 15 «Учебн.» (сравненіе).

Примѣч. Для ознакомленія съ поэмами Гомера надо прочитать слѣд. отрывки: изъ *Иліады*: Діомедъ (V-я рапсодія), прощаніе Гектора съ Андромахой (VI-я рапсодія), погребеніе Патрокла (XXIII), Пріамъ у Ахиллеса (XXIV);—изъ *Одиссеи*: Одиссей у Алкиноя (конецъ VII-й рапсодіи и вся VIII-я). Эти же отрывки помѣщены въ 1 ч. Христ. *Филонова.*

§ 96. Одинъ изъ поименованныхъ отрывковъ, подъ названіемъ „Гекторъ и Андромаха", помѣщаемъ здѣсь.

Гекторъ и Андромаха (изъ VI-й рапсодіи).

Тамъ (у Скейскихъ воротъ) предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе, младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной,
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трои
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему и такія слова говорила:
„Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери: скоро
Буду вдовой я несчастная! скоро тебя Аргивяне,
Вмѣстѣ напавши, убьютъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
Если постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій,
Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ.
Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
Создалъ надъ прахомъ могилу; и окрестъ могилы той ульмы (вязы)
Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
Братья мои однокровные: семь оставалось ихъ въ домѣ:
Всѣ, и въ единый день, преселились въ обитель Аида:
Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака [1]) царицу,
Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани;
Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;

---

[1]) *Плакъ*—гора въ Ѳивахъ.

Феба жъ[1]) и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
Сжалься же ты надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ:
Трижды туда приступая, на градъ покушались герои,
Оба Аякса могучіе, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце".
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій, Гекторъ:
„Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой,
Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но, не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткать чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гиппарея,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
Льющую слезы тебя—кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліона!
Скажетъ; и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть,—
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
Но, да погибну, и буду засыпанъ я перстью земною,
Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!"
Рекъ; и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: *Артемида*, любящая стрѣлы.

Яркою мѣдью испуганъ, и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій; и на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
„Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!“
Рекъ, и супругѣ возлюбленной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее, и рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
„Добрая! сердце себѣ не круши неумѣренной скорбью.
Противъ судьбы, человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу;
Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами,
Тканьемъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
Дѣло свое исправлять; а война—мужей озаботитъ
Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ“.
Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въономъ служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла, и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Ими заживо Гекторъ былъ въ своемъ домѣ оплаканъ.
„Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не прійти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства Данаевъ“.

Н. Гнѣдичъ.

Разборъ.—Предложенный отрывокъ даетъ довольно приблизительное понятіе объ эпосѣ Гомера.—Укажите сами главнѣйшія его свойства на этомъ отрывкѣ.—Въ чемъ проявляется спокойствіе разсказа?—Простота?—Есть ли примѣры разговора?—Замѣтьте сравненія, эпитеты.—Извлеките матеріалы для очерка быта древнихъ Грековъ.—Характеристика Гектора и Андромахи.

Примѣч. «Иліада» и «Одиссея» признаются образцами *народнаго* эпическаго творчества. Каждый народъ имѣетъ свое эпическое творчество. Наиболѣе замѣчательны въ этомъ родѣ слѣд. памятники: «Пѣснь о Роландѣ» (изъ пре-

даній о Карлѣ Великомъ), «Романсы о Сидѣ» (одинъ изъ Испанскихъ героевъ), «Нибелунги» (образецъ Германскаго эпоса), «Древняя Эдда» (памятникъ Скандинавскаго эпоса), «Калевала» (Финская народная эпопея). Славянскіе народы имѣютъ свои народныя сказанія, болѣе или менѣе замѣчательныя.—«Пѣснь о Роландѣ»—«Народная Поэзія» *Ѳ. И. Буслаева*. Спб. 1887 и его же «Историч. Очерки Рус. Народн. Словесности» 1861, два тома,—«Пѣснь о Нибелунгахъ» въ Пантеонѣ Литературы, изд. А. Чудинова 1889 г.,—«Калевала» перев. размѣромъ подлинника и примѣчанія *Л. П. Бѣльскаго*. Спб. 1888.—О Славянскомъ эпосѣ—въ указанныхъ выше книгахъ Ѳ. И. Буслаева.—Другія библіогр. свѣдѣнія въ I ч. нашей Христоматіи. Спб. 1897 г., изд. 8-е, стр. 326 и д.—Надо привлекать юношество къ чтенію произведеній народнаго творчества и почерпать изъ нихъ *темы* для сочиненій; съ этою цѣлію преподаватель указываетъ разные замѣчательные эпизоды въ поименованныхъ поэмахъ,—при чемъ полезно сравнивать разсказы иноземныхъ народныхъ пѣвцовъ съ Русскими народными сказаніями [1]), какъ это (напр.) сдѣлано профес. Ѳ. И. Буслаевымъ въ его примѣчательной статьѣ «Древне-Сѣверная жизнь» (Историч. Очерки Рус. Нар. Словесности 1861, т. I, стр. 257—268), отличающейся особенною простотою. Въ книгѣ проф. Ѳ. И. Буслаева «Народная Поэзія» о *Роландѣ* стр. 285 и д.,—о *Сидѣ* говорится на стр. 332, 335, 339, 348, 350, 358, 360, 381—2, 384—5, 392, 396, 402, 407, 414, 422, 424—5,—объ *Эддѣ*: 147, 149, 156, 222—3. 225, 227—8, 231, 234—5,—о *Калевалѣ*: 40, 78, 95, 133—4, 148, 205, 249, 257, 429,—*о сходствѣ* эпическихъ сказаній—стр. 232—4, 237—8, 242, 308, 310, 323—9, 331, 350—1, 356, 359, 374—5, 390—1, 393, 395, 397 (сходство съ началомъ повѣсти «Тарасъ Бульба»), 401, 415, 418, 427,—о Премыслѣ стр. 68, 78, 104. Для ознакомленія съ народной поэзіей въ связи ея съ религіею и бытомъ профессоръ Буслаевъ указываетъ на слѣд. статьи изъ его «Историч. Очерковъ» (въ 1-й части): «Эпическая поэзія», «Пѣсни древней Эдды», «Сказаніе новой Эдды», «Славянскія сказки», «Древнія эпич. преданія славян. племенъ». См. его «Общій планъ и программы обученія языкамъ» и литературѣ (отдѣльное изданіе 1890 г.), стр. 41.

§ 97. *Подражатели Гомера.*—Поэмы Гомера служили образцомъ для разныхъ писателей. У каждаго почти народа, исторически извѣстнаго, составлялись поэмы въ подражаніе Гомеру. Римскій поэтъ *Виргилій* (при Августѣ) написалъ „Энеиду“, въ которой разсказывается о странствіяхъ Троянскаго царя Энея послѣ взятія греками Трои.—У Итальянцевъ славятся двѣ [2]) поэмы: „Неистовый Орландъ“ *Аріоста*

---

[1]) Напр. Главкъ и Діомедъ (VI пѣснь «Иліады») и Илья Муромецъ и разбойники,—Премыслъ (чешскій) и Микула Селяниновичъ,—государыня-матушка нашихъ былинъ и мать въ «Калевалѣ» и пр. Относительно «Калевалы», см. любопытную замѣтку *Л. Н. Майкова* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., № 4. Она похожа на Иліаду, по словамъ *Макса Миллера*.

[2]) Третья знаменитая поэма «Божественная Комедія», соч. *Данта* (1265—1325), по своимъ высокимъ литературнымъ и историческимъ качествамъ, составляетъ совершенно самостоятельное произведеніе, и очень жаль, что мы, удерживаемые краткостію «Учебника», не можемъ подробнѣе говорить объ этомъ знаменательномъ образцѣ эпическаго христіанскаго творчества. Перев. *Д. Минаевымъ*.

(1474—1533) и „Освобожденный Іерусалимъ“ *Торквата Тасса* (1544—1595). Содержаніе первой: разсказъ о Карлѣ Великомъ и любимомъ его витязѣ Орландѣ; содержаніе второй: взятіе Іерусалима крестоносцами во время перваго крестоваго похода.—Англичане имѣютъ поэму „Потерянный рай“, соч. *Мильтона* (1608—1674). Содержаніе: разсказъ о жизни прародителей въ раю и грѣхопаденіе ихъ.—Нѣмецкая Словесность красится поэмою „Мессіада“, соч. *Клопштока* (1724—1803). Въ ней повѣствуется о жизни Богочеловѣка на землѣ до его вознесенія на небо. У Португальцевъ есть своя классическая поэма „Лузіада“, соч. *Камоэнса* (1525—1579); разсказывается о завоеваніяхъ Португальцевъ въ Индіи.—Французы имѣютъ „Генріаду“ *Вольтера* (1694—1778), повѣствующую о союзѣ между Генрихомъ III и его зятемъ Генрихомъ IV.—У насъ тоже были попытки создать поэму въ духѣ Гомера. *М. М. Херасковъ* (1733—1807) написалъ два эпическихъ творенія: „Россіяду“ и „Владиміра“. Предметъ первой—покореніе Казани царемъ Іоанномъ IV, предметъ второй—введеніе Христіанской вѣры при Владимірѣ.—Во всѣхъ поименованныхъ поэмахъ,—не смотря на отдѣльныя, мастерски обработанныя, частности,—ясно сказывается подражаніе Гомеру.

Библіогр.—Всѣ почти названныя иноземныя поэмы переведены на Рус. языкъ и изданы отдѣльно: «Энеида» *Шершеневичемъ* 1852—1853 г. и *Сосницкимъ*, «Неистовый Орландъ» *Раичемъ* 1832—37, «Освобожденный Іерусалимъ» *Мерзляковымъ* 1828, *Раичемъ* 1828, *Москотильниковымъ* 1819 и *Ивановымъ* 1862, «Потерянный рай» *Зиновьевымъ* 1861, г-жами *Шульговской* 1899 г. и *О. Михайловой* 1899 г., «Мессіада» *Писаревымъ* 1868, «Лузіада» *А. Дмитріевымъ* 1788, «Генріада»—*Я. Княжнинымъ* 1777.—Отрывки изъ нихъ помѣщены въ христоматіяхъ *А. Галахова* и *А. Филонова*.

§ 98. *Поэма въ новое время.*—Съ появленіемъ Англійскаго поэта *Байрона* (1788—1824 г.) поэма въ духѣ Гомера и Виргилія, называемая обыкновенно ложноклассическою, совершенно пала. Подъ перомъ Байрона и его многочисленныхъ послѣдователей поэма сдѣлалась *поэтическимъ разсказомъ*, въ которомъ лирическій элементъ господствуетъ надъ эпическимъ. Историки литературы (напр. *Шерръ*) всѣ его поэмы называютъ просто „поэтическими разсказами“. (Всеобщая Исторія Литературы, Рус. перев. 1863, стр. 438, 439 и др.). Для поэмы, со временъ Байрона, берутся самые поэтическіе, идеальные моменты въ томъ или другомъ происшествіи, въ жизни того или другаго лица,—моменты, особенно поразившіе воображеніе поэта. „Поэма рисуетъ,—говоритъ *В. Г. Бѣлинскій*,—идеальную дѣйствительность и схватываетъ жизнь въ ея высшихъ моментахъ. Таковы поэмы *Байрона* и порожденныя имъ поэмы *Пушкина*. Романъ и повѣсть напротивъ изображаютъ жизнь во всей ея прозаической дѣйствительности“. (Разборъ поэмы Пушкина „Цыганы“ въ VIII-й части сочиненій В. Бѣлинскаго, изд. 1860 г.). Разсказъ

поэмы прерывается личными впечатлѣніями поэта (лирическія мѣста),— чего въ древней поэмѣ Гомера не было. Поэма новѣйшая получаетъ разныя названія: то называется лирическою, если въ ней господствуетъ личное чувство поэта,—то эпическою, если дано преимущество разсказу,—то драматическою, если въ поэму введено много дѣйствія.

Между поэмами Байрона, составившими ему славу величайшаго художника въ области *поэтическаго разсказа*, особенно замѣчательны: „Гяуръ“, „Абидосская Невѣста“, „Корсаръ“, „Шильонскій Узникъ“, „Манфредъ“ и „Морской Разбойникъ“.

Примѣч. Сочиненіе Байрона «Чайльдъ-Гарольдъ» нельзя отнести ни къ одному изъ принятыхъ обычаемъ видовъ поэзіи.—Это—путевыя записки въ стихахъ, а герой ихъ—самъ поэтъ. Байронъ называетъ это произведеніе поэмою (см. предисловіе), а другіе—романомъ. Новый переводъ «Чайльдъ-Гарольда» принадлежитъ *П. А. Козлову* (1890 г.).—«Донъ Жуанъ» Байрона—самое обширное и самое зрѣлое его произведеніе—относятъ къ романамъ, хотя самъ Байронъ называетъ его поэмою (посвященіе XVII). Содержаніе «Донъ Жуана» составляютъ приключенія героя въ Испаніи, Греціи, Константинополѣ, Россіи и Англіи. *«Донъ-Жуанъ»* въ новомъ переводѣ *П. А. Козлова* изданъ 1888 г.

Библіогр.—О Байронѣ шесть статей. *П. Н. Рѣдкина.* Современикъ, т. XIX и XX.—Всеобщая Исторія Литературы. *І. Шерра.* 1863, стр. 436 и д.— Курсъ Исторіи Поэзіи, *Линниченки.* Кіевъ 1860, стр. 118—121. Заграничный Вѣстникъ 1864, № XI.—Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ Русскихъ поэтовъ; изд. подъ редакціею *Н. В. Гербеля.* Изд. 3-е. Спб. 1883.—Всеобщая Исторія Литературы. *В. Ѳ. Корша* и *А. И. Кирпичникова.* Спб. 1880—1892.

§ 99. У насъ образцами поэмы служатъ слѣд. произведенія: „Полтава“ *Пушкина*, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“ *Лермонтова*, „Мертвыя Души“ *Гоголя*, „Агасверъ“ *Жуковскаго*, „Семейная Хроника“ *С. Аксакова* и др. Остановимся на нѣкоторыхъ поэмахъ, здѣсь поименованныхъ.

„Полтава“, поэма Пушкина, изображаетъ борьбу Петра I съ Карломъ XII и отношенія гетмана Мазепы къ семейству генеральнаго судьи Кочубея.—Цѣль поэмы—показать, какъ развилось въ старикѣ Мазепѣ чувство любви и чувство властолюбія. Почти всѣ личности созданы художнически: пламенно-страстный, честолюбивый, мстительный, терзаемый совѣстью, Мазепа,—оскорбленный въ чувствахъ родительскихъ, благородный и бодрый духомъ, набожный Кочубей и Великій Петръ, а равно незначительные—Орликъ и Карлъ XII-й. Въ основныхъ чертахъ поэма вѣрна исторіи, въ частностяхъ отступаетъ отъ нея. Измѣна Мазепы Петру—событіе историческое, но причина измѣны у Пушкина представлена не та, какая была на самомъ дѣлѣ. Петръ подралъ за усы Мазепу—вотъ что оскорбило Гетмана и заставило его мстить, какъ говоритъ поэтъ:

Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ;
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,

Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ.

По исторіи дѣло Мазепы иначе представляется. Мазепа глубоко былъ огорченъ тѣмъ, что Петръ постоянно предпочиталъ Меньшикова ему, даже повелѣлъ разъ Мазепѣ быть подъ командою знаменитаго временщика. Гетманъ сильно оскорблялся такими распоряженіями Государя. Потомъ пронесся слухъ, что Меньшикова назначаютъ гетманомъ Малороссіи. Опять ударъ! Начинавшаяся война съ Карломъ XII, когда объявлены были тяжкіе поборы съ Украинскихъ казаковъ, когда всеобщій ропотъ распространился по Украйнѣ и требовали отъ Мазепы защиты,—эта война окончательно рѣшила измѣну гетмана.—Отношенія Мазепы къ Маріи у Пушкина изображены не совсѣмъ согласно съ исторіей. По исторіи Гетманъ всячески убѣждалъ свою крестницу быть осторожнѣе, подавлять чувства къ нему; Мазепа избѣгал соблазна, переслалъ ее отъ себя въ родительскій домъ; совѣтовалъ ей идти даже въ монастырь. Пушкинъ идеализировалъ любовь Мазепы къ Маріи (по исторіи Матрена).—У поэта казакъ везетъ доносъ Петру, по исторіи— доносъ былъ отправленъ съ монахомъ.—Частности поэмы удивительны: богатство Кочубея, казакъ, Украинская ночь и муки Мазепы—контрастъ поразительный между тишиною ночи и мрачными душевными страданіями Гетмана,—Кочубей въ оковахъ, его казнь, Полтавскій бой.

Приведемъ отрывокъ изъ „Полтавы“: „Кочубей въ оковахъ“.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,

Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго—
Свирѣпый Орликъ [1]) передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?
Орликъ. Допросъ не конченъ, отвѣчай.
Кочубей. Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.
Орликъ. Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.
Кочубей. Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣ?
Орликъ. Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ [2]) укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ склады, скрытые тобой?
Кочубей. Такъ, не ошиблись вы; три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была—
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.
Орликъ. Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?
Кочубей. Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпой?
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами

---

[1]) Генеральный писарь, наперсникъ Мазепы.
[2]) Деревня Кочубея.

Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ. Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ [1])!
Палачъ вошелъ...

О, ночь мученій!
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою,
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Примѣч.—Изъ другихъ поэмъ Пушкина замѣчательны: «Цыганы», «Галубъ» и «Мѣдный Всадникъ». Первая поэма достойна вниманія по живому описанію кочующей жизни Цыганъ, по изображенію Римскаго поэта Овидія и по характеристикѣ Алеко. Отрывки—«Цыганы шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ» и «Межъ нами есть одно преданье» (разсказъ старца про Овидія) слѣдуетъ выучить наизусть.—Вторая поэма «Галубъ»—высокое произведеніе музы Пушкина, по глубокому пониманію жизни Горцевъ и по обработанному до изумительной степени совершенства языку. Къ величайшему сожалѣнію, эта замѣчательная поэма едва ли разбирается въ классѣ... «Мѣдный Всадникъ»—одно изъ лучшихъ поэтическихъ созданій Пушкина. Здѣсь мы находимъ превосходное описаніе Петербурга (надо знать *наизусть*) и наводненія, бывшаго въ немъ 1824 года.

§ 100. „Мертвыя души" *Гоголь* называетъ „дѣломъ жизни своей". Десять лѣтъ трудился писатель надъ этимъ произведеніемъ (оно вышло въ свѣтъ 1842 г.). Основываясь на вопросѣ о конечной цѣли своего творенія, Гоголь пришелъ къ убѣжденію, что оно должно выразить „тѣ высшія свойства Русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми поражены". Связью для поэмы служатъ похожденія Павла Ивановича Чичикова. Чичиковъ, по званію чиновникъ, прослышавъ, что мертвыя души числятся еще по ревизіи живыми, задумалъ скупить ихъ достаточное количество и населить ими уголъ въ Херсонской губерніи. Желая скупать мертвыя души, Чичиковъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстностямъ и закоулкамъ Россіи. Здѣсь онъ встрѣчаетъ рядъ типовъ (§ 79 „Учебника") разнообразнаго свойства и закала. Въ первой части „Мертвыхъ Душъ" поэтъ выводитъ Манилова, Коробочку, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина; во второй части—Тѣнтѣтникова, Петра Петровича Пѣтуха,

---

[1]) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

*

Муразова, генерала Бетрищева и другія лица. Трудно сказать, какой характеръ изъ приведенныхъ нами лучше удался писателю. Всѣ они представляютъ *типы*, именно типы, т. е. самыя яркія и самыя глубокія очертанія цѣлаго ряда подобныхъ имъ людей. Они олицетворяютъ, воплощаютъ въ живомъ образѣ ту или другую нравственную слабость общества Русскаго: Маниловъ—мечтательную праздность, Коробочка—хозяйственную жизнь, лишенную всякихъ понятій о высшемъ порядкѣ мыслей и желаній, свойственныхъ человѣку, какъ существу разумно-свободному; Ноздревъ есть типъ разбитнаго малаго, взбалмошнаго, хвастуна, забіяки, лгуна,—Собакевичъ, поражающій своею медвѣжьей, до пятидесяти лѣтъ жизни незнавшею болѣзни, натурою, есть типъ кулака-помѣщика,—Плюшкинъ олицетворяетъ скупость во всемъ ея безобразіи. Тѣнтѣтниковъ—типъ лѣности и застоя всякой дѣятельности, не смотря на богатство даровъ, которыми одарили его воспитаніе и природа,—это „коптитель неба", по прекрасному выраженію поэта... Петръ Петровичъ Пѣтухъ—типъ чревоугодника, Муразовъ—простоты, милосердія къ ближнему и всепрощенія, генералъ Бетрищевъ—военнаго тщеславія... Въ лицѣ Чичикова поэтъ караетъ неправильное стяжаніе въ самыхъ утонченныхъ его формахъ,—это типъ *плута-пріобрѣтателя*. Всѣ эти личности, кромѣ Муразова, возбуждаютъ неудержимый смѣхъ однимъ и горькія слезы другимъ. Они смѣшны пошлостію и суетностію своихъ дѣйствій и достойны полнаго сожалѣнія по своему умственному и нравственному ничтожеству, пробуждающему въ читателѣ тяжелое чувство. Гоголь смѣется, но и плачетъ... Въ одномъ мѣстѣ своей поэмы онъ говоритъ: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь *видный міру смѣхъ* и незримыя, *невѣдомыя ему слезы!*" („Мертвыя Души", ч. 1, гл. VII, стр. 258, изд. 1842). Эти „невѣдомыя, незримыя слезы" проявляются во всей поэмѣ, въ слѣдъ за изображеніемъ нравственнаго и умственнаго паденія человѣка. [1]) Представляетъ намъ поэтъ Коробочку, въ ея обыденной жизни, среди хозяйства, низведшаго ее до полнаго умственнаго притупленія, и когда мы готовы осудить Коробочку, поэтъ вдругъ даетъ намъ понять, чтобы мы не бросали въ нее камнемъ: „Но за чѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или не хозяйственная—мимо ихъ? Не то на свѣтѣ дивно устроено: *веселое мигомъ обратится въ печальное*, если только долго застоишься передъ нимъ... Можетъ быть, станешь думать: да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣст-

---

[1]) «Тѣмъ-то и велико созданіе «Мертвыя Души», «что въ немъ вскрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе». *В. Бѣлинскій*. Сочиненія. М. 1860, ч. VI, стр. 555.

ницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами...“ (1 ч., гл. III, стр. 107—108). Выводитъ передъ нами поэтъ Плюшкина и его скупость, доходящую до того, что онъ за лоскутокъ бумаги угрожаетъ прислугѣ на страшномъ судѣ раскаленными желѣзными рогатками,—выводитъ такое скаредное лицо Гоголь и восклицаетъ въ заключеніи главы о Плюшкинѣ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, еслибы показали ему его же портретъ въ старости. *Забирайте же съ собою въ путь*, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою *всѣ человѣческія движенія,* не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“ (гл. VI, стр. 244).—И въ этомъ отрывкѣ видна та же любовь къ человѣку, какую мы прежде замѣтили, говоря о Коробочкѣ. Самому Чичикову поэтъ протягиваетъ свою дружескую руку въ горькія минуты его жизненныхъ страданій. Чичиковъ арестованъ: „Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это ничѣмъ не защищенное сердце. Еще день, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. *Но и надъ Чичиковымъ не дремала чья-то всеспасающая рука...*“ (ч. II, стр. 211). Таковъ Гоголь всюду, въ своей поэмѣ... Лирическій порывъ чувства Гоголя проявляется весьма часто: онъ проявляется тамъ, гдѣ писатель говоритъ о мѣткости Русскаго языка (ч. I, глава V, въ концѣ), о лѣтахъ своей юности (начало гл. VI, ч. I), удали Русскихъ людей (ч. I, гл. VI, стр. 230), о судьбѣ писателей (ч. I, гл. VII, стр. 256); онъ бьетъ живымъ гремучимъ ключемъ тамъ, гдѣ поэтъ рисуетъ простую, но дивную, природу Россіи (ч. I, гл. XI, стр. 425), дорогу по Россіи (ч. I, гл. XI, стр. 427), „манящую и чудесную“,—тройку Русскую (ч. I, гл. XI, стр. 473), птицу-тройку,—усадьбу Тѣнтѣтникова (ч. II, гл. I), поражающую своими красотами и захватывающую въ груди духъ (ч. II, гл. I, стр. 5),—озеро (ч. II, гл. III, стр. 79 и 94—95), зеркальное и широкое, версты четыре въ поперечникѣ и др.

Описанія природы согрѣты глубокимъ религіознымъ, или патріотическимъ чувствомъ... Приведемъ примѣръ: „Бьетъ перепелъ во ржи, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ и звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строющихъ треугольники

свои въ небесахъ, и откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность... *Творецъ! какъ еще прекрасенъ твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ*, вдали отъ большихъ дорогъ и городовъ" (ч. II, гл. I, стр 27).

Примѣромъ описанія природы, проникнутаго патріотическимъ чувствомъ, можетъ служить слѣдующій отрывокъ:

„И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ, пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артиллерійской батареи, зеленыя, желтыя и свѣжо-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека, тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ, невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся во всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли, не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ раз-

вернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...“ (ч. I, гл. XI).

Въ примѣръ картиннаго (пластическаго) представленія предметовъ можно привести *описаніе сада* Плюшкина: „Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи: Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи, и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть, оно было все окинуто тѣнью, и чуть чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъза ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся, листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись Богъ вѣсть какимъ образомъ солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теп-

лоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности" (ч. I, г. VI).

Слогъ поэмы Гоголя „Мертвыя Души" живописный, изобразительный. Одно слово, одинъ эпитетъ служитъ для яснаго обозначенія всего характера человѣка. Коробочку Чичиковъ называетъ „дубинно-головою", и—этимъ однимъ эпитетомъ поэтъ ярко очертилъ всю умственную тупость хозяйки-барыни, которая думаетъ изъ мертвыхъ душъ извлечь выгоду въ хозяйствѣ... Плюшкина мужики зовутъ „заплатанной", и—довольно одного этого выразительнаго слова, чтобы составить опредѣленное понятіе о скрягѣ, который носитъ халатъ съ прорѣхою на спинѣ, а самъ владѣетъ тысячами душъ и огромными кладями хлѣба, сѣна и всяческимъ земнымъ обиліемъ... Тѣнтѣтникову Гоголь придаетъ эпитетъ „коптитель неба", и этимъ реченіемъ весьма живо характеризуетъ умственный и жизненный застой его... Петра Петровича Пѣтуха зоветъ поэтъ „арбузомъ"...

Примѣч.—Для ознакомленія съ «Мертвыми Душами» надо прочесть непремѣнно *цѣлую* главу: или о Плюшкинѣ, или о Коробочкѣ, или о Тѣнтѣтниковѣ. При чтеніи надо указывать на характеристическія черты Гоголевскаго творчества: *юморъ* [1]), лирическія мѣста поэмы, умѣнье живо писать предметъ и особенности языка.

§ 101. *Названіе поэмы.—Н. В. Гоголь* въ заголовкѣ назвалъ „Мертвыя Души" поэмою. Многіе принимаютъ это названіе въ древнемъ смыслѣ, именно въ смыслѣ „Иліады" и „Одиссеи". Дѣйствительно, поэма Гоголя имѣетъ много признаковъ, характеризующихъ эпопеи Гомера: во-первыхъ: подобно Гомеру, Гоголь изображаетъ въ „Мертвыхъ Душахъ" всю Россію (у Гомера вся Греція героическаго періода): разные ея города, села, захолустья и углы. Гоголь, подобно Гомеру, касается всѣхъ сословій. Самъ поэтъ такъ пишетъ о „Мертвыхъ Душахъ" *В. А. Жуковскому*: „Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! *Вся Русь* явится въ немъ! Передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ *вся* православная *Русь*. (Рус. Архивъ 1871, стр. 955, письмо изъ Парижа 1836).—Во-вторыхъ: Чичиковъ, подобно Гомеровскому Одиссею, странствуетъ изъ одной мѣстности въ другую; въ-третьихъ: и у Гомера и у Гоголя является *чудесное*. Покупать мертвыя души для переселенія ихъ въ одну изъ Русскихъ губерній представляется весьма чудеснымъ замысломъ. Этотъ замыселъ своею особенностію, своимъ невѣроятнымъ планомъ сбивалъ съ толку, повергалъ въ изумленіе не только

---

[1]) *Юморъ* заключается въ соединеніи слезъ и смѣха, скорби и веселости. (§ 50 «Учебн.»). О юморѣ въ сравненіи съ сатирой. *И. И. Попова.* Филологическія Записки 1864, вып. IV.—Современникъ 1838, т. V, стр. 30 и д.—Мнѣніе *Ѳ. М. Достоевскаго* о юморѣ см. въ его «Дневникѣ Писателя» 1877, стр. 82, мартъ.

Коробочку, Собакевича, Плюшкина, но и лица, болѣе серьезныя, болѣе понимающія дѣло. Собственно говоря, одинъ только генералъ Бетрищевъ помиралъ со смѣху отъ выдумки Чичикова. Наконецъ еще одинъ Гомеровскій пріемъ есть у Гоголя: это—обиліе смѣлыхъ сравненій и выразительность эпитетовъ. Такъ бой часовъ у Коробочки сравнивается со змѣями, наполнившими комнату; лучъ жизни на лицѣ Плюшкина уподобляется утопающему, который на мгновеніе выплылъ на поверхность рѣки; шумъ отъ перьевъ писцовъ походитъ на телѣги, проѣзжающія съ хворостомъ лѣсъ; Русская тройка служитъ сравненіемъ для народа Русскаго, стремящагося обогнать другіе народы и государства. Есть и другіе примѣры сравненій, составленныхъ въ духѣ Гомера.—Эпитеты Гомеровскіе отличаются своею картинностію: въ нихъ предметъ рисуется разомъ съ двухъ сторонъ, напр.: хитроумный, быстроногій, широковершинный. У Гоголя много подобныхъ же эпитетовъ, напр.: трепетолистный, лапы-листы, высокорослый, грубо-ощутительный, собака-страшилище, парень-запѣвало, замокъ-исполинъ, свѣжо-разрытый, многооконный, открыто-пустынный, остро-конечный, миловидно-круглившійся, безобразно-дуплистая ива, туманно-сизыя пятна и пр.—Другіе называютъ „Мертвыя Души“ романомъ (въ Христ. *А. Д. Галахова*), и самъ Гоголь называлъ ихъ романомъ (въ письмѣ Жуковскому отъ 1839 г. Рус. Арх. 1871, стр. 0938 и 0941). Въ текстѣ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь именуетъ ихъ безразлично: то поэмою (гл. IV, гл. IX), то повѣстію (гл. II, гл. XI).

Библіогр. — О «Мертвыхъ Душахъ». *С. П. Шевырева.* Москвитянинъ 1842 г., ч. IV.—*П. А. Плетнева.* Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Спб. 1885, т. I, стр. 476 и д.—*В. Г. Бѣлинскаго.* Сочиненія, изд. 1860, ч. VI, стр. 394 и д.,—433 и д.,—523 и д.—*С. Дудышкина.* Отеч. Записки 1854, № XI.—Очерки Гоголевскаго періода Рус. литературы. Соврем. 1855 и 1856 г. (Есть отдѣльное изданіе. Спб. 1892).—Библіот. для Чтенія 1855, № 10 и 11.—*А. Григорьева.* Сочиненія, изд. 1876, т. I.—*Г. Арнольди* прекрасная статья въ Рус. Вѣст. 1862, № 1. (Разсказывается содержаніе главы о генералѣ Бетрищевѣ, его разговоръ про 12-й годъ, помолвка Тѣнтѣтникова за Улиньку, радость его).—Новые варіанты изъ «Мертвыхъ Душъ» въ Рус. Старинѣ 1872, № 1.—Письма Гоголя къ В. А. Жуковскому и Плетневу о «Мертвыхъ Душахъ». Рус. Арх. 1871, стр. 954 и д.—Переписка Гоголя съ друзьями. (Въ сочиненіяхъ Гоголя).

Примѣч. Прекрасными образцами поэмы могутъ еще служить: «Агасверъ» *В. А. Жуковскаго* и «Семейная Хроника» *С. Т. Аксакова.* Оба произведенія отличаются классическою простотою и художественно-обработаннымъ языкомъ. Въ поэмѣ Аксакова, кромѣ ярко обрисованныхъ характеровъ, достойны особеннаго изученія тѣ страницы, гдѣ сочинитель изображаетъ природу Оренбургскаго края (изд. 3, стр. 18—25): *превосходный примѣръ описанія.*

§ 102. VIII—X.—*Романъ.* Особенную и повсюду распространенную отрасль эпической поэзіи составляетъ *романъ.* Словесность Русская и иностранная преимущественно проявляется въ означенной формѣ. Романъ теперь преобладаетъ надъ другими видами эпической поэзіи и замѣнилъ собою древнюю эпопею, или поэму.

Романъ, повѣсть, разсказъ, очеркъ имѣютъ одну и ту же цѣль— изобразить дѣйствительную жизнь со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, подъ покровомъ вымысла. Различаются они между собою объемомъ и сложностію содержанія. Разсказъ (или очеркъ) представляетъ частный случай изъ жизни человѣка, или общества; повѣсть обширнѣе беретъ свое содержаніе изъ жизни человѣка, или общества; *романъ* есть изображеніе всей жизни извѣстнаго человѣка, въ томъ или другомъ обществѣ; или—самого общества, во всей широтѣ и полнотѣ его жизни въ извѣстное время. Романъ—та же исторія, но только лишенная годовъ и чиселъ; романъ—та же исторія, но обрисовывающая, по преимуществу, *частную* жизнь человѣка или общества. Изъ романа (или повѣсти) можно получить вѣрное и обстоятельное понятіе о цѣломъ вѣкѣ. Романъ Англійскаго писателя *Вальтеръ-Скотта* „Айвенго" (Ивангое) рисуетъ рыцарскую эпоху; романъ *Пушкина* „Евгеній Онѣгинъ"—картину Русскаго общества двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія; повѣсть *Гоголя* „Тарасъ Бульба„ представляетъ собою описаніе казачества въ XVI вѣкѣ.

§ 103. *Происхожденіе слова „романъ"*.—Происхожденіе слова „романъ" относятъ ко времени господства Римлянъ надъ Галлами. Римляне, занявъ Галлію при Юліи Цезарѣ, начали вводить свой языкъ; изъ смѣшенія двухъ языковъ,—туземнаго и простонароднаго Латинскаго,— образовалось особое нарѣчіе „Romanus" (romanzo), Романское. Первыя сочиненія въ Галліи писаны этимъ нарѣчіемъ и отъ того получили имя „романовъ". Содержаніемъ ихъ были происшествія военныя, волшебныя, эротическія.

§ 104. *Очеркъ исторіи романа*.—Первые романы относятся ко времени упадка классической Словесности.—Изъ этого упадка поэзіи возникъ новый родъ литературы—*романъ*. Происхожденіе его относится къ половинѣ втораго вѣка. Затѣмъ въ исторіи романа особенно выдаются Средніе Вѣка. Въ это время явились такъ называемые *рыцарскіе* романы, сперва во Франціи, потомъ въ Испаніи (XI в.). Лучшимъ временемъ рыцарскаго романа былъ конецъ Среднихъ Вѣковъ. Рыцарскій романъ бралъ содержаніе изъ эпическихъ сказаній о Карлѣ Великомъ и Святой Чашѣ (Граалѣ). Про Карла Великаго и его рыцарей сложилось множество разсказовъ, особенно про его любимаго рыцаря Роланда. Разсказы про Карла и его рыцарей дышатъ любовію къ родинѣ, къ своему государю и ненавистію къ варварамъ. Въ нихъ главное вниманіе сосредоточено на мужествѣ рыцарей. Разсказы о Св. Чашѣ (Граалѣ) исполнены, по преимуществу, духовнаго начала. Содержаніе разсказа о Св. Чашѣ немногосложно. *Т. Н. Грановскій*, профессоръ Московскаго университета, такъ его передаетъ: „У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня, чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за Тайной Вечерею; въ нее же

пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ Чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ—высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ Средняго Вѣка. Таковы должны быть блюстители „Граала". Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей". (Сочиненія Т. Н. Грановскаго. М. 1866, ч. I, стр. 367). Сущность сказаній о Карлѣ Великомъ и Св. Чашѣ всегда состояла изъ рыцарскихъ приключеній. Въ рыцарскихъ романахъ представлялся міръ волшебствъ, гдѣ чудесному не было границъ, гдѣ казалось все возможнымъ, гдѣ небо, земля и океанъ согласились на всякое чудо: таковъ романъ „Амадисъ Гальскій", явившійся въ XIV—XV вѣкѣ, сочиненіе Португальца *Васко де Лобейра* (ум. 1325 г., а по другимъ 1403 г.). Амадисъ, сынъ короля Періона Французскаго и Элизены, дочери короля Гавинтера Британскаго. Главный предметъ романа — разсказъ о любви Амадиса и Оріаны, дочери Англійскаго короля Лизуарта. Романъ „Амадисъ" былъ *родоначальникомъ* всѣхъ безчисленныхъ рыцарскихъ романовъ Среднихъ Вѣковъ. Въ переводѣ не Нѣмецкій языкъ (1583 г.) онъ явился съ такимъ заглавіемъ: „Храбраго героя Амадиса Французскаго прекрасныя исторіи, въ которыхъ именно разсказывается о его происхожденіи, рыцарскихъ и вѣчно памятныхъ дѣяніяхъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, найдутъ увеселеніе владѣтельныя особы, князья, графы, бароны, рыцари и дворяне, а также всѣ тѣ, кто отъ юности упражняется въ военныхъ или подобныхъ занятіяхъ, и они узнаютъ здѣсь, какъ должно вести себя на турнирахъ, при состязаніи копьями и другимъ оружіемъ". Эта книга замѣчательна, какъ *зеркало нравовъ* рыцарскихъ временъ. Испанскій писатель *Сервантесъ* называетъ „Амадиса" лучшей изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ въ этомъ родѣ.

Противъ рыцарскихъ романовъ возсталъ *Сервантесъ* (1547—1616). Онъ пародировалъ созданный міръ призраковъ, превратилъ волшебные замки въ простые трактиры, исполиновъ-рыцарей—въ мельницы вѣтряныя, воителей чести и славы одѣлъ въ ржавыя латы, покрылъ полукартоннымъ мечемъ, посадилъ своего героя на клячу, однимъ словомъ: написалъ „Донъ-Кихота". Первая часть этого романа явилась въ 1605 г., а вторая въ 1615 г. — „Донъ-Кихотъ" положилъ конецъ распространенію романовъ рыцарскихъ и утвердилъ въ Европейской литературѣ романъ *сатирическій*. Мы говоримъ „утвердилъ", потому-что *основаніе* сатирическому роману положилъ знаменитый Французскій писатель XVI вѣка *Раблэ* (1483—1553). Его романы „Гаргантюа" и

„Пантагрюэль“, въ пяти книгахъ, явившіеся 1532—1546 г., представляютъ широкую картину нравовъ и понятій XVI вѣка. Въ этомъ замѣчательнѣйшемъ произведеніи подвергнуты сатирѣ папство, монашество, религіозные споры (Лютеранъ и Кальвинистовъ), схоластическое воспитаніе, *рыцарскіе романы*, администрація, войны, правосудіе и разныя другія стороны эпохи.

Примѣч.—Необходимо признать, что первая идея осмѣять рыцарскіе романы принадлежитъ *Раблэ*. Такъ поэтъ разсказываетъ, что герой его романа Пантагрюэль однажды прикрылъ языкомъ своимъ всю армію отъ дождя,—а лошадь Гаргантюа такъ сильна, что вырывала хвостомъ деревья. Ясно, что поэтъ желалъ осмѣять рыцарскіе романы.—Прекрасный эпизодъ изъ романа Раблэ, подъ названіемъ «Панургово Стадо», переведенъ въ Рус. Вѣст. 1877, № 6, въ статьѣ «происхожденіе романа», стр. 646 и д. Значительные отрывки изъ того же романа въ Спб. Вѣд. 1875, іюль.

Въ XVIII в., въ Англіи положено начало *поучительному* роману. Вся забота романистовъ этого круга состояла въ томъ, чтобы преобразовать нравы и бичевать порокъ; они имѣли цѣлію дать читателю основательное наставленіе, точное указаніе, полезный совѣтъ, мудрый урокъ Основателями поучительнаго романа были: *Дефо* (1661—1731), *Ричардсонъ* (1689—1761), *Фильдингъ* (1707—1754) и *Гольдсмитъ* (1728—1774). Романъ перваго—„Робинзонъ Крузо“, переведенный на разные языки и обошедшій весь свѣтъ, романы втораго „Памела“ и „Кларисса Гарловъ“, романъ третьяго „Томъ Джонсъ“, романъ четвертаго „Векфильдскій Священникъ“ имѣли громадный кругъ читателей,—частію имѣютъ и теперь (напр. „Робинзонъ Крузо“ и „Векфильдскій Священникъ“).

Историческій романъ своимъ основаніемъ и широкимъ развитіемъ обязанъ Англійскому писателю *Вальтеру-Скотту* (1771—1832). Вліяніе Вальтера-Скотта на Европейское общество было могущественное: поэты и историки принялись изучать и изображать историческую жизнь по пути, указанному романистомъ. Съ этихъ поръ исторія перестала быть разсказомъ только о войнѣ и мирѣ; она сдѣлалась повѣстію о частной жизни человѣка и общества и стала произведеніемъ искусства. Вальтеръ-Скоттъ своими романами положилъ *начало* художественной школѣ въ Исторіи (§ 54 „Учебн.“). Лучшими романами Вальтера-Скотта признаются: „Веверлей“, „Айвенго“, „Кевильвортъ“, „Квентинъ Дюрвардъ“ и другіе [1]).

Англійскіе писатели XIX вѣка, *Диккенсъ* и *Тэккерей*, своими могучими талантами и обаятельною силою юмора, содѣйствовали распространенію *нравоописательнаго* романа. Со времени Диккенса (1812—

---

[1]) Всѣхъ повѣстей и романовъ его до семидесяти. Въ недавнее время вышло у насъ новое ихъ изданіе.

1870) романъ пріобрѣлъ *общественное* значеніе. Его романъ „Записки Пикквикскаго Клуба" обратилъ вниманіе общества на неудовлетворительное состояніе мѣстъ заключенія для несостоятельныхъ должниковъ; „Оливеръ Твистъ" повелъ къ преобразованію приходскихъ попечительствъ; романъ „Тяжелыя Времена" способствовалъ улучшенію положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; „Николай Никкльби", гдѣ Диккенсъ описываетъ свое воспитаніе, положительно стеръ съ лица земли страшныя Йоркширскія школы, въ которыхъ господствовали злоупотребленія, невѣжество и жестокое обращеніе съ дѣтьми. Само Англійское правительство прислушивалось къ голосу романиста Диккенса. Вотъ тому доказательство. Завязка романа „Холодный Домъ" основана на процессѣ, который тянется многое число лѣтъ. Диккенсъ разоблачилъ слабыя стороны публичныхъ и частныхъ Англійскихъ учрежденій. Гражданскій судъ обратилъ вниманіе на романъ Диккенса, и на одномъ обѣдѣ было высказано автору, что теперь произошли важныя перемѣны въ судѣ и вновь поступившія дѣла будутъ окончены безъ большой потери времени. Англійскіе ораторы въ парламентскихъ рѣчахъ ссылались на романы Диккенса. Въ 1868 г. Буверн, говоря противъ перваго министра Дизраэли, выразился такъ: „бей, колоти меня, но все таки скажу подобно мистеру Тутсу (это лицо выведено въ романѣ „Домби и Сынъ"): *это ничего не значитъ, мнѣ весьма хорошо на моемъ мѣстѣ*". Подъ вліяніемъ романа *Бичеръ-Стоу* „Хижина дяди Тома" (1852 г.) возникла мысль о борьбѣ противъ рабовладѣнія. Изъ приведенныхъ фактовъ ясно видно общественное значеніе романа [1]).

Въ настоящее время литература продолжаетъ развивать эту отрасль изящной Словесности съ особенною любовью. Романъ занимается разрѣшеніемъ вопросовъ общественныхъ, политическихъ, военныхъ, литературныхъ и даже научныхъ; онъ касается жизни всѣхъ слоевъ общества, всѣхъ званій и состояній.

Библіогр.—О романѣ и повѣсти:—О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя. *В. Г. Бѣлинскаго.* Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1859, ч. I. Писано 1835 г. (Въ 12-ти частяхъ сочин. Бѣлинскаго много можно найти статей о романѣ и повѣсти).—О стихіяхъ романа (эпической, драматич. и лирической), профес. *С. П. Шевырева.* Москвитянинъ 1843, ч. 1, № 2, критика, стр. 574 и д.—*Валеріанъ Май-*

---

[1]) Выше названные романы *Диккенса* отдѣльно изданы на Рус. языкѣ. Лучшіе переводы его романовъ сдѣланы *Ир. Введенскимъ* (ум. 1855 г.). Онъ же перевелъ едва ли не самый знаменитый романъ Диккенса «Домби и Сынъ».—Лучшіе романы *Тэккерея* (1811—1873): «Ярмарка Тщеславія», «Ньюкомы», «Пенденнисъ». Всѣ есть на Русскомъ языкѣ. Профессоръ *Ѳ. И. Буслаевъ* совѣтуетъ предлагать въ старшихъ классахъ чтеніе романовъ Англійскихъ писателей *Бульвера*, *Троллопа*, сверхъ Диккенса и Тэккерея. (Общій планъ и программы обученія языкамъ и литературѣ въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Изд. журнала «Пантеонъ Литературы». Спб. 1890, стр. 36),—съ такимъ совѣтомъ нельзя не согласиться, такъ какъ поименованные писатели строго относятся къ требованіямъ искусства.

ковъ (1823—1847). Критическіе опыты 1845—1847. Изд. журнала «Пантеонъ Литературы». Спб. 1891. (Подробно говорится о вліяніи В. Скотта на науку историческую. Выписки изъ этого очерка см. въ статьѣ *К. Арсеньева* о сочиненіяхъ Валеріана Майкова. Вѣстн. Европы 1856, кн. IV, стр. 812 и д.)—*Dunlop:* Geschichte der Prosadichtungen. 1851.—О происхожденіи романа. *Ор. Ѳ. Миллера.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1857, февр., стр. 121 «Средневѣковой романтизмъ».—Средневѣковой народный романъ. *Ѳ. И. Буслаева.* Историческіе Очерки Русской народной Словесности и Искусства. Спб. 1861, т. I, стр. 278 и др.—Всеобщая Исторія Литературы. *І. Шерра.* Рус. перев. Спб. 1863, стр. 125—145 и д.—Исторія Всеобщей Литературы. XVIII в. *Геттнера.* Рус. перев. Спб. 1863, т. I, стр. 248—397 и д.—Исторія Англійской Литературы. *И. Тэна.* Рус. перев. 1871, т. II, стр. 259 и д.—Греческій романъ. *А. Н. Веселовскаго.* Жур. Мин. Нар. Просв. 1876, ноябрь.—Греческіе романы въ новой литературѣ. *А. И. Кирпичникова.* М. 1876.—О происхожденіи романа. *Г. Авсѣенко* Рус. Вѣстн. 1877, № 12 («Донъ-Кихотъ»).—Всеобщая Исторія Литературы. *В. Ѳ. Корша* и *А. И. Кирпичникова.* Четыре тома. Спб. 1880—1892.—О значеніи романа въ наше время. *Ѳ. И. Буслаева.* См. его книгу: «Мои Досуги». Спб. 1886.—Много обстоятельныхъ свѣдѣній о романѣ и повѣсти сообщено въ изслѣдованіяхъ профессора и академика *А. Н. Веселовскаго*: «Изъ исторіи романа и повѣсти», «Изъ исторіи Русской переводной повѣсти». Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1886, т. XL,—1888, т. XLIII, XLIV.—Изъ введенія въ историческую поэтику. *А. Н. Веселовскаго.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1894, май, стр. 35, 36 и д. (Много сообщается объ исторіи романа).—Очеркъ исторіи романа. *А. И. Кирпичникова.* Сѣверн. Вѣстн. 1897, ноябрь.—Значительные отрывки изъ романовъ *Сервантеса*, *В. Скотта* и *Диккенса* напечатаны въ *первой* части нашей «Христоматія», *восьмое* изданіе которой вышло въ 1897 году: «Донъ-Кихотъ и стадо овецъ (стр. 436 и д.), «Турниръ» изъ романа «Айвенго» (стр. 450 и д.), «Воспитаніе Павла», «Отецъ и Дочь» изъ романа «Домби и Сынъ» (стр. 474 и д.).

§ 105. *Образцы Русской повѣсти и романа.*—Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ представили намъ прекрасные образцы повѣсти и романа. Повѣсть *А. С. Пушкина* „Капитанская Дочка“, романъ его „Евгеній Онѣгинъ“, повѣсть *Н. В. Гоголя* „Тарасъ Бульба“, романъ *М. Ю. Лермонтова* „Герой нашего времени“ по справедливости признаются высокими произведеніями въ этой отрасли поэзіи.—Подъ вліяніемъ Пушкина и Гоголя нашъ романъ развивается до настоящаго времени. Народный бытъ, разные общественные вопросы, исторія прошедшаго времени служатъ главнѣйшимъ содержаніемъ для разсказовъ, повѣстей и романовъ лучшихъ представителей нашей Словесности: *И. С. Тургенева* (ум. 1883 г.), *И. А. Гончарова* (ум. 1891 г.), Графа *Льва Николаевича Толстого*, *А. Ѳ. Писемскаго* (ум. 1881 г.), *П. И. Печерскаго* (Мельникова, ум. 1883 г.), *Ѳ. М. Достоевскаго* (ум. 1881 г.), *В. Крестовскаго* (Хвощинской, ум. 1888 г.). *Н. С. Кохановской* (ум. 1884 г.), *М. Е. Щедрина* (Салтыкова, ум. 1889 г.) и другихъ. Въ сочиненіяхъ названныхъ писателей можно найти примѣры разныхъ видовъ романа: историческаго, народнаго, поучитель-

наго, нравоописательнаго, сатирическаго, юмористическаго и пр. (Оцѣнка ихъ въ сочиненіяхъ: *О. Θ. Миллера:* Русскіе писатели послѣ Гоголя, двѣ части. Спб. 1886 (изд. 3-е), и *Н. Н. Страхова.* „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Спб. 1887 г.).

Прим.—Начало историческому роману положили у насъ: *Загоскинъ* (1789—1852), *Лажечниковъ* (1794—1869 г.). «Юрій Милославскій» перваго (вышелъ 1829 г.) и «Ледяной Домъ» втораго (вышелъ 1835 г.) пользуются большею извѣстностью, нежели другіе романы этихъ писателей.

ГЛАВА II.

Лирическая поэзія.

§ 106. Лирическими (отъ Греч. слова λύρα—лира, музыкальное орудіе) называются такія произведенія, въ которыхъ выражаются *личныя* чувствованія самого поэта, его мысли и желанія.

Какъ выраженіе *личныхъ* чувствъ поэта, его желаній, его мыслей, лирическія произведенія *субъективны.*—Но эта субъективность должна проникаться *общечеловѣческими* началами, т. е. показывать такія стороны, которыя присущи каждому разумному существу.—Въ лирическомъ произведеніи главнѣйшимъ образомъ выражается, сказали мы, личность поэта. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы лирическій поэтъ говорилъ въ своихъ произведеніяхъ только о себѣ; онъ можетъ избирать содержаніемъ своей лиры разные предметы изъ міра видимаго и духовнаго: но всякій подобный предметъ онъ разсматриваетъ по отношенію къ *себѣ*, къ *своему* чувству, къ *своей* мысли.—Лирическое произведеніе должно выражать глубокое и сильное чувство—иначе не стоитъ и браться за перо поэту, вѣщателю всего высокаго и прекраснаго,—а такъ какъ сильныя, глубокія чувствованія непродолжительны, то лирическое произведеніе должно отличаться *краткостію*. Лучшія лирическія произведенія *Пушкина* и *Батюшкова,* по объему своему, весьма кратки, напр.: „Туча“, „Зимняя Дорога“, „Молитва“, „Памятникъ“, „Поэтъ“, „Пророкъ“, „Зимній Вечеръ“, и проч.;—„Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ“, „Выздоровленіе“ и др.

§ 107. *Главнѣйшіе воды лирической поэзіи.*—Главнѣйшіе виды лирической поэзіи слѣдующіе: пѣсня и гимнъ, ода, элегія, сатира, эпиграмма и сонетъ.

§ 108. 1. *Пѣсня.*—Пѣсня есть невольное, безыскусственное выраженіе чувствъ и думъ народа. Пѣсня имѣетъ важное значеніе въ жизни народа. Она сохраняетъ остатки язычества (Коляда, Дидъ-Ладо), воспоминанія объ историческихъ событіяхъ (Владиміръ красное солнышко,

Татары, Іоаннъ Грозный, Петръ Великій); она выражаетъ разныя черты народнаго быта (разлука съ отцемъ и матерью, положеніе молодой въ чужой семьѣ, отправленіе молодца на службу царскую); радости и скорби народа передаются въ пѣснѣ; въ пѣснѣ хранится родной языкъ во всей его свѣжести, силѣ и богатствѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ обиліе выразительныхъ эпитетовъ, разнообразныя формы уменьшительныхъ словъ, напр.: солнышко, цвѣточки, василечки, травушку, яблоньку, грушицу, пташечку, бабочку, утушку, лебедушку, кукушечку, кукунятушекъ, соловейку, соловьюшку, соловушку, рыбушку, плотвишку (плотва), — нарѣчія и прилагательныя тоже въ уменьшительной формѣ, напр.: тонешенька, бѣлешенька, жалобнешенько, поскорешеньку. Вообще языкъ пѣсенъ достоинъ особеннаго вниманія.

Отличительный признакъ нашихъ пѣсенъ, съ внутренней стороны, составляетъ глубокая унылость, какое-то раздолье и забвеніе. Причиною грустнаго настроенія нашихъ пѣсенъ служатъ, по всему вѣроятію, суровая наша природа и разныя неблагопріятныя историческія обстоятельства (Татарское иго, крѣпостное право, затворничество женскаго пола). — Отличительнымъ признакомъ пѣсенъ нашихъ съ внѣшней стороны служитъ любовь къ аллегоріи и отрицательному сравненію, напр.:

Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца,
Не красенъ день безъ солнышка,
Не весела свадьба безъ батюшки,
Безъ батюшки, безъ кормилица.

Или:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужъ какъ сынъ передъ матерью кланется.

Русскія народныя пѣсни раздѣляются на разные разряды: хороводныя пѣсни („а мы просо сѣяли"), святочныя („и я золото хороню"), свадебныя („съ рѣченьки утушка"), подблюдныя („катилося зерно по бархату"), семейныя („выдавала меня матушка" и пр.

Библіогр.—Обширные сборники народныхъ Русскихъ пѣсенъ изд. *И. П. Сахоровымъ*, *П. В. Шейномъ*, проф. *А. И. Соболевскимъ* и другими. Сборникъ перваго въ книгѣ: «Сказанія Русскаго народа». Спб. 1841. Пѣсни здѣсь раздѣлены на 12-ть отдѣловъ: святочныя, хороводныя, плясовыя, свадебныя, семейныя, разгульныя, удалыя, солдатскія, казацкія, историческія, обрядныя и колыбельныя.—Сборникъ Шейна 1870 г., предлагаетъ пѣсни дѣтскія, хороводныя, плясовыя, бесѣдныя, обрядныя, свадебныя и похоронныя.—Проф. Соболевскій на средства Е. И. В. Великаго Князя Георгія Михаиловича издалъ четыре тома обширныхъ «Великорусскихъ Народныхъ Пѣсенъ» 1895—1898 г.г.: въ первомъ томѣ напечатаны «низшія эпическія пѣсни» (602 стран.), во второмъ—семейныя пѣсни—первая ихъ половина (556 стр.), въ третьемъ томѣ—вторая половина семейныхъ пѣсенъ (479 стр.) и въ четвертомъ—первая половина лю-

бовныхъ пѣсенъ (677 стр.). При каждомъ томѣ помѣщены: сокращенія въ названіяхъ источниковъ, алфавитный списокъ пѣсенъ, указатель пѣсенныхъ сюжетовъ, указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсенъ и словарь мѣстныхъ словъ. Въ будущемъ году Соболевскій обѣщаетъ издать пѣсни рекрутскія, солдатскія, разбойничьи, юмористическія и сатирическія.—О пѣсенныхъ удареніяхъ. *Ѳ. Е. Корша.* Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Акад. Наукъ. 1896—1897 г., т. I и II (въ обширной и замѣчательной статьѣ «О Русскомъ народномъ стихосложеніи»).—Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля. *А. Н. Веселовскаго.* Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1897, мартъ. (Весьма много собрано матеріала для пониманія пѣсеннаго языка у разныхъ народовъ: иноземныхъ и Славянскихъ. Тутъ приведены примѣры пѣсенъ Турецкихъ, Арабскихъ, Новозеландскихъ, Китайскихъ, Татарскихъ, Башкирскихъ, Чувашскихъ и иныхъ,—Польскихъ, Сербскихъ, Румынскихъ, Бѣлорусскихъ, Малорусскихъ, Великорусскихъ и пр.—самое обстоятельное изслѣдованіе о языкѣ народныхъ пѣсенъ).—Другія библіограф., указанія см. во 2-й части нашей «Христоматіи», изд. *шестое* Спб. 1897 г., стр. 7—8, 50 и др. Здѣсь же помѣщены образцы пѣсенъ Колядскихъ, подблюдныхъ, игорныхъ, Авсеневыхъ, хороводныхъ, свадебныхъ, семейныхъ, удалыхъ, семицкихъ, Украинскихъ и Духовныхъ стиховъ,—съ примѣчаніями.

Приведемъ образцы народной пѣсни.

1. Слава Богу на небѣ, Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться, Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, Слава!
Чтобы правда была на Руси, Слава!
Краше солнца свѣтла, Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!

Примѣч. Эта пѣсня называется въ народѣ пѣснею «*хлѣбу да соли*» и относится къ разряду *подблюдныхъ*, т. е. такихъ, которыя поются во время Святокъ передъ поставленнымъ на столѣ *блюдомъ*. Въ это блюдо собравшіеся на Святочный вечеръ гости опускаютъ кольца, перстни, серьги, хлѣбъ, соль—и потомъ загадываютъ о своей судьбѣ.

2. Ахъ ты, поле мое, поле чистое!
Ты, раздолье мое, широкое!
Ахъ ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ [1]) кустъ;
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь;
Что не ласточки, не косаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,

[1]) Родъ низенькой вербы.

Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ — какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ! [1])

3. Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати;
Что заутра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Царь-Государь меня спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей“?
—Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всю правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ — темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ — то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — то тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — то калены стрѣлы, —
Что возговоритъ надежа православный Царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами, высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной“ [2]).

§ 109. *Искусственная народная пѣсня*. — У насъ многіе писатели составляли пѣсни въ духѣ народа, напр.: *И. И. Дмитріевъ* (1760—1837) — „Стонетъ сизый голубочекъ“, *Ю. А. Нелединскій-Мелецкій* (1751—1820) — „Выду я на рѣченьку“, *А. Ѳ. Мерзляковъ* (1772—1830) — „Среди долины ровныя“, баронъ *А. А. Дельвигъ* (1793—1830— „Пѣла, пѣла пташечка)“, *Н. С. Цыгановъ* (ум. 1833) — „Травушка“, *А. С. Пушкинъ* — „Сватушка, сватушка“ (Русалка), „Птичка Божія не знаетъ“ (Цыганы), „Кто при звѣздахъ и при лунѣ?“ (Полтава), и геніальный *А. В. Кольцовъ* (1809—1842), сочинитель цѣлаго ряда художественно-народныхъ пѣсенъ: „Что ты спишь, мужичекъ?“ „Пѣсня Пахаря“, „Хуторокъ“, „Урожай“, „Пѣсни Лихача Кудрявича“, „Сяду я за столъ“ и пр.

---

[1]) Приводится въ образецъ семейныхъ пѣсенъ.

[2]) Пѣсня изъ разряда удалыхъ. *В. И. Даль* свидѣтельствуетъ, что эта пѣсня сочинена извѣстнымъ разбойникомъ Ванькою Каиномъ (XVIII в.). Она помѣщена въ повѣсти *Пушкина* «Капитанская Дочка», гл. VIII.

Приведемъ образецъ искусственной пѣсни: „Пѣсня Пахаря“:

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго (-ова) лѣса
Солнышко выходитъ,
Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

А. Кольцовъ.

Библіогр.—Сборникъ иноземныхъ народныхъ пѣсенъ издалъ въ 1854 г. *Н. Бергъ* подъ названіемъ «Пѣсня разныхъ народовъ». Здѣсь помѣщены пѣсни Болгарскія, Сербскія, Шведскія, Датскія, Французскія, Греческія и пр.

Примѣч.—Пѣсня, въ которой выражается благоговѣйное (религіозное) настроеніе духа, называется гимномъ. Примѣромъ гимна можетъ служить слѣд. стихотвореніе *М. М. Хераскова* (1733—1807 г.):

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ;
Великъ онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на землѣ великъ.
Вездѣ Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.
Тебя Твой Агнецъ златорунный
Въ себѣ изображаетъ намъ;
Псалтырью мы десятиструнной
Тебѣ приносимъ ѳиміамъ.
Прими отъ насъ благодаренье,
Какъ благовонное куренье.

*

Ты солнцемъ смертныхъ освѣщаешь,
Ты любишь, Боже, насъ какъ чадъ;
Ты насъ трапезой насыщаешь,
И зиждешь намъ въ Сіонѣ градъ,
Ты грѣшныхъ, Боже, посѣщаешь,
И плотію Твоей питаешь.
О, Боже, во Твое селенье
Да внидутъ наши голоса,
И взыдетъ наше умиленье
Къ Тебѣ, какъ утрення роса!
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ,
Тебя, Господь, поемъ и славимъ.

Примѣч.—О гимнахъ подробнѣе см. во 2-й части нашей Христоматіи, изд. 6-е. Спб. 1897, стр. 287 и д., а также въ Ж. М. Нар. Пр. 1889 г., ноябр., стр. 262, по поводу Гомерическихъ гимновъ, изд. А. Н. Дервицкимъ (въ Харьковѣ).

§ 110. II. Ода (Греч. слово ᾠδή) собственно значитъ хвалебная пѣснь въ честь боговъ, героевъ и знаменитыхъ гражданъ. У Грековъ оды соединялись съ обрядами религіозными и торжествами гражданскими.

Въ блестящую эпоху Персидскихъ войнъ (490—480) Греческая лирика достигла высокаго совершенства. Изъ числа лириковъ этого времени [1]) особенно прославился *Пиндаръ* (520—490 до Р. Хр.). Время сохранило намъ изъ его произведеній только однѣ побѣдныя пѣсни (эпиникіи). Эпиникій принадлежитъ къ роду хвалебной лирической поэзіи. Онъ былъ вызванъ культомъ и торжественными празднованіями. Темою эпиникія было все прекрасное и благородное, жившее въ цѣломъ народѣ и относившееся не только къ настоящему времени, но и къ славному его прошедшему: онъ пѣлся предъ цѣлымъ народомъ, и этотъ народъ слышалъ въ немъ свою славу и славу своихъ предковъ. Торжественность и блескъ игръ, на которыхъ пѣлся обыкновенно эпиникій, еще болѣе возвышали вдохновеніе поэта—эпиникиста. Предъ многочисленнымъ собраніемъ народа онъ воспѣвалъ не только самого побѣдителя, но и его домъ, его родину, его племя и возсылалъ хвалу покровителямъ его, богамъ. Съ другой стороны, восходя отъ частнаго случая къ общему, поэтъ говорилъ цѣлому народу и о перемѣнахъ судебъ и о тайнахъ счастія, и о безсмертной славѣ всего добраго и прекраснаго. Предметъ эпиникій—слава гражданина, который на Олимпійскихъ или другихъ играхъ побѣдилъ своихъ соперниковъ или быстротою коней, или силою и ловкостію, или искусною игрою на инструментѣ. Послѣ такой побѣды обыкновенно слѣдовало торжество, приготовляемое родными и друзьями побѣдителя. Тор-

---

[1]) У Грековъ было девять лириковъ: Стезихоръ, Алкей, Симонидъ, Ивикъ, Алкманъ, Вакхилидъ, Анакреонъ, Сафо и—самый знаменитый—Пиндаръ.

жество открывалось религіознымъ ходомъ ко храму или жертвеннику; затѣмъ слѣдовало жертвоприношеніе, потомъ—пиръ, оканчивавшійся веселымъ хороводомъ. Во время такого праздника выступалъ хоръ и пѣлъ пѣснь (*оду*—ᾠδή) въ честь побѣдителя. На такіе-то случаи писаны „побѣдныя пѣсни“ Пиндаромъ. Онѣ отличаются высокимъ національнымъ характеромъ. Поэтъ умѣетъ побѣду на играхъ соединять съ религіозными и патріотическими преданіями Грековъ, съ исторіею и славою не только всего рода и города побѣдителя, но и всей Греціи. Отсюда проистекаетъ *возвышенно-торжественный* тонъ ихъ. Каждая ода дышитъ какимъ-то священнымъ чувствомъ, какъ бы присутствіемъ божества. Высокое достоинство лиры Пиндара признано было современниками, и еще при жизни поэтъ пользовался громкою славою: Родосцы золотыми буквами начертали ту пѣснь, которою онъ прославилъ ихъ островъ: Аѳиняне воздавали ему огромныя почести; Ѳивяне съ благоговѣніемъ берегли домъ, въ которомъ родился поэтъ.

До насъ дошло сорокъ пять эпиникіевъ; по играмъ, на которыхъ пѣлись, эпиникіи раздѣляются на четыре разряда: эпиникіи Олимпійскіе, Пиѳійскіе, Немейскіе и Истмійскіе.

Примѣч.—Такъ какъ пѣсни Пиндара пѣлись хоромъ, то и самый *внѣшній* составъ ихъ примѣнялся къ хоровому пѣнію. Хоръ, особенно во время праздника Діонисій (Вакха), обходилъ во время пѣнія вокругъ жертвенника божества то съ той, то съ другой стороны и затѣмъ опять останавливался передъ самымъ жертвенникомъ. Сообразно съ этимъ и праздничная хоровая пѣсня дѣлилась на строфы, антистрофы и эподы. *Строфою* (Греч. στροφή—оборотъ) называлась та часть пѣсни, которую пѣлъ хоръ, идя съ правой стороны на лѣвую. *Антистрофой* (отъ двухъ Греч. слово ἀντι—противъ и στρέφω—оборачиваю) называлась слѣдующая часть пѣсни, пѣтая хоромъ, шедшимъ съ лѣвой стороны на правую. *Эподомъ* (Греч. слово ἐπῳδός—припѣвъ) называлась та часть пѣсни, которую пѣлъ хоръ, остановившись передъ жертвенникомъ.

Примѣч.—Для образца учитель читаетъ оду Пиндара: изъ 2 ч. Христом. *А. Филонова*, или другихъ учебныхъ хрестоматій [1]).

Оды *Горація* (Квинтъ Горацій Флаккъ), знаменитаго Римскаго лирика, жившаго при Августѣ, отличаются отъ живой, пѣсенной поэзіи Греческой, своимъ *дидактическимъ* характеромъ. Въ большей части ихъ размышленіе господствуетъ надъ чувствомъ. Оды Горація разнообразны по содержанію. О лирѣ онъ говоритъ („De arte poëtica“, 83—85 стихи):

Звонкимъ же лиры струнамъ даровала безсмертная муза
Славить боговъ и сыновъ ихъ; борцевъ, увѣнчанныхъ побѣдой;
Бранныхъ коней, и веселье вина и заботы младыя.
(Перев. *М. Дмитріева*).

---

[1]) Новѣйшій переводъ [*В. В. Майкова*] эпиникій Пиндара напечатанъ въ Жур. М. Н. Просв. 1892, сент., 1893, янв. и ноябрь. Первая Пиѳійская ода въ переводѣ *В. Иванова* напечатана тамъ же, 1899, августъ.

Самыя замѣчательныя его оды—патріотическія: онѣ дышатъ сильною любовію къ старинной Римской доблести (virtus). Кромѣ того, въ нихъ находится живое изображеніе многихъ современниковъ поэта, напр., Августа, Мецената, Виргилія. Свойства истиннаго поэта лирическаго изображены имъ во 2-й одѣ IV-й книги, гдѣ себя, смиренную пчелу, онъ противополагаетъ величественному лебедю, Греческому лирику Пиндару.

Въ новой Европѣ, въ половинѣ XVII в., водворяется господство Французскаго *классицизма*, т. е. рабскаго подражанія древнимъ Греческимъ и Римскимъ поэтамъ. *Буало*, жившій при Людовикѣ XIV, въ своемъ сочиненіи „L'art poëtique“ даетъ правила для искусственной оды [1]). Ода, сказалъ Буало, есть совокупленіе многихъ строфъ, которыми описывается матерія благородная, важная, рѣдко нѣжная и пріятная, въ рѣчахъ весьма великолѣпныхъ. Принадлежности искусственной оды у Буало вычисляются во 2-й пѣснѣ „L'art poëtque“: условный восторгъ, лирическій безпорядокъ, громогласный тонъ, вмѣшательство Греческихъ и Римскихъ божествъ, почти постоянное воззваніе къ Аполлону и музамъ, общія похвальныя мѣста, слово „пою“ и пр.

Искусственныя оды начаты у насъ *М. В. Ломоносовымъ*; ихъ видимъ у *Е. И. Кострова* (1752—1796), *Г. Р. Державина* и другихъ. Въ „разсужденіи о лирической поэзіи“ Державинъ передаетъ слово въ слово взгляды Буало и самъ былъ распространителемъ ложноклассической оды. Изъ этого разсужденія видно, что онъ въ одѣ и гимнѣ считалъ необходимымъ не только высокій слогъ, но и особые условные пріемы, напр.: „отступленія, перескоки, околичности, сомнѣнія и вопрошенія“.—Ложноклассическую оду осмѣяли у насъ *И. А. Крыловъ* и *И. И. Дмитріевъ*. Въ повѣсти „Каибъ“ Крыловъ сравнилъ ее съ шелковымъ чулкомъ, который всякому можно натянуть на ногу. Въ сочиненіи „Чужой Толкъ“ Дмитріевъ ѣдко осмѣялъ всѣ искусственные пріемы писателей одъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что между одами Ломоносова и Державина, не смотря на ихъ искусственность, находятся прекрасные образцы этого вида поэзіи. Для примѣра укажемъ на оды Ломоносова: „Подражаніе Іову“, „Утреннее“ и „Вечернее Размышленіе о Божіемъ Величествѣ“, „На восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны“, 1747 года. Первыя оды выражаютъ глубокое религіозное чувство и любовь къ природѣ; ода „На восшествіе на престолъ“ преисполнена высокими патріотическими чувствами и непреоборимою привязанностію къ наукѣ. Оды Державина вносятъ *новую* стихію въ этотъ видъ поэзіи: онѣ проникнуты живымъ описаніемъ недостатковъ современнаго поэту общества. Сатира (осмѣяніе слабостей)

---

[1]) По опредѣленію «Буало», *поэзія есть l'art des vers*.

бьетъ въ нихъ жгучими струями. Дабы удостовѣриться въ истинѣ высказанныхъ словъ, надо читать слѣд. его оды: „Фелицу", составившую эпоху въ развитіи оды,—„На смерть князя Мещерскаго", „Вельможу", „Водопадъ", „Къ первому Сосѣду." Духовная ода Державина „Богъ" пріобрѣла поэту громкую славу.

Есть прекрасные образцы одъ у *Пушкина*, напр.: „Клеветникамъ Россіи", „Наполеонъ", „Полководецъ",—у *М. Ю. Лермонтова* „Послѣднее Новоселье", *А. Н. Майкова* „Ломоносовъ", „Карамзинъ" и пр.

§ 111. Приведемъ образцы одъ.

Корыстолюбцу [1]) *(Горацiя).*

(Гиметъ—гора въ Аттикѣ, славилась пчелами и мраморомъ.—*Атталъ*, Пергамскій царь, отказалъ свои богатства Римскому народу, но Аристоникъ объявилъ притязанія на это наслѣдство, покуда наконецъ Римскій консулъ, Перпенна, не взялъ его въ плѣнъ, и не отвезъ сокровищъ въ Римъ.—*Сабины*—помѣстье Горація.—*Баи*—городъ въ Кампаніи, знаменитый купальнями.—*Оркусъ*—Римскій Плутонъ, богъ ада.—*Стражъ подземныхъ водъ*—Харонъ).

Въ жильѣ моемъ вдоль стѣнъ не блещетъ позолота,
Не вьется изъ кости узоръ;
Гиметскій архитравъ [2]) не прибавляетъ гнёта
Столбамъ, изсѣченнымъ изъ горъ
Далекой Африки; въ Атталовы чертоги
Я не врывался, какъ пришлецъ;
Кліентки не прядутъ мнѣ для пурпурной тоги
Руна пушистаго овецъ.
За то я сердцемъ чистъ, и въ немъ—даръ силы вышней—
Кипитъ поэзія ключемъ;
Я не прошу боговъ о милости излишней;
Бѣднякъ, но чтимый богачемъ,
У дружбы сильныхъ я не вымоляю дара:
Съ меня довольно и Сабинъ!
День дню бѣжитъ во слѣдъ; луна опять изъ шара
Въ серпъ обращается... Но, сынъ

---

[1]) Книга II, ода 18-я. Въ жизни и твореніяхъ Горація преобладаетъ довольство природой и предметами первой необходимости, соединенное съ враждебнымъ противодѣйствіемъ слѣпой, безотчетной корысти. Подобно многимъ другимъ, и эта ода исчерпываетъ задушевныя мысли поэта, касательно упомянутыхъ предметовъ. Примѣч. *А. Фета.*

[2]) Въ переводѣ *А. Фета:* «На рядъ столбовъ не налегаетъ изъ мрамора гиметскаго *брусокъ*».

Корысти, въ гробъ скользя, еще ты мраморъ гордый
Пилишь на плиты; позабывъ
О смерти, строишь домъ; тебѣ ужъ мало твердой
Земли, и, кажется, въ заливъ,
Шумящій возлѣ Бай, ты хочешь сдвинуть берегъ...
Да, алчный человѣкъ! Скажи,
Не ты ли на полѣ сосѣда, въ часъ сумерекъ,
Срывалъ священныя межи
И у кліентовъ мялъ снопы на бѣдныхъ пашняхъ?
Тобою изгнаны—гляди!
Мужъ и жена, въ слезахъ, несутъ боговъ домашнихъ
И чадъ, прижавшихся къ груди...
Но—вѣрно лишь одно богатому жилище:
Въ селеньяхъ Орковыхъ оно!
О чемъ хлопочешь ты? И сынъ вельможъ, и нищій
Землей поглотятся равно.
За горсти золота не вывезъ Прометея
Изъ ада стражъ подземныхъ водъ;
Тантала держитъ онъ, гдѣ узы, тяготѣя,
Легли на весь Танталовъ родъ,
И, званый или нѣтъ, въ положенное время
Снимаетъ съ бѣднаго тяжелой жизни бремя.

И. Крешевъ.

Къ Мельпоменѣ [1]) (*Горацiя,* кн. III, ода XXX).

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ:
Его ни ѣдкій дождь, ни Аквилонъ полночный,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ [2]).
И скажутъ, что рожденъ, гдѣ Ауфидъ говорливый [3]),
Стремительно бѣжитъ, гдѣ средь безводныхъ странъ
Съ престола Давнъ [4]) судилъ народъ трудолюбивый;

---

[1]) *Горацій,* посвящая въ 732 году три первыя книги одъ Меценату, заключаетъ ихъ, въ видѣ эпилога, этой одой, въ которой онъ еще яснѣе, чѣмъ въ кн. II, од. 20, говоритъ о важности своей заслуги и своемъ безсмертіи. *А. Фетъ.*

[2]) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, слѣдовательно, по понятію Римлянъ, вѣчно. *А. Фетъ.*

[3]) Берега Ауфида—родина Горація. *А. Фетъ.*

[4]) Давнъ, первый царь Апуліи. Горацій и здѣсь замляковъ своихъ поставилъ на первомъ планѣ. *А. Фетъ.*

Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій [1])
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Заслугѣ гордой въ честь сама вѣнецъ Дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

А. Фетъ.

Приводимъ здѣсь для сравненія стихотворенія *Г. Р. Державина* и *А. С. Пушкина*:

Памятникъ [2]).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ [3])
О добродѣтеляхъ Фелицы [4]) возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ [5])
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О, муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Г. Державинъ (1743—1816).

Памятникъ [6]).

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;

---

[1]) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.
[2]) Писано 1796 г.
[3]) Державинъ былъ первый изъ Русскихъ писателей, сочинявшій оды въ забавномъ слогѣ.
[4]) Императрица Екатерина II, «Фелица».
[5]) Разумѣется ода Державина «Богъ».
[6]) Сочинено въ 1836 г.

Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пiитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

А. Пушкинъ (1799—1837).

На праздникъ восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года [1]).

1. Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градо̀въ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
2. Великое свѣтило миру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Но духъ Ея Зефира тише,
И зракъ пріятнѣе Рая.
3. Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
4. Божественнымъ устамъ приличенъ,

[1]) Правописаніе удержано нами по изданію сочиненій *М. В. Ломоносова* Императорскою Академіею Наукъ, съ объяснительными примѣчаніями академика *М. И. Сухомлинова*. Спб. 1891, т. I.

Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда Ты Крестъ несла рукою,
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

5. Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ;
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6. Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы наглы вихри не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ Лира восхищенна
Гласить велики имена.

7. Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель мира искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію Человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства Онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчану,
Россію варварствомъ попранну
Съ Собой возвысилъ до небесъ.

8. Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чюдился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

9. Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужè Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

10. Но ахъ! жестокая судьбина!
Безсмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплемъ провождали,
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

11. Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣлà взглянуть.
Но кроткая Екатерина
Отрада по Петрѣ едина
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естьлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

12. Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?

О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

13. Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14. Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на го́ры превысоки,
Воззри въ поля́ Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

15. Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату́ очиститъ жилу;
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

16. Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И брѐги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

17. Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса́,
Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18. Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ бѣгъ свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ [1].

19. Се мрачной вѣчности запо́ну
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни пра́вилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ

---

[1]) Рѣка Амуръ отошла къ Китаю по договору Нерчинскому въ 1689 г. Исторія Россіи. *С. М. Соловьева*. Т. XIX, стр. 228 и д. Поэтическое желаніе Ломоносова исполнилось въ 1858 году: по Айгунскому договору пріобрѣтенъ Амурскій край.

На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
20. Тамъ тьмою островов по-
сѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небѣсной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
21. И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпой отвращаетъ взоръ.
22. О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Плато-
новъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [1])
Россійская земля раждать.
23. Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не по-
мѣха.
Науки пользуюсь вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ [2]).
24. Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ срав-
нитъ [3]).

М. Ломоносовъ. (1711—1765).

Разборъ оды.—*Ѳ. И. Буслаевъ* въ замѣчательной своей книгѣ „О преподаваніи Отечественнаго языка“ (М. 1867, изд. 2-е, стр. 269) высказалъ плодотворную мысль, что оды Ломоносова надо объяснять по

[1]) Невтонъ—великій Англ. математикъ и натуралистъ (1642—1727).

[2]) Эта строфа составляетъ переводъ изъ рѣчи *Цицерона*: «pro Archia poëta»-Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова. Изд. *П. Перевлѣсскаго.* М. 1846, стр. 371.

[3]) Заглавіе этой оды въ изданіи Академіи Наукъ (1891 г.) слѣдующее: „Радостныя и благодарственныя восклицанія Музъ Россійскихъ прозорливостію *Петра Великаго* основанныхъ, тщаніемъ щедрыя *Екатерины* утвержденныхъ и несказаннымъ великодушіемъ Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы *Елисаветы Петровны* Самодержицы Всероссійскія обогащенныхъ, оживленныхъ и восставленныхъ, которыя на пресвѣтлый и всерадостный праздникъ восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества ноября 25 дня 1747 г. приноситъ всеподданнѣйшая Академія Наукъ“.

схоластической Риторикѣ, т. е. по Риторикѣ самого Ломоносова. Приложимъ эту методу къ настоящей (осьмой) одѣ. — *Ода*, по опредѣленію схоластической Риторики, *есть такое лирическое стихотвореніе, въ которомъ выражается сильное чувство, возбужденное высокими предметами*. Осьмая ода Ломоносова совершенно подходитъ подъ это опредѣленіе. Во-первыхъ мы видимъ въ настоящей одѣ все *высокіе предметы;* во-вторыхъ — она выражаетъ *сильное*, особенно возбужденное *чувство*. — Что осьмая ода ведетъ рѣчь о высокихъ предметахъ, въ томъ всякій убѣдится, вникнувъ въ ея содержаніе. Въ содержаніи мы видимъ слѣд. высокіе предметы: плоды мира въ государствѣ, — прекращеніе войнъ, радость Русскаго народа по случаю восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы, дѣянія Петра Великаго, огромное пространство Россіи,—ея богатства естественныя, открытіе Русскими новыхъ земель, надежда на появленіе среди Русскаго народа Платоновъ и Невтоновъ и польза наукъ вообще. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ не однажды, а нѣсколько разъ воспѣваются въ одѣ.—Такіе высокіе предметы возбудили въ пѣснопѣвцѣ сильное, восторженное чувство. Доказательствомъ силы и восторженности чувства поэта служитъ обиліе фигуръ, которыми преисполнена вся осьмая ода. Укажемъ на главнѣйшія фигуры оды: обращеніе, указаніе, восклицаніе, заимословіе, вопрошеніе. Примѣры *обращенія:* 1-я и 2-я строфы, 4-я, 6-я, 14-я, 22-я и 24-я; примѣры *указанія* въ строфахъ: 14-й, 16-й, 17-й, 19-й, 20-й и 21; примѣры *восклицанія*—въ 4-й строфѣ, 10-й, 11-й; примѣры *заимословія*—3-я строфа, 8-я, 9-я; примѣры *вопрошенія* — въ строфахъ 12-й, 18-й.

Кромѣ фигуръ, осьмая ода Ломоносова заключаетъ въ себѣ примѣры на разные виды *троповъ*, какъ-то: метафоры, синекдохи, метонимія, гиперболы, антономазіи (§ 14 „Учеб.“). Примѣры метафоры: „тишина градовъ *ограда*“. Здѣсь—отвлеченному предмету приписывается вещественный признакъ.—„Корабли *дерзаютъ*“. Здѣсь, по словамъ Ломоносова, „реченіе къ одушевленной вещи надлежащее переносится къ бездушной“. (Риторика, § 182).—Примѣры синекдохи: „вокругъ тебя *цвѣты* пестрѣютъ и *класы* на поляхъ желтѣютъ“. Здѣсь, по толкованію Ломоносова, „полагается видъ вмѣсто рода“. (Риторика, § 184).— „Давно-бъ *Секвана* (Сена) постыдилась съ своимъ искусствомъ предъ *Невой*“. Тутъ, по словамъ Ломоносова, „часть полагается вмѣсто цѣлаго“.—„Летитъ *корма* межъ водныхъ нѣдръ“. Здѣсь часть вмѣсто цѣлаго. — „*Охотникъ* не мѣтилъ лукомъ; сѣкирнымъ *земледѣлецъ* стукомъ поющихъ птицъ не устрашалъ“. Тутъ положено „единственное число вмѣсто множественнаго“. (Риторика, § 184).—Примѣры метониміи: „*премудрость* тамо зиждетъ храмъ, *невѣжество* блѣднѣетъ“. Здѣсь, по объясненію Ломоносова, „положено свойство вмѣсто дѣйствующаго“ (Риторика, § 185); премудрость вм. премудрые, умные лю-

ди,—невѣжество вм. невѣжественные, необразованные люди. „Пространная твоя *держава* тебя благодаритъ“. „*Верьхи* Парнасски восстенали“. Тутъ „мѣсто полагается вмѣсто содержимой вещи“. (Риторика, § 185); держава вм. народа, который въ ней обитаетъ.—верьхи Парнасскіе вм. люди ученые и художники.—„Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился, свой *мечь* въ Петровыхъ зря рукахъ, и съ трепетомъ Нептунъ чюдился, взирая на Рос. *флагъ*“. Тутъ положенъ признакъ вм. самой вещи“. (Ритор., § 185), т. е. мечь вм. войны, флагъ вм. флота.—Примѣры *гиперболы*: „Душа ея (Императрицы Елисаветы) *зефира тише* и зракъ *пріятнѣе рая.*—Петровы возвышали стѣны до *звѣздъ* плесканіе и кликъ“.—Гиперболу Ломоносовъ опредѣляетъ такъ: „Ипербола есть повышеніе или пониженіе слова невѣроятное, которое употребляется: 1) для напряженія, напр. *бѣгъ скорѣйшій вихря и молніи*; 2) употребляется для послабленія, напр.: чуть въ костяхъ держится“. (Ритор., § 196).—„*Антономазія* есть взаимная перемѣна именъ собственныхъ и нарицательныхъ“. (Ритор., § 186). Въ одѣ разбираемой много примѣровъ антономазіи: *Марсъ* страшился вм люди, ведущіе войну; *Нептунъ* чюдился вм. люди, ведущіе морскую войну: *Колумбъ* Россійской вм. человѣкъ, который дѣлаетъ открытіе новыхъ земель. „Можетъ собственныхъ *Платоновъ* и быстрыхъ разумомъ *Невтоновъ* Рос. земля раждать“. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ „употребляется имя собственное вмѣсто нарицательнаго“. (Риторика, § 186).

Признаки ложно-классическаго направленія въ Одѣ.—Разбираемая ода Ломоносова, подобно другимъ его похвальнымъ одамъ, составлена въ духѣ классическомъ. *Во-первыхъ*, въ ней много находится миѳологическихъ боговъ, напр.: въ поляхъ кровавыхъ *Марсъ* страшился, свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ, и съ трепетомъ *Нептунъ* чюдился, взирая на Россійскій флагъ, т. е. Петръ былъ побѣдителемъ на сушѣ и на моряхъ. Эта простая, исторически вѣрная, мысль передана въ образахъ классическихъ, или лучше: лже-классическихъ, потому что Ломоносовъ, какъ христіанинъ, не могъ вѣрить въ существованіе Марса и Нептуна.—Въ 16-й строфѣ встрѣчается слѣд. стихъ: „гдѣ (въ сѣверной странѣ) мерзлыми *борей* крылами Твои взвѣваетъ знамена“. Опять языческое божество! Оно здѣсь введено по подражанію классическимъ поэтамъ древняго міра, которые вѣровали въ существованіе борея. А у насъ, у народовъ христіанскихъ, есть *сѣверный* вѣтеръ, а не борей, съ мерзлыми крылами.—„Въ 21-й строфѣ читаемъ слѣд. стихи: „И се *Минерва* ударяетъ въ верьхи Рифейски копіемъ,—*Плутонъ* въ расселинахъ мятется“. Опять языческія божества! И введены въ дѣйствіе по подражанію Греко-Римскимъ писателямъ древняго времени, которые вѣровали въ бытіе Минервы (Аѳины) и Плутона.—Въ 10-й строфѣ видимъ слѣд. стихи; „Верьхи *Парнасски* восстенали, и *Музы* воплемъ провождали въ небесную дверь пресвѣтлый духъ (Петра)“. Въ 12-й

строфѣ опять „Парнассъ и *Музы*“ съ ихъ „пріятними струнами“. Еще и еще классическіе образы! Простая идея, что ученые люди и художники оплакивали преждевременную смерть Петра, а появленіе на престолѣ его дочери (т. е. Императрицы Елисаветы) привѣтствовали съ восторгомъ;—эта простая идея передана въ образахъ классическихъ, или лучше: лжеклассическихъ, потому что Ломоносовъ, на самомъ-то дѣлѣ, не могъ видѣть нигдѣ въ Россіи Парнаса, населеннаго музами, „плачущими“ о Петрѣ и „веселящимися“ объ Елизаветѣ. Въ 6-й строфѣ нашъ поэтъ пишетъ: „се хощетъ *Лира* восхищенна гласить велики имена“. Еще разъ классическій образъ! Древній поэтъ, напр. Пиндаръ, когда пѣлъ оду, дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ *лиру*: ода пѣлась съ помощію этого струннаго инструмента. Потому онъ могъ и даже долженъ былъ сказать, чтобы *лира пѣла*. Но Ломоносовъ очень хорошо зналъ, что онъ не на лирѣ поетъ, что у него даже и лиры-то нѣтъ,—что онъ просто сочиняетъ стихи, съ перомъ въ рукахъ,—и однакожь поэтъ, забывъ дѣйствительность, и рабски слѣдуя древнимъ писателямъ классическаго міра, говоритъ: „се хощетъ *Лира* восхищенна *гласитъ* велики имена“... Итакъ внесеніе въ стихи миѳологическихъ именъ, а также Парнаса и лиры составляетъ *первый* признакъ ложноклассическаго направленія разбираемой оды Ломоносова.

Вторымъ признакомъ ложноклассическаго направленія оды служитъ *чрезмѣрное восхваленіе* дѣлъ Императора Петра Великаго, Императрицъ Екатерины I и Елисаветы. Находясь подъ вліяніемъ классическихъ одъ древнихъ писателей, которые превозносили своихъ героевъ-побѣдителей до небесъ, приравнивали ихъ къ богамъ, сообразно народному о нихъ понятію, Ломоносовъ черезъ-чуръ преувеличенно хвалитъ своихъ воспѣваемыхъ въ настоящей одѣ, героевъ: „Се хощетъ Лира восхищенна гласитъ *велики* имена“. Подъ понятіе „*велики* имена“ поэтъ подводитъ Петра, Елисавету и за урядъ — Екатерину I. Вопреки исторіи, нашъ „Россійскій Пиндаръ“ говоритъ, что Петръ „возвысилъ Россію до небесъ“ (7-я строфа). Въ одѣ 1743 г., Петръ называется прямо таки „богомъ“.

Возри на трудъ и громку славу,
Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтитъ;
Нептунъ позналъ Его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горьнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На Внука весело взираетъ,
Среди Героевъ, выше звѣздъ [1]).

Про Екатерину I въ разбираемой одѣ Ломоносовъ пишетъ, что Россія превзошла бы Францію, если-бы „жизнь“ Императрицы „продлилась“ (11-я строфа)... Похвалы нашего поэта Елисаветѣ необыкновенны: „уста“ у ней „божественны“ (4-я строфа); душа ея „зефира тише и зракъ пріятнѣе рая“ (2-я строфа); Елисавета пре-

[1]) Повторяемъ, что мы удерживаемъ правописаніе подлинника.

вышаетъ „щедроты отчи“ въ своихъ заботахъ о „довольствѣ Музъ“ (12-я строфа), т. е. дѣлается выше Петра Великаго;—наконецъ Ломоносовъ называетъ Государыню „Минервою“ (21-я строфа) и тѣмъ даетъ понять, что онъ считаетъ Елисавету „богинею мудрости“. Точь въ точь такъ поступалъ *Пиндаръ*, уподобляя своихъ героевъ богамъ! Но у Греческаго поэта была дѣйствительность на лицо, т. е. блистательные подвиги на играхъ въ присутствіи безчисленныхъ массъ народа. А у Ломоносова какая была дѣйствительность передъ глазами? Блестящаго развитія просвѣщенія въ первыя *семь* лѣтъ царствованія Елизаветы не было; исторія весьма скромными чертами описываетъ эти годы: „нравы смягчаются, къ человѣку *начинаютъ* относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ и умственные интересы *начинаютъ* находить болѣе доступа въ обществѣ, которое *начинаетъ* чувствовать потребность высказаться, вслѣдствіе чего являются *начатки* литературы и *попытки* обработать, облагозвучить орудіе выраженія пробивающейся мысли, языкъ“. (Исторія Россіи, соч. *С. М. Соловьева*. М. 1872. Т. XXII, стр. 264). Далѣе исторія замѣчаетъ, что всѣ попеченія правительства въ первыя семь лѣтъ царствованія Елисаветы клонились къ тому, чтобы дать силу указамъ Петра Великаго, поступать въ его духѣ (тамъ же, стр. 265). Главное дѣяніе Государыни на пользу просвѣщенія Россіи заключалось въ основаніи Московскаго Университета, но Университетъ открытъ уже въ 1755 году... Поэтому чрезмѣрно прославлять Елисавету за первыя семь лѣтъ царствованія Ломоносовъ не имѣлъ достаточнаго основанія,—но языкомъ нашего пѣснопѣвца двигала *не лесть*, а теорія, называвшаяся ложно-классическою. (См. статью *М. И. Сухомлинова* о Ломоносовѣ въ Рус. Вѣстн. 1861, т. 31, стр. 155—157 и д.).

Третьимъ признакомъ ложно-классическаго направленія оды нашего поэта служитъ *лирическій безпорядокъ*. Лирическимъ безпорядкомъ назывался у древнихъ поэтовъ быстрый переходъ отъ одной картины къ другой, отъ одного предмета къ другому. У Ломоносова находимъ такой безпорядокъ въ 10-й строфѣ. Описывая разныя дѣянія Петра, онъ вдругъ прерываетъ свою спокойную рѣчь и восклицаетъ: „*Но ахъ жестокая судьбина!*“ У древняго классическаго поэта такіе быстрые переходы были естественны; ибо онъ воспѣвалъ событіе подъ вліяніемъ свѣжаго, живаго впечатлѣнія. Но Ломоносовъ въ 1747 г.,—время появленія этой оды,—не имѣлъ такого свѣжаго и живаго впечатлѣнія, невольно заставляющаго прекратить спокойную рѣчь: Императоръ Петръ I умеръ 1725 г.

Въ-*четвертыхъ*, признакомъ ложно-классическаго направленія оды служатъ *эпизоды*, т. е. вставочные разсказы о постороннихъ главному содержанію предметахъ. Такіе эпизоды у Ломоносова мы видимъ въ разсказѣ о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I (строфы 7-я, 8-я, 9-я, 10-я и 11-я). Эти эпизоды мѣшаютъ развитію главной идеи, состоящей въ томъ, чтобы показать *плоды мира* въ царствованіе Елисаветы. Указанная идея,

сама по себѣ, могла дать богатое содержаніе для цѣлой оды, но Ломоносовъ, подражая древнимъ-классическимъ образцамъ, напр. Пиндару,—у котораго всегда въ одахъ вводились эпизоды,—внесъ въ свое произведеніе два вставочныхъ разсказа про Петра и Екатерину 1, совершенно не кстати. Если мы выбросимъ строфы 7-ю, 8-ю, 9-ю, 10-ю и 11-ю, то не разрушимъ содержанія оды и не повредимъ развитію главной ея идеи.

Пятымъ признакомъ ложно-классическаго направленія оды служитъ обиліе троповъ и фигуръ. Выше уже были указаны примѣры разныхъ видовъ троповъ и фигуръ, находящихся въ одѣ.

Но не смотря на ложно-классическія свои формы, осьмая ода невольно увлекаетъ читателя силою патріотическаго чувства и пламенною любовію поэта къ наукѣ [1]).

Что касается языка, которымъ написана эта ода, то онъ, по смыслу теоріи самого Ломоносова, предложенной въ статьѣ „О пользѣ книгъ Церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ", — принадлежитъ къ образцамъ *высокаго* слога. Приведемъ слова Ломоносова: „Первой (т. е. высокій) штиль (стиль) составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны Героическія Поэмы, *Оды*, прозаичныя Рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ *важному великолѣпію* возвышаются... По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, *чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ*". (Соч. Ломоносова. Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1898, т. четвертый, стр. 227—230). По прямому смыслу этой теоріи, Славянскій языкъ *„сугубо возвышаетъ еликолѣпныя мысли"* сочинителя. Разбираемая ода Ломоносова представляетъ блистательное доказательство такого взгляда. Здѣсь въ каждой строфѣ мы находимъ Славянскія слова, напр.: градовъ, класы, злато, зракъ, пріявъ, гласъ, премѣна, ликъ, брегъ, престаньте, хощетъ, гласить, искони, глава, зря, рекла, провождали, толикія, токмо, едина, пріемлетъ, дщерь, отчи, отверзаетъ, елень, паки, тамо, вранъ и пр. пр.— Встрѣчаются даже формы склоненія Славянскаго, напр.: одежду нѣжныя весны, не знаютъ строгія зимы.—Другія особенности языка Ломоносова, непрерывно связанныя съ главнымъ строемъ его рѣчи, слѣдующія: 1) Слова и обороты, нынѣ мало употребительные (или въ другомъ значеніи употребляемые): тишина *красна* (т. е. прекрасна), войнѣ *поставила конецъ*, *полно* тѣхъ побѣдъ, Россы, спокойство, плесканіе, достатокъ силы нашей малъ, способный вѣтръ, порываетъ, наглы вихри, ужасный (ужасающій, непостижимый) чудными дѣлами, препятство, сомнѣнная Нева,

---

[1]) См. 1-ю строфу, 3-ю, начало 7-й, конецъ 13-й, 15-ю, 16-ю, 17-ю и 20-ю.

съ пути склонилась, внушивъ рыданій нашихъ слухъ, сомнѣнный ихъ смущался путь, густость и пр.

2) Прилагательныя и причастія краткія, напр.: сокровищъ *полны* корабли, *яры* волны, прекрасны времена, велики имена, главу вѣнчанну, Россію попранну, Нева укрѣпленна и окруженна, звучащу славу, Божественны науки, новы плоды, полезны труды и пр. Попадается даже существительное въ краткой формѣ, напр.: вселенна—(см. шестую строфу [1]).

3) Ломоносовъ часто употребляетъ мѣстоименіе „что" вм. „который", напр.: богатство въ оныхъ (въ рѣкахъ и горахъ) потаенно наукой будетъ откровенно, *что* щедростью твоей цвѣтетъ.— Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ, *что* пестротою превышаютъ одежду нѣжныя вѐсны.

4) Удареніе часто ставится не на томъ слогѣ, гдѣ ему, по духу языка, подобаетъ находиться, напр.: градо̀въ ограда, Индѝя, днѐвнаго свѣтила, на едѝнѣ и пр.

Примѣч.—Сравн. разборъ этой оды въ книгѣ *В. Я. Стоюнина*: «О преподаваніи Рус. Литературы», изд. 2-е, стр. 225—33 и въ книгѣ *А. Попова* «Пособіе при изученіи образцевъ Рус. литературы». М. 1868, изд. 2-е, стр. 266 и д.

Фелица [2]).

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды [3]),
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ;
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ея совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,

---

[1]) Слово «вселенна», строго говоря, есть прилагательное въ краткой формѣ, подобное слѣдующимъ: утреня, обѣдня, вечерня и пр.: см. Историч. Грамматику *Ѳ. И. Буслаева*, изд. 5-е. Спб. 1881 г. Но мы, слѣдуя общему употребительному говору, принимаемъ здѣсь слово «вселенна» за имя существительное. Въ 6-й строфѣ у Ломоносова оно—существительное.

[2]) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1782 г.: напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова въ 1783 г. «Фелица» значитъ богиня премудрости, а сынъ ея разсудокъ, по объясненію Г. Р. Державина.— Печатаемъ эту оду по изд. Академіи Наукъ, съ объяснит. примѣчаніями *Я. Грота*. Спб. 1864 г., т. первый.

[3]) Царевною Киргизъ-Кайсацкія орды Императрица Екатерина названа потому, что Фелица была дочь хана *Киргизскаго*: см. сказку Екатерины II «О Царевичѣ Хлорѣ», напечатанную въ 1781 году для пятилѣтняго внука ея, великаго князя Александра Павловича.

Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ [1])
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не Донкишотствуешь собой [2]);
Коня Парнасска не сѣдлаешь [3]),
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь [4]),
Не ходишь съ трона на востокъ [5]):
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ [6]).
Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ серебромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ (пилавъ) и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ...
Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ...
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то̀ наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [7]).
Или музыкой и пѣвцами,

---

[1]) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ: Грамотою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими учрежденіями.

[2]) Здѣсь разумѣется простота и отсутствіе эффекта въ дѣйствіяхъ Императрицы.

[3]) Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала; а когда надобны были стихи, то, давъ мысль, поручала написать ихъ статсъ-секретарямъ Елагину, Храповицкому и пр.

[4]) Стихъ относится къ масонамъ, которые воображали, что могутъ бесѣдовать съ духами. Примѣч. *Я. К. Грота*. Соч. *Державина*. Спб. 1864, т. I, стр. 134.

[5]) Намекъ на довольно обыкновенную въ то время мечту о завоеваніи Индіи, намекъ, встрѣчающійся у Державина и въ другихъ пьесахъ. *Я. К. Гротъ*. Тамъ же.

[6]) Относится какъ и слѣдующая строфа къ прихотливому нраву князя *Потемкина*.

[7]) Относится къ графу Алексѣю Григорьевичу *Орлову*, который любилъ ристалища сего рода.

Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами [1])
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [2]).
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю [3]).
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой [4]),
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой...
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь [5])
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки

[1]) Относится къ А. Г. Орлову, какъ охотнику до всякаго молодечества Русскаго и Русскихъ пѣсенъ.

[2]) Относится къ Семену Кирилловичу *Нарышкину*, бывшему тогда оберъ-егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

[3]) Авторъ, служа при оберъ-прокурорѣ князѣ *Вяземскомъ*, читывалъ передъ нимъ разные романы, до которыхъ князь былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія тотъ и другой дремали.

[4]) Въ сказкѣ Императрицы о Царевичѣ Хлорѣ вельможи царевны Фелицы названы Лѣнтягомъ и Брюзгой. Сколько извѣстно, она подъ сими именами разумѣла князя Потемкина и князя Вяземскаго потому, что первый, ведя жизнь роскошную, и второй, управляя государственнымъ казначействомъ, часто требовали денегъ. Въ «Собесѣдникѣ Любителей Рос. Слова» 1783, ч. I, стр. 9 напечатано: «между *Лѣнтягомъ* и *Брюзгой*».—И правописаніе всей оды тамъ нѣсколько иное, чѣмъ въ изд. Академіи.

[5]) Императрица, подобно императору Траяну, была снисходительна къ злорѣчію на ея счетъ; можно представить тому много примѣровъ.

Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [1]).
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ [2]),
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ. [3])

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей;
Когда ты просвѣщашь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья [4])
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго (худова)
И самаго сатира злаго (злова)
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь".

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюдимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства,
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ [5]),
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ

---

[1]) Всѣ эти стихи напоминаютъ въ противоположность тѣ времена, когда и незначительные случаи были почитаемы преступленіями. «Въ этомъ отдѣлѣ оды, говоритъ *Я. К. Гротъ*, представлены простодушнымъ, отчасти шуточнымъ тономъ главныя черты политическихъ дѣлъ, домашнихъ занятій и душевныхъ свойствъ Екатерины». (Современникъ 1845, № 11, стр. 143).

[2]) Относится къ извѣстной забавной свадьбѣ князя Голицына въ царствованіе Государыни Анны Іоанновны: когда построенъ былъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже были ледяныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время свадебной церемоніи, за нею слѣдовалъ богатый маскарадъ.

[3]) Относится къ тѣмъ временамъ Русскаго двора, въ который былъ обычай держать при дворѣ разныхъ забавниковъ, отличавшихся веселыми, а часто и грубыми шутками.

[4]) Императрица Екатерина, въ часы отдохновенія отъ дѣлъ, забавлялась упражненіями, свойственными просвѣщенному ея вѣку. Она писала шутливыя оперы и комедіи, какъ-то: *Ѳедулъ съ дѣтьми*; *Обманщикъ*, *Недоумѣніе*, и проч. Для великихъ князей Александра и Константина сочиняла особую азбуку съ разными нравоученіями и пр.

[5]) Сей куплетъ относится къ мирному времени по окончаніи первой Турецкой войны въ 1774 году. Въ теченіе сего времени возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, какъ-то: Воспитательный Домъ, публичныя больницы и проч.

И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать [1]),
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать [2]);
Который воду разрѣшаетъ [3])
И лѣсъ рубить не запрещаетъ [4]);
Велитъ и ткатъ, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги [5]), науки,
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя [6])
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ [7]).
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья насладжусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Г. Державинъ.

---

[1]) Относится къ разнымъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины къ народному благоденствію.

[2]) Импертарица издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго, предоставила таковые металлы въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде открытое золото и серебро должно было все поступить въ казну.

[3]) Императрица дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

[4]) Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ.

[5]) Разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ свѣдѣнія Мануфактуръ-Коллегіи нельзя было дѣлать.

[6]) Бешметь или бешметъ Татарское стеганое полукафтанье.. Державинъ, выдавая себя за мурзу, не упустилъ изъ виду, что на Востокѣ ордена и ленты замѣняютси шапками и кафтанами. Слово «бешметъ» долженъ онъ былъ узнать еще въ дѣтствѣ, живя въ Казанскомъ и Оренбургскомъ краѣ.

[7]) Когда *М. М. Сперанскій* въ 1819 г. составлялъ должность Пензенскаго губернатора, то мѣстное дворянство и купечество давали ему 29 апр. балъ; въ залѣ благороднаго собранія было два транспаранта, и на одномъ изъ нихъ, съ вензелемъ Сперанскаго, надписью служили три послѣдніе стиха 25-й строфы «Фелицы».

Клеветникамъ Россіи (1831 г.).

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль [1]) и Прага [2]).
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы [3])
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,

---

[1]) Кремль Московскій, свидѣтель славы Россіи и геройства ея сыновъ въ 1812 г.

[2]) Предмѣстье Варшавы, взятое штурмомъ подъ начальствомъ Суворова (въ 1794 г.) при императрицѣ Екатеринѣ II. «Прага у ногъ Вашего Величества!» писалъ Суворовъ въ своемъ донесеніи Государынѣ. «Ура, фельдмаршалъ Суворовъ»! отвѣчала Екатерина II, хотя онъ не былъ тогда фельдмаршаломъ.

[3]) Разумѣется 1812 годъ, когда Москва предана была сожженію во время нашествія въ нее Наполеона I.

Не въ сплахъ завинтить свой Измаильскій [1]) штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля,
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ. *А. Пушкинъ.*

Карамзинъ.

То былъ великій мужъ. . одинъ онъ видѣлъ ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшіе умы, какъ бѣдные цвѣты
Со стебля сбитые грозой, кружатъ въ пустынѣ —
Чужіе у себя, чужіе на чужбинѣ...
Но пусть свершаются надъ ними ихъ судьбы!
Есть Русской крѣпости незримые столбы,
Есть царства Русскаго основы вѣковыя...
Во всемъ величіи судебъ своихъ Россія
Ему являлася изъ сумрака временъ...
Тамъ исцѣленіе! тамъ правда! вѣрилъ онъ —
И этой вѣры полнъ, сошелъ во мракъ архивовъ —
И тамъ, какъ въ сказочной странѣ чудесъ и дивовъ,
Увидѣлъ образы князей бойцовъ лихихъ;
Князей ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ—
Тамъ умирающихъ въ пути среди булановъ...
Явились образы подвижниковъ святыхъ,
Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитья,
И образъ земскаго великаго царя,
Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псаря,
И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитья;
И образъ цѣлаго народа, что пронесъ
Сквозь всяческихъ невзгодъ имъ созданное царство,

[1]) Измаилъ—крѣпость Турецкая на берегахъ Дуная. Она взята была штурмомъ Суворовымъ при императрицѣ Екатеринѣ II. «Двадцать четыре часа на размышленіе», писалъ Суворовъ сераскиру-пашѣ, намѣреваясь штурмовать Измаилъ... «и—штурмъ. Мой штурмъ—смерть».

И всѣмъ, всѣмъ жертвовалъ во имя государства,
Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ ..
И эти образы вмѣстивъ въ душѣ всецѣло,
Онъ словно отлилъ ихъ изъ мѣди въ рѣчи смѣлой,
И вдругъ свою скрижаль воздвигъ какъ Моисей
На поученіе народовъ и царей...
Очнулся Русскій духъ... туманъ заколебался...
А. Н. Майковъ (1819—1897 г.).

§ 112. III. *Элегія* (отъ Греч. словъ ἒ ἒ λέγειν —увы говорить) есть такое лирическое произведеніе, въ которомъ выражается чувство печали.

Первоначально у Грековъ, элегія имѣла гораздо обширное значеніе, чѣмъ теперь. Элегія, возбуждающая чувства любви къ отечеству, называлась *героическою*. Представителемъ такой элегіи былъ *Тиртей* (680 лѣтъ до Р. Хр.). „Его пѣсни, говоритъ *Горацій*, возбуждали къ войнамъ Марса“ [1]). Элегія, имѣвшая цѣлію развить въ народѣ добрые нравы и предохранить отъ зла, носила названіе *дидактической* элегіи. Главными представителями такой элегіи были *Солонъ* и *Өеогнистъ* изъ Мегары. Въ элегіяхъ Солона Спартанецъ, рожденный воиномъ, нашелъ, какъ въ катихизисѣ, всѣ ученія и заповѣди, которыя могли его сдѣлать крѣпкимъ гражданиномъ своего города, или воиномъ. Въ одной элегіи Солонъ говоритъ: „богатство, дарованное богами, остается и растетъ: преступленія не приносятъ человѣку пользы, потому что Зевесъ видитъ конецъ всего. Съ такою же быстротою, какъ весенній вѣтеръ разгоняетъ облака, приближается и месть бога; но не всегда онъ тотчасъ наказываетъ: одинъ страдаетъ раньше, другой позже, и если даже наказаніе его не постигаетъ, то дѣти и внуки безвинно должны терпѣть за вину его“. Элегіи *Өеогниса* изъ Мегары (551 годъ до Р. Х.) за свои нравственныя и полезныя изреченія были даваемы въ школахъ для изученія. Въ элегіяхъ *Симонида* изъ Хіоса (ум. 469 до Р. Х.) преобладаетъ грусть и печаль. Онъ жалуется на непостоянство всего земнаго. Въ одной изъ своихъ элегій оплакиваетъ падшихъ при Мараөонѣ. Наконецъ у *Іона* Хіосскаго (460 до Р. Хр.) элегія уже имѣетъ характеръ веселаго стихотворенія.

Римляне смотрѣли на элегію, какъ на грустную пѣснь. Представителями Римской элегіи считаются *Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій* и *Овидій*. Первый жилъ при Юліи Цезарѣ, остальные при Августѣ. Въ элегіяхъ указанныхъ поэтовъ много сильнаго и искренняго скорбнаго чувства. Всѣ они сокрушаются о непостоянствѣ человѣческихъ привязанностей, а также—о безвозвратно протекшихъ временахъ первобытнаго состоянія Рима (Тибуллъ и Проперцій), „когда войнъ не бывало“,

---

[1]) «Славный Гомеръ и *Тиртей* воспламеняли своими стихами бранныя души». De arte poëtica, стих. 402—3, перев. *М. Дмитріева*.

„Но отцовскіе Лары, спасите! меня жъ вы питали,
Какъ у вашихъ я ногъ бѣгалъ безсильнымъ птенцомъ.
Не стыдитесь, что вы изъ стараго пня рукодѣлье,
Такъ у древняго вы жили и дѣда въ дому.
Лучше вѣрность тогда хранили, какъ съ бѣднымъ обрядомъ,
Въ тѣсномъ жилищѣ стоялъ только изъ дерева богъ.
Онъ ублажался, когда кто-нибудь приносилъ ему грозды,
Иль изъ колосьевъ вѣнкомъ волосъ святой украшалъ.
А иной при мольбѣ услышанной самъ несъ лепешки,
И малютка за нимъ дочка—отборнѣйшій сотъ".

(Рус. перев. *А. Фета.* Элегіи Тибулла. М. 1886, стр. 5—6),—въ частности Катуллъ часто печалится о погибшемъ на сраженіи любимомъ своемъ братѣ, а Овидій—жалобно стонетъ о невозможности возвратиться изъ ссылки (на Дунаѣ) въ обожаемый имъ Римъ („*О други! Августу мои мольбы несите!*" восклицаетъ А. С. Пушкинъ, подражая Овидію. см. его посланіе „къ Овидію"). Постоянное чувство грусти отличаетъ всѣ элегіи, сочиненныя Овидіемъ въ заточеніи. Бѣдный старецъ, бывшій нѣкогда свѣтиломъ между поэтами Рима, напрасно вопіялъ къ неумолимому своему повелителю. Для образца представляемъ одну элегію Овидія въ прозаическомъ переводѣ. „Я боленъ, пишетъ онъ женѣ: боленъ у предѣловъ міра, посреди Гетовъ и Сарматовъ. Небо ихъ уничтожаетъ меня, ссылка гнететъ; земля ихъ мнѣ противна. Нѣтъ у меня пищи, которая могла бы поддержать меня, нѣтъ цѣлебныхъ водъ. У меня есть только одна зловредная хижина и никого, кто бы могъ оказать мнѣ ученую и искусную помощь. Ни одного друга, который бы своими разсказами услаждалъ нестерпимую долготу моего дня. Ничего, ничего нѣтъ у меня, кромѣ воспоминаній и горькихъ сожалѣній! Великіе боги! Когда я уже оканчиваю срокъ моего земнаго изгнанія, неужели будетъ для васъ много, если я стану молить у васъ для себя малость земли въ моемъ отечествѣ". Въ предложенномъ отрывкѣ (перев. *Н. Знаменскаго*) видно тяжелое нравственное положеніе поэта и проявляется сильная любовь къ родинѣ.

У насъ элегическое направленіе представляется господствующимъ въ поэзіи. „Печалію согрѣта,—говоритъ *Пушкинъ*,—гармонія и нашихъ музъ и нашихъ дѣвъ". Съ *Жуковскаго* собственно начинается господство элегическаго рода. Содержаніе элегій Жуковскаго—тоска по утраченному идеалу. Лучшія элегіи Жуковскаго: „Сельское Кладбище" *(Грея)*, „Теонъ и Эсхинъ", „На кончину Королевы Виртембергской" (одна изъ лучшихъ элегій), „Жалобы Цереры", „Опять ты здѣсь, мой благодатный геній" (*Гёте*) и др. Наибольшее сродство съ элегіями Жуковскаго представляютъ элегіи *И. И. Козлова* (1774—1838), слѣпца-поэта. Покорность волѣ Провидѣнія, вѣра въ любовь и дружбу составляютъ обычное содержаніе его стихотвореній. Лучшія элегіи Козлова: „Вечерній Звонъ", „На

погребеніе сэра Джона Мура", „Ночь" и пр. Элегіи *Пушкина* проникнуты чувствомъ горести и чувствомъ надежды. „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье", „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ", "Опять на родинѣ" считаются превосходными образцами элегій. Элегіи *Баратынскаго* и *Лермонтова* отличаются другимъ характеромъ: въ нихъ выражается мрачный взглядъ на жизнь. Баратынскаго Пушкинъ называетъ лучшимъ нашимъ элегическимъ поэтомъ. Элегіи Баратынскаго: „На смерть Гёте", „Истина", „Черепъ", элегіи Лермонтова: „На смерть Пушкина", „Выхожу одинъ я на дорогу".

Между элегическими поэтами ближайшаго къ намъ времени назовемъ *А. Н. Плещеева* и *А. Н. Майкова*. Изъ элегій *Плещеева* замѣчательны: „Дни скорби и тревогъ", „Нищіе"; элегіи Майкова, выражающія глубокое благоговѣйное чувство, достойны внимательнаго изученія.

Примѣч.—Пріемы при разборѣ поэтическихъ произведеній указаны въ книгѣ: «Руководство къ чтенію поэтич. сочиненій», по *І. Эккардту*. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. *В. Острогорскаго*. Спб. 1897, изд. 3-е.—Во 2-й ч. нашей Христоматіи помѣщены образцы элегій *Тиртея*, *Шиллера* (1759—1805, «Торжество Побѣдителей», «Жалоба Цереры»), *Гёте* (1748—1832, «Опять ты здѣсь, мой благодатный геній»), *В. А. Жуковскаго* (1783—1852, «Пѣвецъ»), *К. Батюшкова* (1787—1855, «Умирающій Тассъ», «Надежда», «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Тѣнь Друга»), *И. Козлова* («На погребеніе Джона Мура», «Вечерній Звонъ»), *Е. Баратынскаго* (1808—1844, «Истина», «На смерть Гёте»), *А. Пушкина* («Уединеніе» и др.), *А. Полежаева* (1810—1832, «Осужденный», «Тоска», «Погребеніе», «Вечерняя Заря»), *И. П. Клюшникова* («Ночная Молитва», «Собирателямъ элегій», «Мой Геній»), *И. Никитина* (1826—1862, «На пепелищѣ», «Вырыта заступомъ яма глубокая»), *Н. Некрасова* (1821—1877, «Муза», «Памяти пріятеля», «Слезы матери», «Родина-Мать», «Не сжатая полоса»), *А. Плещеева* («Дни скорби и тревогъ», «Нищіе», «Отчизна», «Природа-мать») и *Т. Шевченки* (1814—1861, «Думи мої», «Думка», «Есть на світі доля»).

Библіогр.—Исторія Греческой Литературы. Поэзія. *Э. Мункъ*. Рус. переводъ. Спб. 1861, стр. 34—41.—Всеобщая Исторія Литературы. *І. Шерра*. Перев. *А. Пыпина*. Спб. 1863, стр. 82 и 111.—Всеобщая Исторія Литературы. *В. Ѳ. Корша* и *А. И. Кирпичникова* 1880—1892, стр. 1489, 1492, 1530 и д.—Кай Валерій Катуллъ. Современникъ 1850 (весьма обстоятельная статья).—Стихотворенія Катулла. Перев. и примѣчанія *А. Фета*. М. 1886.—Элегіи Тибулла. Перев. и примѣч. *А. Фета*. М. 1886.—Разборъ въ Правител. Вѣстн. 1886, №№ 41 и 42.—Элегіи Секста Проперція. Перев. и примѣч. *А. Фета*. М. 1888.—Овидій и его произведенія. *П. Знаменскаго*. Библіотека для Чтенія 1856, № 2.—Изъ печалей Овидія, перев. *К. С—скаго*. Ж. М. Н. Пр. 1884, № 12.

№ 113. Приведемъ образцы элегіи.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье,
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

А. Пушкинъ.

Разборъ.—Почему это стихотвореніе называется элегіей?—Одно ли чувство скорби здѣсь выражается?—Въ чемъ поэтъ видитъ утѣшеніе среди горестей? — Гдѣ показана благотворная сила поэзіи? — Въ какихъ словахъ выражена любовь къ жизни?—Бодрость духа въ несчастіяхъ и надежда на лучшее—сущность этой элегіи.

Опять на родинѣ.

Опять на родинѣ! я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли [1]), гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ [2]).
Ужь десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ [3]), и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вечоръ еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.—
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей [4]).
Уже старушки нѣтъ, ужь за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межь нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни: тамъ, за ними,
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны

---

[1]) Сельцо Михайловское, Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда, помѣстье матери Пушкина. Здѣсь поэтъ, по возвращеніи изъ Одессы, жилъ съ августа 1824 г. по конецъ августа 1826 г.

[2]) О двухъ годахъ пребыванія *Пушкина* въ сельцѣ Михайловскомъ см. любопытныя его письма къ *В. А. Жуковскому*, а также письма *П. А. Осиповой* въ Рус. Архивѣ 1872, № XII.

[3]) Элегія «Опять на Родинѣ» написана 26 сент. 1835 г.

[4]) Ариною Родіоновною.

Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,—
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.—
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полонъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

А. Пушкинъ.

Когда гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И за-одно съ нимъ рвется въ небеса...

А. Майковъ.

§ 114. IV. *Сатира.*—Сатирой называется лирическое стихотвореніе, изображающее слабости, странности и пороки людей. У сатиры два оружія: одно грозное и энергическое—обличеніе,—другое, болѣе легкое, хотя иногда не менѣе страшное—насмѣшка, шутка.

Сатира источникомъ своимъ имѣетъ *любовь поэта ко всему высокому* и *прекрасному*, такъ какъ поэзія есть выраженіе прекраснаго въ словѣ (§ 78 и 79); она выражаетъ скорбь или сѣтованіе поэта [1]), пораженнаго противорѣчіями между идеаломъ и дѣйствительною жизнію,—или

---

[1]) Слова кн. *А. Д. Кантемира*:
«Знаю, что правду пишу и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ *плачу*». Сатира IV, стих. 35—35.

между тѣмъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, какъ существо разумно-нравственное, и тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Поэта-сатирика потрясаетъ нравственное паденіе человѣка или общества, до котораго они низошли; онъ ратуетъ за *достоинство природы человѣка*, за ея божественныя черты,—короче: за тотъ возвышенный идеалъ, который долженъ проникать каждаго изъ насъ и устремлять къ постоянному совершенствованію.—Изъ предложенныхъ мыслей видно, что желчь, зависть, досада, желаніе унизить извѣстное лице и другія подобныя побужденія, чисто личнаго качества, не достойны истиннаго сатирика.

..... Твой даръ
Сатира. Помни жъ, что *сатира*—
Дочь разума. Ея ударъ
Разитъ передъ глазами міра,
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива [1]).

(Децій *Ювеналу* въ трагедіи *А. Н. Майкова:* „Два. Міра". Изд. 1893, т. III, стр. 263).—

Сатира, какъ отдѣльное лирическое стихотвореніе, отличается отъ сатиры, которая нерѣдко означаетъ цѣлое *направленіе* въ литературѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сатира обнимаетъ собою разные виды Словесности и проявляется въ запискахъ (мемуарахъ), письмахъ, исторіи, проповѣди, романѣ, пѣснѣ, одѣ, баснѣ и пр.

§ 115. *Развитіе сатиры.*—Названіе „сатира" произошло отъ Латинскаго слова „satur", сытый, насыщенный; оттуда—блюдо, наполненное разными плодами и приносимое въ жертву Вакху и Церерѣ, называлось „laux satura"; сатирою же въ древности называли и родъ пищи, составленный изъ разныхъ матеріаловъ. Въ переносномъ смыслѣ имя сатиры получили сочиненія, въ которыхъ стихи смѣшивались съ прозою,—или же такого рода произведенія, которыя писались различными стихами. Наконецъ со временъ Римскаго поэта *Люцилія* (за 150 лѣтъ до Р. Хр.) слово „сатира" перемѣнило свое значеніе: его стали придавать смѣшенію предметовъ, а не формъ, потому что въ сочиненіяхъ этого рода находилось осмѣяніе или порицаніе различныхъ странностей и пороковъ людей, и подъ сатирою стали понимать насмѣшливый или карающій родъ поэзіи.

---

[1]) «Художественное воспроизведеніе,—*если оно удалось,*—злѣе самой злой сатиры». *И. С. Тургеневъ* въ письмахъ, изд. 1885 г., т. I, стр. 251.

Примѣч.—Что касается до Латинской буквы *u* въ словѣ «сатира» (отъ satur), то она (т. е. буква *u*) часто у Римлянъ измѣнялась въ *i*, напр.: pess*u*mus, opt*u*mus, max*u*mus вм. pess*i*mus, opt*i*mus, max*i*mus, или: P*u*rrus, S*u*lla, Phr*u*ges вм. Pyrrus, Sylla, Phryges.

У Грековъ зародыши сатиры мы находимъ въ *ямбахъ*: слово „ямбъ" образовалось отъ Греческаго глагола „ιάπτειν"—бросать, метать; стихъ получилъ названіе „ямба" потому, что въ немъ насмѣшка и порицаніе какъ будто бросались въ того, кто служилъ предметомъ сатиры. Ямбами первоначально назывались шутки и насмѣшки, которыми сопровождались празднества въ честь богини Цереры. Существовало и собственное имя „Ямба", прислужница богини Деметры (Цереры). Когда богиня печалилась послѣ похищенія у нея дочери Прозерпины, то Ямба развлекала ее своими шутками и забавами, которыя потомъ и получили ея имя. У Грековъ были писатели ямбовъ, называвшіеся ямбографами. Между ними особенную извѣстность пріобрѣлъ *Архилогъ* изъ Пароса (VII в. до Р. Хр.), человѣкъ высокаго образованія, сравниваемый съ Гомеромъ по своей геніальности. Есть разсказъ, что два лица, оскорбленныя его язвительными ямбами, рѣшились покончить со своею жизнію. *Симонидъ* изъ Аморга (VII в. до Р. Хр.) писалъ рѣзкіе ямбы, въ которыхъ сильно издѣвался надъ женщинами. Въ ямбахъ Архилога, Симонида и другихъ положенъ начатокъ того вида поэзіи, который въ Римѣ развился до высокой степени совершенства и получилъ названіе *сатиры*.

Художественнымъ произведеніемъ сатира стала подъ перомъ трехъ знаменитыхъ Римскихъ поэтовъ: *Горація*, *Персія* и *Ювенала*. *Квинтъ Горацій Флаккъ* мастерски владѣлъ сатирою, не столько поражая общественное зло „острымъ ножомъ гнѣва, сколько укалывая его тонкимъ остріемъ ироніи". Постоянно сдержанный, умѣренный, улыбающійся, онъ, при всей учтивости и добродушіи, рисуетъ однако людскія страсти и ихъ смѣшныя стороны съ поразительною вѣрностію. Отличительная черта его сатиры: смѣясь высказать правду (ridendo dicere verum, кн. I, сат. 1, стих. 24). Вѣкъ Августа, столь прославляемый историками и поэтами, является въ сатирахъ Горація разоблаченнымъ отъ своего яркаго величія. Мы ясно видимъ корысть, лихоимство, роскошь, пресыщеніе, поклонничество, рабство и сильную распущенность нравовъ Римскаго общества, читая прекрасныя сатиры Горація [1]).—Тѣмъ замѣчательнѣе благодарное воспоминаніе сатирика объ его отцѣ. Приведемъ этотъ отрывокъ (изъ VI-й сатиры 1-й книги): „Если моя природа, во-

---

[1]) Онѣ переведены на Русскій языкъ въ 1858 году *М. Дмитріевымъ*, съ подробными примѣчаніями, и *А. Фетомъ* (съ объясненіями) въ 1883 г.—*В. И. Водовозовъ* перевелъ двѣ сатиры Горація: I-ю сатиру 2-й книги и VI-сатиру 1-й книги. Ж. М. Н. Просвѣщ., 1869, апрѣль.

обще прямая, страдаетъ небольшими и немногими недостатками, подобно тому, какъ и на прекраснѣйшемъ тѣлѣ ты съ неудовольствіемъ встрѣтишь мѣстами родимыя пятна; если никто не можетъ справедливо укорить меня ни въ корыстолюбіи, ни въ грязномъ развратѣ; если, чтобъ сказать что-нибудь въ похвалу себѣ, жизнь моя чиста, безупречна и дорога́ моимъ друзьямъ, то виновникомъ всего этого былъ мой отецъ. Будучи человѣкомъ бѣднымъ, владѣя только небольшимъ полемъ, онъ не захотѣлъ, однако, посылать меня въ школу Флавія, куда, перевѣсивъ сумку и счетную доску черезъ лѣвую руку, хаживали знатныя дѣти великихъ центуріоновъ (т. е. провинціальныхъ аристократовъ), относя въ каждыя иды (средина мѣсяца) жалованье своимъ учителямъ; но въ то время, какъ я былъ еще срокомъ, рѣшился отвести меня въ Римъ съ тѣмъ, чтобъ я тамъ учился тѣмъ же наукамъ, которымъ учатъ своихъ дѣтей всадники и сенаторы. Еслибъ кто-нибудь увидѣлъ въ то время, на сколько можно это замѣтить въ большой толпѣ, мою одежду и слугъ, которые за мною слѣдовали, то подумалъ-бы, что эти издержки на мое воспитаніе берутся изъ какого-нибудь богатаго дѣдовскаго наслѣдства. Отецъ мой неотступно былъ при мнѣ неподкупнѣйшимъ стражемъ среди моихъ наставниковъ: словомъ, онъ предохранилъ меня—что составляетъ первое украшеніе нравственнаго человѣка—не только отъ дурныхъ поступковъ, но и отъ дурной славы. Онъ не боялся, что его попрекнули бы со временемъ (моимъ воспитаніемъ), еслибъ я сдѣлался глашатаемъ, или, подобно ему, занялъ незначительную должность сборщика податей, да и я бы на это не жаловался. Тѣмъ больше я долженъ хвалить и благодарить его теперь (т. е. сдѣлавшись значительнымъ человѣкомъ). Да, пока есть во мнѣ здравый смыслъ, никогда я не пожалѣю о томъ, что имѣлъ такого отца". (Переводъ проф. *Н. А. Благовѣщенскаго*. Горацій и его время. Спб. 1864, стр. 20—21).

Авлъ Персій Флаккъ, второй знаменитый Римскій сатирикъ, жившій при Тиверіи, Калигулѣ, Клавдіи и Неронѣ отъ 34-го по 62-й годъ (по Р. Хр.), въ своихъ сатирахъ (числомъ шесть) желаетъ вразумить современниковъ и дѣлаетъ имъ наставленіе. Персій держался ученія стоиковъ, основаннаго на строгихъ нравственныхъ началахъ; потому въ его произведеніяхъ весьма мало намековъ на современную ему жизнь. Сатирикъ вооружается вообще противъ разныхъ человѣческихъ слабостей и страстей, напр.: противъ корыстолюбія, изнѣженности, честолюбія. Онъ особенно воодушевляется, когда приходится ему хвалить добродѣтель,—за эту сторону своихъ произведеній Персій былъ уважаемъ учителями церкви, которые приводили его изреченія. Блаженные *Августинъ* (IV—V в.), *Іеронимъ* (IV—V в.) и другіе не могли не обратить вниманія на слѣдующія мѣста его сатиръ: „Поучайтесь, жалкіе люди, и познайте причины сущаго; познайте, что̀ мы такое и для какой жизненной цѣли родимся на свѣтъ, какое представлено намъ положеніе въ жизни; познайте

мѣру деньгамъ, чего должно желать и что полезнаго заключаютъ въ себѣ эти ужасныя деньги; на сколько слѣдуетъ быть щедрымъ относительно отечества и любезныхъ родныхъ; познай, человѣкъ, чѣмъ повелѣлъ тебѣ быть Богъ, и какая доля предоставлена тебѣ между людьми". (Сатира III, стих. 66—72). Превосходно (въ самомъ концѣ второй сатиры) обращеніе къ понтифексамъ: „Грѣшитъ плоть, грѣшитъ, но однако она пользуется своею грѣховностію; а вы, понтифексы, скажите, какое значеніе имѣетъ золото для храмовъ?... Зачѣмъ мы не приносимъ богамъ въ даръ то, чего не въ состояніи принести имъ на (своемъ) огромномъ (жертвенномъ) блюдѣ близорукое потомство великаго Мессалы (консулъ, умный и честный человѣкъ):—водворенные (сложенные) въ душѣ правду и долгъ, святость (даже) въ тайныхъ помыслахъ и сердце, пропитанное благородствомъ и честью? Дай мнѣ все это внести въ храмы, и я горстью муки умилостивлю боговъ". [1])—Языкъ сатиръ Персія отличается темнотою.

Децій Юній Ювеналъ, родившійся въ 42 году по Р. Хр. при императорѣ Клавдіи, жившій при Неронѣ, Гальбѣ, Оттонѣ, Вителліи, Веспасіанѣ, Титѣ, Домиціанѣ и умершій при Траянѣ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ (въ 138 году) [2]),—является самымъ грознымъ сатирикомъ. О содержаніи своихъ сатиръ Ювеналъ такъ говоритъ (1 сатира, стих. 85—86): „Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкаліонова: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета,—вотъ что составитъ пестрое содержаніе (farrago) моей сатиры". Онъ нещадно бичуетъ порокъ и караетъ современниковъ. Ювеналъ въ первой сатирѣ (стихъ 79—80) говоритъ: „если природа отказываетъ въ талантѣ, то негодованіе порождаетъ стихъ" (si natura negat, facit indignatio versus),—и, дѣйствительно, его сатиры—поразительная картина нравственнаго паденія Римскаго общества. „Гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень", пишетъ сатирикъ;—„въ наше время", продолжаетъ онъ, „трудно не писать сатиру. Честность представляется только риторами и... замерзаетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди (выведенные въ сатирѣ) своими садами, дворцами, дорогими столами, старинныъ серебромъ и кубками съ богатымъ дорогимъ чеканомъ". Было отчего „горѣть гнѣвомъ печени" поэта, когда Римляне его вѣка проигрывали въ одинъ вечеръ по сто тысячъ сестерцій [3]) и отказывали въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу,—когда дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій открыто носили на носилкахъ,—когда знатныя матроны подавали мужьямъ своимъ ядъ въ мягкомъ винѣ... Трудно было не писать сатиры, или, по выраженію

---

[1]) Сатиры Персія. Перевелъ и объяснилъ *Н. А. Благовѣщенскій*. Спб. 1873, стр. 140.—Переводъ Персія. *А. А. Фета*. М. 1889.

[2]) Ювеналъ въ переводѣ *А. Фета*, разборъ гр. *А. В. Олсуфьева*. Ж. М. Н. Просв. 1886, май, стр. 106.

[3]) Небольшая серебряная монета, на Русскія деньги отъ 40 до 20 к. ас.

поэта, не зажигать „Венузинской лампы“ [1]), когда грабитель-опекунъ давилъ народъ по Римскимъ улицамъ, и разоритель цѣлыхъ провинцій (Африки), по имени Прискъ, блаженствовалъ себѣ въ отставкѣ подъ судомъ (fruitur diis iratis),—когда роскошь заставляла патрона проѣдать на однихъ обѣдахъ все отцовское наслѣдство, а бѣдняку-кліенту приходилось быть довольну кочаномъ капусты и двумя-тремя полѣнами дровъ... Должна была пламенѣть благороднымъ гнѣвомъ грудь сатирическаго поэта, когда порокъ достигъ крайняго предѣла, и отравитель трехъ своихъ дѣтей спокойно лежалъ на пуховикахъ высоко-поднятаго ложа, а ни въ чемъ неповинные христіане горѣли въ пламени, облитые разными горючими веществами, или растерзывались дикими звѣрями въ циркѣ... Разные пороки, обличаемые Ювеналомъ, рисуютъ ужасный вѣкъ...

Библіогр.—Книга *И. В. Помяловскаго*: «Маркъ Теренцій Варронъ и Мениппова сатура». Спб. 1869. Разборъ *Н. М. Благовѣщенскаго* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1870, ч. 147.—*Н. М. Благовѣщенскій.* Двѣ публичныя лекціи о Ювеналѣ. Спб. 1860 г.—О сатирахъ Ювенала, статьи *Опацкаго* (Журн. М. Нар. Просв. 1874, № 3 и 4) и *Д. Нагуевскаго* (Ж. М. Нар. Просв. 1875, № 3, 1878 (отдѣл. классич. филологіи), 1888, янв. и Филологич. Записки, изд. въ Воронежѣ 1876, вып. V, 1877 и 1878.—О Римской сатирѣ въ лекціяхъ по Исторіи Римской Литературы. *В. Модестова.* Спб. 1888.—Всеобщая Исторія Литературы. *В. Корша* и *А. И. Кирпичникова.* Спб. 1880—1892.—Третья сатира Ювенала. *Н. М. Благовѣщенскаго.* Ж. М. Н. Пр. 1884, апрѣль.—Сатиры Ювенала въ переводѣ и съ объясненіями. *А. Фета.* М. 1885.—Седьмая сатира Ювенала *Н. М. Благовѣщенскаго.* Ж. М. Н. Пр. 1885, янв.—Восьмая сатира Ювенала. *Его же.* Ж. М. Н. Пр. 1886, февр.—Десятая сатира Ювенала. *Его же.* Ж. М. Н. Пр. 1890, янв.—Другія библіогр. указанія см. во 2-й части нашей Христоматіи, изд. 6-е. Спб. 1897, стр. 304.

116. *Русскіе сатирики.* У насъ сатира представляется крупнымъ явленіемъ литературы. Первый нашъ свѣтскій писатель XVIII вѣка, князь *А. Д. Кантемиръ*, былъ сатирикомъ. Онъ нарисовалъ въ своихъ сатирахъ живую картину нравовъ Русскаго общества начала XVIII вѣка.—Дѣло Кантемира поддерживали многіе наши писатели: *И. И. Дмитріевъ*, написавшій язвительную сатиру „Чужой Толкъ“,—*А. Н. Нахимовъ* (1782—1814), *М. В. Милоновъ* (1792—1821), *А. Ѳ. Воейковъ* (1778—1839), кн. *П. А. Вяземскій* (1792—1878) и многіе другіе.

Около шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе разныхъ благодѣтельныхъ преобразованій Императора Александра II, усилилось сатирическое направленіе въ нашей Словесности. Явилась обширная обличительная литература, громко вопіявшая противъ разныхъ недуговъ Русскаго общества. Главными дѣятелями на этомъ полѣ были:

---

[2]) *Горацій* родомъ изъ Венузіи.

*

Н. А. Некрасовъ (1821—1877), а особенно *М. Е. Щедринъ* (Салтыковъ, 1826—1889). „Губернскіе Очерки“ послѣдняго, явившіеся сначала въ Русскомъ Вѣстникѣ (1856 г.), надѣлали много шуму... Впослѣдствіи онъ издалъ книги: „Сатиры въ прозѣ“, „Исторія одного Города“ и пр. (Подробности см. въ книгахъ *О. Ѳ. Миллера*: Русскіе писатели послѣ Гоголя. Спб. 1886 г., ч. II,—*Н. Н. Страхова*: „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“. Спб. 1888, стр. 187 и д.,—*К. К. Арсеньева:* „Критическіе этюды по Русской Литературѣ“. Спб. 1888, т. II-й).

§ 117. Приведемъ въ образецъ первую сатиру кн. *А. Д. Кантемира* (1708—1744): „Къ уму своему“ [1]).

Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти [2]).
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли [3])
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду [4]).
Правда, въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда [5])
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту

[1]) Всѣ нижеслѣдующія примѣчанія находятся въ «Собраніи сочиненій кн. *А. Д. Кантемира*». Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста.

[2]) Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тоже, что сочинитель или издатель книги, съ Латинскаго Авторъ.

[3]) Ст. 7 и 8. Девять сестеръ, Музы, богини и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ: Кліо, Уранія, Евтерпе, Эрато, Ѳалія, Мельпомена, Терпсихора, Калліопа и Полимнія. Обыкновенно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

[4]) Ст. 14. *Овцу не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ; каковъ отъ отца ему доставленъ достатокъ, таковъ останется; ни чего къ нему не прибавитъ.

[5]) Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ Монархѣ.* О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступилъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ былъ 12 октября 1715 года.

Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно [1]).
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно [2]):
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ [3]),
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали:
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ [4]):
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ:
Живали мы прежъ сего, не зная Латынѣ,

---

[1]) Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого.* Въ Аполлиновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой Высочайшей Особѣ наукамъ. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привилегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ притомъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ.

[2]) Ст. 20. Подъ именемъ Парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъявляетъ великодушіе Монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки, и пріумножить ученыхъ людей.

[3]) Ст. 26. Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ Сатирахъ) означается притворнаго богопочтенія человѣкъ, невѣжда и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

[4]) Ст. 41. *Силванъ другую вину*... Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ (т. е. не дворянъ) то есть дѣло [1],
Знатнымъ полно (т. е. довольно) подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы [2])
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну [3])
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Прирастетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства [4]);
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди,
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, годы все то враки;
Глава-ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать (нять) хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо
Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло [5]).
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,

---

[1]) Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учитъ Риторика, а наипаче Логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

[2]) Ст. 51. Въ семъ стихѣ о Метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще и о свойствахъ души и духовъ.

[3]) Ст. 53. Физика испытываетъ составъ міра и причину или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

[4]) Ст. 60. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

[5]) Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако нельзя потому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу [1]?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце-ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часть солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ [2];
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично (отлично, весьма) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ [3]:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали [4]),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишусь [5]?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ...

---

[1]) Ст. 72. *За однимъ пятномъ*. Въ солнцѣ и планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ.

[2]) Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ*. Четверть есть часть земли или пашни въ 40 сажень ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ Александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага Математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Трудовъ его у насъ между прочимъ остались *Элементы*, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей Геометріи.

[3]) Ст. 83. *Румяный, трожды рыгнувъ, Лука*. Лука былъ пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

[4]) Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали*. Богъ насъ создалъ для сообщества.

[5]) Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянуть,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ [1])
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры [2]).
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ [3]),
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ (достойна) [4]).
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши (галки)
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ [5]).
Сколько-жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю [6]).
Знаю, что можешь, умé, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулитъ,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно;
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно [7]),
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому-жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя (ради),

---

[1]) Ст. 107. *Медоръ*. Щеголь тѣмъ именемъ означенъ.

[2]) Ст. 110. Сенека былъ философъ секты Стоической, учитель Нерона, императора Римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65: сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги.

[3]) Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій*. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729.

[4]) Ст. 112. *Рексу, не Цицерону*. Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ Нѣмчинъ.

[5]) Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ хвала*. Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала; не обыкли люди или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

[6]) Ст. 120. *Нежли купцу*. Извѣстно, что купцы наши по большой части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ.

[7]) Ст. 126. *Твой судъ*. Твое разсужденіе.

Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно-ль того? Райскихъ вратъ ключари святые [1]),
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые [2]),
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу [3]).
Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата [4])
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата [5]),
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою [6]),
Клюку пышно повели везти предъ тобою [7]),
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву [8]):
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ [9]),
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если-жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,

---

[1]) Ст. 131. Церковные пастыри, Епископы.

[2]) Ст. 132. То есть судьи. *Ѳемисъ*—богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

[3]) Ст. 133. Истинною украсою называетъ стихотворецъ *науку*, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

[4]) Ст. 135. *Риза полосата*. Обыкновенно мантіею называется.

[5]) Ст. 136. Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти написанный Спасителя или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ *панагіею* называютъ отъ Греческаго слова *παναγΐα* пресвятая, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

[6]) Ст. 137. Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. *Св. Димитрій*, Митрополитъ Ростовскій (писатель Житія Святыхъ), цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

[7]) Ст. 138. *Клюку предъ тобою*, то есть патерицу. Когда Архіерей выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую въ знакъ его церковной власти.

[8]) Ст. 140. Разумѣется, руку.

[9]) Ст. 144. *Выпись* есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята, или подверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора и проч.

Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы [1]),
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу [2]).
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду:
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то (невѣжество), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана̀, въ лоскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ [3]),
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая высша степень, мзда ужъ не велика;
Седьми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ (дьячекъ);
Еще не Епископъ я, а знаю Часовникъ.
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю [4]).
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ [5]).

---

[1]) Ст. 155. То есть перебирать или читать множество книгъ.

[2]) Ст. 157 до 160. Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

[3]) Ст. 172. *Дудочка* значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда Сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

[4]) Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое (толкованіе) переведено съ Греческаго весьма неясно.

[5]) Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подьячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было четко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того если желаешь такой книги не разумѣть, отдай ее подьячему переписать.

Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ седьмь бояръ [1]) случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится,
Коли что дала ти знать Мудрость Всеблагая [2]),
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

Кн. *А. Кантемиръ* [3]).

Разборъ.—Почему это стихотвореніе называется сатирою?—Какія лица выведены въ ней?—Что говорится о каждомъ?—Во имя какого идеала писатель обличаетъ недостатки?—Языкъ сатиры.—Какимъ размѣромъ написана?—§ 83 «Учебника».

Примѣч.—Во 2-й части нашей Хрестоматіи напечатаны еще слѣд. образцы сатиръ: «О благородствѣ», шестая сатира *Горація*, въ перев. и съ примѣч. *В. Водовозова* (съ присоединеніемъ примѣч. *Н. М. Благовѣщенскаго*),—«Встрѣча», девятая сатира *Горація*, въ переводѣ и съ примѣчаніями *М. Дмитріева*,—«Первая сатира» *Ювенала*, въ прозаическомъ переводѣ и съ объясненіями *Н. М. Благовѣщенскаго*,—«Древній Римъ», третья сатира Ювенала, въ переложеніи *Д. Минаева*, — «Ямбы» Франц. писателя *Барбье*, въ перев. *Ѳ. Берга* и *Д. Минаева*,—«Чужой Толкъ» *И. И. Дмитріева*,—«Да какъ бы не такъ» Кн. *П. А. Вяземскаго*,—«Элегія» *А. Н. Нахимова*, съ примѣч. барона М. А. Корфа,—«Дума» *М. Ю. Лермонтова* и «Утренняя Прогулка» *Н. Некрасова*. При нѣкоторыхъ сатирахъ приложены *темы* для разбора.

118. V. *Эпиграммою* (отъ Греч. словъ: ἐπί—на, надъ и γράμμα—письмо) собственно называется *надпись*. Этотъ видъ поэзіи одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ. Греческая эпиграмма своимъ происхожденіемъ обязана религіозному чувству древнихъ Грековъ. Всякое значительное событіе въ своей жизни, политической или частной, Греки любили увѣковѣчивать приношеніями въ честь боговъ. На такихъ приношеніяхъ обозначали только имя лица, посвятившаго ихъ, и событіе, давшее къ тому поводъ. Вотъ первоначальная эпиграмма во всей ея простотѣ,—это—*надпись* въ собственномъ смыслѣ слова. Подобныя надписи явля-

---

[1]) Ст. 186. *Седьмь бояръ*. Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

[2]) Ст. 193. *Мудрость Всеблагая*, то есть Богъ, который не только Премудръ, но самая Премудрость, къ тому-жъ и Всеблагій.

[3]) О сатирѣ и сатирахъ кн. Кантемира хорошая статья написана *С. С. Дудышкинымъ* въ Современникѣ 1848, № XI.

лись всюду: на треножникахъ, посвященныхъ божеству, на изваяніяхъ боговъ, на храмахъ, на статуяхъ знаменитыхъ мужей, на трофеяхъ, отнятыхъ у непріятеля, на могильныхъ плитахъ и пр. Но въ своемъ первоначальномъ видѣ эпиграмма не могла долго существовать у такого народа, каковы были Греки. Чувство изящнаго, которое всасывалъ Грекъ съ молокомъ матери, требовало отъ него эпиграммы, содержащей глубокую мысль въ изящномъ выраженіи. Послѣдствіемъ такого требованія являлись эпиграммы, составленныя въ формѣ небольшихъ стихотвореній, полныхъ мысли, чувства, и въ то же время написанныхъ гекзаметро-пентаметромъ [1]. Содержаніе такого рода эпиграммъ было разнообразно. Миѳологія, исторія, радости любви и дружбы, наслажденіе жизнію, развалина древняго города, колыбель младенца, застольное веселье, явленія природы--все служило содержаніемъ небольшихъ поэтическихъ произведеній, носящихъ названіе эпиграммъ. Тѣ сборники, въ которыхъ собираемы были подобные цвѣтки поэзіи, получили названіе *антологій* (отъ Греч. словъ: ἄνθος—цвѣтъ и λέγω—собираю). Первая такая антологія принадлежитъ *Мелеагру* Сирійскому, жившему при Юліи Цезарѣ [2]).

Эпиграмма въ новѣйшее время имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Она есть видъ сатиры и выражаетъ остроту, иронію, укоризну. Сатирическая эпиграмма извѣстна была и въ древнѣйшія времена, но преимущественно развилась по Р. Хр. при Римскихъ императорахъ и принадлежитъ особенно Латинской литературѣ (представитель эпиграммы у Римлянъ *Марціалъ*, жившій въ половинѣ I-го вѣка). Отъ Римлянъ заимствована въ Европейскую литературу.

Русская литература представляетъ прекрасные образцы эпиграммъ, или антологическихъ стихотвореній, въ произведеніяхъ *К. Н. Батюшкова*, *А. С. Пушкина*, *А. Н. Майкова* и другихъ.

Библіогр.—Греко-Византійскіе и славянскіе сборники изреченій, *А. В. Михайлова*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, № 1 (антологіи).—Избранныя эпиграммы Греческой антологіи. Со введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 1896. *В. Алексѣева*, (Общее число переведенныхъ эпиграммъ болѣе пяти сотъ. Переводу предшествуетъ подробное введеніе, излагающее исторію антологіи).

---

[1]) *Пентаметръ* (πέντε—пять и μέτρον—мѣра)—стихъ, состоящій изъ пяти стопъ. У древнихъ пентаметръ употреблялся вмѣстѣ съ гекзаметромъ (§ 36 «Учебн.») въ элегіяхъ, эпиграммахъ и пр.

[2]) У насъ въ старину сборники разныхъ изреченій изъ писаній отцевъ Церкви, а также философовъ и поэтовъ, назывались «Пчелами». Начало ихъ восходитъ къ XIV-му вѣку. См. изслѣдованіе *М. И. Сухомлинова* въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ 1853 г. и *П. Безсонова* въ Москвитянинѣ 1856.—*Ѳ. И. Буслаевъ*. Историческіе Очерки. Спб. 1861, т. II, стр. 91.

§ 119. Приведемъ образцы антологическихъ стихотвореній.

Къ изваянію Зевеса Олимпійскаго, творенію Фидія.

Иль Богъ съ неба сошелъ показать тебѣ образъ свой, Фидій,
Или ты самъ въ небеса Бога узрѣть возлетѣлъ.

Перев. *Печерина* (1833 г.).

Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

А. Пушкинъ.

Трудъ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Окончена мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Иль жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

А. Пушкинъ.

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайной
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

А. Майковъ.

Надпись въ Евангеліе.

Пусть эта книга священная,
Спутница вамъ неизмѣнная

Будетъ вездѣ и всегда.
Пусть эта книга спасенія
Вамъ подаетъ утѣшеніе
Въ годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные
Какъ отголоски небесные
Въ грустной юдоли земной,
Пусть въ ваше сердце вливаются,—
И небеса сочетаются
Съ чистой вашей душой.

К. Р.

§ 120. Образцы сатирической эпиграммы:

Сексту.

Секстъ, ничего ты не долженъ; не долженъ ты, Секстъ, — утверждаю:
Должнымъ бываетъ вѣдь тотъ, кто уплатить можетъ долгъ.

Изъ *Марціала.* (Ж. М. Н. Пр. 1886, іюль).

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одной больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

И. Дмитріевъ.

Ex Ungue Leonem.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

А. Пушкинъ.

Примѣч.—У насъ любовь въ эпиграммѣ процвѣтала особенно въ XVIII-мъ вѣкѣ. *Кондратовичъ,* мало извѣстный писатель нашъ этого времени, сочинилъ много эпиграммъ. У него собрано было его собственныхъ и переводныхъ эпиграммъ до *десяти тысячъ.* Этотъ сборникъ, изъ котораго напечатано только 300 эпиграммъ подъ заглавіемъ *Старикъ Молодой,* находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ. (*Н. С. Тихонравовъ.* Библіографическія Записки 1858, № 8).—Другія библіографич. свѣдѣнія объ эпиграммѣ и разные образцы ея приведены во 2-й ч. нашей «Христоматіи», изд. 6-е. Спб. 1897, стр. 360—368.

§ 121. VI. *Сонетъ* есть лирическое стихотвореніе, состоящее изъ четырнадцати стиховъ, раздѣленныхъ на четыре строфы: двѣ первыя строфы имѣютъ по четыре стиха, а двѣ послѣднія по три. Сонетъ пѣлся съ приигрываніемъ какого-либо инструмента. Сонетъ изъ Итальянскаго слова „sonetto", а sonetto отъ *sonare*, звучать. Такъ названъ потому, что въ этомъ стихотвореніи всегда *звучатъ* риѳмы, тогда какъ другія лирическія произведенія могутъ быть безъ риѳмъ.—Сонетъ изобрѣтенъ въ Италіи. Итальянскій поэтъ Франческо *Петрарка* (1304—1374) довелъ внѣшнюю отдѣлку сонета до совершенства.

Примѣч. Баронъ *Вильгельмъ Гумбольдтъ* (ум. 1835 г.), знаменитый государственный человѣкъ и ученый, написалъ *352 сонета*: они касаются философіи, археологіи, изящныхъ искусствъ; писаны барономъ на склонѣ его лѣтъ, въ его сельскомъ уединеніи. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1854 г., ч. 81, стр. 88. «Извѣстія и смѣсь»).

Первый сонетъ, явившійся на Русскомъ языкѣ, принадлежитъ *В. К. Тредіаковскому*. Занимались сочиненіемъ сонетовъ: *А. С. Пушкинъ*, *М. Ю. Лермонтовъ*, *И. И. Козловъ*, *В. Г. Бенедиктовъ*, *Я. П. Полонскій*, *А. А. Фетъ* и другіе.

§ 122. Приведемъ образецъ сонета:

Сонетъ.

Суровый Дантъ [1]) не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета [2]);
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ [3]) облекалъ.
И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ [4]) его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.
Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,

---

[1]) Итальянскій поэтъ, авторъ «Божеств. Комедіи». Жилъ отъ 1261 до 1321 г.—См. о немъ I ч. нашей «Христоматіи», изд. 8-е. Спб. 1897.

[2]) *В. Шекспиръ* (1564—1616). См. о немъ 3 ч. нашей «Христоматіи».

[3]) Португальскій поэтъ (1525—1679), авторъ *Лузіады*. См. I ч. нашей «Христоматіи». Изд. 8-е. Спб. 1897.

[4]) Англійскій поэтъ (1770—1850), глава такъ называемой «Озерной Школы»; это названіе усвоено ряду поэтовъ, описательная поэзія коихъ часто обращалась къ изображенію прелестныхъ озеръ Вестморлэнда и Комберлэнда. Замѣчательны его «Сонеты къ свободѣ».

Пѣвецъ Литвы [1]), въ размѣръ его стѣсненной,
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

А. Пушкинъ.

Мадона [2]).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

А. Пушкинъ.

ГЛАВА III.

Драматическая Поэзія.

§ 123. Драматическимъ называется такое поэтическое произведеніе, въ которомъ представлено *дѣйствіе.* Самое слово „драма" Греческое; происходитъ отъ глагола „δράω"—дѣлаю, дѣйствую, и значитъ „дѣйствіе, дѣло, бѣгъ".

Сущность драмы заключается въ дѣйствіи, которое не разсказывается,

---

[1]) *А. Мицкевичъ,* Польскій знаменитый поэтъ (1798—1855). См. I ч. нашей «Христоматіи», изд. 8-е. Спб. 1897, стр. 366 и д.

[2]) *Мадона*—знаменитая картина Рафаэля (1483—1520). Созданіе Мадоны стоило огромныхъ трудовъ художнику: онъ сто пятьдесятъ разъ принимался за изображеніе этого геніальнаго творенія... О Рафаэлѣ см. «Публичныя лекціи» профес. *С. П. Шевырева,* читанныя въ 1851 году.

а *представляется совершающимся* передъ нашими глазами въ данную минуту, непосредственно, безъ всякаго участія поэта. Выводимыя въ драматическомъ произведеніи лица говорятъ сами за себя; сами выражаютъ свои чувствованія, стремятся къ цѣлямъ и такимъ образомъ раскрываютъ весь свой характеръ и жизнь.

Драматизмъ можетъ быть присущъ и произведеніямъ эпическимъ; онъ находится вездѣ, гдѣ поэтъ скрываетъ свое лицо, заставляя другой предметъ говорить и дѣйствовать. Эпическія произведенія *А. С. Пушкина* „Бахчисарайскій Фонтанъ", „Цыганы" и „Полтава",—повѣсть *Н. В. Гоголя* „Тарасъ Бульба" заключаютъ въ себѣ много драматическихъ элементовъ. Лирическія произведенія принимаютъ драматическую форму. Таковы слѣдующія стихотворенія: „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ", „Чернь"—*А. С. Пушкина*, „Журналистъ, Читатель и Писатель"—*М. Ю. Лермонтова*.

§ 124. *Происхожденіе драматической поэзіи.*—Вопросъ о происхожденіи драматической поэзіи находится въ ея связи съ богослуженіемъ древнихъ Грековъ и въ особенности—съ почитаніемъ Діониса (Вакха). Служеніе Діонису заключало въ себѣ много драматическаго. Діонисъ представлялся бѣжавшимъ отъ враговъ, его искали въ горахъ, а жрецъ,—изображавшій враждебное богу существо,—преслѣдовалъ съ сѣкирою въ рукахъ одну изъ нимфъ, которыя сопровождали бога (такое торжество отправлялось въ Біотіи); въ Аѳинахъ жена втораго архонта, носившая титулъ царицы, обручалась въ таинственномъ торжествѣ Діонису, какъ жениху, и самъ богъ въ публичныхъ шествіяхъ олицетворялся человѣкомъ. Во время праздниковъ въ честь Діониса пѣлись *хоромъ* пѣсни, называвшіяся диѳирамбами [1]). Управлявшіе хоромъ запѣвалы разсказывали объ опасностяхъ, угрожавшихъ богу, или побѣдѣ надъ ними, хоръ заявлялъ свои впечатлѣнія о всемъ этомъ, какъ предметѣ существующемъ. Самъ хоръ смотрѣлъ на себя какъ на свиту, принадлежавшую Діонису, и вслѣдствіе того, бралъ на себя роль сатировъ, которые сопутствовали богу во всѣхъ его борьбахъ и превратностяхъ. Такимъ образомъ хору свойственно было выражать боязнь и опасеніе, веселость и удовольствіе. Хоръ устанавливался около жертвенника Діониса; одинъ изъ пѣвцовъ отвѣчалъ хору съ жертвеннаго стола, стоящаго близь жертвенника, т. е. передавалъ ему пѣніемъ то, что возбуждало и руководило впечатлѣніями, которыя выражались въ пѣсняхъ хора.—За 600 лѣтъ до Р. Хр. хоры иногда воспѣвали, вмѣсто Діониса, героя Адраста за его страданія. Въ такомъ видѣ представляется колыбель драматической поэзіи до нововведеній поэта *Фесписа* (536 лѣтъ до Р. Хр.). Она рѣшительно,

---

[1]) Греческое слово: δίς дважды, двое и θύρα—дверь. Такъ названъ былъ Бахусъ (Діонисъ) потому, что воспитался въ пещерѣ, имѣвшей два отверстія (двѣ двери).

состояла изъ одного *хора*, гдѣ допускался разговоръ только въ пѣсняхъ. Ѳесписъ сильно подвинулъ впередъ драматическія представленія, прибавивши къ хору *одного актера*; хоръ, стоя противъ этого единственнаго актера, вступалъ черезъ своихъ руководителей съ нимъ въ разговоръ,—и посредствомъ такихъ рѣчей, вставленныхъ между пѣснями хора, заводилось, велось и доходило до заключенія все драматическое дѣйствіе.—Поэтъ *Фринихъ* (512 лѣтъ до Р. Хр.) неоднократно оставлялъ миѳическія сказанія и бралъ содержаніе для своихъ представленій изъ современной исторіи. *Геродотъ* разсказываетъ, что весь театръ плакалъ во время представленія піесы Фриниха „Взятіе Милета".—*Эсхилъ* (500 л. до Р. Хр.), одинъ изъ знаменитыхъ писателей Греческихъ, придалъ надлежащее развитіе драматическому элементу прибавленіемъ *втораго* актера.—Другой славный писатель Греціи *Софоклъ* (495—405 до Р. Хр.) прибавилъ третьяго и четвертаго актера, сообщивъ внутреннему содержанію драматическихъ своихъ произведеній особенную силу и возвышенность. Такимъ образомъ произошла драматическая поэзія.

Трагедія (τραγωδία) образовалась изъ тѣхъ диѳирамбовъ, которые пѣли о *страданіяхъ* Діониса; самое имя „трагедія" (τράγος—козелъ и ᾠδή—пѣснь) произошло оттого, что этотъ родъ дифирамбовъ выполнялся первоначально у пылающей жертвы козла (козелъ приносился въ жертву Вакху).

Комедія (κωμωδία) образовалась изъ диѳирамбовъ[1]), которые воспѣвали *побѣду* Вакха надъ врагами его и развилась во время сельскихъ Діонисій или праздниковъ собиранія винограда; самое слово „комедія" (κώμη—село и ᾠδή—пѣснь) указываетъ на его первоначальный смыслъ.

Библіог.—О происхожденіи драматической поэзіи *Карла Отфрида Миллера*: «Geschichte der Griechishen Literatur». Breslau. 1841.—Перев. въ III ч. Христоматіи *А. Филонова*, изд. 6-е. Спб. 1898, стр. 1—12.—О происхожденіи драмы см. въ замѣчательной статьѣ *А. Н. Веселовскаго*: «Три главы изъ исторической поэтики». Ж. М. Нар. Просв. 1899, апр., стр. 240 и т. д.

§ 125. *Древне-Греческій театръ.*—Греческій театръ состоялъ изъ трехъ частей: собственно *театра*, гдѣ сидѣли зрители,—*оркестры*, гдѣ пѣлъ хоръ, и *сцены*, гдѣ играли актеры.

Театръ располагался полукруглыми уступами; оркестра была площадка посреди уступовъ; сцена—зданіе въ нѣсколько этажей. Большая часть зрителей видѣли мѣстность, открывающуюся за сценой — волны Эгейскаго моря. Въ оркестрѣ находился помостъ съ *алтаремъ Діониса*. Тамъ же устраивались проточныя трубы для отвода воды и

[1]) Comoedia fere vetus, ut ipsa quoque olim tragoedia, simplex carmen fuit, quod chorus circa aras fumantes nunc spatiatus, nunc consistens, nunc revolvens gyros cum tibicine concinebat.

освѣженія зрителей. Въ оркестрѣ Мегалополитанскаго театра до сихъ поръ бьетъ ключъ. Мѣста представленія большею частію нельзя назвать зданіемъ. Театры строились на отлогостяхъ горъ; мѣста для зрителей вырубались въ горѣ же. Театры были открытые и несравненно больше нашихъ; иные вмѣщали въ себѣ болѣе 40 тысячъ зрителей. Въ театрѣ Мегалополитанскомъ помѣщались 44 тысячи человѣкъ.

Сообразно *религіозному* значенію своему, Греческая драма подлежала непосредственному завѣдыванію государства. Поэтъ, желавшій поставить піесу на сцену, долженъ былъ заблаговременно объявить о томъ архонту-царю. Богатые граждане охотно брали на себя издержки на постановку піесы, а правительство, видя въ представленіяхъ могущественное средство для образованія народа, давало и бѣднымъ возможность присутствовать на нихъ. Такъ Периклъ постановилъ выдавать бѣднымъ по два овола (7 коп. сер.) на театръ, потомъ сталъ выдавать деньги всѣмъ гражданамъ и кромѣ того кормитъ и поитъ на счетъ казны.

Драматическія представленія давались три раза въ году, по нѣсколько дней сряду, начиная съ утра. Не только женскія роли игрались мужчинами, но даже одинъ и тотъ же актеръ игралъ въ одной піесѣ по нѣскольку ролей. Причиною всему то, что сценическія представленія у Грековъ не служили къ пустому развлеченію, а были дѣломъ важнымъ, религіознымъ. Оттого они давались только во время праздниковъ, установленныхъ въ честь Діониса.

Достойны замѣчанія театральныя украшенія Грековъ. Золотошвейная, великолѣпная одежда ихъ актеровъ развѣвалась и влеклась краями по землѣ; бѣлые и высокіе контурны не что иное были, какъ древняя обувь царей; они служили къ тому, чтобы увеличивать ростъ актера; трагическія маски въ чертахъ лица изображали бѣшенство, во взорѣ угрозы и ярость; на головѣ всклокоченные волосы; большой и открытый ротъ довершалъ трагическую маску.—Занавѣсь при началѣ дѣйствія опускалась, а при окончаніи его подымалась.

Поэтъ, получившій первую награду, выходилъ къ зрителямъ, увѣнчанный плющемъ, какъ жрецъ Діониса (плющъ былъ посвященъ Діонису). Отличившійся предъ другими хорегъ [1]) получалъ право поставить треножникъ. Одна изъ великолѣпныхъ улицъ Аѳинскихъ, ведшихъ ко храму Діониса, была уставлена изящными мѣдными треножниками хореговъ въ честь богу-покровителю сценическаго искусства. На основаніи треножника надписывалось имя архонта, при которомъ была одержана побѣда, и имена хорега-побѣдителя, поэта и перваго актера. По этимъ надписямъ составлялись лѣтописи драматическаго искусства.

Греки страстно любили театръ. Постановка трехъ трагедій *Софокла*

---

[1]) Такъ назывался тотъ, кто управлялъ хоромъ: χορ и ἄγω (веду).

*

стоила дороже всѣхъ издержекъ Пелопонесской войны. Въ театрѣ Аѳинскомъ бывало до 30 тысячъ зрителей, а число всѣхъ гражданъ Аттики никогда не доходило до 30 тысячъ. Вліяніе драматической поэзіи было самое благотворное. *Ѳукидидъ* утверждаетъ, что представленіе трагедій *Эсхила* сильнѣе рѣчей Димосѳена воспламеняло молодыхъ Аѳинянъ на отечественную войну.

Хоры составляли принадлежность Греческой трагедіи. Они означали чувство или самого поэта, или представляли впечатлѣніе, которое ощущали зрители, видя извѣстное представленіе. Впрочемъ хоры имѣли разное значеніе и у каждаго поэта особенное, по замѣчанію ученыхъ.

Библіог.— О древне-Греческомъ театрѣ. *Б. И. Ордынскаго*. Соврем. 1851, № 2, — Эллада *Вегнера*. Пер. П. Евстафьева, Спб. 1868, — Театръ у древнихъ Грековъ. *П. Тихоновича*. Ж. М. Н. Просвѣщ. 1869, ч. 146.

§ 126. *Виды драматической поэзіи.*—Въ древности у Грековъ существовали два вида драматической поэзіи: *трагедія* и *комедія*. Со временъ Англійскаго писателя *Шекспира* (XVI — XVII в.) возникъ особый видъ драматической поэзіи — собственно *драма*, какъ такое поэтическое произведеніе, которое соединяетъ въ себѣ трагическое съ комическимъ. Во Франціи, въ XVII — XVIII в., появились другіе виды драматической поэзіи: *мелодрама* [1]), *водевиль* [2]) и пр.

§ 127. *Трагедія.* — Трагедія есть такое драматическое произведеніе, въ которомъ представлено страданіе человѣка, съ цѣлію вызвать наше сочувствіе къ нему. — Трагическое есть страданіе или гибель человѣка, наполняющія насъ *ужасомъ* и *жалостію* [3]). Ужасъ и состраданіе (жалость) должны возбуждаться самыми дѣйствіями, сцѣпленіемъ самыхъ дѣйствій, а не внѣшними обстоятельствами; они (ужасъ и состраданіе) особенно возбуждаются, когда дѣйствія происходятъ неожиданно, одно вслѣдствіе другаго. Страданіе трагическаго лица происходитъ отъ *мучительной борьбы* между противоположными склонностями и обязанностями, отъ борьбы долга съ влеченіемъ сердца, воли съ разумомъ, разума со

---

[1]) *Мелодрама*—(μέλος—голосъ, пѣніе и δρᾶμα — дѣйствіе), драматич. сочиненіе, въ которомъ музыка соединена со словами. На Парижскихъ театрахъ нѣкоторое время господствовала мелодрамма въ смыслѣ драматическихъ произведеній съ *неестественнымъ* содержаніемъ, съ положеніями натянутыми, съ ужасами и нечаянностями разнаго рода.

[2]) *Водевиль* (voix de ville) — родъ легкой комедіи; цѣль его — осмѣяніе слабостей шуточнымъ образомъ. При дворѣ Карла IX (XVI в.) сочиняли много остроумныхъ куплетовъ, называвшихся «voix de ville» — городскіе голоса; изъ этихъ пѣсенъ образовался черезъ сокращеніе слова «водевиль» — О раздѣленіи драматической поэзіи на трагедію, комедію, драму, оперу, водевиль. См. Москов. Вѣдом, 1850, № 61 и 63.

[3]) «Подражаніе дѣйствію ужасному и жалостному» *Аристотель* называетъ *существеннымъ* свойствомъ трагедіи. «О поэзіи» *Аристотеля*. Перев. *Б. Ордынскій*. М. 1854, стр. 15.

страстями. Чѣмъ выше и значительнѣе причина страданій трагическаго лица, тѣмъ глубже наше сочувствіе къ нему. Если причина страданій трагическаго лица скрывается въ его собственныхъ страстяхъ и въ недостаткѣ противодѣйствія имъ, слабости его борьбы съ ними, — то мы мало сочувствуемъ такому лицу; если причиною страданій служатъ несчастныя обстоятельства жизни, предотвратить или побѣдить которыя невозможно было при всемъ желаніи, — то такому лицу мы сочувствуемъ гораздо больше; наше сочувствіе увеличивается, если герой трагедіи страдаетъ невинно, или страдаетъ по волѣ Божественнаго промысла. Во всякомъ случаѣ, трагическое лице тѣмъ бо́льшее вызываетъ сочувствіе, чѣмъ *выше тотъ нравственный законъ*, во имя котораго оно вступило въ борьбу съ враждебными ему нравственными силами. — Возбужденіе страха и состраданія понынѣ остается неоспоримымъ видовымъ отличіемъ трагедіи отъ другихъ видовъ драматическаго искусства.

Пояснимъ примѣрами трагическое. — Въ „Антигонѣ“ *Софокла* является Антигона (дочь царя Эдипа), какъ поборница закона родственности, жертвующая своею жизнію для выполненія священнаго долга предать погребенію трупъ роднаго брата, — и Креонъ, царь Ѳивскій, какъ представитель непреложнаго требованія закона въ гражданскомъ обществѣ, повелѣвающаго лишать погребенія враговъ отечества, — такимъ врагомъ былъ погибшій братъ Антигоны, — и потому вся трагедія есть не иное что, какъ столкновеніе, сшибка двухъ противоположныхъ равно разумныхъ, и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ силъ — „Коріоланъ“ — лице трагическое. Побѣждаемый супружескою, сыновнею и гражданскою обязанностію, онъ оставляетъ, или лучше — долженъ оставить почти завоеванный Римъ, долженъ подавить свою справедливую месть и отдать себя въ жертву завистливому сопернику. Тутъ находятся въ мучительной нравственной борьбѣ два начала, совершенно противоположныя другъ другу: долгъ семейный и гражданскій съ чувствомъ собственнаго достоинства. — „Гамлетъ“ *Шекспира* представляетъ тяжелую нравственную борьбу между сознаніемъ и волею. Торжественный призывъ съ того свѣта побуждаетъ принца къ убійству короля Клавдія, но онъ устоялъ противъ страшнаго искушенія: рука Гамлета не поднялась на молящагося убійцу. Мысль о смерти, страхъ будущаго воздаянія и чувство совѣстливости постоянно останавливаютъ рѣшимость Гамлета.

Библіогр.—О трагедіи:—О поэзіи, соч. *Аристотеля*, пер. Б. Ордынскаго. М. 1854. (Аристотель *четырнадцать* главъ посвятилъ теоріи трагедіи. Въ изданіи Ордынскаго указаны изслѣдованія о трагедіи, принадлежащія *Дюнцеру*, *Гартунгу*, *Раумеру*, *Егеру*, и *Лессингу*).—Поэтика Аристотеля. Перев. В. И. Захарова. 1885. (Разборъ въ Ж. М. Н. Просвѣщ. 1885, авг.,—1887, мартъ).—О дорическомъ и іоническомъ стиляхъ. *Ѳ. Зѣлинскаго*. Ж. М. Н. Просвѣщ. 1885, ч. 238 и 239 (древняя трагедія и комедія).— О сущности драматической поэзіи. Исторія Древней и Новой Литературы. Фридриха *Шлегеля*. Рус. перев. Изд. второе. Спб. 1834, ч. вторая, стр. 127 и д.—Гамбургская Драматургія

Лессинга, изд. 1768 г. Рус. переводъ И. П. Разсадина. М. 1883.—О трагическомъ искусствѣ. *Шиллера.—его* же: Основанія удовольствія, ощущаемаго отъ трагическихъ предметовъ. Полное собраніе сочиненій Шиллера, изд. *Н. Гербеля*. Спб. 1884, т. III.—Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. *С. Шевырева*. М. 1836.—Сочиненія *В. Г. Бѣлинскаго*. М. 1859—1860, ч. III, стр. 353—378,—ч. VI, стр. 117—119,—ч. XII, «раздѣленіе поэзіи на роды и виды.» (Обширный обзоръ).—По поводу трагедіи гр. *Ал. Толстого* «Смерть Іоанна Грознаго». Современникъ 1868, № 2.—О драмѣ. *Д. Аверкіева*. Рус. Вѣст. 1877, № 3, 5, 8. (Есть отдѣльное изданіе. Спб. 1893).—О сценическомъ искусствѣ. *С. А. Юрьева*. Русская Мысль 1888. № 1, 2, 3,—Сборникъ въ память С. А. Юрьева. М. 1891, стр. 154, 187, 191, 192 и д.—Письма объ искусствѣ (сценическомъ). Д. К—а. Рус. Вѣст. 1890, авг. и октябрь (говоритъ о необходимости школы).—Театральныя парадоксы. *Д. В. Аверкіева*. Нов. Врем. 1890, № 5057. (о необходимости таланта).—Театральное искусство. *П. Д. Боборыкина*. Спб. 1898.—Драматическіе характеры. Опытъ разбора разныхъ ролей. «Горе отъ Ума» (роль Молчалина и Софьи). *С. Васильева*. М. 1890.—Теорія драмы. *Г. Гюнтера*. Пер. *В. А. Яковлева*. Педагогическій Сборникъ 1895.—О трагедіи. *А. И. Введенскаго*. Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности. Спб. 1895, т. 58. (Разборъ сочиненія Д. В. Аверкіева «о драмѣ»).—Для *сравненія* новѣйшихъ воззрѣній съ прежними полезно имѣть въ виду слѣд. статьи о драмѣ: О главныхъ силахъ трагедіи у древнихъ и новѣйшихъ народовъ. *С. Смирнова*. (Труды Общества Любителей Рос. Словесности. М. 1819, ч. XIV).—Разсужденіе о драмѣ вообще. *А. Ѳ. Мерзлякова*. Тамъ же, 1820, ч. XVII. (Объясняетъ разные виды поэзіи и преимущественно драмы).—Другія библіогр. указанія см., въ 3 ч. нашей «Христоматіи», изд. 6-е. Спб. 1898, стр. 20, 25, 40, 153, 229—231 и др.

§ 128 *Образцы трагедіи.* — Въ своемъ чистомъ видѣ трагедія является только у древнихъ Грековъ. Три знаменитыхъ писателя—*Эсхилъ* (VI в. до Р. Хр.), *Софоклъ* (VI в.) и *Еврипидъ* (V в.)—оставили намъ въ своихъ произведеніяхъ высокіе образцы трагедіи. Для образца возьмемъ трагедію „Антигона“ Софокла, совершеннѣйшаго писателя Греціи.

„Антигона, есть первая по времени трагедія Софокла и считалась всегда мастерскимъ произведеніемъ поэта. Антигона представляетъ образецъ женщины, самый высокій изъ всѣхъ, созданныхъ Греческимъ искусствомъ. Антигона нѣжная, кроткая дочь несчастнаго скитальца Эдипа, одна сочувствуетъ отцу въ его изгнаніи: ведя за руку слѣпаго старика, она выпрашиваетъ для него подаянія у прохожихъ. По смерти отца, вся любовь Антигоны сосредочена на несчастномъ братѣ, погибшемъ въ битвѣ и лишенномъ погребенія по приговору Ѳивскаго царя. Не смотря на грозное запрещеніе, изрекающее казнь ослушнику, она рѣшается совершить похоронный обрядъ надъ трупомъ брата, брошеннымъ въ поле на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ: „Я схороню брата, мнѣ сладко умереть, сдѣлавъ это. Не боюсь сдѣлать этого, потому что дольше нужно мнѣ будетъ служить подъ землею живущимъ, чѣмъ тому, кто здѣсь: тамъ я буду вѣчно. Пусть я безрасудна, пусть я потерплю за это! Бояться ли мнѣ славной смерти?“

Въ развитіи трагедіи весьма важное значеніе имѣетъ слѣдующій разговоръ Ѳивскаго царя Креона съ Антигоною:

Креонъ (Антигонѣ). Ну, что склонила голову къ землѣ?
Признаешься, что сдѣлала, иль нѣтъ?
Ант. Я сдѣлала, и въ этомъ не запрусь.
Креонъ. Скажи мнѣ, только коротко: ты знала-ль—
Законъ былъ изданъ этого не дѣлать?
Антиг. Объ этомъ знала... какже! это было
Извѣстно всѣмъ!
Креонъ. Ты знала и дерзнула
Законъ нарушить?
Антиг. Не Зевесъ его
Мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды,
Живущая съ подземными богами;
Не думала я видѣть столько силы
Въ твоихъ уставахъ, чтобы, смертный, могъ
Ты ими попирать боговъ законы;
Неписаны, незыблемы они,
Явились не вчера, или сегодня;
Но жили прежде и всегда; начало
Ихъ никому не вѣдомо. За нихъ-то
Не захочу я дать отвѣтъ богамъ,
Страшась нарушить волю человѣка!
Умру... я знала: какъ же быть иначе?
Безъ твоего рѣшенья это было-бъ;
А если преждевременно умру,
То въ этомъ снова выгода моя.
Тому, кто жизнь свою всегда влачилъ
Подобно мнѣ, среди однихъ несчастій,
Какъ можетъ смерть не выгодной казаться?
Поэтому нисколько не прискорбна
Мнѣ горькая судьба моя; но еслибъ
Умершій братъ, единокровный мнѣ,
Лежалъ безъ погребенья... да! объ этомъ
Скорбѣла-бъ я, не о моей судьбѣ!
А кажется тебѣ, безумно нынѣ
Я поступила, то сказать готова:
Безумецъ, кто зоветъ меня безумной!
Хоръ. И въ дочери упорный видѣнъ нравъ
Упорнаго отца: она въ несчастьи
И шагу не уступитъ.
Креонъ. Только знай,
Что самыя суровыя сердца
И падаютъ всего скорѣе: такъ
Желѣзо, закаленное въ огнѣ,
Крѣпчайшее, ломается въ куски.
Я знаю, какъ упрямаго коня
Коротенькой уздою усмиряютъ:
Кто рабъ другимъ, не стать тому гордиться!
Она умѣла дерзкой быть и прежде,
Какъ преступала изданный законъ;
А нынѣ, совершивши преступленье,
Хвалиться имъ и въ шутку обращать
Свою вину: вторая это дерзость!
Но правдѣ ужъ не я тогда — она
Мужчиной будетъ, если ей пройдетъ
Такая безнаказанно отвага.
Но будь она одной со мною крови,
Будь самой близкой родственницей мнѣ,
Ей и сестрѣ ея не избѣжать
Постыдной смерти: также и другую
Виню въ участьи я при погребеньи.
Позвать ее сюда. Сейчасъ я видѣлъ:
Въ какомъ-то помѣшательствѣ она,
Себя не помнитъ... такъ ужъ воровская
Душа людей, которые куютъ
Свои худые замыслы во тьмѣ,

Сейчасъ выкажется; но ненавижу,
Когда во злѣ кто пойманъ и потомъ
Его еще желаетъ разукрасить.
Антиг. Возьми, убей меня, или еще
Чего ты хочешь?...
Креонъ.. Больше ничего:
Достигнувъ этого, всего достигну,
Антиг. Чего-жъ ты медлишь? какъ въ твоихъ рѣчахъ
Мнѣ все противно, да и не желаю,
Чтобъ нравилось когда-нибудь, такъ точно
Тебѣ мои пріятными не будутъ.
И чѣмъ же славу лучшую могла бы
Я получить, какъ не сокрывъ въ могилѣ
Роднаго брата? всѣ они сказали-бъ,
Что по душѣ имъ мой поступокъ, еслибъ
Страхъ языка не сковывалъ; но властенъ
И говорить и дѣлать все тиранъ.
Креонъ. Изо всѣхъ Кадмейцевъ ты одна такъ судишь.
Антиг. Нѣтъ, и они! но льстить тебѣ готовы.
Креонъ. Тебѣ-жъ не стыдно быть противныхъ мыслей?
Антиг. Не стыдно чтить своихъ единокровныхъ.
Креонъ. А кровнымъ развѣ не былъ врагъ его?
Антиг. Да, мать одна, одинъ отецъ родилъ насъ.
Креонъ. Зачѣмъ-же ты другаго такъ безчестишь?
Антиг. Умершій братъ мой этого не скажетъ.
Креонъ. Какъ? если чтишь съ безбожнымъ наравнѣ?
Антиг. Вѣдь не слуга его погибъ, а братъ...
Креонъ. Врагомъ! а сей—заступникомъ отчизны.
Антиг. Повѣрь: въ Аидѣ всѣмъ одинъ законъ.
Креонъ. Но участь злаго съ добрымъ не одна.
Антиг. Кто знаетъ, такъ ли будетъ подъ землею?
Креонъ. Нѣтъ! врагъ и мертвый будетъ все врагомъ.
Антиг. Я рождена не для вражды взаимной,
А для любви.
Креонъ. Такъ убирайся въ Гадесъ [1]).
И тамъ люби, когда ужъ суждено
Тебѣ любить; но женщина не будетъ
Надъ мною властвовать, пока я живъ.

Креонъ осудилъ Антигону на смерть. Здѣсь наступаетъ новый рядъ страданій и новая сильная борьба сына съ отцомъ: открывается, что Антигона—невѣста Гемона, сына Креона. Поэтъ представляетъ разговоръ сына съ отцемъ. Приведемъ его:

Гемонъ. Отецъ!
Я твой. Пускай твоя укажетъ воля
Мнѣ правый путь, и я по немъ иду:
Приличнѣй брака я желать не долженъ,
Будь только въ этомъ добрымъ мнѣ вождемъ.
Креонъ. Питай, сынъ мой, въ душѣ такія чувства.
Отцовской волѣ должно уступать

---

[1]) *Аидъ, Гадесъ* означало царство тѣней, подземнаго бога Аида и наконецъ вообще смерть. У *И. И. Мартынова* (1824 г.) переведено. «Итакъ, если тебѣ свойственно любить, сниди во адъ (κάτω νυν' ἐλθοῦς) и тамъ люби ихъ».

Во всемъ: затѣмъ и молимъ у боговъ
Для дому своего дѣтей послушныхъ,
Чтобъ и врагу они воздали зломъ,
И наравнѣ съ отцомъ почтили друга.
А кто рождаетъ ихъ себѣ не въ пользу,
О томъ и скажутъ, что родилъ онъ только
Себѣ заботу, а врагамъ потѣху.
Не потеряй же, сынъ, теперь ума
Отъ обольщенья женскаго, и помни,
Что злой жены, въ дому твоемъ живущей,
Противны будутъ для тебя объятья.
Какая язва хуже злаго друга?
Нѣтъ, оттолкни ее: пускай въ Аидѣ
Враждебная найдетъ себѣ супруга.
Ужъ если изо всѣхъ одна явилась
Она закону явно непослушной,
То я лжецомъ предъ городомъ не буду,
Но умерщвлю ее, клянусь Зевесомъ [1])!
Въ своемъ семействѣ ставши нерадивымъ,
Такимъ и внѣ семейства скоро стану;
Того, кто въ домѣ умный господинъ,
И въ городѣ признаютъ справедливымъ.
И человѣкъ такой, поспорю смѣло,
Захочетъ быть законно управляемъ
И мудро править: гдѣ его поставятъ,
Среди волненій битвы устоитъ
Онъ добрымъ стражемъ вѣрности и чести.
А кто законъ насилуетъ преступно,
Иль думаетъ указывать старѣйшимъ,
Такого вѣрно я не похвалю.
Кого поставилъ городъ, должно слушать
И въ маломъ, справедливъ онъ или нѣтъ.
Что можетъ быть ужаснѣй безначалья?
Имъ гибнутъ города и въ разоренье
Дома приходятъ, войскъ ряды въ сраженьи
Бываютъ имъ разстроены; напротивъ,
Покорность власти множество спасаетъ.
Такъ будь во всемъ защитникомъ порядка
И женщинѣ никакъ не уступай.
Ужъ если пасть, то лучше пасть чрезъ мужа,
Чтобъ не назвали насъ слабѣе женъ.
Хоръ. Когда ума не отняла намъ старость,
То, кажется, слова твои разумны.
Гемонъ. Отецъ! даруютъ боги людямъ разумъ,
Прочнѣйшее изъ всѣхъ на свѣтѣ благъ!
Не могъ и не умѣлъ бы я сказать,
Зачѣмъ твое неправильно сужденье;
Но цѣну дай и мнѣнію другихъ.
Родился я заботиться о всемъ,
Что въ отношеніи тебя кто скажетъ,
Иль сдѣлаетъ, иль вздумаетъ хулить.
Въ лицо тебѣ народъ, страшась, не скажетъ
Рѣчей, не милыхъ слуху твоему;
А мнѣ тайкомъ случилось вотъ что слышать:
«Какъ сострадаетъ городъ весь объ этой
Несчастной дѣвѣ! Лучшая изъ женъ
За дѣло славное безславно гибнетъ.
Она, что брата своего роднаго,
Въ сраженьи павшаго, не допустила
Отдать на жертву жаднымъ псамъ и птицамъ,
Не стоила-ль она златой награды?»
Такая скрытно носится молва

[1]) Въ подлинникѣ: «пусть молитъ она Зевеса, покровителя родства».

Среди народа. Твой успѣхъ, отецъ,
Во всякомъ дѣлѣ мнѣ всего дороже.
«Отецъ нашъ доброй славой процвѣтаетъ» —
Какой иной хвалы искать дѣтямъ,
И отъ дѣтей отцу? И такъ оставь же
Обычай этотъ, будто вѣрно только,
Что̀ скажешь ты, а все другое ложь.
Кто одного себя считалъ разумнымъ,
Иль полагалъ, что у него языкъ
Или душа, какой въ другихъ ужъ нѣтъ,
Тѣхъ только разверни: увидишь... пусто!
Но мужу, будь онъ мудръ, ничуть не стыдно
Еще учиться многому и слишкомъ
Не быть упорну... видишь, какъ деревья,
Клонясь къ землѣ, свои спасаютъ вѣтви
Въ разливѣ бурномъ водъ, а стоя прямо,
Подчасъ и съ корнемъ вырваны бываютъ.
Такъ и ладья, когда натянетъ крѣпко
Свой парусъ и вѣтрамъ не уступаетъ,
Ужъ опрокинута, плыветъ вверхъ дномъ.
Нѣтъ! уступи, перемѣни рѣшенье.
Когда и мнѣ дозволено сужденье,
Мнѣ, юношѣ, скажу я: лучше, если
Родится человѣкъ во всемъ премудрымъ,
А если нѣтъ (и такъ бываетъ чаще),
Не худо и ума другаго слушать.
Хоръ. Царь, если что онъ дѣльнаго сказалъ,
Тебѣ послушать слѣдуетъ, и также
Тебѣ его: обоихъ рѣчь прекрасна.
Креонъ. И мы въ такихъ лѣтахъ учиться будемъ
Уму отъ мальчика?
Гемонъ. Одной неправдѣ
Учиться худо. Пусть я молодъ: надо
Взирать на дѣло, а не на лѣта.
Креонъ. Да дѣло-ль чтить людей преступныхъ?
Гемонъ. Нѣтъ!
Не говорю, чтобъ злымъ давалась почесть.
Креонъ. А развѣ эта не страдаетъ вся
Такой болѣзнью зла?
Гемонъ. Весь городъ, весь
Народъ Ѳиванскій иначе рѣшилъ.
Креонъ. И городъ мнѣ указкою въ рѣшеньяхъ?
Гемонъ. Вотъ видишь, какъ ты самъ по-дѣтски судишь!
Креонъ. Кому-жъ? другому править, или мнѣ
Землею этой?
Гемонъ. Городъ ужъ не будетъ,
Когда принадлежитъ онъ одному.
Креонъ. Какъ! развѣ городъ не того, чья власть?
Гемонъ. Прекрасно сталъ бы править ты одинъ,
Въ пустой землѣ!
Креонъ. Онъ, кажется, стоитъ
За женщину!
Гемонъ. Коль женщиной ты самъ —
Я о тебѣ забочусь.
Креонъ. Негодяй!
И между тѣмъ съ отцемъ заводишь тяжбу?
Гемонъ. Я вижу, какъ грѣшишь ты противъ правды.
Креонъ. Грѣшу, что уважаю власть мою.
Гемонъ. Не уважаешь, если ужъ права
Боговъ попралъ.
Креонъ. О, черная душа!
И женской ниже...
Гемонъ. Низкимъ не найдешь

Когда-нибудь меня въ постыдномъ дѣлѣ [1]).
Креонъ. Не за нее-ль вся эта рѣчь твоя?
Гемонъ. И вмѣстѣ за тебя, и за меня,
И за боговъ подземныхъ.
Креонъ. Ужъ не быть
Тому, чтобъ въ жены взялъ ее живую.
Гемонъ. Пускай умретъ; но смерть ея погубитъ
Еще другаго.
Креонъ. Смѣешь мнѣ грозить?
Гемонъ. Какая тутъ угроза говорить,
Гдѣ пустомыслье.
Креонъ. Каяться мнѣ будешь,
Что, самъ безъ смысла, умничать затѣялъ.
Гемонъ. Не будь отцемъ, сказалъ бы я: въ тебѣ
Разсудка мало.
Креонъ. Женщины ты рабъ!
И мнѣ не пустословь!
Гемонъ. Желаешь только
Сказать, чтобъ ничего въ отвѣтъ не слышать.
Креонъ. Дѣйствительно? Такъ знай, клянусь Олимпомъ,
Не дамъ тебѣ я надъ собой ругаться.
Привесть сюда негодницу [2])...пускай
Сейчасъ передъ глазами жениха
Она умретъ.
Гемонъ. Не предо мною только:
Того себѣ не думай—не погибнетъ
Она въ моемъ присутствіи. Въ глаза
Меня ты не увидишь, а безумствуй
Съ послушными еще тебѣ друзьями.
(Уходитъ).
Хоръ. Ушелъ онъ быстро, царь, въ порывѣ гнѣва.
Въ такихъ лѣтахъ стѣсненный скорбью умъ
Себя не знаетъ.

Далѣе въ трагедіи показывается, что Антигону заключаютъ навсегда въ каменную пещеру. Ея гибели не могъ перенести Гемонъ, а гибели Гемона не могли перенести его мать, Евридика, супруга Креона. Все новыя и новыя нравственныя столкновенія! Смерть трехъ лицъ—Антигоны, Гемона и Евридики поражаетъ трагическимъ ужасомъ зрителя. Но сила сложившихся обстоятельствъ простирается все дальше и дальше: она требуетъ еще другихъ жертвъ. Самъ Креонъ, представитель неумолимой требовательности закона, доходитъ въ заключеніи трагедіи до отчаянія:

Креонъ. Явись, явись же,
Послѣдній смертный жребій,
Отрадный день моей кончины!
Явись, чтобъ мнѣ не видѣть дня!
Хоръ. Когда-то будетъ это... ближе къ намъ
Есть дѣло! пусть о немъ заботу приметъ,
Кому должно.
Креонъ. А я, чего желаю,
О томъ молю.
Хоръ. Нѣтъ, не моли напрасно:
Предназначенья смертнымъ не избѣгнуть.
Креонъ. Ведите съ глазъ долой безумца,

[1]) У *И. И. Мартынова*: «Но не можешь уличить меня въ томъ, чтобы я порабощенъ былъ гнусными дѣлами».
[2]) «Преступницу ненавистную». *И. Мартыновъ*.

Убившаго тебя невольно,
Мой сынъ! тебя, супруга!...
О, я несчастный! на кого,
Куда взглянуть, не знаю.
Все, что имѣлъ въ рукахъ, исчезло
въ прахъ,
И на главу мою ниспала
Невыносимая бѣда!

Хоръ (Креона уводятъ). Быть
мудрымъ — первый счастія за-
логъ;
Но должно все божественное чтить:
Людямъ надменнымъ велерѣчье,
Карая ихъ великою бѣдой,
Служило поздней мудрости уро-
комъ [1]).

Такимъ образомъ все произведеніе Софокла „Антигона" представляетъ образецъ чистой трагедіи, т. е. не заключающей въ себѣ ничего веселаго, или комическаго; въ ней изображено страданіе человѣка, происшедшее отъ борьбы между противоположными началами: религіознымъ и государственнымъ. Главныя чувства, возбуждаемыя трагедіею „Антигона", суть *ужасъ* и *страданіе*. Ужасъ возбуждается гибелью Антигоны, Гемона, Евридики и самого Креона, — а состраданіе — ихъ нравственными мученіями во имя обязанностей, которыя они признавали священными для себя.

Библіогр.—«Персы» *Эсхила*, пер. *Б. Ордынскаго.* Отдѣльная брошюра изъ Москвитянина 1851.—«Прикованный Прометей» *его* же, пер. *К. Павловой* и *Мих. Илецкаго.* Современникъ 1863, № 1.—Драмы Эсхила. Спб. 1864, т. I, перев. *Н*—ъ. (Здѣсь помѣщены: «Агамемнонъ», «Хоэфоры», «Эвмениды» и «Персы»).— Слѣд. трагедіи *Софокла* переведены на Рус. языкъ: «Эдипъ Царь», перев. *И. Мартынова.* Спб. 1823.—«Эдипъ въ Колонѣ», перев. *его* же. Спб. 1823.— «Антигона», перев. *его* же. Спб. 1823.—Трихиніянки», перев. его же. Спб. 1824.— «Аяксъ Неистовый», перев. его же. Спб. 1825.—Филоктитъ, перев. *его* же. Спб. 1825.—«Электра», перев. его же. Спб. 1825. (Къ переводу всѣхъ трагедій приложенъ и Греческій текстъ).—«Эдипъ Царь», перев. *С. Шестакова.* Пропилеи (сборникъ по классич. древности). Изд. П. Леонтьева, кн. II.—(Объ Эдипѣ Царѣ Софокла. Опытъ анализа. Профес. *П. Н. Кудрявцева.* Пропилеи, кн. II. М. 1852.—Разборъ «Эдипа Царя» *О. Пѣховскаго.* Ж. М. Н. Просв. 1870, № 8).—«Антигона», перев. *С. Шестакова* (Отечеств. Записки 1854, № 7), перев. *В. Водовозова* (Ж. М. Н. Просв. 1856, № 9), перев. *А. Григорьева* (Библ. для Чтенія 1857).—«Филоктитъ», перев. *Н. Тимаева.* Отдѣльное изд. 1856.—«Эдипъ въ Колонѣ», перев. *В. Водовозова.* Ж. М. Н. Просв. 1859, № I,—«Эдипъ въ Колонѣ», перев. *В. Зубкова.* Ж. М. Н. Просв. 1883, № 10.— «Антигона», прозаич. перев. Г. Фринланда. Спб. 1887.—Слѣд. трагедіи *Еврипида* переведены на Рус. языкъ: «Ифигенія въ Авлидѣ», перев. *В. Водовозова.* Библ. для Чтенія 1856, № 8 (перепечатана вся сполна въ 3-й части нашей «Христоматіи», во всѣхъ ея изданіяхъ).—«Медея», перев. *П. Тихоновича.* Ж. М. Н. Просв. 1878, № 5 (прежній переводъ 1861 г. значительно передѣланъ).—

---

[1]) Перев. *В. Водовозова.*—У *И. Мартынова* слова *хора* яснѣе: «Но предстоящія бѣдствія чѣмъ кратче, тѣмъ легче бываютъ. Мудрость несравненно предпочтительнѣе счастія; никогда не должно оскорблять боговъ; высокомѣрные, понесши тяжкіе удары за величавыя рѣчи, въ старости научаются быть мудрыми».

«Андромаха», перев. *Н. Котелова.* Ж. М. Н. Просв. 1879, № 1.—«Гипполитъ Вѣнценосецъ», перев. *его* же. Тамъ же, 1879, № 8.—«Ифигенія въ Авлидѣ», перев. *П. Тихоновича.* Тамъ же, 1881, № 6.—«Вакханки». Ж. М. Н. Прос. 1885, №№ 7 и 8.—«Медея», пер. *Е. Шнейдера.* Пантеонъ Литературы 1888, № 4.—«Медея», перев. *В. Алексѣева.* Спб. 1889, отдѣльное изд. «Дешевой Библіотеки» (ц. 10 к.).—Другія библіографич. и литературныя свѣдѣнія о Греч. трагикахъ можно читать въ 3-й части нашей «Христоматіи», изд. 6-е, 1898 г., стр. 25—38 (Эсхилъ), стр. 38—148 (Софоклъ), стр. 149—223 (Еврипидъ).—Означенныя здѣсь трагедіи могутъ послужить богатымъ источникомъ *темъ* для ученическихъ сочиненій, и потому весьма полезно назначать ученикамъ чтеніе этихъ произведеній на Святки, Пасху и каникулярное время. Темы, связанныя съ изученіемъ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ здѣсь трагедій, указаны въ 3-й части нашей «Христоматіи», изд. 6-е, стр. 38, 62, 148, 223, 319, 394 и д.

§ 129. *Ложно-классическая трагедія.*—Трагедія, по словамъ *Аристотеля*, есть подражаніе дѣйствіямъ великихъ людей, комедія—подражаніе дѣйствіямъ низкихъ людей. Эта теорія, измѣненная Французскими писателями, *Буало* (1631—1711) и *Баттё* (1713—1780), породила ложно-классическую школу въ драмѣ. Трагедіи наполнялись исключительно лицами важными, государственными, каковы—цари, короли, князья, рыцари, полководцы. Простой смертный не допускался въ герои трагедіи: онъ могъ правратить ее въ комедію.

Не понявъ Аристотеля, означенные писатели и ихъ послѣдователи, преимущественно *Вольтеръ* (1694—1778), приписали драмѣ единство происшествія, единство времени и единство мѣста, опустивъ изъ виду, что у Аристотеля не сказано о двухъ послѣднихъ единствахъ.

Господствующая нынѣ теорія *главными условіями драмы* полагаетъ: непрерывность дѣйствія, единство дѣйствія, выдержанность характеровъ, искренность чувствованій лица и естественность. „Нить, связывающая всѣ виды драмы, по мнѣнію *А. С. Пушкина,* есть правдоподобіе характеровъ и истина чувствъ“. (Сочиненія Пушкина. Изд. *П. В. Анненкова.* Спб. 1855, т. I, стр. 137. См. „Записки“ во всѣхъ изд. Пушкина).

§ 130. *Комедія.*—Комедіею (§ 124 „Учеб.“) называется такое драматическое произведеніе, въ которомъ представлена *неразумная* сторона жизни общества.

Д. И. Фонъ-Визинъ въ своемъ „Недорослѣ“ и „Бригадирѣ“ представилъ *неразуміе* невѣжества, которое не признавало воспитанія, и то неразуміе, которое считало образованіемъ одно рабское подражаніе иноземному, чисто внѣшнее подражаніе; *А. С. Грибоѣдовъ* въ „Горѣ отъ Ума“ изобразилъ *неразуміе* пустоты свѣтскаго общества, занятаго одною внѣшнею формою жизни. *Н. В. Гоголь* въ «Ревизорѣ» показалъ *неразуміе* дѣйствій и рѣчей разныхъ чиновныхъ лицъ города, куда стекались исключенія изъ правды, всякія заблужденія и злоупотребленія. Внутреннее, вопіющее противорѣчіе разума и дѣйствительности,—явленія, разрушающія гармонію жизни, составляютъ предметъ смѣшнаго. Истинно-комическое состоитъ въ томъ, что дѣйствія лицъ вытекаютъ изъ правилъ,

признаваемыхъ ими за несомнѣнныя, но въ самомъ дѣлѣ противуположныхъ законамъ ума и нравственности. Такъ Фамусовъ у *Грибоѣдова*, желая похвастаться воспитаніемъ своей дочери, невольно высказалъ недостатки этого воспитанія.

Трагическое и комическое одинаковую имѣютъ цѣль—изобразить истинный образъ человѣка. „Кто сочиняетъ комедіи, пишетъ древній философъ *Платонъ*,—тотъ можетъ писать и трагедіи, и каждый трагикъ есть въ то же время и комикъ. (Пиръ или Симпосіонъ. Сочиненія Платона, перев. съ Греческаго проф. *Карпова*. Спб. 1863, ч. IV, стр. 224). Трагическій способъ прямо ведетъ къ цѣли, комическій косвеннымъ образомъ: „Развѣ положительное и отрицательное, говоритъ *Гоголь* въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль?.. Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокою мыслью послужить прекрасному... Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви...“ (Соч. *Н. В. Гоголя*. „Театральный Разъѣздъ“).

Трагическое комедіи заключается подъ наружнымъ смѣхомъ, въ глубинѣ горестныхъ и тяжелыхъ ощущеній, производимыхъ дѣйствіями лицъ. Оно состоитъ въ томъ, что правила, которыми руководятся лица, противоположны законамъ ума и совѣсти и слѣдовательно заклеймены двойнымъ безобразіемъ—умственнымъ и нравственнымъ. Простакова въ комедіи „Недоросль“, злымъ нравомъ и невѣжествомъ дѣлающая злополучіе всего дома; Фамусовъ въ комедіи „Горе отъ Ума“, считающій не чувство истиннаго долга, а мнѣніе знакомыхъ основаніемъ своей жизни; чиновники въ „Ревизорѣ“, думающіе не о томъ, чтобы соблюсти правосудіе, а о томъ, чтобы нажиться въ ущербъ правосудія; купецъ Большовъ въ лучшей комедіи *А. Н. Островскаго* (1820—1886) „Свои люди—сочтемся“ (1850), думающій ловкой сдѣлкой обогатить себя—развѣ не трагическія лица, возбуждающія смѣхъ однимъ, негодованіе другимъ? Потому и вліяніе трагическихъ комедій высоко-нравственное:—это *сознаніе истинно-человѣческаго образа* дѣйствій послѣ видѣннаго униженія человѣка, потребность разумныхъ началъ въ жизни, *любовь* къ чистой нравственности.

Библіогр.—О комедіи:—Мнѣніе Греческаго философа *Платона* о комедіи. См. его діалогъ «Симпосіонъ» (Пиръ). Сочиненія Платона, перев. профес. *В. Н. Карпова*. Спб. 1863, ч. IV, стр. 224.—Теорія комическаго. *С. Шевырева*. Москвитянинъ (журналъ) 1851, № 1. Отрывокъ изъ этой замѣчат. статьи въ 3-й ч. «Христоматіи» *А. Филонова*.—Театральный Разъѣздъ *Н. В. Гоголя* въ Собр. его сочиненій.—Фонъ-Визинъ. Кн. *П. Вяземскаго*. Спб. 1848, въ разныхъ мѣстахъ.—Полная Рус. Христом. *А. Галахова*. М. 1852, ч. III, изд. 5-е, стр. 78 и д.—*Его же* статья о Княжнинѣ, гдѣ прекрасно объяснена сущность драмы.

Отеч. Зап. 1850, № 4, стр. 41.—Сочиненія *В. Бѣлинскаго.* М. 1859, ч. III, стр. 378 и д.—Другія библіогр. указанія о комедіи см. въ 3-й ч. нашей «Христом.», изд. 6-е. Спб. 1898, стр. 441, 471, 487—8, 535 и д., 572 и д., 588 и д., 605 и д.

§ 131. Образцомъ комедіи можетъ служить „Горе отъ Ума" *А. С. Грибоѣдова.* „Горе отъ Ума" изображаетъ пустоту общества, живущаго одною внѣшнею жизнію. Идея комедіи состоитъ въ сознаніи мыслящимъ человѣкомъ жалкой стороны пустыхъ общественныхъ условій. Въ трехъ картинахъ поэтъ развилъ свою мысль: приготовленіе къ балу, самый балъ и толки послѣ бала. Никто изъ дѣйствующихъ лицъ и не подозрѣваетъ высшей цѣли, къ которой долженъ стремиться человѣкъ. Одинъ Чацкій имѣетъ такое сознаніе, и при немъ еще рѣзче выступаетъ неразуміе окружающихъ его лицъ. Характеры комедіи срисованы съ натуры и даже частнѣе можно сказать,—съ общества Московскаго.

Фамусовъ представленъ, какъ чиновникъ, отецъ и членъ извѣстнаго общества. Какъ чиновникъ, Фамусовъ есть исполнитель буквы закона: онъ заботится только объ очищеніи дѣлъ, не разсуждая, справедливо ли они рѣшены, или нѣтъ. „Обычай мой такой: подписано—такъ—съ плечъ долой".—Какъ отецъ и свѣтскій человѣкъ, онъ боится отступать отъ условій свѣта. Нанимаетъ madame для дочери и хлопочетъ только о внѣшнемъ лоскѣ воспитанія;—не терпитъ вольнодумства молодыхъ людей, а самъ вольнодумецъ. Благоговѣніе его передъ мнѣніемъ свѣта всего поразительнѣе въ послѣдней сценѣ, когда Фамусовъ узнаетъ истину о поведеніи своей дочери. „Что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!".—Софья—дочь, достойная отца по своему легкомыслію, злорѣчію и нравственности. Софья притворщица.—Репетиловъ, по словамъ *Гоголя,* рыцарь пустоты свѣтской, глупый вольнодумецъ, услужливый переносчикъ вѣстей. Типъ Репетилова яркій изъ всѣхъ. Имъ въ особенности восхищался *Пушкинъ.*—Загорѣцкій—лгунъ и плутъ. Скалозубъ—представитель военнаго сословія. Онъ помѣшанъ на отличіяхъ и ничего не понимаетъ, кромѣ службы. Молчалинъ—низкопоклонникъ, безмолвный, держитъ себѣ на умѣ и тихомолкомъ пробирается въ люди.—Хлестова—смѣсь пошлости старой съ новою, никакихъ человѣческихъ движеній въ душѣ у ней нѣтъ. (См. разборъ этой комедіи въ сочиненіяхъ Н. В. Гоголя („Переписка съ друзьями"), въ статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо Русской поэзіи?").

Какъ бы на отпоръ всѣмъ поименованнымъ темнымъ личностямъ выведенъ *Чацкій.* Онъ пламенно негодуетъ противъ той жалкой среды, въ которой вращаются Фамусовы, Молчалины и другіе. Чацкій—юноша съ развитымъ умомъ и честнымъ сердцемъ. Онъ испытываетъ „мильйонъ терзаній" посреди того общества, въ которомъ довелось ему жить. Свои благородныя убѣжденія онъ высказываетъ всюду и въ частной бесѣдѣ и на балу: въ этомъ его ошибка. Надо знать время и мѣсто, когда и гдѣ

держать грозную филиппику. Чацкій доказываетъ, что дѣйствительно бываетъ „горе отъ ума“.

Языкъ комедіи оригинальный, это — чисто народная рѣчь. Стихи изъ „Горя отъ Ума“ сдѣлались пословицами по всей Россіи, напр.: счастливые часовъ не наблюдаютъ; написано — такъ съ плечъ долой; свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ и пр... [1]).

Для образца приведемъ отрывокъ (дѣйств. II, явл. 5-е):

Фам. Сергѣй Сергѣичъ! къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе,
Прозябли вы, — согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...
Скал. (густымъ басомъ). Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?.. мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.
Фам. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ и шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.
Скал. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль).
Фам. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно;—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?
Скал. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фма. Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку ли, къ мѣстечку, —
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.
Скал. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.
Фам. Да! счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?
Скал. За третье августа; засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.
Фам. Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!

---

[1]) О комедіи «Горе отъ Ума». Лѣтопись Рус. театра. *П. Арапова.* Спб. 1861, стр. 384. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ ред. *И. А. Шляпкина.* Спб. 1889. Два тома. (Лучшее изданіе).

Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!
Скал. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ.
Въ деревнѣ книги сталъ читать.
Фам. Вотъ молодость!.. читать... а послѣ хвать!...
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.
Скал. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ,
Вакансіи какъ разъ открыты;
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Фам. Да! чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!..
Скал. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ!..
Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.
Фам. Въ погонь ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ—
За вами далеко тянуться!
Скал. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся;
Я съ восемьсотъ-девятаго служу.
Фам. И славно служите; дай Богъ здоровья вамъ,
И генеральскій чинъ,—а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ?
Скал. Жениться? я ни чуть не прочь.
Фам. Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода...
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?
Скал. Дистанція огромнаго размѣра.
Фам. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера;
На все свои законы есть,
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохонькой, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,—
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это ли одно!... Возьмите вы хлѣбъ-соль.
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь:
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы—отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь:
На юношей, сынковъ и внучатъ;
Журимъ мы ихъ—а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые все: въ усъ никому не дуютъ—

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили,— никогда!
Спаси насъ, Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся...
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей;
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,—
Дай Богъ терпѣнія!—вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ — всякъ голову повѣсь!
Его Величество король былъ Прусскій здѣсь;
Дивился не путемъ Московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно! Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же онѣ себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки,
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!
Скал. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Фам. Не поминайте намъ! Ужъ мало ли крестятъ
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.
Чацкій. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Фам. (Чацкому)... Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать,— не велика услуга.
Позвольте *(Скалозубу)*, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ,
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой:
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...
Чацкій. Нельзя-ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ!
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.
Фам. Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.
Чацкій. А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.

Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не истребятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли,—вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ,—
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ!
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или—вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ, отторженныхъ дѣтей?
Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь, пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету.
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали;
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.
Фам. (про себя). Уже втянетъ онъ меня въ бѣду!
(Громко) Сергѣй Сергѣичъ! я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(Уходитъ).

§ 132. *Драма* въ собственномъ смыслѣ, какъ видъ драматической поэзіи, есть *соединеніе трагическаго съ комическимъ*. Она появилась въ новое время и происхожденіемъ своимъ обязана великому драматическому Англійскому писателю *Шекспиру* (1564—1616). Въ его „Гамлетѣ“, „Королѣ Лирѣ“, „Генрихѣ IV“ и другихъ драматическихъ произведеніяхъ находимъ сочетаніе элемента трагическаго съ комическимъ, тогда какъ въ древнихъ трагедіяхъ Эсхила, Софокла и Еврипида небыло подобнаго соединенія. Шекспиръ, допуская комическую стихію въ свои трагедіи, какъ глубокій знатокъ сердца человѣческаго, выходилъ изъ той совершенно вѣрной мысли, что въ жизни человѣка постоянно идутъ рука объ руку трагическія явленія съ комическими,—что въ дѣйствіяхъ великихъ есть примѣсь несовершенства, и дѣйствія мелочныя, составляющія предметъ комическаго, заключаютъ въ себѣ, при внимательномъ ихъ разборѣ, много серьезнаго. Древніе Греки дѣлили жизнь человѣческую на двѣ части: одну мрачную и ужасную, другую—забавную и легкую. Новый міръ представляетъ картину жизни смѣшанной, разнообразной; въ немъ трагическое событіе иногда имѣетъ свою смѣшную и дѣтскую сторону, а слабости и мелочи весьма часто сопровождаются печальными послѣдствіями, могущими навести ужасъ на человѣка съ неиспорченнымъ сердцемъ [1]).

§ 133. *Образецъ драмы*.—Дабы пояснить примѣромъ, какъ Шекспиръ соединяетъ трагическое съ комическимъ, остановимся на драмѣ его „Гамлетъ“ [2]). Датскій принцъ Гамлетъ, жившій въ доисторическое время, лишился отца. Тѣнь умершаго открываетъ устрашенному Гамлету истинную причину смерти покойнаго государя,—отравленіе. Принцъ узнаетъ, что нынѣшній король Даніи, Клавдій, есть истинный виновникъ преждевременной смерти отца Гамлета. Эта ужасная вѣсть потрясаетъ всѣ силы души впечатлительнаго принца; она еще сильнѣе поражаетъ несчастнаго Гамлета, когда онъ слышитъ отъ гробовой тѣни, что мать его причастна ужасному преступленію. Страшное, истинно-трагическое состояніе своей души Гамлетъ выражаетъ въ слѣд. превосходномъ монологѣ (дѣйств. I, сцена 2-я):

О, еслибъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Испарился въ туманъ, ниспалъ росою!
Иль еслибъ ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!
О Боже! Боже!
Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ! Ты опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье!
И до того должно было дойти!

---

[1]) «Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны». Сочиненія *В. Бѣлинскаго*. М. 1859, ч. III, стр. 407.
[2]) На общепринятомъ языкѣ «Гамлетъ» называется трагедіей.

Два мѣсяца! Нѣтъ, даже и не два,
Какъ умеръ онъ! Монархъ столь благородный!
Гиперіонъ въ сравненьи съ симъ сатиромъ!
Такъ пламенно мою любившій мать,
Что и небесъ неукротимымъ вѣтрамъ
Не дозволялъ лица ея касаться!
Земля и небо! Долженъ ли я вспомнить?
Она ему была такъ предана;
Ея любовь, казалось намъ, росла
Со счастіемъ любви! И черезъ мѣсяцъ...
Покинь меня, воспоминанья сила! —
Ничтожность, женщина твое названье!
Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ!
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ какъ Ніобея,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О небо, Звѣрь, безъ разума, безъ слова,
Грустилъ бы долѣе. — Супруга дяди,
Супруга брата моего отца!
Но онъ похожъ на Гамлета царя,
Какъ я на Геркулеса! черезъ мѣсяцъ!
Еще слѣды ея притворныхъ слезъ
Въ очахъ заплаканныхъ такъ ясно видны, —
Она жена! — О гнусная поспѣшность!
Тутъ нѣтъ добра, и быть его не можетъ!
Скорби, душа моя! уста должны молчать! [1])

Человѣкъ, поставленный враждебными обстоятельствами въ такое ужасное положеніе, находитъ въ себѣ силы для шутокъ, остротъ и веселости. *Горацію*, другъ Гамлета, говоритъ ему: „На погребеніе вашего отца я торопился“. *Гамлетъ* отвѣчаетъ: „Старый мой товарищъ! Прошу, не насмѣхайся такъ жестоко!... На свадьбу матери ты видно поспѣшалъ“. *Горацію:* „Одно другимъ смѣнилось очень скоро.... *Гамлетъ*: „Тутъ, видишь, былъ разсчетъ, хозяйственный разсчетъ:

От похоронъ осталися припасы,
Такъ ихъ на брачный пиръ скорѣй употребили,
Чтобъ не испортились“.

Юмористическія шутки, остроуміе, игра словами всегда сыплются съ языка Гамлета, когда онъ говоритъ съ царедворцами (Полоніемъ, Розенкранцемъ, Гильденштерномъ, Озрикомъ). Для образца приведемъ одну сцену Гамлета съ Полоніемъ (дѣйств. II, сцена 2-я):

---

[1]) Монологъ приведенъ по переводу *А. Кронеберга* (1844 г.). Одинъ изъ лучшихъ истолкователей Шекспира, *Гервинусъ*, говоритъ, что «всѣ монологи Гамлета образцовыя произведенія: размышленія, въ нихъ включенныя, верхъ совершенства. Шекспиръ вложилъ въ нихъ всю свою мудрость и до дна исчерпалъ ея необъятную глубину». (III ч. нашей Христоматіи, изд. 6-е, Спб. 1898 г., стр. 308. Здѣсь напечатана вся характеристика Гамлета, по Гервинусу).

Полоній. Какъ поживаете, принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Слава Богу, хорошо.

Пол. Знаете вы меня, принцъ?

Гамл. Совершенно. Ты рыбакъ.

Пол. Нѣтъ, принцъ!

Гамл. Такъ я желалъ бы, чтобы ты былъ также честенъ.

Пол. Честенъ, принцъ?

Гамл. Да, сударь, быть честнымъ, значитъ, какъ ведется на этомъ свѣтѣ, быть избраннымъ изъ десяти тысячъ.

Пол. Сущая правда, принцъ!.. Что вы читаете, принцъ?

Гамл. Слова, слова, слова.

Пол. Но о чемъ они говорятъ?

Гамл. Съ кѣмъ?

Пол. Я разумѣю, что написано въ книгѣ, принцъ?

Гамл. Клевета! Этотъ... сатирикъ утверждаетъ, что у стариковъ сѣдые волосы; что лица ихъ въ морщинахъ, что съ рѣсницъ течетъ амбра и вишневый клей; что у нихъ излишній недостатокъ остроумія и слабыя ноги. Хоть я свято и крѣпко во все это вѣрую, но мнѣ кажется, не годится все это писать. Вы сами, сударь, сдѣлались бы также стары, какъ я, еслибы могли ползти какъ ракъ назадъ.

Пол. (тихо). Это хоть и безумство, однако систематическое.—Не угодно ли вамъ укрыться отъ вѣтра, принцъ?

Гамл. Въ могилѣ?

Пол. Да, это точно значило бы укрыться отъ вѣтра. *(Тихо).* Какъ мѣтки иногда его отвѣты! И это часто удается безумію, а уму и здравому разсудку не такъ-то... Позвольте, принцъ, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и попросить васъ дать мнѣ отпускъ.

Гамл. Я ничего не дамъ вамъ охотнѣе, — исключая мою жизнь, жизнь мою.

Пол. Прощайте, принцъ! (уходитъ).

Гамл. Несносные старые дураки!

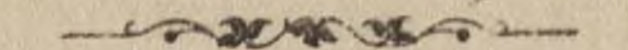
Драма „Гамлетъ“ представляетъ образцы шутокъ даже на кладбищѣ, передъ человѣческими черепами, выброшенными изъ могилы. И въ той же самой драмѣ видимъ сцены, выражающія возвышенныя мысли, благородныя чувства: такъ Гамлетъ, отправляясь для объясненія къ матери съ цѣлію обличить ее въ преступленіи, говоритъ себѣ такія прекрасныя рѣчи:

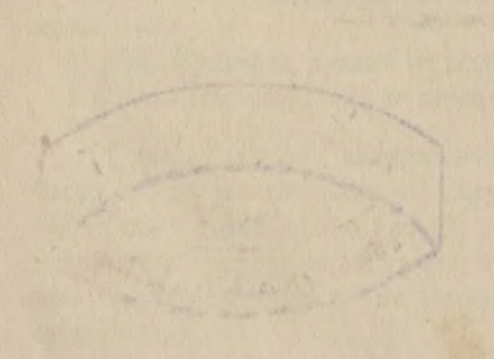
„О сердце, не забудь твою природу!
Пусть въ эту грудь не вступитъ духъ Нерона!
Будь человѣчески жестокъ, о Гамлетъ:
Кинжалы на словахъ, но не на дѣлѣ.
Полицемѣрьте же, языкъ и сердце!

Какъ ни язвили бы мои слова,
Исполнить ихъ душа не соглашайся". (Дѣйств. III, сцена 2-я).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что драма, собственно такъ называемая, дѣйствительно, есть соединеніе начала трагическаго съ комическимъ.

Библіогр.—«Гамлетъ» существуетъ на Рус. языкѣ въ переводахъ *М. Врончепки* (1828 г.), *Н. Полеваго* (1837 г.), *А. Кронеберга* (1844 г.), *М. Загуляева* (1861 г.), *Д. В. Аверкіева* (1895 г.), *П. Гнѣдича* и другихъ. Одно изъ лучшихъ сочиненій о Шекспирѣ принадлежитъ Германскому критику *Гервинусу*; оно состоитъ изъ четырехъ томовъ и переведено на Рус. языкъ *К. А. Тимоѳеевымъ* (Спб. 1863—1873).—Сочиненіе *Коха* о Шекспирѣ, перев. подъ редакціею профес. *Н. Стороженко*. М. 1883.—Рудольфъ *Жене* о Шекспирѣ, пер. подъ ред. *его же*. М. 1884.—Шекспиръ. *В. Чуйко*. Спб. 1888.—Всѣ драматическія произведенія (т. е. трагедіи и комедіи) Шекспира изданы на Рус. языкѣ, въ четырехъ томахъ *Н. А. Некрасовымъ* и *Н. Гербелемъ*. Спб. 1865—68 г.—Шекспиръ. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей. 1840—1879.—Шекспиръ въ переводѣ *П. А. Козлова*. Спб. 1889. Периклъ.—Юлій Цезарь.—Другія библіогр. указанія о Шекспирѣ, см. въ 3-й ч. Христоматіи *А. Филонова*, изд. 6-е. Спб. 1898, стр. 229—231. Здѣсь же напечатаны—почти вся трагедія: «Гамлетъ» (въ перев. Н. Полеваго, А. Кронеберга, М. Вроченко, М. Загуляева) и значительные отрывки изъ трагедій: «Король Лиръ» (перев. А. Дружинина и В. Лазаревскаго) и «Макбетъ» (перев. М. Врончепко, А. Кронеберга и Ѳ. Устрялова). Отрывки приведены въ связь съ остальнымъ содержаніемъ трагедій и снабжены разными примѣчаніями. — *Темы* для изученія трагедій «Гамлетъ», «Король Лиръ» и «Макбетъ» указаны въ этомъ изданіи «Христоматіи» на стр. 319, 366 и 394.

ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	Должно быть:
Стр.	6, т. VI (соч. Ломон)	т. IV (соч. Ломон.).
„	13, т. IX (соч. Ломон.)	т. IV (соч. Ломон.).
„	51, ὃδος	ὁδός.
„	55, посоюзамъ	по союзамъ.
„	61, Ломоносонова	Ломоносова.
„	95, 1852	1853.
„	121, М. Муравьева	А. Муравьева.
„	190, мира	міра.
„	245, патріоти,	патріоти—
„	248, живо писать	живописать.
„	256, четыре тома обширныхъ	четыре обширныхъ тома.
„	292, сатира сіи	сатира сія.
„	303, 1525—1679	1525—1579.
„	304, въ проотомъ	въ простомъ.

